Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича.

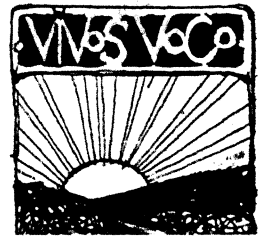
Аграрный вопросъ.

Т. I

Сборникъ статей

проф. М. Я. Герценштейна, Кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Э. Дена, проф. И. А. Иверонова, А. А. Кауфмана, проф. А. А. Мануилова, И. И. Петрункевича, проф. А. Ѳ. Фортунатова, проф. А. А. Чупрова.

Изданіе второе.



МОСКВА.
Книгоиздательство „Бесѣда“.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . V—XI

Отдѣлъ I.

И. И. Петрункевичъ. Къ аграрному вопросу. . . . . XV—XXXIV

Кн. П. Д. Долгоруковъ. Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія. 1

Проф. А. А. Мануиловъ. Поземельный вопросъ въ Россіи.

Глава I. Малоземелье, дополнительный надѣлъ и аренда 10

„ II. Малоземелье 22

„ III. Примѣнявшіеся до сихъ поръ способы расширенія крестьянскаго землевладѣнія 31

„ IV. Главныя причины технической отсталости нашего земледѣлія 39

„ V. Основныя черты поземельной политики русскаго правительства 49

„ VI. Дополнительный надѣлъ 57

„ VII. Аренда. 67

Проф. М. Я. Герценштейнъ. Націонализація земли 79

Проф. А. Ѳ. Фортунатовъ. Аграрное законодательство въ Австраліи 120

А. А. Кауфманъ. Переселеніе и его роль въ аграрной программѣ . . 126

Проф. М. Я. Герценштейнъ. Крестьянскій банкъ. 160

Проф. М. Я. Герценштейнъ. Выкупная операція 186

Проф. А. А. Чупровъ. Къ вопросу о дополнительномъ надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ. 212

Проф. В. Э. Денъ. Поземельно-устроительныя учрежденія и ихъ задачи при проведеніи аграрной реформы въ Россіи 234

Проф. И. А. Ивероновъ. Межевое дѣло и его нужды 265

ПРЕДИСЛОВІЕ

(*къ 1-ому изданію*).

Настоящій Сборникъ состоитъ изъ докладовъ, прочитанныхъ на совѣщаніи по аграрному вопросу, имѣвшемъ мѣсто въ Москвѣ 28-го и 29-го апрѣля нынѣшняго года. Въ немъ принимали участіе землевладѣльцы, общественные дѣятели, по роду своей дѣятельности близко стоящіе къ вопросамъ землевладѣнія и землепользованія, а также представители науки; подвергался обсужденію не весь аграрный вопросъ во всемъ его объемѣ, а лишь вопросъ о малоземельѣ. Въ виду этого Сборникъ можетъ служить матеріаломъ для освѣщенія лишь одной стороны аграрнаго вопроса, именно вопроса о малоземельѣ. Составители Сборника далеки отъ мысли, что и этотъ вопросъ разсмотрѣнъ съ исчерпывающею полнотою, напротивъ, они прекрасно сознаютъ всѣ пробѣлы своей работы. Тѣмъ не менѣе они рѣшаются представить ее на судъ публики такъ какъ вопросъ о малоземельѣ представляется, по ихъ мнѣнію, одною изъ главнѣйшихъ и ближайшихъ задачъ народнаго представительства. Въ виду этого было бы въ высшей степени желательно, чтобы лица и учрежденія, признающія важность затронутаго вопроса, высказались по поводу принятыхъ на совѣщаніи постановленій, опредѣляющихъ направленіе, въ которомъ должна вестись законодательная работа.

Дальнѣйшая разработка должна, по мнѣнію составителей Сборника, вестись въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, не выходя за предѣлы вопроса о малоземельѣ, необходимо выяснить, какія конкретныя формы оно приняло въ различныхъ мѣстностяхъ, каково количество государственныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель по размѣрамъ владѣнія и по отдѣльнымъ угодьямъ, какъ расположены эти земли по отношенію къ крестьянскимъ землямъ, какое количество земли находится въ арендѣ у крестьянъ. Все это вопросы, требующіе детальнаго изученія на мѣстахъ. На нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, и можно отвѣтить на основаніи статистическихъ сборниковъ и другихъ матеріаловъ, но и это требуетъ все-таки не малой работы, притомъ печатными трудами можно воспользоваться далеко не для всѣхъ мѣстностей. Земскія учрежденія могли бы чрезъ статистическія и экономическія бюро принять на себя эту работу и, такимъ образомъ, придать вопросу о малоземельѣ конкретныя формы.

Во-вторыхъ, вопросъ о малоземельѣ долженъ быть освѣщенъ въ связи съ другими сторонами крестьянскаго хозяйства, а именно въ связи съ вопросами объ экстенсивномъ и интенсивномъ хозяйствѣ, съ падающими на землю платежами и повинностями, съ отхожими промыслами, заработками населенія на фабрикахъ, съ крестьянскимъ правопорядкомъ и крестьянскимъ управленіемъ, съ формами землевладѣнія и т. д. При такой постановкѣ можетъ быть выяснено вліяніе дѣйствующей финансовой системы и всей экономической политики дѣйствующаго права, правопорядка.

Выработанная составителями Сборника программа (см. ниже) ясно доказываетъ, что настоящій Сборникъ можетъ служить указаніемъ того направленія, въ которомъ должны вестись работы, и тѣхъ идей, которыя, по ихъ мнѣнію, должны быть положены въ основаніе аграрной реформы.

Дальнѣйшая разработка затронутыхъ выше вопросовъ будетъ зависѣть отъ того, какъ отнесется общество къ этому опыту.

Аграрный вопросъ впервые подвергался обсужденію на съѣздѣ земскихъ дѣятелей, имѣвшемъ мѣсто въ Москвѣ 24 и 25 февраля. На этомъ съѣздѣ принята была аграрная программа, основные пункты которой заключаются въ слѣдующемъ:

1) Государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь должно распространяться и на область аграрныхъ отношеній.

2) Правильная постановка аграрнаго законодательства обусловливается кореннымъ преобразованіемъ государственнаго строя въ Россіи на началахъ широкаго народнаго представительства.

3) Предстоящая аграрная реформа должна быть построена на слѣдующихъ началахъ:

а) улучшеніе экономическаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ, главнымъ образомъ, въ пользу малоземельныхъ, дарственниковъ и т. п., а также прирѣзокъ выгоновъ, выпасовъ, водопоевъ и т. п.;

б) признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ и части удѣльныхъ, кабинетныхъ и монастырскихъ земель и увеличеніе его путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель;

в) упорядоченіе условій аренды путемъ государственнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія въ интересахъ трудящагося населенія;

г) образованіе общественно-государственныхъ комиссій для проведенія въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій, согласно вышеуказаннымъ началамъ;

д) правильная постановка на широкихъ началахъ переселенія разселенія, облегченіе пользованія различными видами кредита, реформа Крестьянскаго банка и содѣйствіе корпоративнымъ мѣропріятіямъ;

е) коренной пересмотръ межевого законодательства въ видахъ облегченія, ускоренія и удешевленія размежеванія земель, уничтоженіе чрезполосицы частновладѣльческихъ земель, обмѣнъ участковъ и т. п.

Присутствовавшими на съѣздѣ было вмѣстѣ съ тѣмъ выражено пожеланіе устроить въ непродолжительномъ времени съѣздъ исключительно для обсужденія аграрнаго вопроса. Въ виду этого было привлечено нѣсколько лицъ къ разработкѣ вопросовъ о малоземельѣ, о размѣрахъ земельнаго фонда, о площади свободныхъ земель, пригодныхъ для переселенія, объ условіяхъ аренды и т. п.

Основная точка зрѣнія, которая была положена въ основаніе при разработкѣ этихъ вопросовъ, заключается въ слѣдующемъ:

Исходя изъ того, что конечною цѣлью долженъ быть переходъ земли въ пользованіе тѣми, которые ее обрабатываютъ, и что къ этой цѣли должно стремиться аграрное законодательство, прогрессивные элементы русскаго общества въ настоящій моментъ должны стремиться не столько къ провозглашенію въ общей формѣ болѣе или менѣе отдаленныхъ или конечныхъ цѣлей и идеаловъ поземельнаго устройства, сколько къ выработкѣ практическихъ мѣропріятій, которыя всего болѣе отвѣчали бы настоятельнѣйшимъ потребностямъ и нуждамъ трудящихся классовъ сельскаго населенія. Эти мѣропріятія должны составлять необходимый минимумъ аграрной программы конституціонно-демократической партіи. Главнѣйшими изъ нихъ должны признаваться: увеличеніе площади крестьянскихъ земель путемъ прирѣзки къ нимъ на основаніяхъ выкупа болѣе или менѣе значительной части государственныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель и регулированіе арендныхъ условій. Что касается условій выкупа, то они должны быть сообразованы съ интересами страны, что можетъ быть достигнуто только при рѣшеніи этого вопроса народнымъ представительствомъ.

Въ виду этого не представляется возможности довольствоваться въ отношеніи крестьянскаго землевладѣнія дѣятельностью Крестьянскаго банка. При расширеніи площади крестьянскихъ земель, основанномъ на добровольныхъ сдѣлкахъ купли-продажи при посредствѣ кредита, цѣны стремительно поднимаются вверхъ къ ущербу для покупщиковъ, и въ аграрныхъ мѣропріятіяхъ не можетъ быть той планомѣрности, которая необходима для упроченія крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія.

На совѣщаніи, состоявшемся въ Москвѣ 28 и 29 апрѣля, былъ сдѣланъ рядъ сообщеній, напечатанныхъ въ настоящемъ Сборникѣ, и приняты слѣдующія постановленія:

1) Широкая аграрная реформа представляетъ въ настоящее время насущную и неотложную государственную потребность, удовлетвореніе которой возможно только подъ условіемъ коренного преобразованія государственнаго строя Россіи и должно составить одну изъ первыхъ задачъ народнаго представительства. Эта реформа столько же необходима въ цѣляхъ дѣйствительнаго и прочнаго удовлетворенія страны, сколько и въ интересахъ развитія ея культурныхъ и производительныхъ силъ и въ частности въ интересахъ агрикультурнаго прогресса.

2) Въ ряду вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ необходимо для проведенія широкой аграрной реформы, настоящее совѣщаніе остановилось на выясненіи одного изъ наиболѣе коренныхъ и наиболѣе доступныхъ для законодательнаго разрѣшенія въ ближайшее время вопроса—о малоземельѣ крестьянъ.

Само собой разумѣется, этимъ нисколько не устраняется необходимость постановки и разрѣшенія вопросовъ о другихъ сторонахъ аграрной реформы: объ увеличеніи производительности и повышеніи техники сельскаго хозяйства, объ отношеніи аграрной реформы къ податной, къ формамъ землевладѣнія и землепользованія и т. д.

Въ частности совѣщаніе вполнѣ признаетъ необходимость коренной реформы финансовой и экономической политики съ цѣлью отмѣны выкупныхъ платежей и пониженія налогового бремени трудящихся массъ.

Поставивъ однако же на ближайшую очередь обсужденіе вопроса о расширеніи площади крестьянскаго землевладѣнія, совѣщаніе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

3) Извѣстные въ экономической литературѣ проекты націонализаціи земли (Генри Джорджа и др.) въ настоящее время не могутъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи.

4) Возможность широкаго развитія переселенія на государственныя земли исключается недостаткомъ свободныхъ земель, годныхъ для выходцевъ изъ мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ разрѣженіи населенія. Переселеніе поэтому не можетъ ни устранить, ни отсрочить необходимости въ болѣе коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства.

5) Крестьянскій банкъ при современной его организаціи на началахъ коммерческаго учрежденія не можетъ открыть выхода изъ аграрныхъ затрудненій, въ которыхъ въ настоящее время находится страна, такъ какъ расширеніе дѣятельности банка влечетъ за собой земельную спекуляцію и непомѣрное возрастаніе покупныхъ цѣнъ.

6) Аграрная политика, имѣющая цѣлью расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, можетъ быть планомѣрно развита только при условіи дополнительнаго надѣла. Та же политика должна быть положена въ основу мѣръ, направленныхъ къ поземельному устройству всѣхъ разрядовъ без-

земельнаго населенія, ведущаго самостоятельное земледѣльческое хозяйство.

7) Фондомъ для дополнительнаго надѣла должны служить не только государственныя земли, но и земли другихъ владѣльцевъ (удѣльныя, монастырскія и частновладѣльческія), такъ какъ лишь при условіи выкупа доли частновладѣльческихъ земель поземельная реформа можетъ дать ощутительные результаты.

8) Частновладѣльческія земли, предназначаемыя для расширенія надѣловъ, должны быть выкуплены государствомъ.

9) Съ финансовой точки зрѣнія проектируемая выкупная операція представляется выполнимой безъ особаго финансоваго напряженія въ виду задолженности частнаго землевладѣнія.

10) Для прочнаго улучшенія экономическаго благосостоянія деревни такъ же, какъ и въ интересахъ развитія и усовершенствованія земледѣлія, помимо дополнительной прирѣзки земли земледѣльцамъ, необходимо законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній въ цѣляхъ упроченія пользованія арендной землей, обезпеченіе права арендатора на произведенныя имъ, но неиспользованныя къ окончанію аренднаго срока затраты на улучшенія, и регулированіе арендной платы на основаніяхъ, установленныхъ закономъ.

Для дальнѣйшей разработки вопросовъ, затрагивающихъ интересы нашего крестьянскаго землевладѣнія, желательно привлечь лицъ, которымъ по условіямъ ихъ дѣятельности приходится соприкасаться съ различными сторонами крестьянскаго быта. Такимъ путемъ можно было бы намѣтить основные вопросы аграрной политики ближайшаго будущаго.

При разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, касающихся крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, въ высшей степени важнымъ представляется выясненіе нижеслѣдующихъ вопросовъ:

1) Является ли необходимымъ для подъема благосостоянія крестьянъ (въ данной мѣстности) произвести на началахъ выкупа дополнительное надѣленіе крестьянскаго населенія, страдающаго отъ малоземелья?

2) Какіе разряды крестьянъ нуждались бы въ дополнительномъ надѣлѣ?

3) Какія угодья были бы особенно необходимы для улучшенія крестьянскаго хозяйства?

4) Въ какихъ размѣрахъ слѣдовало бы произвести прирѣзку?

5) Какія земли могли бы служить фондомъ для производства прирѣзокъ: государственныя, удѣльныя, частновладѣльческія (включая и монастырскія)?

Въ частности желательно выяснить:

a) Какова площадь государственныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель въ данной губерніи или уѣздѣ?

b) Каковъ составъ угодій названныхъ категорій владѣній?

c) Каково распредѣленіе частновладѣльческихъ земель по размѣрамъ владѣній?

d) Какъ расположены частновладѣльческія земли по отношенію къ крестьянскимъ?

6) Должна ли земля, выкупленная для прирѣзокъ, поступить въ собственность крестьянъ, или же быть присоединена къ государственному земельному фонду, не отчуждаемому и подлежащему отдачѣ въ пользованіе нуждающимся въ землѣ крестьянамъ?

7) Какъ въ послѣднемъ случаѣ должно быть организовано пользованіе землями государственнаго фонда: должны ли онѣ сдаваться въ срочную или наслѣдственную аренду?

8) Въ какихъ размѣрахъ понизилась земельная обезпеченность отдѣльныхъ группъ крестьянъ послѣ 1861 г. въ данной губерніи или уѣздѣ?

9) Какое значеніе получили для отдѣльныхъ группъ крестьянъ въ данной губерніи или уѣздѣ покупки чрезъ посредство Крестьянскаго и частныхъ банковъ?

10) Какую площадь занимаютъ внѣнадѣльныя крестьянскія аренды въ губерніи или уѣздѣ?

11) Какъ измѣнились за послѣднія 10—15 лѣтъ продажныя и арендныя цѣны?

12) Существуетъ ли возможность безъ прирѣзки земли малоземельнымъ крестьянамъ поднять ихъ благосостояніе?

13) Какія условія требуются для техническаго улучшенія (интенсификаціи) крестьянскаго хозяйства? Какое значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ общинное землевладѣніе?

14) Существуютъ ли въ данной мѣстности промышленныя предпріятія, дающія заработокъ населенію, и въ какой мѣрѣ они восполняютъ недостатокъ въ землѣ?

Было бы желательно, чтобы тѣ, которые въ общемъ признаютъ приведенныя выше постановленія совѣщанія цѣлесообразными и отвѣчающими ближайшимъ задачамъ прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества и присоединяются къ высказанному на совѣщаніи взгляду, что при выработкѣ практическихъ мѣропріятій, къ которымъ немедленно должно быть приступлено, прирѣзка земли и регулированіе аренды путемъ государственнаго вмѣшательства, не противорѣча конечнымъ цѣлямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаютъ непосредственно назрѣвшей уже потребности, нашли возможнымъ принять на себя разработку какого-нибудь изъ намѣченныхъ вопросовъ. Свѣдѣнія объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, обнимающихъ

какой-нибудь районъ (губернію, уѣздъ или часть уѣзда), касающіяся одного изъ пунктовъ программы или связанныхъ съ нимъ вопросовъ, а также соображенія мѣстныхъ дѣятелей и спеціалистовъ по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ о проведеніи въ жизнь предстоящихъ мѣропріятій, согласно съ мѣстными условіями, были бы въ высшей степени желательны.

Работы не должны ограничиваться этою программою. Однако, желательно, чтобы при разработкѣ намѣченныхъ вопросовъ не упускалась изъ виду практическая сторона задачи и различныя мѣропріятія оцѣнивались не только съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, но и съ точки зрѣнія ихъ примѣнимости. Кромѣ того желательно, чтобы вопросы изъ сферы экономической или финансовой политики разсматривались въ прямой связи съ крестьянскимъ хозяйствомъ.

ОТДѢЛЪ I.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Какъ извѣстно, эпоха великихъ реформъ открылась величайшей изъ всѣхъ реформъ XIX вѣка—освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Эта реформа неизбѣжно влекла за собою коренное измѣненіе всего нашего экономическаго, общественнаго и государственнаго быта, но вся полнота грядущихъ перемѣнъ стараго уклада жизни не была вполнѣ ясна ни землевладѣльческому классу, ни самому правительству. Верхніе слои общества мечтали объ «увѣнчаніи зданія», но видѣли въ немъ лишь компенсацію утерянныхъ правъ и привилегій; правительство же, не заглядывая въ даль, чувствовало прежде всего государственную необходимость разрѣшить настоятельную потребность данной минуты и приступило къ реформѣ не столько какъ къ рѣшенію одной изъ труднѣйшихъ соціально-экономическихъ проблемъ, сколько къ рѣшенію политико-финансовой задачи, поставленной военнымъ пораженіемъ въ крымской войнѣ. Иллюзія политическаго могущества Россіи была разсѣяна, финансовыя средства ея были подорваны, и старый крѣпостной строй обнаружилъ всю свою непригодность для того, чтобы вернуть ей утраченное мѣсто въ ряду великихъ державъ. Правительство нуждалось въ огромныхъ финансовыхъ рессурсахъ, но крѣпостная Россія не могла открыть государству широкихъ финансовыхъ перспективъ; для развитія промышленности былъ нуженъ свободный трудъ. Но, призывая свободный трудъ къ земледѣлію и промышленности, правительство не думало призвать его въ то же время къ содѣйствію въ устроеніи страны, а заранѣе предназначало ему роль податного состоянія. Хотя старый сословно-бюрократическій порядокъ, не менѣе крѣпостного, обнаружилъ всю свою негодность, правительство не считало возможнымъ покончить съ нимъ такъ же, какъ съ крѣпостнымъ правомъ, и лишь старалось приспособить его къ новымъ условіямъ. Поэтому крѣпостная реформа, сложившаяся подъ вліяніемъ могущественныхъ интересовъ землевладѣльческаго класса, сословно-бюрократическихъ привычекъ управленія и финансовыхъ потребностей, страдаетъ всѣми недостатками компромисса назрѣвшихъ новыхъ потребностей съ отжившимъ свой вѣкъ строемъ, при чемъ

существенные интересы освобожденныхъ крестьянъ принесены въ жертву интересамъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, вопреки не только справедливости, но и интересовъ государства.

При всемъ вліяніи высшаго класса общества на задуманную правительствомъ крѣпостную реформу, послѣдняя могла бы быть выполнена значительно шире и планомѣрнѣе, если бы самый планъ ея не вытекалъ изъ политико-финансовыхъ разсчетовъ даннаго времени, если бы въ основу его была положена мысль объ устройствѣ класса мелкихъ собственниковъ, свободнаго въ своей самодѣятельности и экономически независимаго, а не созданіе обезпеченнаго лишь хлѣбомъ насущнымъ безнедоимочнаго плательщика государственныхъ податей, опекаемаго и ограниченнаго со всѣхъ сторонъ «свободнаго хлѣбопашца».

Компромиссъ 1861 года, не обезпечившій хозяйственнаго положенія крестьянской массѣ; непрерывная милитарная политика правительства, преслѣдовавшая прежде всего военное имущество государства; полицейскій гнетъ, лишеніе страны политической свободы и участія въ государственномъ управленіи—неизбѣжно должно было привести страну къ политическому и экономическому кризису и къ аграрному конфликту именно въ той острой формѣ, которая является лишь симптомомъ роста самосознанія широкихъ народныхъ массъ, не находящихъ законныхъ средствъ для выхода изъ своего тяжелаго экономическаго и правового положенія. И теперь имѣется не мало политиковъ, которые утверждаютъ, что аграрный вопросъ возникъ вслѣдствіе попустительства властей разнузданности мужика и является прежде всего дѣломъ рукъ преступной пропаганды революціонеровъ, а потому и аграрная политика, по ихъ мнѣнію, должна заключаться въ безпощадной карѣ подстрекателей и участниковъ аграрныхъ безпорядковъ. Такая политика очень проста, но совершенно безплодна и, какъ показываютъ событія, не безопасна. Безпорядки текущей весны въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и особенно въ Орловской, Курской и Черниговской губерніяхъ показали, что крутая расправа съ участниками такихъ же безпорядковъ въ сосѣднихъ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, имѣвшая мѣсто три года назадъ, не остановила движенія и даже не ослабила его. Чтобы двинуть спокойную и малоподвижную крестьянскую массу въ различныхъ концахъ Россіи на захваты частновладѣльческихъ земель и на разгромъ усадебъ, недостаточно революціонной пропаганды; необходимо, чтобы условія крестьянскаго быта вполнѣ соотвѣтствовали успѣху такой пропаганды. Какъ бы то ни было, полицейскими мѣрами и уголовными карами можно поддержать лишь внѣшній порядокъ, да и то лишь временно, пока аграрное движеніе ограничено небольшимъ пространствомъ. Государственный порядокъ долженъ покоиться на болѣе широкомъ базисѣ, на согласованіи противорѣчивыхъ классовыхъ интересовъ съ высшими государственными

интересами. Только на этомъ базисѣ можетъ быть прочно обезпеченъ трудъ и имущество какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ классовъ; только такая политика можетъ привести къ плодотворнымъ результатамъ.

Къ сожалѣнію, аграрный вопросъ засталъ насъ столь же неожиданно, какъ и японская война. Съ такими же ничтожными средствами, съ какими питали увѣренность продиктовать Японіи миръ въ самомъ Токіо, мы подходимъ теперь къ разрѣшенію одной изъ сложнѣйшихъ соціально-экономическихъ проблемъ. При помощи Крестьянскаго банка и переселеній мы предполагаемъ успокоить надвигающійся ураганъ страстей и несбыточныхъ надеждъ. Подобно тому, какъ мы пренебрегали изученіемъ Японіи и ея военныхъ силъ, мы беззаботно относились къ язвамъ, постепенно, но безостановочно разъѣдавшимъ хозяйственный бытъ нашего крестьянства, и замѣтили ихъ лишь тогда, когда стали лицомъ къ лицу съ самосудомъ и грабежемъ. Ни наша дипломатія, ни наше внутреннее управленіе не сумѣли подняться выше канцелярскаго пониманія вещей и въ концѣ концовъ привели нашу страну къ внѣшнему пораженію и къ нищетѣ и анархіи внутри.

Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на ростъ нашей промышленности, всемѣрно поощряемой, насаждаемой и охраняемой правительствомъ, Россія справедливо признается страной земледѣльческой по преимуществу. Тѣмъ не менѣе земледѣліе менѣе всего привлекало вниманіе правительства съ точки зрѣнія мѣръ, направленныхъ къ его упорядоченію и усовершенствованію. Напротивъ, земледѣліе приносилось въ жертву искусственному насажденію обрабатывающей промышленности.

Для земледѣлія у казны всегда не хватало денежныхъ средствъ, и министерство земледѣлія, независимо отъ органически присущихъ ему бюрократическихъ порядковъ и неспособности къ живой дѣятельности, никогда не располагало достаточными средствами для расширенія высшаго и средняго земледѣльческаго образованія, для широкой постановки мелiоративнаго кредита и другихъ мѣръ, направленныхъ къ подъему сельскаго хозяйства. Въ то же самое время министерство финансовъ не жалѣло средствъ на устройство политехникумовъ и торговыхъ школъ, открывало широкій государственный кредитъ всякому грюндерству и высасывало изъ земледѣлія всякія сбереженія въ свои сберегательныя кассы, служащія, главнымъ образомъ, для поддержанія государственнаго кредита. Правительство не останавливалось предъ огромными затратами на постройку желѣзныхъ дорогъ, на перевооруженіе, на постройку новыхъ военныхъ судовъ, увеличеніе штата земскихъ начальниковъ или введеніе сельскихъ стражниковъ и въ то же время отказывало въ покровительствѣ земледѣлію; послѣднее должно было само изъ себя черпать и духовныя и матеріальныя средства.

Мало того, все бремя прямыхъ и особенно косвенныхъ налоговъ было возложено на самый многочисленный, но бѣднѣйшій классъ плательщиковъ—крестьянъ и прочихъ мелкихъ земледѣльцевъ.

Однако, какъ ни поощрялась, какъ ни охранялась обрабатывающая промышленность, она не могла развиваться съ желательной быстротой. Отдѣльныя лица быстро обогащались, но богатство страны отъ этого мало выигрывало, нужды государства непрерывно возростали. Нужды эти покрывались, главнымъ образомъ, крестьянскимъ населеніемъ, которое безропотно вносило налоги не вслѣдствіе патріотической увѣренности въ великой будущности своей страны, а вслѣдствіе своей беззащитности передъ непоколебимой требовательностью начальства.

Такой финансовой политики было бы совершенно достаточно, чтобы привести и болѣе сильный въ имущественномъ отношеніи классъ къ полному истощенію. Можно ли поэтому удивляться, что наше крестьянство, едва освобожденное отъ рабства, безграмотное или полуграмотное, отгороженное отъ прочихъ классовъ особыми правовыми нормами во имя якобы особенностей его быта, тщательно охраняемое отъ проникновенія въ его среду всякаго просвѣщенія, опекаемое начальствомъ и лишенное самостоятельности и всякой самодѣятельности, не обезпеченное надѣломъ и посторонними заработками, начало изнемогать подъ тяжестью непосильнаго бремени? И въ то самое время, когда, вслѣдствіе неурожаевъ послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка, населеніе не дополучило отъ земледѣлія свыше милліарда рублей, финансовое вѣдомство взяло съ населенія въ теченіе пяти лѣтъ лишній милліардъ рублей въ видѣ сверхсмѣтныхъ доходовъ, искусственно понижая ихъ въ росписи государственныхъ доходовъ, для образованія такъ называемой свободной наличности. Министерство финансовъ полагало (всеподд. докладъ 1893 года), что для плательщиковъ податей такое искусственное повышеніе налоговъ даже выгодно, ибо оно сходно «съ приплатой страховой преміи на случай непредвидѣнныхъ бѣдствій». Однако, непредвидѣнное бѣдствіе—голодъ, вернуло населенію лишь 141 милліонъ, да и то въ видѣ возвратной ссуды, а остальные сотни милліоновъ свободныхъ остатковъ питали манчжурскую политику и привели насъ къ японской войнѣ.

Развивая все болѣе и болѣе косвенные налоги, наше финансовое вѣдомство полагало, какъ видно изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, что платежныя силы страны не только не истощаются, а, напротивъ, растутъ, и что налоги уплачиваются населеніемъ безъ особыхъ затрудненій; разстройства крестьянскаго хозяйства не замѣчалось. Но люди, внимательно изучавшіе крестьянское хозяйство, уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ, констатировали и ростъ арендныхъ цѣнъ, и увеличеніе числа безлошадныхъ хозяйствъ, и во многихъ мѣстностяхъ земельную тѣсноту. Земская статистика не только отмѣтила эти явленія, но и обо-

сновала ихъ соотвѣтственными цифрами. Внутренняя политика того времени, однако, была болѣе склонна объяснять такіе факты неблагонамѣренностью земскихъ статистиковъ и распущенностью крестьянъ, чѣмъ видѣть въ нихъ зловѣщіе симптомы зарождающейся болѣзни. Поэтому для упорядоченія крестьянскаго быта введенъ институтъ земскихъ начальниковъ, взявшихъ все деревенское населеніе со всѣмъ его хозяйствомъ въ свою опеку. Мѣры эти, тѣмъ не менѣе, не могли остановить начавшагося разложенія крестьянскихъ хозяйствъ. Какъ и слѣдовало ожидать, земскіе начальники гораздо чаще пользовались своимъ правомъ безъ суда отечески наказывать строптивыхъ, чѣмъ вникать въ хозяйственныя нужды крестьянъ; прекращеніе же статистическихъ изслѣдованій создало вокругъ всего крестьянскаго быта ту темноту, въ которой не замѣчалось болѣе ни симптомовъ обѣднѣнія и разстройства хозяйства, ни нарастающаго обостренія земельно-экономическихъ отношеній между крестьянами и помѣщиками.

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что правительство въ теченіе сорока пяти лѣтъ, истекшихъ со времени крѣпостной реформы, не принимало никакихъ мѣръ какъ для облегченія податного бремени, лежащаго на крестьянахъ, такъ и для удовлетворенія нуждъ крестьянскаго хозяйства: отмѣнена подушная подать, понижены выкупные платежи, облегчены паспортныя стѣсненія, воспрещено отчужденіе надѣльной земли путемъ досрочнаго выкупа, организовано переселенческое дѣло, устроенъ Крестьянскій земельный банкъ, изданы нормальные уставы учрежденій мелкаго кредита, организованъ меліоративный кредитъ.

Каково бы ни было относительное значеніе этихъ мѣръ, всѣ онѣ одинаково пропитаны духомъ бюрократизма и лишены жизненности, благодаря чему однѣ изъ нихъ остались мертворожденными, другія далеко не оказали той пользы, которую могли принести, и въ общемъ—не предотвратили наступившаго кризиса.

Отмѣна подушной подати и пониженіе выкупныхъ платежей не уменьшили налогового бремени, такъ какъ они были замѣнены разными косвенными налогами; меліоративныя ссуды и мелкій кредитъ остались въ видѣ бумажныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ лишь о силѣ бюрократическаго творчества.

Финансовое вѣдомство не нашло для осуществленія этихъ предначертаній возможности удѣлить хотя бы часть того милліарда, который былъ взятъ съ населенія въ видѣ «страховой преміи на случай бѣдствій» и который безвозвратно погибъ въ китайской желѣзной дорогѣ, въ великолѣпныхъ сооруженіяхъ г. Дальняго и на днѣ Портъ-Артурской гавани. Благодаря той же финансовой политикѣ Крестьянскому земельному банку былъ приданъ характеръ коммерческаго учрежденія, увеличившаго спросъ на частновладѣльческую землю, чрезмѣрно поднявшаго ея стои-

мость, давшаго возможность нѣкоторымъ крупнымъ владѣльцамъ выгодно сбыть свою землю, но мало способствовавшаго устраненію недостатковъ крестьянскаго землеустройства и землепользованія.

Наконецъ и переселенческая организація, требующая величайшей планомѣрности, была совершенно несогласована съ нарастающими требованіями жизни.

Съ другой стороны, крестьянство, огражденное отъ всѣхъ классовъ китайской стѣной, получило единственную свободу: свободу экономическихъ отношеній съ землевладѣльческимъ классомъ. Только здѣсь, т. е. въ экономической борьбѣ классовыхъ интересовъ, къ нему примѣнена формула laissez faire.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такой двойственной политикѣ въ отношеніи крестьянскаго вопроса никакія мѣры «содѣйствія» не могли имѣть успѣха, и подъ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ назрѣвалъ аграрный вопросъ, который теперь требуетъ безотлагательнаго рѣшенія, такъ какъ всякое замедленіе въ этомъ дѣлѣ можетъ поставить всю страну въ крайне опасное положеніе.

II.

Несмотря на всю увѣренность бюрократіи въ томъ, что земельное хозяйство крестьянъ не требуетъ какихъ-либо существенныхъ реформъ, и что его разстройство можетъ быть исправлено простымъ административнымъ надзоромъ близкой къ народу власти земскихъ начальниковъ, симптомы полной неустойчивости хозяйственнаго быта крестьянъ, выражавшіеся въ ужасающихъ голодовкахъ прошлаго десятилѣтія, а также въ массовыхъ переселеніяхъ крестьянъ за Уралъ, вопреки всѣмъ мѣрамъ противодѣйствія, не могли не тревожить правительство. Прошло, однако, цѣлыхъ десять лѣтъ, прежде чѣмъ оно признало необходимымъ образовать особое совѣщаніе «для выясненія нуждъ сельской промышленности и соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда»; самая же мысль объ образованіи особаго совѣщанія получила свое осуществленіе не столько потому, что правительство признало необходимымъ изслѣдовать причины упадка крестьянскаго благосостоянія, сколько въ виду жалобъ землевладѣльцевъ по поводу кризиса, переживаемаго частновладѣльческимъ хозяйствомъ, и надѣлавшая столько шума агитація по «оскудѣнію центра». «Московскія Вѣдомости» привѣтствовали учрежденіе особаго совѣщанія слѣдующимъ образомъ: «Средній крестьянинъ значительнѣйшую часть своихъ продуктовъ вырабатываетъ для личнаго потребленія, а потому сельско-хозяйственный кризисъ не имѣетъ для него того рокового значенія, какъ для помѣщика... Наиболѣе потерпѣло отъ неблагопріятныхъ условій нашей сельской промышленности помѣстное дво-

рянство, а потому только что объявленное Высочайшее повелѣніе должно быть разсматриваемо, какъ новая милость нашему первенствующему сословію».

Въ самомъ составѣ особаго совѣщанія не было яснаго представленія о предстоящей задачѣ. Хотя предсѣдатель совѣщанія, бывшій министръ финансовъ С. Ю. Витте, категорически заявилъ, что вопросъ сельскаго хозяйства въ Россіи есть по преимуществу вопросъ хозяйства крестьянскаго, и что съ нимъ прямо или косвенно связаны почти всѣ стороны государственной жизни, тѣмъ не менѣе, онъ полагалъ, что совѣщаніе не призвано разрѣшать столь обширной задачи, и что задача совѣщанія «должна заключаться въ выясненіи ближайшихъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и соображенія мѣръ, непосредственно направленныхъ въ пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда (напр., распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній и въ особенности умѣнія, устройство земледѣльческихъ союзовъ, способы улучшенія культуры земли, организація сельскаго кредита и проч.)». Министръ внутреннихъ дѣлъ, покойный фонъ-Плеве, вполнѣ соглашался съ такой точкой зрѣнія и находилъ, что вопросы, имѣющіе весьма существенное значеніе для сельско-хозяйственной промышленности, не должны разрѣшаться исключительно съ точки зрѣнія однихъ только интересовъ сельскаго хозяйства, такъ какъ разсмотрѣніе вопросовъ общегосударственнаго характера «должно принадлежать тѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, коимъ ввѣрено завѣдываніе подлежащими отраслями государственнаго управленія». Для такого прямолинейнаго бюрократа, какъ покойный фонъ-Плеве, кризисъ всей сельско-хозяйственной промышленности, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, какъ онъ ихъ понималъ, имѣлъ неизмѣримо менѣе важное значеніе, чѣмъ нарушеніе вѣдомственныхъ привилегій. Бывшій министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ яснѣе понималъ какъ причины кризиса, такъ и задачу совѣщанія и полагалъ, что если «сельское хозяйство находится въ тяжеломъ положеніи, то это является результатомъ экономическихъ условій, неблагопріятно складывающихся для сельскаго хозяйства». Тѣмъ не менѣе и онъ не рѣшился поставить вопросъ прямо и открыто, такъ что его соображенія не могли имѣть существеннаго значенія.

Неспособность бюрократіи къ разрѣшенію сложныхъ задачъ и ея опасенія за ненарушимость ея привилегій въ самовластномъ управленіи болѣе всего обнаружились въ способѣ опроса мѣстныхъ людей черезъ уѣздныя и губернскія совѣщанія, предоставленныя всецѣло усмотрѣнію уѣздныхъ предводителей и губернаторовъ, что, казалось, обезпечивало желательную односторонность сужденій; но русское общество обнаружило и здраваго смысла, и пониманія государственныхъ интересовъ, и чувства справедливости гораздо болѣе, чѣмъ предполагали сановники, ко-

торые не могли примиряться съ выборными представителями страны хотя бы въ тѣсныхъ предѣлахъ сужденій о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Несмотря на всю эту предусмотрительность, уѣздныя совѣщанія, за немногими исключеніями, сыграли огромную роль въ постановкѣ аграрнаго вопроса, такъ какъ, независимо отъ содержанія и направленія докладовъ членовъ совѣщаній и происходившихъ въ нихъ дебатовъ, вызвали широкое обсужденіе этого вопроса въ литературѣ. Во всякомъ случаѣ, съ этого момента аграрный вопросъ во всемъ его объемѣ привлекъ всеобщее вниманіе.

Такимъ образомъ, плодотворность трудовъ особаго совѣщанія можетъ быть признана лишь постольку, поскольку въ этихъ трудахъ приняли участіе общественные элементы, тѣмъ болѣе, что работы совѣщанія были незакончены, и самое совѣщаніе неожиданно упразднено, рѣшеніе же аграрнаго вопроса въ правительственныхъ сферахъ получило новое направленіе.

Высочайшимъ рескриптомъ 30 марта на имя д. т. с. Горемыкина учреждено новое особое совѣщаніе о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, при чемъ въ общей формѣ указаны и самыя мѣры: 1) предоставленіе «крестьянамъ удобнѣйшихъ, соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями»; 2) облегченіе «нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію возможности переселенія на предназначенныя для сего земли»; 3) «расширеніе землевладѣнія при содѣйствіи Крестьянскаго банка» и 4) «отграниченіе крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и эти мѣры могутъ быть примѣнены съ нѣкоторой пользой въ частныхъ случаяхъ, но еще менѣе можно сомнѣваться, что онѣ не могутъ поправить хозяйственнаго положенія крестьянъ тамъ, гдѣ оно значительно поколеблено, что онѣ не могутъ разрѣшить аграрнаго вопроса. Аграрный вопросъ—вопросъ не только частныхъ случаевъ, но и общихъ коренныхъ условій экономическихъ и правовыхъ, требующихъ общихъ и широкихъ мѣропріятій; проектируемыя же мѣры по своей незначительности не могутъ создать почвы для упроченія крестьянскаго благосостоянія, не могутъ укрѣпить фундаментъ, на которомъ покоится все благосостояніе нашей страны. Поэтому можно заранѣе предсказать, что ни особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Горемыкина, ни вновь учрежденный Высочайшимъ указомъ 6 мая комитетъ по земельнымъ дѣламъ не успокоятъ

аграрнаго движенія и не разрѣшатъ одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ жизнью.

Ни переселенія, ни Крестьянскій банкъ, какъ самостоятельныя мѣры, не оправдаютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ; установленіе же мѣръ «къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями» оставляетъ вопросъ совершенно открытымъ, какъ потому, что самыя мѣры не указаны, такъ и потому, что онѣ не могутъ выходить за предѣлы административныхъ регламентацій пользованія существующими надѣлами. Что же касается отграниченія надѣловъ отъ земель частныхъ владѣльцевъ, то мѣра эта безсильна остановить аграрные безпорядки, такъ какъ послѣдніе происходятъ менѣе всего отъ неясности границъ надѣльной земли...

Въ настоящее трудное время требуется болѣе рѣшительная аграрная политика. Она нужна не только для того, чтобы предупредить аграрные безпорядки, но прежде всего для того, чтобы обезпечить жизненность и благосостояніе нашей странѣ, чтобы дать государству спокойствіе и могущество, чтобы обезпечить всѣмъ и каждому увѣренность въ плодотворности личнаго и общественнаго труда; планомѣрная аграрная политика настоятельно нужна именно потому, что она касается того класса народа, который составляетъ 85% всего населенія страны и отъ благосостоянія котораго зависитъ ея будущее.

Для разрѣшенія аграрнаго вопроса требуется, сказали бы мы, коренная реформа, если бы не опасались, что подъ коренной реформой многіе писатели и общественные дѣятели разумѣютъ полную замѣну частной собственности на землю государственной или коллективной. Совмѣстное существованіе частновладѣльческаго и крестьянскаго хозяйствъ, по ихъ мнѣнію, немыслимо и составляетъ «узелъ, который нельзя развязать половинчатымъ рѣшеніемъ»... «Этотъ узелъ можетъ разрубить только *рѣшительная мобилизація* земли въ ту или иную сторону,—въ сторону предпринимателей или трудящихся. *Рано или поздно* въ той или иной формѣ, при нашемъ участіи или помимо насъ, она должна осуществиться» *). Не вступая въ принципіальный споръ съ уважаемымъ авторомъ вышеприведенныхъ строкъ и допуская, что въ болѣе или менѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ земельный строй можетъ совершенно измѣниться, мы вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что практическая политика прежде всего должна имѣть въ виду мѣры, осуществимыя сейчасъ, немедленно, а потому вынуждена считаться не только съ идеальнымъ рѣшеніемъ вопроса, но и со всѣмъ комплексомъ наличныхъ условій, съ государственнымъ порядкомъ, правовыми воззрѣніями, исторически сло-

*) А. В. Пѣшехоновъ. Нужды деревни, гл. II, стр. 41.

жившимися понятіями и привычками населенія, противорѣчивыми классовыми интересами, съ состояніемъ промышленности и другими экономическими факторами, лежащими внѣ сферы аграрныхъ отношеній.

Чтобы измѣнить сложившуюся вѣками народную жизнь, недостаточно взмаха меча, а необходима долгая предварительная работа мысли, широкое распространеніе образованія и соотвѣтственныхъ понятій, перемѣна политическаго и соціальнаго соотношенія классовъ, радикальное измѣненіе взглядовъ на задачи государства и на роль государственной власти.

Разрѣшеніе аграрнаго вопроса обыкновенно предлагаютъ въ трехъ направленіяхъ: одни исходятъ отъ полнаго отрицанія современнаго капиталистическаго строя и предлагаютъ переходъ къ новому экономическому порядку, одинаково обнимающему какъ земледѣліе, такъ и промышленность; другіе, не ломая современнаго капитализма, предлагаютъ ограничиться лишь частичною перемѣною въ земельномъ строѣ путемъ націонализаціи земли, т. е. объявленія всей земли какъ частновладѣльческой, такъ и надѣльной государственной собственностью; третьи, наконецъ, предлагаютъ экспропріацію только частновладѣльческой земли для прирѣзки ея къ существующимъ крестьянскимъ надѣламъ.

Изъ этихъ трехъ способовъ только за первымъ надо признать послѣдовательное и окончательное упраздненіе аграрнаго вопроса; но едва ли можно допустить вѣроятность его осуществленія въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ къ такому соціальному перевороту наша страна далеко не готова, и менѣе всего готова къ нему сама крестьянская масса. Во всякомъ случаѣ послѣдняя приняла бы такую реформу не по собственному рѣшенію.

Что касается націонализаціи земли, то такая реформа, сохраняя капиталистическій строй въ неприкосновенности и не представляя окончательнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, имѣетъ противъ себя цѣлый рядъ практическихъ возраженій.

Во-первыхъ, дѣлая государство единственнымъ собственникомъ земли, мы придали бы правительственной власти такую силу и значеніе, которыя въ современныхъ условіяхъ имѣли бы крайне опасный и угрожающій характеръ для развитія въ странѣ гражданской свободы. Даже самая широкая государственная реформа на началахъ народнаго представительства при современныхъ условіяхъ не обезпечитъ страну отъ вліянія тѣхъ историческихъ традицій и привычекъ, которыя найдутъ въ націонализаціи земли могущественное оружіе противъ правъ и свободы народа.

Во-вторыхъ, націонализація земли не встрѣтитъ широкаго сочувствія въ крестьянской массѣ и въ массѣ мелкихъ собственниковъ. Въ крестьянствѣ, по крайней мѣрѣ въ его огромномъ большинствѣ, идея земельной собственности сидитъ очень крѣпко, и перспектива превращенія

собственника въ государственнаго арендатора ни въ какомъ случаѣ не покажется ему соблазнительной. Безспорно, крестьянство жаждетъ увеличенія общинной и подворной земли, но какъ въ общинной, такъ и въ подворной землѣ оно видитъ и признаетъ собственную землю, а не государственную. Въ его глазахъ община, міръ является собственникомъ и противополагается другому такому же собственнику. Общинникъ знаетъ, что скоро его выкупной долгъ будетъ погашенъ, и что за выкупленную землю онъ не будетъ болѣе вносить платежей; вмѣсто же этого ему при націонализаціи земли предлагаютъ платить вѣчную ренту въ пользу государства. Нельзя также игнорировать и того, что въ самой общинѣ растетъ стремленіе въ пользу личной собственности не только у «хозяйственныхъ мужичковъ», но нерѣдко и у крестьянъ, успѣвшихъ стать выше своей среды, тяготящихся опекою даже общины. Страстная привязанность къ своему клочку земли у крестьянина такъ велика, что, «мобилизируя» землю, государству пришлось бы въ настоящее время мобилизировать и огромную силу для осуществленія такой задачи.

Въ третьихъ, для выкупа всей частновладѣльческой и надѣльной земли потребовалась бы такая колоссальная сумма, которая не могла бы быть реализована безъ риска совершенно разрушить государственный кредитъ. Произвести же отчужденіе всѣхъ земель безъ выкупа возможно лишь подъ условіемъ націонализаціи не только земли, но и капитала, т. е. при условіи радикальнаго переворота всего экономическаго строя. Простая конфискація земельной собственности была бы несправедлива потому, что она коснулась бы лишь одного вида собственности, сохранивъ другой видъ въ полной неприкосновенности. «Тѣ, которые допускаютъ, говоритъ М. Я. Герценштейнъ въ своемъ превосходномъ докладѣ, прочитанномъ на аграрномъ съѣздѣ, переходъ земли въ руки государства безъ выкупа, совершенно упускаютъ изъ вида, что земля въ настоящее время подлежитъ продажѣ, какъ всякое другое имущество, и что многіе изъ нынѣшнихъ владѣльцевъ пріобрѣли свои имѣнія путемъ покупки. Поэтому лишеніе ихъ благопріобрѣтеннаго имущества было бы несправедливостью, которую съ точки зрѣнія современныхъ правовыхъ нормъ нельзя было бы оправдать. Съ другой стороны, нельзя также игнорировать и того, что многія имѣнія обременены долгами, что конфискація ихъ безъ вознагражденія владѣльцевъ нанесла бы огромный ущербъ ихъ кредиторамъ, т. е. многочисленному разряду лицъ, помѣщающихъ свои сбереженія въ закладныхъ листахъ земельныхъ банковъ. Какъ извѣстно, далеко не всѣ они принадлежатъ къ капиталистамъ. Значительная часть листовъ помѣщается въ сберегательныхъ кассахъ, а въ иностранныхъ государствахъ, въ которыхъ сберегательныя кассы не обязаны помѣщать стекающіеся къ нимъ вклады въ государственныхъ бумагахъ, ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ занимаютъ первое

мѣсто. Наконецъ благотворительныя и различныя общественныя учрежденія, не говоря уже о частныхъ и акціонерныхъ компаніяхъ, помѣщаютъ значительныя суммы въ закладныхъ листахъ, какъ въ бумагахъ, не подвергающихся обезцѣненію, обезпеченныхъ залогомъ недвижимости. Переходъ земель въ руки государства безъ вознагражденія владѣльцевъ сразу разорилъ бы эти учрежденія, а черезъ нихъ и массу лицъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ классамъ населенія. Тотъ, кто владѣетъ капиталомъ во всѣхъ другихъ видахъ, попрежнему сохранитъ свое имущество; тотъ же, который имѣетъ землю или помѣстилъ свое имущество подъ залогъ земли, долженъ будетъ разстаться съ нимъ».

Третій способъ разрѣшенія аграрнаго вопроса—экспропріація всей частновладѣльческой земли и прирѣзка ея къ существующимъ надѣламъ, представляется намъ мѣрой, быть можетъ, легче осуществимой въ финансовомъ отношеніи въ виду большой задолженности частновладѣльческихъ имѣній, но отличающейся большою шаблонностью. Она выбрасываетъ за бортъ всѣхъ безземельныхъ крестьянъ и всѣхъ землевладѣльцевъ другихъ сословій, не получившихъ надѣловъ при проведеніи крестьянской реформы.

Ни одинъ изъ вышеуказанныхъ трехъ способовъ разрѣшенія аграрнаго вопроса не представляется намъ цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія конкретныхъ условій переживаемой нами исторической эпохи. При всемъ ихъ разнообразіи имъ присущъ одинъ общій признакъ—это отрицательное отношеніе къ институту частной собственности на землю. Послѣдняя либо совершенно не допускается, либо допускается только для крестьянъ и мелкихъ хозяевъ. Непосредственно или чрезъ посредство государства вся земля должна быть передана въ руки лицъ, которыя сами ее обрабатываютъ; будетъ ли это на правѣ собственности или на началахъ аренды, но всякая земельная собственность, не связанная съ личнымъ трудомъ, должна быть отмѣнена.

Съ точки зрѣнія, отвлеченной отъ времени и пространства, такое разрѣшеніе задачи заслуживаетъ предпочтенія предъ современнымъ распредѣленіемъ поземельной собственности; но весь вопросъ въ томъ, удовлетворяетъ ли оно основному и главному требованію всякой практической проблемы—условіямъ осуществленія. Именно съ этой послѣдней точки зрѣнія и долженъ, по нашему мнѣнію, разсматриваться всякій планъ поземельнаго устройства. Не трудно создать планъ, отвѣчающій тому или другому идеалу поземельныхъ отношеній; но если рѣчь идетъ не объ идеалѣ, а о реформѣ, осуществленіе которой должно составлять ближайшую задачу, то поневолѣ приходится оставить почву теоретическихъ требованій, а считаться съ дѣйствительными условіями проводимости тѣхъ или другихъ проектовъ. Отмѣна частной поземельной собственности можетъ представляться послѣдовательнымъ проведеніемъ со-

ціальныхъ идеаловъ; но большой вопросъ, наступила ли пора для систематическаго ихъ проведенія въ жизнь? Мы не думаемъ, чтобы переходъ всей земли въ руки крестьянъ, при сохраненіи частной собственности на всѣ другіе виды капитала, былъ возможенъ, чтобы онъ въ настоящее время былъ желателенъ въ интересахъ культуры. Вполнѣ раздѣляя взгляды, высказанные въ статьѣ «Націонализація земли», помѣщенной въ настоящемъ Сборникѣ, мы вмѣстѣ съ авторомъ статьи думаемъ, что немедленное «превращеніе землевладѣльцевъ въ получателей ренты», что должно было бы наступить съ переходомъ частновладѣльческой земли въ руки крестьянъ или въ руки государства, нежелательно съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, понимаемыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Осуществленіе туманныхъ соціальныхъ идеаловъ на почвѣ совершенно неподготовленной, при томъ въ моментъ преобразованія отжившаго государственнаго порядка и созиданія на его мѣсто новаго правового порядка и политическаго освобожденія, повело бы къ такимъ формамъ борьбы классовыхъ интересовъ, въ которыхъ могли бы погибнуть не только всѣ надежды соціальныхъ реформаторовъ, но и надолго задержано политическое освобожденіе страны.

III.

Переходя къ конкретнымъ формамъ, которыя должна принять аграрная реформа, мы прежде всего должны замѣтить, что было бы совершенно неправильно исходить отъ условій, существовавшихъ при отмѣнѣ крѣпостного права. Аграрная реформа должна имѣть своею задачей удовлетвореніе земельной нужды не только крестьянскихъ общинъ, получившихъ надѣлы, но и всѣхъ тѣхъ земледѣльцевъ, которые, принадлежа къ крестьянскому или иному сословію, нуждаются въ землѣ для улучшенія своего хозяйственнаго быта. Поэтому задача состоитъ не въ прирѣзкѣ земли къ надѣлу, а въ совершенно самостоятельной операціи, не зависящей отъ формъ и нормъ, установленныхъ Положеніемъ 1861 г. Поэтому и надѣленіе землею нуждающихся въ ней должно быть произведено не по одному общему шаблону, а въ соотвѣтствіи съ условіями каждаго даннаго случая.

Конечно, такая задача гораздо сложнѣе, но вѣдь и условія аграрнаго вопроса въ его современномъ положеніи совершенно не похожи на условія, при которыхъ произошло надѣленіе крестьянъ землею въ 1861 г. Тогда крестьяне освобождались изъ-подъ власти помѣщика, съ которымъ они совмѣстно если не юридически, то фактически владѣли землею, право на которую за ними было признано закономъ. Теперь путемъ продажи множество имѣній перешло въ другія руки, и между новыми ихъ владѣльцами и крестьянами существуютъ только обычныя экономическія, но не обязательныя отношенія. Поэтому отчужденіе частновладѣльческихъ

земель въ томъ или другомъ количествѣ должно производиться не въ пользу крестьянъ, принадлежавшихъ къ данному имѣнію, а въ пользу и за счетъ государства на началахъ отчужденія недвижимаго имущества въ видахъ государственной необходимости, подобно тому, какъ производится отчужденіе подъ желѣзныя дороги, устройство крѣпостей и т. п. Вопросъ о правѣ принудительнаго отчужденія земельнаго имущества въ принципѣ не можетъ въ настоящее время встрѣчать возраженій, такъ какъ современное государство отрѣшилось отъ идеи священной и неприкосновенной собственности. Оно вторгается во всѣ имущественныя отношенія въ видахъ общественнаго блага, и такое вторженіе имѣетъ тенденцію къ расширенію, а не сокращенію.

Вмѣшательство государства въ аграрныя отношенія не только оправдывается нашими правовыми понятіями, но оно также разумно и необходимо, какъ вмѣшательство въ отношенія рабочихъ съ фабрикантами или заводчиками. Оно оправдывается не только въ вопросѣ отчужденія недвижимой собственности, но и въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ права собственности на землю, въ арендныхъ договорахъ, въ условіяхъ труда и быта сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и т. д.

Доклады, помѣщенные въ настоящемъ Сборникѣ, не обнимаютъ всего аграрнаго вопроса, а ограничиваются лишь вопросомъ о малоземельѣ. Поэтому весьма естественно можетъ возникнуть вопросъ, дѣйствительно ли малоземелье имѣетъ такое исключительное значеніе, и является ли увеличеніе площади крестьянскихъ земель главнымъ средствомъ для борьбы съ бѣдствіями, удручающими крестьянство.

Говоря вообще, крестьянское малоземелье не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Съ 4,8 десятинъ на душу крестьянъ всѣхъ наименованій размѣръ надѣла опустился въ 1900 до 2,6. Если же размѣръ надѣла разсматривать по категоріямъ крестьянъ, по мѣстностямъ и по обществамъ, то мы встрѣтимся съ хозяйствами, годными лишь для огородной культуры. Естественно, что при такихъ условіяхъ вопросъ объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ въ большомъ числѣ случаевъ самъ собою падаетъ, такъ какъ предѣлы интенсивности культуры находятся въ зависимости отъ разнообразныхъ условій, въ большинствѣ случаевъ не зависящихъ отъ воли земледѣльца.

О малоземельѣ мы находимъ не мало указаній и въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и въ земскихъ статистическихъ изданіяхъ, и въ отчетахъ губернаторовъ. Впрочемъ, едва ли кто рѣшится отрицать этотъ безспорный фактъ. Вопросъ только въ томъ, какъ бороться съ этимъ зломъ,—увеличеніемъ ли площади земли, или интенсификаціей сельскаго хозяйства. Намъ представляется, что такая постановка вопроса совершенно неправильна, что въ дѣйствительности необходимо то и другое, что одно увеличеніе пло-

щади земли, не сопровождаемое улучшеніями въ техникѣ, въ пріемахъ веденія хозяйства, не въ состояніи надолго упрочить благосостояніе населенія; но зато съ другой стороны надо принять во вниманіе и то, что интенсификація культуры при наличности существующихъ условій невозможна, и главнымъ препятствіемъ для ея веденія является во многихъ случаяхъ именно малоземелье. Нѣтъ ничего проще, какъ рекомендовать нашему крестьянину послѣдовать примѣру западно-европейскихъ странъ и повести хозяйство на новый ладъ. Тогда, по мнѣнію защитниковъ интенсификаціи, не нужно будетъ увеличивать площади крестьянскихъ земель, такъ какъ на меньшей площади можно будетъ выручить больше, чѣмъ при экстенсивномъ хозяйствѣ на большей площади. Тогда и въ экспропріаціи частновладѣльческихъ земель не встрѣтится надобности и не придется вступать на опасный путь нарушенія благопріобрѣтенныхъ интересовъ. Вырабатываетъ же нѣмецкій или французскій крестьянинъ, не говоря уже о странахъ съ садовою культурою, на значительно меньшей площади въ нѣсколько разъ больше продуктовъ, чѣмъ вырабатываетъ ихъ нашъ крестьянинъ. Почему же не послѣдовать примѣру сосѣдей и не перейти къ интенсивной культурѣ? Тогда надъ частнымъ землевладѣніемъ не будетъ висѣть Дамокловъ мечъ; землевладѣльцы не будутъ находиться въ опасности, что съ увеличеніемъ населенія потребуется новая площадь земли, и къ нимъ будетъ предъявлено новое требованіе объ уступкѣ оставшейся въ ихъ владѣніи земли. Логически такая конструкція совершенно правильна, и было бы, въ самомъ дѣлѣ, странно поднимать вопросъ объ экспропріаціи, если бъ мы дѣйствительно могли воспользоваться такими совершенно безобидными и въ то же время цѣлесообразными средствами, не нарушающими ничьихъ интересовъ, какъ переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству.

Въ дѣйствительности, однако, аграрный вопросъ гораздо сложнѣе, и у насъ нѣтъ выбора между прирѣзкою земли и интенсификаціею хозяйства. Тѣ, которые ставятъ такую альтернативу, упускаютъ изъ виду два обстоятельства, самымъ радикальнымъ образомъ измѣняющихъ постановку вопроса. Во-первыхъ, они забываютъ, что для интенсификаціи хозяйства требуются капиталы и знанія, которыми крестьяне не располагаютъ; что требуется болѣе высокій уровень умственнаго и духовнаго развитія; что необходима организація мелкаго и мелиоративнаго кредита, различныхъ видовъ кооперації; что необходимымъ предварительнымъ условіемъ являются во многихъ случаяхъ мелиораціи, обнимающія обширныя площади, производство которыхъ не подъ силу не только отдѣльнымъ крестьянамъ, но и общинамъ; что необходима предварительная выработка техники мелиораціи въ примѣненіи къ крестьянскому хозяйству; что необходимы предварительныя огромныя культурныя затраты, производимыя на счетъ государства; что для болѣе раціональнаго исполь-

зованія рабочей силы и приспособленія къ условіямъ измѣняющагося рынка требуется самодѣятельность, которая не могла развиться при наличности опутывающей всѣ дѣйствія крестьянъ административной опеки; словомъ, что для этого требуется цѣлый рядъ условій, которыхъ у насъ нѣтъ и которыя могутъ быть осуществлены лишь съ теченіемъ времени.

Если бъ 45 лѣтъ, которыя прошли со времени освобожденія крестьянъ, были употреблены на культурную работу на пользу сельскаго населенія; если бы мы не предоставили крестьянъ на произволъ судьбы и не разсматривали ихъ только съ точки зрѣнія плательщиковъ налоговъ, обязанныхъ нести подати и отбывать повинности; если бы всякія разумныя начинанія земствъ и отдѣльныхъ лицъ и обществъ, направленныхъ къ тому, чтобы внести свѣтъ въ деревню, не встрѣчали систематическаго противодѣйствія, и заботы правительства были направлены къ тому, чтобы создать для сельскаго населенія и сельскаго хозяйства вообще благопріятныя условія прогресса, мы не имѣли бы предъ собою того грознаго аграрнаго вопроса, который настоятельно требуетъ немедленнаго разрѣшенія.

Когда аграрный вопросъ принялъ такое угрожающее для спокойствія и мирнаго развитія страны направленіе и крестьянскія массы сами ищутъ выхода изъ тяжелаго положенія, въ которое ихъ поставила вся наша система внутренняго управленія вообще и финансовая въ частности, тогда нельзя ограничиваться предложеніями поднять интенсивность сельскаго хозяйства. Это не отвѣтъ на предъявленное жизнью требованіе. Тѣ, которые ссылаются на Данію или на другія страны, которыя по климату всего болѣе приближаются къ нашей нечерноземной полосѣ, повидимому не задумывались надъ тѣмъ, какимъ путемъ эти страны дошли до теперешняго состоянія, какая для этого потребовалась продолжительная культурная работа. Широкій кредитъ и общественныя мелioраціи изъ сберегательныхъ кассъ, большія правительственныя затраты на общее и сельско-хозяйственное образованіе, содѣйствіе всѣмъ общественнымъ и частнымъ начинаніямъ, направленнымъ на поднятіе культурнаго уровня деревни, поощреніе всякаго рода кооперативнымъ учрежденіямъ, полная свобода слова, все это въ связи съ большими правительственными затратами на высшее, среднее и низшее профессіональное образованіе создало въ деревнѣ атмосферу, которая дала сельскому населенію возможность значительно поднять производительность и доходность хозяйства, перейти къ болѣе раціональной системѣ. Всѣхъ этихъ условій у насъ нѣтъ, а между тѣмъ только при ихъ наличности можно думать о замѣнѣ традиціоннаго трехполья интенсивнымъ хозяйствомъ.

Во-вторыхъ, сторонники интенсификаціи упускаютъ изъ вида еще тотъ безспорный фактъ, констатируемый и мѣстными комитетами, по

самому составу своему не склонными къ крайнимъ выводамъ, особенно если рѣчь идетъ о какихъ-нибудь жертвахъ со стороны частнаго землевладѣнія, и земскими агрономами, что нынѣ существующіе надѣлы во многихъ мѣстностяхъ такъ незначительны, что сами по себѣ являются препятствіемъ къ переходу къ болѣе интенсивному хозяйству. Ясно, такимъ образомъ, что увеличеніе площади крестьянской земли представляется во многихъ случаяхъ необходимою предпосылкою, безъ которой нельзя серьезно предпринимать какія бы то ни было сельско-хозяйственныя улучшенія.

Игнорированіе этихъ двухъ предпосылокъ, безъ которыхъ невозможенъ подъемъ сельско-хозяйственной культуры, придаетъ аргументаціи сторонниковъ интенсификаціи схематичность, которая не способствуетъ правильному разрѣшенію практической задачи. Примѣрные разсчеты того количества кормовыхъ средствъ и хлѣбовъ, которое могло бы быть получено на крестьянскихъ надѣлахъ, если бъ ихъ урожайность была доведена до нормы западно-европейскихъ странъ, въ сущности ничего не доказываетъ потому, что интенсивное хозяйство не является само собою, какъ только обнаруживается недостатокъ въ землѣ; оно является результатомъ цѣлаго ряда болѣе сложныхъ причинъ и не разрѣшается такъ механически и однообразно, какъ это думаютъ противники прирѣзки земли, предлагающіе вмѣсто нея интенсификацію. Если бъ это было такъ просто и легко, наши крестьяне во многихъ мѣстностяхъ давно перешли бы къ интенсивному хозяйству, такъ какъ земельная тѣснота чувствовалась уже давно, чуть ли не съ самаго освобожденія крестьянъ.

Въ виду этого, придавая интенсификаціи огромное значеніе и усматривая въ ней то необходимое средство, которое въ конечномъ результатѣ способно создать болѣе прочныя условія существованія деревни, мы вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ, что переходъ къ нему потребуетъ много времени и цѣлаго ряда разнообразныхъ мѣропріятій на пользу сельскаго населенія и сельскаго хозяйства, и что для его успѣха прежде всего необходимо увеличеніе площади земли. На дарственныхъ надѣлахъ, какихъ, къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ много, такая задача не разрѣшима. Поэтому всѣ разсчеты и надежды на интенсификацію могутъ имѣть реальное значеніе лишь при условіи расширенія площади крестьянской земли тамъ, гдѣ это необходимо. Безъ этого условія всѣ разсужденія объ улучшеніяхъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ будутъ носить маниловскій характеръ. Поэтому реальная аграрная политика должна, по нашему мнѣнію, поставить въ свою основу вопросъ о расширеніи площади крестьянскаго хозяйства. Самое обычное возраженіе противъ этого состоитъ въ томъ, что естественный приростъ населенія черезъ два—три десятка лѣтъ снова поставитъ на очередь тотъ же вопросъ объ

увеличеніи площади земель, что въ концѣ концовъ не столько приведетъ къ полному уничтоженію крупнаго частновладѣнія, но и заведетъ въ тупикъ, изъ котораго не будетъ выхода, такъ какъ самое пространство земли ограничено естественными предѣлами. Однако, всѣ эти соображенія имѣютъ скорѣе логическій, чѣмъ практическій характеръ, потому что увеличеніе площади крестьянскихъ земель и вообще земель всякаго рода мелкихъ сельскихъ хозяевъ не только не исключаетъ широкаго плана мѣропріятій, направленныхъ къ интенсификаціи хозяйства, а, напротивъ, ихъ вызываетъ и обусловливаетъ. Въ противномъ случаѣ частному землевладѣнію дѣйствительно снова можетъ угрожать та же опасность, которая угрожаетъ ему въ настоящее время, а государство, которое и впредь допустило бы прежнюю политику по отношенію къ крестьянамъ, вынуждено было бы снова придти на помощь крестьянскому землевладѣнію, чтобы предотвратить неминуемое бѣдствіе. Разъ общественное сознаніе прійдетъ къ заключенію, что только улучшеніе хозяйства создастъ прочность и устойчивость поземельной собственности, прежняя политика станетъ невозможною, культурная работа въ деревнѣ, затраты государства на меліораціи, содѣйствіе кредитомъ, цѣлая система мѣропріятій на пользу сельскаго хозяйства восполнятъ недостатокъ въ землѣ, который наступилъ бы и въ томъ случаѣ, когда все частное землевладѣніе было бы поглощено крестьянскимъ. Когда предъ частнымъ землевладѣніемъ будетъ попрежнему стоять темная, непросвѣщенная крестьянская масса, не обладающая никакими другими средствами для существованія, кромѣ земли, обрабатываемой прежнимъ первобытнымъ способомъ, ему всегда будетъ угрожать опасность; она исчезнетъ не раньше, чѣмъ крестьяне научатся извлекать изъ земли столько, сколько извлекаютъ наши сосѣди.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что наше крупное землевладѣніе смотритъ на это совершенно иначе и, повидимому, далеко не дорожитъ сохраненіемъ за собою земли; оно чрезвычайно легко распродаетъ свою землю и распродало уже огромную часть площади своихъ земель, оставшихся за надѣломъ крестьянъ. Мобилизація крупныхъ имѣній идетъ непрерывно, и не только нѣтъ основаній надѣяться, что она остановится, но съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго таможеннаго договора съ Германіей она по необходимости увеличится, такъ какъ доходность земли значительно уменьшится.

Какъ выше было уже замѣчено, аграрная реформа должна разсматриваться теперь независимо отъ несовершенствъ и ошибокъ реформы въ 1861 г., какъ совершенно самостоятельная, вызванная государственною необходимостью реформа. Правда, среди крестьянской массы особенно сильно выдѣляются и требуютъ усиленной защиты тѣ, которые были раньше всего болѣе обижены, какъ, напримѣръ, дарственники, но раз-

сматривать предстоящее аграрное преобразованіе исключительно съ точки зрѣнія несовершенствъ крестьянской реформы значитъ суживать задачу и придавать всему вопросу односторонній характеръ. Прирѣзка земли должна мотивироваться не давно забытыми отношеніями между помѣщиками и его бывшими крѣпостными, а необходимостью создать для многочисленнаго класса населенія извѣстныя условія существованія. Поэтому земля, отчужденіе которой будетъ признано необходимымъ, должна отчуждаться не въ пользу сосѣднихъ крестьянъ, а должна поступать въ руки государства, которое дастъ ей назначеніе, соотвѣтствующее государственнымъ нуждамъ. Государство можетъ распоряжаться ею такъ, какъ сочтетъ необходимымъ, и будетъ отдавать ее тѣмъ, которые всего болѣе въ ней нуждаются, совершенно независимо отъ того, существовали ли когда-либо между тѣми, которымъ будетъ отведена земля, и землевладѣльцами, у которыхъ она выкуплена, обязательныя отношенія. Для помѣщика, который во многихъ случаяхъ вслѣдствіе усиленной мобилизаціи получилъ землю путемъ покупки, крестьяне являются сосѣдями, а не бывшими крѣпостными, и задача законодательства должна заключаться не въ томъ, чтобы теперь возстановить, можетъ быть, и нарушенныя 45 лѣтъ тому назадъ крестьянскія права и исправить недочеты прежней реформы, а въ томъ, чтобы устроить крестьянскій бытъ согласно условіямъ и требованіямъ настоящаго момента. Не помѣщикъ долженъ удовлетворять крестьянъ; это должно сдѣлать государство. Общія экономическія условія со времени надѣленія крестьянъ землею по нормамъ 1861 г. подверглись значительному измѣненію, и если тогда опредѣленное количество земли могло удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно удовлетворяло имъ въ настоящее время. Сверхъ того, имѣются многочисленные разряды сельскихъ жителей, исключительное занятіе которыхъ составляетъ земледѣліе, не получившихъ, однако, въ 1861 г. надѣльной земли. Вообще говоря, нормы 1861 года могутъ служить лишь схемой, пригодною для примѣрнаго разсчета, но ни въ какомъ случаѣ имъ не слѣдовало бы придавать большого значенія. Правда, это значительно усложняетъ практическое проведеніе аграрной реформы, но современная реформа должна быть самостоятельнымъ государственнымъ актомъ, а не какъ исправленіемъ и дополненіемъ реформы 1861 г.; только при этомъ условіи аграрная реформа можетъ отвѣчать назрѣвшимъ потребностямъ. Эта задача сложная, требующая не только тщательнаго изученія конкретныхъ условій, но и согласованія интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ, но результаты ея будутъ болѣе плодотворны. Съ другой стороны, при такой постановкѣ вопроса устраняется опасность столкновеній и конфликтовъ какъ между помѣщиками и крестьянами, такъ и между отдѣльными крестьянскими обществами. Если обязанность дополнительной прирѣзки переносится отъ помѣщика

на государство; если только послѣднее опредѣляетъ, кому, въ какомъ размѣрѣ и гдѣ можетъ быть отведена земля, тогда нѣтъ опасности предъявленія требованій, которыя могутъ служить постояннымъ источникомъ для столкновеній.

Для выясненія количества необходимой для осуществленія реформы земли необходимо исходить изъ какого-нибудь хотя бы и приблизительнаго разсчета. Въ основаніе такого разсчета принятъ высшій надѣлъ 1861 года. Было бы, однако, ошибочно смотрѣть на это болѣе чѣмъ на схему и связывать предстоящую реформу именно съ этимъ разсчетомъ. Такое разрѣшеніе вопроса грѣшило бы схематичностью; оно не отвѣчало бы требованіямъ времени и, какъ уже выше было отмѣчено, выбросило бы за бортъ многочисленные разряды лицъ, имѣющихъ право разсчитывать на государственное содѣйствіе.

Нерѣдко приходится слышать,—такіе голоса раздавались и на аграрномъ совѣщаніи,— что крестьяне страдаютъ не только отъ малоземелья, но и отъ тягости прямыхъ и особенно косвенныхъ налоговъ, отъ усиленнаго покровительства обрабатывающей промышленности, отъ таможенной политики, и что поэтому прирѣзка земли сама по себѣ не въ состояніи еще упрочить благосостояніе сельскаго населенія. Кто же будетъ оспаривать это? Кто рѣшится утверждать, что дополнительною нарѣзкою земли разрѣшаются вопросы крестьянскаго быта? Дѣйствительно, крестьяне больше, чѣмъ другіе классы, страдаютъ отъ неуравнительнаго обложенія и отъ всей финансовой системы; но развѣ это можетъ служить возраженіемъ противъ увеличенія площади крестьянской земли? Съ гораздо большимъ правомъ можно было бы сказать, что никакія реформы не въ состояніи въ настоящій моментъ восполнить того, что можетъ дать увеличеніе площади земли. Умѣстенъ ли теперь схоластическій споръ о томъ, какая реформа имѣетъ болѣе важное значеніе, когда предстоитъ такая серьезная и трудная задача, какъ экономическое обновленіе Россіи? Я убѣжденъ, что эта задача не подъ силу бюрократическому режиму, иначе бюрократія давно бы ее выполнила, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи крестьянской массы. Все, что бюрократія могла придумать, свидѣтельствуетъ о полномъ ея безсиліи, о неспособности разрѣшить какъ аграрный, такъ и другіе коренные вопросы экономическаго строя. То, чего не могла сдѣлать бюрократія, десятки лѣтъ державшая крестьянъ въ тискахъ, можетъ сдѣлать только народное представительство.

И. Петрункевичъ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ КРУПНАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

„Горе вамъ, прибавляющимъ домъ къ дому, присоединяющимъ поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, будто вы одни населены на землѣ“.
Прор. Исаія, гл. X, ст. 8.

Вопросъ о крестьянскомъ *) малоземельѣ во многихъ мѣстностяхъ Россіи принимаетъ все болѣе острый характеръ. Работавшіе въ 1903 г. въ комиссіи по оскудѣнію центра предсѣдатели губ. земскихъ управъ въ поданной ими запискѣ говорятъ слѣдующее: «сельское населеніе 50 губерній Европейской Россіи съ 1865 г. по 1900 г. возросло съ 50 до 86 милл., или на 79%, площадь же надѣльной земли оставалась за это время почти одинакова. Поэтому если принять ту площадь надѣловъ, которая принадлежала крестьянамъ въ 1900 г., то оказывается, что средній размѣръ надѣла на душу мужского пола въ 1860 г. составлялъ 4,8 дес., а въ 1900 г. онъ понизился до 2,6 дес., уменьшившись такимъ образомъ почти вдвое. Въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ оказались губерніи западныя, средне-земледѣльческія и малороссійскія, въ которыхъ надѣлъ опускается по нѣкоторымъ губерніямъ до 1,7—1,2 десятины и не достигаетъ средней нормы 1900 г.». Труды сельско-хозяйственныхъ комитетовъ земледѣльческой полосы, особенно тѣхъ, въ которыхъ крестьянамъ дано было свободно говорить, содержатъ въ себѣ краснорѣчивыя заявленія о земельной нуждѣ и яркія картины нашей земельной неурядицы съ ея чрезполосицей, узкополосицей, неразмежеванностью, отсутствіемъ необходимыхъ угодій и т. д.

Для выясненія психологіи крестьянина-земледѣльца, когда ему становится уже очень тѣсно отъ сосѣдей помѣщиковъ, приведемъ записку въ суджанскій с.-х. комитетъ крестьянъ хутора Найденова, Ново-Ива-

*) Слово: „крестьянинъ“ употребляется здѣсь въ смыслѣ „земледѣлецъ“.

новской волости *), которая является особенно характерной вслѣдствіе болѣзненнаго для крестьянъ слишкомъ рѣзкаго перехода отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому и батрачному.

«ОБЪЯСНЕНІЕ».

«Въ Суджанскій уѣздный комитетъ объясненіе въ томъ, что мы (перечень 13 именъ), крестьяне, раньше были помѣщика (земскаго начальника) Николая Петровича Стремоухова, и Стремоуховъ насъ очень тѣснилъ въ нашей жизни, ну, а теперь въ 1901 году продалъ землю Николаю Артемьевичу Терещенко. Завѣдующій этой землей по приказанію хозяина такъ притѣсняетъ, что намъ черезъ него жить нельзя: земли намъ никакъ не отдаетъ—ни исполу, ни за деньги для пастьбы скота, толоки и по снятіи хлѣба тоже не даетъ, а купцамъ нанимаетъ все огульно подъ ватагу, а намъ хоть пропадай не ѣвши. Противъ дворовъ нашихъ колодца водопой для скота и для самихъ, мы пользовались спрежъ до вѣку, а сейчасъ не позволяетъ не то, что скотъ поить, а и самимъ не даетъ, хоть не пивши пропадай, а намъ безъ этого никакъ нельзя обойтись, потому что на нашей землѣ воды никакой нѣтъ; земля Терещенко обошла насъ кругомъ: съ правой стороны подошла подъ хаты на 3 сажени, съ лѣвой стороны саженъ на 5, а противъ дворовъ—саженъ на 20. Имѣемъ по одной лошади, по коровѣ, и никакъ негдѣ пасти, потому что у насъ очень мало земли своей, а на землю Терещенко взойдетъ наша курица или лошадь, онъ сейчасъ гонитъ въ экономію и беретъ штрафъ, какой хочетъ, и намъ никакъ податься некуда, потому что Терещенко имѣетъ на каждомъ краю нашей деревни сторожа, а безъ этой земли намъ жить никакъ нельзя, потому что мы очень малоземельны, такъ что и своей земли хватаетъ только на 2 мѣсяца, а кромѣ Терещенковой земли негдѣ взять, потому что куда ни пойдешь—все Терещенко земля. Итакъ, мы, крестьяне трудящіеся, бѣдные, несчастные, лѣто работаемъ на помѣщика, зима придетъ—ѣсть нечего; пойдешь къ помѣщику взять хлѣба или корму за деньги, или на обработки придешь, онъ чай пьетъ, въ другой разъ пойдешь—обѣдаетъ, въ третій—отдыхаетъ, да пока находишься до него и не стоитъ то, зачѣмъ ходишь; да еще не постоянно даютъ, да такъ наберешься хлѣба, соломы, половы—лѣто придетъ—и туда заглядываетъ, и туда; если мужикъ не успѣлъ въ число ему отработать, то онъ, несмотря на то, что мужикъ поневолѣ не отработалъ, потому что онъ у него все лѣто работаетъ, передаетъ сейчасъ же суду и ищетъ тогда втрое, потому что *началь-*

*) Оффиціальное изданіе трудовъ мѣстныхъ комитетовъ, XIX, Курская губ., стр. 178.

ство изъ помѣщиковъ, и помѣщики одинъ другого просятъ и судятъ, какъ хотятъ (курсивъ нашъ). Заработать крестьянамъ негдѣ, а до Терещенко пойдешь—онъ назначаетъ на мѣсяцъ 2—3 рубля, дороже нѣтъ, а тогда ходи до него работать мѣсяца два за одинъ, потому что если 1 часъ до вечера не доработалъ по какому-нибудь случаю, то онъ пишетъ только $^1/_2$ дня; если работалъ $^1/_2$ дня, то онъ пишетъ $^1/_4$ дня, и тогда счисляетъ всѣ четверти, чтобы мѣсяцъ былъ 30 дней.

А почему это?—Потому, что народъ бѣдный, и всѣ лѣзутъ къ Терещенко».

Разумѣется, приведенный примѣръ является исключительнымъ по земельной тѣснотѣ, но тѣмъ не менѣе въ общемъ онъ вѣрно передаетъ чувство крестьянъ, главнымъ образомъ бывшихъ помѣщичьихъ, особенно дарственныхъ.

Но какъ помочь бѣдѣ? Разрѣшеніе земельнаго вопроса можетъ итти двоякимъ путемъ: или интенсификаціей крестьянскаго земельнаго хозяйства, или увеличеніемъ его площади. Интенсификація возможна при увеличеніи культурности населенія, при болѣе совершенномъ, чѣмъ теперь, его правовомъ положеніи, при оживленіи всей мѣстной жизни, при усиленіи обрабатывающей промышленности и при приливѣ оборотныхъ средствъ *). Для всего этого нужны коренныя государственныя реформы. Разумѣется, это является единственнымъ вѣрнымъ и основнымъ средствомъ, когда само населеніе сможетъ разобраться въ своихъ дѣлахъ, и къ этому надо стремиться всѣми силами; но все это не можетъ сдѣлаться такъ быстро, а «пока взойдетъ солнце, роса очи выѣстъ», и потому будущему законодательству придется на первыхъ же порахъ имѣть дѣло съ вопросомъ объ увеличеніи земельной площади, находящейся въ пользованіи земледѣльцевъ. Пока же народъ не заживетъ болѣе сознательною жизнью и не будетъ принимать большаго участія въ управленіи своими дѣлами, всякое идущее откуда-то надѣленіе землей можетъ возбудить лишь излишнія чаянія и придать вопросу неправильное освѣщеніе.

Но какимъ образомъ подойти къ разрѣшенію сложнаго земельнаго вопроса? Почти излишне говорить, насколько нежелательно разжиганіе классовыхъ и эгоистическихъ инстинктовъ, ведущихъ къ болѣзненнымъ и зачастую безплоднымъ конфликтамъ.

Если бы теперь, при современномъ экстенсивномъ способѣ веденія хозяйства, передѣлить между земледѣльцами даже всю частновладѣльческую землю, то черезъ нѣсколько времени, благодаря приросту населенія,

---

*) Кстати замѣтимъ, что теперь доплаты при покупкѣ чрезъ Крестьянскій банкъ и расходы по переселенію зачастую отнимаютъ послѣднія оборотныя средства, необходимыя для заведенія хозяйства на новыхъ мѣстахъ.

земли опять не хватило бы, не говоря уже о томъ, что, по всей вѣроятности, она опять стала бы группироваться въ рукахъ крупныхъ хозяевъ и притомъ неравномѣрно и не всегда достаточно справедливо. Кромѣ прямой неисполнимости такого мѣропріятія, подобная насильственная ломка всѣхъ хозяйственныхъ отношеній должна быть признана и нецѣлесообразною, такъ какъ, кромѣ разоренія единичныхъ семействъ, она можетъ повести и къ разоренію хозяйства, что врядъ ли желательно съ точки зрѣнія общенародной экономіи. Поэтому является болѣе желательнымъ постепенный и мирный переходъ земли въ руки земледѣльцевъ, примѣръ чему мы видимъ во многихъ демократическихъ странахъ. Возьмемъ хотя бы Швейцарію. Тамъ все землевладѣніе и связанное съ нимъ скотоводство уже давно перешло въ руки мелкихъ землевладѣльцевъ, а прежніе землевладѣльцы или перекочевали въ города и занимаются такъ называемыми свободными профессіями, или же помѣстили свои средства въ индустрію *). Отчасти то же явленіе наблюдается теперь и въ Россіи, съ той только разницей, что отпадающее отъ земли дворянство при теперешнемъ бюрократическомъ строѣ Россіи находитъ главное прибѣжище на службѣ. Статистика указываетъ на неуклонный ростъ землевладѣнія другихъ сословій и главнымъ образомъ крестьянскаго за счетъ дворянскаго; напримѣръ, въ одномъ Лохвицкомъ уѣздѣ за 9 лѣтъ частное землевладѣніе уменьшилось съ 76 т. дес. на 55 т. Необходимо, слѣдовательно, только урегулировать это движеніе и, гдѣ надо, облегчить его и облечь въ желательныя формы. Слишкомъ форсировать его, по мнѣнію нѣкоторыхъ говорившихъ въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, тоже не слѣдуетъ, такъ какъ нельзя же видѣть во всѣхъ теперешнихъ землевладѣльцахъ исключительно злостныхъ эксплоататоровъ. Съ частнымъ землевладѣніемъ связаны подчасъ и извѣстныя культурныя традиціи, порвать съ которыми слишкомъ рѣзко значило бы понизить культурный уровень провинціи, особенно пока сама деревня еще не выдѣлила изъ своей среды новыхъ культурныхъ элементовъ.

Правда, крупныя латифундіи являются зломъ; помѣщики въ нихъ большею частью не живутъ, и онѣ служатъ лишнимъ насосомъ, вытягивающимъ деньги изъ деревни. Разумѣется, и тѣ средніе и мелкіе землевладѣльцы, которые для пополненія своего бюджета переносятъ центръ своей дѣятельности на службу и сами земли своей не обрабатываютъ, а, пользуясь нуждой крестьянъ въ землѣ, отдаютъ ее въ аренду за высокую плату, не должны разсчитывать на поддержку со стороны государ-

*) При этомъ надо замѣтить, что интенсивность мелкаго хозяйства доведена тамъ до такой степени, до которой она никогда не могла бы дойти при крупномъ землевладѣніи. Замѣчательныя породы швейцарскаго рогатаго скота выведены крестьянами. Русскія породы, ярославская и украинская, тоже выведены крестьянами.

ства для сохраненія земли за ними. Новому земельному законодательству придется использовать имѣющійся у государства запасъ земельнаго фонда для переселеній, усилить дѣятельность Крестьянскаго банка, реформировавъ его въ смыслѣ замѣны посредничества при покупкѣ самостоятельною покупкою земель за счетъ банка, а также заняться снабженіемъ переселенцевъ мелiоративнымъ кредитомъ, улучшеніемъ условій земельной аренды.

Аренда играетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ играть громадную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ. По своду канцеляріи Государственнаго Совѣта въ 1890 году числилось болѣе 10 милліоновъ десятинъ крестьянской аренды. Въ 80 годахъ въ Саратовской губ. половина крестьянскихъ посѣвовъ производилась на арендованныхъ земляхъ. Преобладающая теперь однолѣтняя аренда, хищнически истощающая землю и съ непомѣрно высокими подчасъ цѣнами, установляемыми монопольными условіями земельнаго рынка, нетерпима съ точки зрѣнія государственной экономической политики. Поэтому въ арендное законодательство должны быть введены слѣдующія основанія: возможность удлиненія срока аренды противъ теперешняго 12-лѣтняго максимума, зачетъ въ пользу арендатора произведенныхъ имъ на арендованной землѣ коренныхъ улучшеній и учрежденіе общественно-государственныхъ комиссій для урегулированія цѣнъ, а иногда и для принудительной отдачи въ аренду угодій, необходимыхъ для веденія хозяйства сосѣдей.

Разумѣется, аренда есть только палліативъ и притомъ иногда даже задерживающій переходъ земли въ руки тѣхъ, которые ее обрабатываютъ, и къ которымъ по справедливости она должна перейти. Лучше всего это мы видимъ на примѣрѣ Англіи, этой классической страны аренды. Не говоря уже объ Ирландіи, гдѣ несправедливость распредѣленія поземельной собственности приводитъ къ столькимъ недоразумѣніямъ, и въ самой Англіи съ ея сравнительно хорошо поставленнымъ аренднымъ законодательствомъ развитіе аренды можетъ объясняться существованіемъ майоратныхъ латифундій, а также тѣмъ, что земледѣліе въ Англіи въ послѣднее время не играло первенствующей роли.

Итакъ, необходимо сознательно отнестись къ дальнѣйшему переходу земли къ земледѣльцамъ и по возможности облегчить его. На это надо смотрѣть, какъ на важное существеннѣйшее государственное мѣропріятіе. Законодательство Россіи, какъ страны земледѣльческой по преимуществу, не можетъ уклониться отъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Оно должно руководствоваться при этомъ не классовыми, а общегосударственными интересами, хотѣлось бы даже сказать, — общечеловѣческими принципами. Противъ малоземелья нельзя же бороться штыками; да и пребываніе въ деревнѣ помѣщиковъ тогда скоро стало бы немыслимо. Съ другой стороны, всѣ мѣропріятія должны основываться на почвѣ

справедливости и, въ случаѣ покупки или выкупа земли у землевладѣльцевъ, компенсація послѣднихъ должна производиться по справедливой оцѣнкѣ. Сознательно отнестись къ этому вопросу слѣдуетъ и землевладѣльческому классу. Въ Россіи классовые интересы никогда не имѣли преобладающаго значенія и приносились въ жертву интересамъ государственнымъ. Да и съ точки зрѣнія разумнаго эгоизма землевладѣльцамъ лучше посмотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности и приспособиться къ текущимъ обстоятельствамъ, чѣмъ застыть въ неподвижной формѣ, рискуя потомъ въ какомъ-нибудь катаклизмѣ потерять все. Были же въ серединѣ прошлаго столѣтія дворяне-землевладѣльцы, которые сознавали невозможность дальнѣйшаго веденія хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ трудѣ. Такъ и теперь прогрессивнымъ элементамъ нашего землевладѣнія все чаще предъявляется вопросъ, какую позицію они займутъ, когда придется поступаться правами на часть принадлежащей имъ земли. И какъ при освобожденіи крестьянъ было отрицательное отношеніе со стороны нѣкоторыхъ дворянъ къ этой реформѣ (выразившееся между прочимъ въ созданіи такъ называемаго нищенскаго надѣла), такъ и теперь и въ земствѣ, и въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ замѣчалось иногда эгоистически-аграрное и недальновидное отношеніе къ дѣлу. Вотъ съ этими-то теченіями и надо бороться. Во-первыхъ, стремясь къ упомянутому уже выше улучшенію арендnаго законодательства, землевладѣльцы и теперь должны смотрѣть на свои имѣнія не только съ агрономической точки зрѣнія, а и съ соціально-экономической, а потому отдавать часть земли крестьянамъ въ аренду на подходящихъ условіяхъ. Это особенно надо имѣть въ виду, когда у крестьянъ слишкомъ мало земли, и имъ еще не удалось такъ или иначе ее пріобрѣсти, или когда нѣкоторыя угодья (въ родѣ выпасовъ, прогоновъ, водопоевъ и т. д.) имъ совершенно необходимы. При этомъ надо стремиться въ предѣлахъ существующаго законодательства къ тому, чтобы интересы обѣихъ сторонъ по возможности были солидарны и чтобы арендатору выгодно было дѣлать улучшенія на арендованной имъ землѣ.

Для достиженія этой солидарности интересовъ многіе считаютъ желательнымъ замѣнить неподвижную арендную плату сдачей земли за извѣстную долю урожая. И съ нравственной стороны для землевладѣльца такая форма сдачи земли будетъ лучше, такъ какъ онъ не уподобится въ такомъ случаѣ рантьеру, отрѣзывающему купоны, а можетъ близко стоять къ землѣ и къ земледѣльцу, участвуя въ меліораціи сѣменами, орудіями или условіями лучшей обработки и содѣйствуя введенію болѣе интенсивнаго сѣвооборота. Новое аграрное законодательство, политика народнаго кредита и упомянутыя ниже арбитражныя комиссіи должны принять мѣры къ тому, чтобы устранить ростовщическую эксплоатацію арендаторовъ, которая такъ часто практикуется посредствомъ отработоч-

ной системы, скрывающей подъ собою непомѣрно высокія арендныя цѣны. Кстати сказать, при преобладаніи арендной и испольной сдачи земли отойдетъ въ область преданій система потравъ, штрафовъ, объѣздчиковъ, такъ часто влекущая за собою недоразумѣнія.

Болѣе кореннымъ образомъ помочь малоземелью крестьянъ можно посредствомъ продажи всего или части имѣнія въ ихъ полную собственность; особенно эта мѣра является необходимой для уничтоженія чрезполосицы, для снабженія крестьянъ необходимыми для ихъ скотоводства угодьями или усадебной землей (послѣднее важно для разселенія). Къ тому же ликвидація части или даже всего имѣнія бываетъ сплошь да рядомъ выгоднѣе, чѣмъ веденіе хозяйства наемнымъ трудомъ или чрезъ наемную администрацію; зачастую владѣльцы имѣній вслѣдствіе ихъ задолженности или отсутствія оборотнаго капитала являются какъ бы фиктивными владѣльцами и работаютъ или на банки, или на кредиторовъ, или же наемный трудъ и наемная администрація поглощаютъ всѣ доходы. Въ такомъ случаѣ выгоднѣе или продать все имѣніе и вырученнымъ деньгамъ дать другое назначеніе, или сконцентрировать хозяйство на меньшемъ участкѣ, освобожденномъ отъ долговъ, снабженномъ оборотнымъ капиталомъ и требующемъ меньшихъ расходовъ по администраціи. Съ нравственной стороны такое землевладѣніе опять-таки имѣло бы свое оправданіе. Владѣлецъ могъ бы завести болѣе интенсивное хозяйство съ введеніемъ новыхъ отраслей дохода, могущее служить для данной мѣстности какъ бы опытнымъ или показательнымъ участкомъ. Кромѣ того, онъ одинъ или совмѣстно съ сосѣдями могъ бы имѣть какое-нибудь техническое производство для переработки сырья съ полей какъ своихъ, такъ и окружающаго населенія и давать ему заработокъ въ свободное зимнее время.

Насколько естественно тяготѣніе къ землѣ крестьянина, настолько же понятна привязанность землевладѣльца и его семьи къ давно насиженному гнѣзду и къ своей усадьбѣ; но съ другой стороны изъ всего теперь происходящаго видно, насколько прежнія патріархальныя отношенія деревни отошли въ область преданій, и вмѣсто кажущейся идилліи деревенская жизнь угрожаетъ подчасъ помѣщику крупными катастрофами. Поэтому и съ точки зрѣнія личной жизни необходимо такъ наладить свое хозяйство, чтобы вмѣсто противоположности интересовъ съ сосѣдями была солидарность. Если же этого сдѣлать не удастся, то лучше совсѣмъ ликвидировать хозяйство и смотрѣть на свою усадьбу, лишь какъ на дачу, чѣмъ жить въ ней, какъ въ осажденной крѣпости, среди открытаго или скрытаго недовольства окружающаго населенія.

Какъ при сдачѣ земли въ аренду за часть урожая, такъ и при продажѣ ея желательно поощрять всякаго рода кооперації земледѣльцевъ въ видѣ земельныхъ общинъ, товариществъ, артелей и т. п.

Но всего вышеупомянутаго мало. Когда въ данной мѣстности нѣтъ запаса казенныхъ земель, а относительно покупки частновладѣльческой земли не состоялось добровольной сдѣлки, то необходимо предвидѣть, что снабженіе земледѣльцевъ землей должно иногда производиться посредствомъ обязательнаго выкупа части помѣщичьей земли. На первую очередь при операціи дополнительнаго выкупа должно быть поставлено исправленіе тѣхъ недочетовъ, которые были допущены при первомъ надѣленіи крестьянъ землей какъ вслѣдствіе неизбѣжности нѣкоторыхъ ошибокъ въ такомъ большомъ и спѣшномъ дѣлѣ, такъ и вслѣдствіе того, что голосъ самихъ крестьянъ не могъ еще раздаваться тогда съ достаточной авторитетностью. Это касается, главнымъ образомъ, надѣленія крестьянъ необходимыми имъ выпасами, прогонами и водопоями, а также уничтоженія чрезполосицы. Въ дѣлѣ же увеличенія площади крестьянской земли на первую очередь должно быть поставлено дополнительное надѣленіе дарственниковъ, т. е. мѣра, на необходимости которой настаивалъ Д. Ф. Самаринъ еще въ 1880 г.*). Но, разумѣется, къ такому хирургическому пріему лѣченія болѣзни, какимъ является обязательный выкупъ, надо приступить съ большой осторожностью. Раньше всего надо опасаться разрушать хозяйства, которыя ведутся цѣлесообразно и интенсивно и не основаны на кулаческой эксплоатаціи сосѣдняго населенія и на хищническомъ истощеніи почвы. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ хозяйства, органически связанныя съ какими-либо техническими производствами. Затѣмъ, въ виду того, что до сихъ поръ почти весь запасъ лѣсного богатства Россіи сохраненъ казной, частными владѣльцами и монастырями, раціонально будетъ предоставить владѣніе лѣсами казнѣ и частнымъ лицамъ, особенно если при этомъ будетъ вестись культурное лѣсовозобновленіе и правильная эксплоатація лѣса. Напротивъ, на первую очередь для обязательнаго выкупа должны быть поставлены такія земли, которыя эксплоатируются хищнически по отношенію почвы и окружающаго населенія. Съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ, напр., нетерпимо, когда какая-нибудь огромная частновладѣльческая латифундія или удѣльная дача сдаются черезъ рядъ посредниковъ за непомѣрно дорогую цѣну окружающимъ крестьянамъ, которые безъ этой земли не могутъ обойтись. Съ точки зрѣнія государства нельзя терпѣть и такихъ аграрныхъ отношеній, которыя постоянно угрожаютъ разразиться кровавой катастрофою. Вообще нужно усвоить себѣ взглядъ, что надѣленіе населенія землею должно быть мѣропріятіемъ государственнымъ, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, при отчужденіи земель подъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ,

*) „Теорія о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ по ученію проф. Янсона“ „Русь“, 1880. №№ 1, 2, 3.

каналовъ и при расширеніи улицъ, когда общественное право беретъ верхъ надъ частнымъ. Но кромѣ общаго законодательства долженъ быть образованъ объективно справедливый исполнительный аппаратъ въ видѣ земельныхъ арбитражныхъ комиссій изъ представителей правительства, общественныхъ учрежденій, судебнаго вѣдомства и науки, которые съ полнымъ безпристрастіемъ индивидуализировали бы каждый отдѣльный случай. Необходимо стремиться къ тому, чтобы ошибки при разрѣшеніи этихъ вопросовъ были доведены до минимума, и чтобы была предоставлена возможность обжалованія.

Для будущаго законодательства являются вопросы, за чей счетъ долженъ будетъ производиться выкупъ земли: за счетъ ли надѣляемыхъ землею земледѣльцевъ, или за счетъ государства; а также должна ли поступать земля въ неотъемлемую частную собственность новыхъ владѣльцевъ, или же, во избѣжаніе образованія земельной буржуазіи и новаго скопленія земли въ однихъ рукахъ, она должна принадлежать общинѣ, земству или государству. Но это настолько сложные вопросы, что разрѣшить ихъ можетъ лишь будущее законодательство при участіи въ немъ всѣхъ классовъ населенія; да и тогда врядъ ли вопросъ можетъ быть разрѣшенъ сразу и одинаково для всей Россіи. Въ этомъ случаѣ не слѣдовало бы навязывать слишкомъ однообразныхъ рецептовъ.

Пока же такъ называемые прогрессивные землевладѣльческіе и земскіе элементы должны заявить, что они предвидятъ необходимость такого законодательнаго регулированія земельнаго вопроса, и что они готовы принять участіе въ его разработкѣ, заранѣе соглашаясь итти на разумныя уступки.

Подобное направленіе будущаго законодательства и дѣятельности землевладѣльцевъ, уничтоженіе сословныхъ перегородокъ и отдѣльнаго суда и опеки надъ крестьянами, а также постоянная совмѣстная работа въ общественныхъ безсословныхъ организаціяхъ во всѣхъ ихъ ступеняхъ, начиная съ мельчайшей ячейки,—все это будетъ постепенно сглаживать классовыя недоразумѣнія и вмѣсто противорѣчія создастъ солидарность интересовъ. Пока же при правовомъ строѣ постепенно будутъ нарождаться новыя формы землепользованія, частному землевладѣльцу не будутъ постоянно угрожать внѣшнія катастрофы и внутреннія угрызенія совѣсти.

Кн. Петръ Долгоруковъ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Малоземелье, дополнительный надѣлъ и аренда.

Поземельнаго вопроса въ Россіи не могутъ отодвинуть на второй планъ никакія событія, какъ бы они ни были величественны и важны. Несмотря на крупнѣйшее историческое значеніе государственной реформы, передъ которой стоитъ въ настоящее время Россія, русскому обществу приходится дѣлить свое вниманіе между организаціей народнаго представительства и устройствомъ поземельныхъ отношеній на болѣе правильныхъ основаніяхъ, чѣмъ нынѣшнія. Впрочемъ, эти вопросы тѣсно связаны, потому что формирующіяся теперь у насъ политическія партіи не могутъ не опредѣлить своего отношенія къ кореннымъ задачамъ русской жизни. А какая же задача важнѣе той, которая касается поземельныхъ отношеній населенія, достигающаго по численности болѣе 85 милл. душъ?

Поземельная реформа должна быть однимъ изъ первыхъ дѣлъ народнаго представительства, которое одно только и можетъ осуществить ее на правильныхъ основаніяхъ. Поэтому выработка аграрной программы является въ настоящее время подготовкой русскаго общества къ задачѣ, стоящей на очереди въ ближайшемъ будущемъ. Кромѣ того, прогрессивнымъ элементамъ чрезвычайно важно теперь же занять опредѣленное положеніе по отношенію къ поземельному вопросу, чтобы показать народу, чего онъ можетъ ждать отъ нихъ, и насколько то, что ему можетъ дать новый режимъ, значительнѣе того, что даетъ или обѣщаетъ существующій.

Аграрное движеніе нынѣшняго года значительно обострило поземельный вопросъ, но не оно создало его. Онъ подготовленъ всей нашей исторіей послѣдняго сорокалѣтія, точкой отправленія которой служитъ реформа 1861 г. Съ нею главнымъ образомъ связано и то хорошее, что есть въ поземельномъ устройствѣ нашего крестьянскаго населенія, и то дурное, съ чѣмъ приходится теперь бороться. Поэтому установить правильный

взглядъ на задачи, подлежащія разрѣшенію въ области поземельныхъ отношеній, возможно лишь въ связи съ обзоромъ нѣкоторыхъ сторонъ реформы 19 февраля. То, что предстоитъ сдѣлать теперь, должно служить исправленіемъ и развитіемъ того, что было сдѣлано тогда.

I.

„Положеніе“ 19 февраля 1861 г., какъ факторъ современнаго малоземелья.

Если значительная часть крестьянъ страдаетъ теперь отъ недостатка надѣльной земли, то этимъ они обязаны прежде всего тѣмъ элементамъ помѣщичьяго класса, которые сумѣли своимъ вліяніемъ исказить основную идею «Положенія» 19 февраля. Эта идея заключалась въ освобожденіи крестьянъ съ землею въ количествѣ, достаточномъ для обезпеченія ихъ быта. Въ дѣйствительности же большинство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вышло изъ крѣпостной зависимости съ надѣлами, недостаточными для указанной цѣли и даже уменьшенными сравнительно съ предреформеннымъ временемъ; и это произошло подъ давленіемъ помѣстнаго элемента, на который и падаетъ отвѣтственность за послѣдствія отрицательныхъ сторонъ освободительной реформы. Исторія подготовительныхъ работъ по составленію «Положенія» 1861 г. есть исторія уступокъ, шагъ за шагомъ отвоеванныхъ помѣщиками у творцовъ великаго законодательнаго акта.

Сторонники обезземеленія крестьянъ откровенно заявляли, что «недостаточное» обезпеченіе землею крестьянскаго населенія составляетъ необходимое условіе обезпеченія помѣщичьихъ хозяйствъ рабочей силой. Этой цѣли они, конечно, разсчитывали легче добиться при помощи опредѣленія «нормальнаго» крестьянскаго надѣла, чѣмъ при сохраненіи за крестьянами тѣхъ надѣловъ, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ *). Но редакціонныя комиссіи, какъ извѣстно, отвергли мысль объ установленіи искусственной нормы надѣленія и остановились на

---

*) А. Скребицкій. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Т. II. Стр. 30. 1863 г.

Противникамъ сохраненія существующихъ надѣловъ Н. Г. Чернышевскій справедливо возражалъ въ своихъ статьяхъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, что и при нынѣшнемъ (т. е. существовавшемъ въ предреформенное время), надѣлѣ крестьяне «кончаютъ обработку своихъ полей не больше, какъ въ три дня а часто и меньше, потому что во многихъ помѣстьяхъ не оставляютъ имъ и трехъ законныхъ дней. Что же они станутъ дѣлать въ остальные три дня? Неужели въ самомъ дѣлѣ лежать на печи?» Н. Г. Чернышевскій. Статьи по крестьянскому вопросу. 1905. Стр. 591.

принципѣ сохраненія существующихъ надѣловъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они находились въ 1859 г. Тогда помѣщичья оппозиція направила свои стремленія къ тому, чтобы возможно обузить принятое комиссіями начало въ примѣненіи его на практикѣ. И результатомъ этихъ стремленій было установленіе для каждой мѣстности, за исключеніемъ степной полосы, наибольшаго и наименьшаго размѣровъ земли на ревизскую душу, съ тѣмъ, чтобы ввести въ эти границы существующіе надѣлы. Всѣ крестьянскіе надѣлы, не выходящіе изъ предѣловъ установленныхъ максимума и минимума, должны были за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ остаться безъ измѣненій; въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ существующій надѣлъ превышалъ наибольшій размѣръ, помѣщику предоставлялось отрѣзать этотъ излишекъ въ свое непосредственное владѣніе, а тамъ, гдѣ крестьяне при крѣпостномъ правѣ пользовались меньшимъ противъ установленнаго для ихъ мѣстности низшаго надѣла, помѣщикъ долженъ былъ прирѣзать имъ недостающее количество изъ своихъ угодій. Для степной полосы была установлена одна норма въ видѣ такъ называемаго указнаго надѣла.

Затѣмъ приведенныя начала были ограничены еще рядомъ существенныхъ оговорокъ, ограждавшихъ интересы помѣщиковъ. Главнѣйшія изъ нихъ направлены были къ тому, чтобы предотвратить сокращеніе владѣльческихъ имѣній, которое могло бы произойти при надѣленіи землей крестьянъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ отношеніи представляло извѣстную опасность для владѣльцевъ правило о прирѣзкѣ земли крестьянамъ, надѣлъ которыхъ при крѣпостномъ правѣ былъ меньше минимальной нормы, установленной для данной мѣстности. Для предотвращенія этой опасности и было постановлено, что такая прирѣзка земли крестьянамъ необязательна для помѣщика, если въ непосредственномъ владѣніи его состоитъ не болѣе $^1/_3$ (въ степной полосѣ $^1/_2$) общаго количества угодій, принадлежащихъ къ имѣнію; если же помѣщикъ имѣлъ въ своемъ непосредственномъ владѣніи болѣе $^1/_3$ (или $^1/_2$) угодій, то подлежало прирѣзкѣ къ крестьянскому надѣлу, для пополненія установленнаго на душу наименьшаго размѣра, лишь такое количество удобной земли, чтобы затѣмъ оставалось не менѣе $^1/_3$ (или $^1/_2$) ея въ непосредственномъ его владѣніи. Такимъ образомъ, допускались случаи, когда крестьянскій надѣлъ, хотя и не достигавшій минимума, все же долженъ былъ остаться невосполненнымъ до минимальной нормы.

Съ другой стороны, въ огражденіе цѣлости помѣщичьихъ имѣній были установлены случаи, когда помѣщику предоставлялось право отрѣзать часть существующаго надѣла, хотя бы онъ и не превышалъ максимальной нормы. Это именно тѣ случаи, когда въ непосредственномъ владѣніи помѣщика, при сохраненіи существующаго надѣла, не выходящаго однако за предѣлы нормы, оставалось менѣе $^1/_3$ (или $^1/_2$)

общаго количества угодій удобной земли *). При этомъ въ интересахъ крестьянъ введена была только та оговорка, что въ пользованіи ихъ не должно было ни въ какомъ случаѣ оставаться менѣе установленнаго на душу низшаго размѣра надѣла. Такимъ образомъ, былъ обезпеченъ извѣстный минимумъ имѣній, отъ которыхъ часть земли должна была отойти въ надѣлъ крестьянамъ. Но для помѣстнаго элемента кромѣ того было чрезвычайно важно, чтобы какъ наивысшій, такъ и наименьшій размѣры надѣла были какъ можно ниже, потому что при низкомъ максимумѣ больше земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, подлежало отрѣзкѣ въ пользу помѣщика, а при низкомъ минимумѣ было меньше шансовъ, что помѣщику придется производить дополнительную прирѣзку въ пользу крестьянъ. Стремленія помѣщиковъ увѣнчались успѣхомъ: редакціонными комиссіями сдѣланъ былъ рядъ существенныхъ уступокъ въ направленіи благопріятномъ для помѣщичьихъ интересовъ.

Нормы высшихъ надѣловъ подверглись послѣдовательнымъ урѣзкамъ во 2-мъ и 3-мъ періодахъ работъ комиссій и, наконецъ, при окончательномъ обсужденіи «Положенія». Что же касается низшаго надѣла, то сначала редакціонныя комиссіи остановились на предположеніи принять для наименьшаго размѣра надѣла $^2/_5$ наибольшаго; но у многихъ возникло опасеніе, что при такой нормѣ въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ (менѣе 100 душъ) будетъ слишкомъ много случаевъ, когда помѣщику придется прирѣзать крестьянамъ землю до низшаго размѣра надѣла. Между тѣмъ комиссіи исходили отъ правила, что «низшій предѣлъ крестьянскихъ надѣловъ долженъ быть поставленъ въ такія узкія границы, чтобы прирѣзка крестьянамъ недостающаго количества угодій не могла сдѣлаться общимъ явленіемъ, но всегда сохраняла бы лишь характеръ исключенія **). Для строгаго соблюденія этого правила признано было необходимымъ понизить наименьшій размѣръ надѣла до $^1/_3$ высшаго, въ малороссійскихъ же губерніяхъ до $^1/_2$.

Наконецъ, во многихъ случахъ нормы надѣловъ подверглись сверхъ того пониженію, потому что мѣстности, отнесенныя первоначально къ районамъ съ сравнительно высокими надѣлами, были затѣмъ перечислены въ районы съ меньшими надѣлами.

Путемъ послѣдовательныхъ пониженій норма высшаго надѣла была

---

*) По предположенію ред. ком., при опредѣленіи $^1/_3$ принималась въ разсчетъ общая совокупность всѣхъ удобныхъ земель, принадлежащихъ помѣщику, какъ въ томъ селеніи, гдѣ часть крестьянской земли подлежитъ отрѣзкѣ въ пользу владѣльца для составленія этой трети, такъ и въ другихъ селеніяхъ и незаселенныхъ дачахъ, отстоящихъ отъ перваго не далѣе, какъ на 25 верстъ. При окончательномъ обсужденіи „Положенія“ 19 февраля 25-тиверстное разстояніе было сокращено до 12 верстъ.

**) А. Скребицкій, II, стр. 1072.

сведена до такого уровня, при которомъ часть прежнихъ надѣловъ у значительнаго числа крестьянъ подлежала отрѣзкѣ въ пользу помѣщиковъ. Достаточно просмотрѣть составленную редакціонными комиссіями «Вѣдомость, представляющую раздѣленіе уѣздовъ на мѣстности по величинѣ наибольшаго и наименьшаго надѣла крестьянъ угодьями» *), чтобы убѣдиться, что въ черноземной и нечерноземной полосахъ Россіи въ большомъ числѣ уѣздовъ надѣлы извѣстной части крестьянскаго населенія подлежали болѣе или менѣе чувствительному сокращенію. По разсчету редакціонныхъ комиссій въ уѣздахъ черноземной полосы число имѣній, въ которыхъ крестьяне могли подвергнуться уменьшенію надѣловъ, не превышало 25%; но при этомъ, однако, было замѣчено, что свѣдѣнія о дѣйствительныхъ крестьянскихъ надѣлахъ разработаны только по имѣніямъ съ населеніемъ болѣе 100 душъ; поэтому если бы представлялась возможность опредѣлить общее число душъ крестьянъ, которые могутъ подвергнуться отрѣзкѣ земель, то отношеніе это было бы менѣе благопріятно, въ виду чего редакціонныя комиссіи и выразили опасеніе, что «принятые ими размѣры наибольшихъ надѣловъ малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ»**). Въ нечерноземной полосѣ число имѣній, въ которыхъ надѣлы превышали максимальные размѣры, оказалось значительнѣе, чѣмъ въ черноземной: весьма немного было уѣздовъ, въ которыхъ такихъ имѣній было менѣе $^1/_5$ общаго числа ихъ; въ большинствѣ же уѣздовъ оно колебалось между $^1/_4$ и $^1/_3$, а въ нѣкоторыхъ достигало $^1/_2$ и болѣе.

Въ то время какъ число имѣній, въ которыхъ надѣлы, существовавшіе при крѣпостномъ правѣ, превышали норму высшихъ надѣловъ, установленныхъ редакціонными комиссіями и затѣмъ «Положеніемъ» 19 февраля, было очень незначительно, напротивъ, имѣній, въ которыхъ надѣлы опредѣлились ниже минимальной нормы, оказалось очень немного: въ рядѣ уѣздовъ ихъ вовсе не было, а въ другихъ они составили незначительный процентъ. Поэтому отрѣзка земель отъ крестьянскихъ надѣловъ представляла обычное явленіе, а прирѣзка, согласно предположеніямъ комиссій, дѣйствительно могла носить «лишь характеръ исключенія».

Кромѣ указанныхъ причинъ еще цѣлый рядъ другихъ, также вытекавшихъ изъ недостатковъ «Положенія» 19 февраля, приводилъ къ тому же послѣдствію —сокращенію надѣльнаго землевладѣнія крестьянъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости. Главнѣйшія изъ этихъ причинъ слѣдующія.

Очень важное значеніе въ указанномъ отношеніи имѣла система

*) Скребицкій, II, стр. 1553.
**) Стр. 1054.

распредѣленія повинностей по отдѣльнымъ десятинамъ надѣла, отводившагося крестьянамъ. Редакціонныя комиссіи полагали, что равномѣрное обложеніе повинностью всѣхъ десятинъ крестьянскаго надѣла, съ пониженіемъ ея пропорціонально съ уменьшеніемъ размѣра надѣла, не соотвѣтствовало бы дѣйствительнымъ выгодамъ, извлекаемымъ крестьяниномъ изъ земли. Крестьянинъ, надѣленный одною десятиною на душу, по мнѣнію комиссіи, извлекаетъ изъ нея все, что она можетъ дать; при надѣленіи его другою десятиною, также необходимою для его хозяйства, выгоды его хотя и увеличиваются, но не удваиваются, ибо онъ не въ состояніи употребить на нее столько труда и оборотнаго капитала, какъ на первую; еще менѣе относительныя выгоды, извлекаемыя имъ изъ третьей и четвертой десятины. На основаніи этихъ соображеній, совершенно невѣрныхъ, была установлена система градаціи повинностей, при которой первая десятина облагалась выше, чѣмъ прочія: при уменьшеніи величины надѣла уменьшались и повинности, но уменьшались непропорціонально.

Проф. И. И. Иванюковъ справедливо говоритъ, что система градаціи повинности занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ среди причинъ большой неравномѣрности въ крестьянскихъ платежахъ и развитія сельскаго пролетаріата, надѣленнаго землею. Чѣмъ меньшій надѣлъ, сравнительно съ низшею нормою, получилъ крестьянинъ, тѣмъ экономическое положеніе его становилось, вообще говоря, хуже, а принятая редакціонными комиссіями система градаціи повинностей ухудшала это положеніе еще болѣе*).

Но кромѣ того, система градаціи повинностей служила для помѣщиковъ побудительной причиной стремиться къ тому, чтобы крестьяне выкупали меньшій надѣлъ. Эту сторону «Положенія» 19 февраля одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, принимавшихъ участіе въ проведеніи въ жизнь реформы 1861 г., Н. В. Всеволожскій наглядно поясняетъ простымъ разсчетомъ. Въ своей весьма интересной запискѣ, представленной въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и, къ сожалѣнію, оставшейся ненапечатанной, онъ сообщаетъ, что въ Симбирской губ. при выкупѣ крестьянами высшаго надѣла помѣщикъ получалъ 120 р. за полный надѣлъ на душу, что составляло по различнымъ уѣздамъ, въ зависимости отъ величины надѣла, отъ 30 р. до 36 р. за десятину. При выкупѣ же крестьянами низшаго надѣла ($^1/_3$ высшаго) помѣщикъ получалъ, благодаря болѣе высокой оцѣнкѣ первой десятины, въ среднемъ отъ 45 руб. до 51 руб. за десятину. «Послѣ сказаннаго, — замѣчаетъ г. Всеволожскій, — становится вполнѣ

*) Иванюковъ. Паденіе крѣп. права въ Россіи. Изд. 2-е, 1903 г., стр. 289.

понятно, почему помѣщики старались, чтобы крестьяне выкупали менѣе земли» *).

Другими чрезвычайно неблагопріятными для крестьянъ сторонами «Положенія» 19 февраля оказались статьи, предоставлявшія имъ право *по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ* отказываться отъ части причитавшагося имъ надѣла; особенно же пагубно отразилась на судьбѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ ст. 123 «Положенія», по которой помѣщикъ, также *по добровольному соглашенію съ крестьянами*, могъ подарить крестьянамъ $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла, послѣ чего остальная часть надѣльной земли отходила къ помѣщику, и всякія обязательственныя отношенія между нимъ и его бывшими крѣпостными прекращались.

Эти узаконенія причинили крестьянскому населенію великое зло, плоды котораго приходится пожинать современнымъ поколѣніямъ.

По свидѣтельству современниковъ, сельскія общества, иногда въ большомъ числѣ, при составленіи выкупныхъ договоровъ съ помѣщиками отказывались выкупать все отведенное имъ по уставнымъ грамотамъ количество земли, довольствуясь лишь частью ея. По словамъ г. Всеволожскаго, записку котораго мы уже цитировали выше, размѣры уменьшенныхъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ Симбирской губерніи, отказавшихся отъ части приходившейся имъ земли, доходили до одной и даже менѣе десятины. Причины отказа крестьянъ отъ выкупа отведенныхъ имъ по уставнымъ грамотамъ надѣловъ въ полномъ составѣ, какъ сообщаетъ тотъ же авторъ, заключались въ распространившихся въ крестьянскомъ населеніи слухахъ о предстоявшемъ будто бы переходѣ всей земли къ крестьянамъ безплатно или за очень низкую плату, въ страхѣ крестьянъ передъ переходомъ при выкупѣ на непривычную для нихъ денежную повинность, въ чрезмѣрной высотѣ выкупныхъ платежей и, наконецъ, въ давленіи со стороны помѣщиковъ **).

Отчасти по тѣмъ же причинамъ, въ особенности же подъ вліяніемъ послѣдней изъ нихъ, крестьяне принимали и даровой или четвертной надѣлъ по ст. 123 Великорусск. Пол., основательно прозванный «нищенскимъ» или «сиротскимъ». Наиболѣе часты были переходы крестьянъ на дарственные надѣлы въ мѣстностяхъ многоземельныхъ, гдѣ представлялась возможность арендовать землю за невысокую плату и гдѣ въ то же время особенно рѣзко проявлялось несоотвѣтствіе выкупныхъ платежей съ арендными цѣнами; это именно въ юго-восточной и южной окраинахъ ***). Самарскій губернаторъ сообщаетъ въ своемъ всеподдан-

*) Записка Н. В. Всеволожскаго, управляющаго симбирскою казенною палатой (1902 г.).

**) Записка Н. В. Всеволожскаго.

***) Проф. Ходскій. Земля и земледѣлецъ. 1891, II, стр. 41.

нѣйшемъ отчетѣ за 1900 г., что въ его губерніи принявшихъ дарственный надѣлъ и отказавшихся вовсе отъ надѣла въ виду перечисленія въ мѣщане, но оставшихся на жительствѣ въ прежнихъ своихъ поселеніяхъ, было около 5% общаго числа крестьянскаго населенія. Главная причина этого явленія, по словамъ губернатора, заключалась въ томъ, что при освобожденіи крестьянъ продажныя и арендныя цѣны на землю были ниже не менѣе, чѣмъ въ 5 разъ оцѣнки правительства *).

Общее число «дарственниковъ» составляло по 37 губерніямъ приблизительно 600,000 человѣкъ, или около 0,9% къ общему числу крѣпостныхъ **).

Итакъ, принципъ сохраненія въ отношеніи земельной обезпеченности крестьянъ фактическаго положенія, сложившагося при крѣпостномъ правѣ, далеко не былъ выдержанъ редакціонными комиссіями, а въ «Положеніи» 19 февраля былъ проведенъ съ еще болѣе существенными отступленіями. При томъ соотношеніи соціальныхъ силъ, какое существовало въ то время, иначе и быть не могло. Землевладѣльческій классъ, пользовавшійся монополіей вліянія на государственныя дѣла, идя на освобожденіе крѣпостныхъ отчасти изъ сознанія государственной необходимости этой реформы, частью же подчиняясь требованію правительства, естественно употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы направить реформу по наиболѣе выгодному для себя пути. Реформа въ томъ видѣ, въ какомъ она совершилась, явилась компромиссомъ между владѣльцами, желавшими освобожденія крестьянъ безъ земли или съ завѣдомо недостаточными надѣлами, и тѣми, которые находили, что цѣль реформы заключалась въ созданіи у насъ класса не только лично свободныхъ, но и экономически самостоятельныхъ поселянъ-собственниковъ. Пройдя по среднему между этими двумя теченіями пути, «Положеніе» 19 февраля создало поселянъ-собственниковъ, большею частью недостаточно надѣленныхъ землей и поэтому оказавшихся по освобожденіи въ болѣе или менѣе тяжелой экономической зависимости отъ того же владѣльческаго класса, отъ котораго юридически освободила ихъ реформа.

Трудно подсчитать, насколько въ общемъ понизилась земельная обезпеченность бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вслѣдствіе ограниченій и разнообразныхъ лазеекъ, введенныхъ въ „Положеніе“ 19 февраля въ интересахъ помѣщичьяго класса; но что сокращеніе произошло и притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

П. П. Семеновъ приводитъ данныя по 6-ти губерніямъ, показываю-

---

*) Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ начальниковъ губерній и областей за 1900 г. по вопросамъ, касающимся положенія и нуждъ сельскаго хозяйства.

**) Ходскій, стр. 41.

щія, что за крестьянами въ этихъ мѣстностяхъ осталось въ общемъ приблизительно $^4/_5$ находившейся въ ихъ пользованіи земли*). Чрезвычайно интересныя данныя для выясненія разсматриваемаго явленія представляетъ также недавно вышедшая работа г. Серебрякова по Саратовской губ. Въ этой губерніи реформа 1861 г. не повлекла измѣненій въ степени земельной обезпеченности только для 28,5% бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; повысилась земельная обезпеченность всего лишь для 7,4%; сократилась же для 64%. При этомъ сокращеніе надѣльнаго землевладѣнія для этого послѣдняго разряда выразилось въ пониженіи средняго душевого надѣла съ 4,9 до 2,8 дес. **).

Характеризуя общіе результаты реформы 1861 г., нельзя не отмѣтить еще и того, что довольно значительное число сельскихъ обывателей осталось совершенно безъ земли. Однихъ дворовыхъ, составившихъ существенную часть безземельнаго населенія, насчитывалось по 10 ревизіи (1858 г.) болѣе 720 тыс. ***). Кромѣ того, не мало крестьянъ перечислилось въ мѣщане частью до 1861 г., а отчасти и послѣ. О причинахъ, побуждавшихъ крестьянъ къ такому переходу, сохранились въ народѣ тяжелыя воспоминанія, которыхъ нельзя игнорировать при изученіи поземельнаго вопроса, потому что невозможно правильно опредѣлить значеніе послѣдняго, пренебрегая народной психологіей. Съ этой точки зрѣнія представляется весьма интереснымъ слѣдующій разсказъ, изложенный въ письмѣ, полученномъ мною изъ Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ. Вотъ что пишетъ мой корреспондентъ: «Наше общество по объявленіи Государемъ Императоромъ Александромъ II воли обратилось съ просьбой къ своему барину къ г. Педенко дать намъ полный надѣлъ. Онъ отвѣтилъ: «Внесите мнѣ 40 руб. въ годъ съ души, тогда дамъ вамъ полный надѣлъ». Мы отвѣтили: «Народъ мы разоренный, не можемъ, не въ состояніи внести этой суммы».—«Ну, такъ нѣту вамъ земли».—«Дайте намъ дарственную десятину, т. е. усадебную».—«Что же, говоритъ, я вамъ дамъ безъ платежу». Мы обратились къ посред-

---

*) Губерніи:

	Рязанская.	Воронежск.	Саратовская.	Псковская.	Новгородск.	Симбирская.
Существовавшій до реформы надѣлъ (въ 1000 дес.) .	1070	722	1078	917	1600	599
Осталось у крестьянъ . . .	1000	570	834	805	1045	530

(Цит. по ст. П. Н. Милюкова „Крестьяне“ въ энц. слов. Брокгауза).

**) В. Серебряковъ. Землевладѣніе въ Саратовской губерніи и степень обезпеченности крестьянъ землею. „Саратовская Земская Недѣля“ (отд. оттискъ, стр. 23).

***) Изъ дѣлъ Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

нику, а онъ говоритъ: „Дѣлайтесь съ своимъ бариномъ какъ-нибудь». А какъ съ нимъ дѣлаться, когда ни на что не соглашается? Потомъ 9 лѣтъ платили оброкъ, а баринъ все земли не даетъ и еще больше сталъ принуждать насъ. Мы мучились съ нимъ еще года два, и онъ все-таки насъ вынудилъ приписаться въ мѣщане. Баринъ померъ, земля перешла за долгъ въ руки купца или просто сказать въ руки кулака; теперь и покупаемъ на годъ по 26 руб. за 2 десятины. Урожайный годъ—то половина общества по міру ходитъ, а неурожайный годъ—то все общество».

По разсчету проф. Иванюкова, основанному на работѣ г. Воропанова, въ 8 центр. губерніяхъ осталось необезпеченными землею $11^1/_2{}^0/_0$ крестьянскаго населенія всѣхъ разрядовъ, при $34^1/_2{}^0/_0$ достаточно обезпеченныхъ, считая такимъ обезпеченіемъ надѣлъ въ 4 дес., и $54^0/_0$ скудно обезпеченныхъ, принимая за скудное обезпеченіе надѣлъ ниже 2 десятинъ *).

Благосостояніе крестьянскаго населенія, надѣленнаго по «Положенію» 19 февраля, не могло не быть чрезвычайно шаткимъ. Оно оказалось настолько непрочнымъ, что уже черезъ 15 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права проф. Янсонъ собралъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ обширный матеріалъ, свидѣтельствовавшій о весьма тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. «Мы прошли, писалъ онъ въ заключительной главѣ своей книги, всю Европейскую Россію, отъ сѣвера Вятской губ. и степей оренбургскихъ и самарскихъ до Подоліи, Вольска и Литвы, отъ болотъ новгородскаго полѣсья до степей Новороссіи, и вездѣ нашли много сходнаго въ положеніи массы нашего крестьянства. Вездѣ мы нашли въ немъ слабую обезпеченность хозяйственнаго быта, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 года призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда» **). Положеніе крестьянъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Янсонъ изобразилъ гораздо болѣе густыми красками, чѣмъ въ приведенномъ общемъ своемъ заключеніи. Относительно 12 губерній нечерноземной великорусской полосы онъ пришелъ къ выводу, что «не только за рѣдкими исключеніями надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, въ большинствѣ же и прокормить ихъ не въ состояніи» ***). Не менѣе печально заключеніе Янсона о черноземной полосѣ. «Не только

*) Иванюковъ, стр. 315.

**) Ю. Э. Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. 1877 стр. 119.

***) Стр. 25.

средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще 3-хъ десятинъ, замѣчаетъ онъ по поводу этой части Россіи, но и высшіе ихъ надѣлы, въ 3—3$^1/_2$ десятины (по «Положенію» 19-го февраля), даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія. Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины, и особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили надѣлы ниже среднихъ и низшіе надѣлы? А такихъ въ черноземной трехпольной полосѣ по крайней мѣрѣ половина, а мѣстами и большинство» *).

Такое положеніе, конечно, не могло бы возникнуть въ столь краткій промежутокъ времени послѣ отмѣны крѣпостного права, если бы помѣщичьи крестьяне, при выходѣ изъ крѣпостной зависимости, не были надѣлены землей слишкомъ скудно при несоразмѣрно высокихъ платежахъ за выкупную землю. Малоземелье существовало уже тотчасъ послѣ введенія въ дѣйствіе «Положенія» 19 февраля.

Проф. Ходскій, принимая средній надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ приблизительно за рабочую норму крестьянской поземельной собственности въ каждой отдѣльной мѣстности и за достаточное обезпеченіе надѣльной землей въ предреформенный періодъ, путемъ сравненія надѣловъ съ этой нормой, пришелъ къ выводу, что изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (10.608.100 ревизскихъ душъ) только 13,9% (1$^1/_2$ милл.) были надѣлены выше нормы; 43,5% (4$^1/_2$ милл.) достаточно и 42,6% (тоже приблизительно 4$^1/_2$ милл.) недостаточно**).

Было бы, конечно, несправедливо относить тяжелое положеніе крестьянскаго населенія, такъ ярко обнаружившееся въ половинѣ 70-хъ гг., цѣликомъ на счетъ «Положенія» 19 февраля. Для части бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ послѣднее только признало фактъ, существовавшій раньше: малоземелье ихъ было унаслѣдовано отъ крѣпостной эпохи и только закрѣплено реформой 1861 года. Но такихъ было сравнительно немного; для большинства же освобожденіе отъ крѣпостной зависимости оказалось, какъ мы видѣли, сопряженнымъ съ потерей части земли, которою они пользовались до отмѣны крѣпостного права. Въ этихъ предѣлахъ, весьма впрочемъ значительныхъ, недостатки «Положенія» 19 февраля, отмѣченные выше, являются однимъ изъ видныхъ факторовъ современнаго малоземелья.

Особенно важнымъ и прискорбными послѣдствіями отрицательныхъ сторонъ реформы 1861 г., независимо отъ тяжелыхъ условій выкупа земли бывшими крѣпостными, явились: лишеніе значительнаго числа крестьянъ

---

*) Стр. 67.

**) Ходскій, стр. 243.

отрѣзныхъ земель, входившихъ раньше въ составъ ихъ хозяйствъ; созданіе разряда дарственниковъ, составляющаго въ настоящее время особенно бѣдствующую часть крестьянскаго населенія, и устраненіе отъ земли нѣкоторыхъ довольно многочисленныхъ категорій сельскихъ обывателей, образовавшихъ собою классъ безземельныхъ.

Съ этими послѣдствіями «Положенія» 19 февраля, объясняющимися, главнымъ образомъ, вліяніемъ, оказаннымъ на реформу помѣстнымъ элементомъ, и приходится считаться теперь при разрѣшеніи поземельнаго вопроса въ Россіи. Нельзя не помнить, что землевладѣльческій классъ несетъ историческую отвѣтственность за недостатки реформы 1861 года, и поэтому справедливо, чтобы онъ принялъ матеріальное участіе и въ ихъ исправленіи. Это заключеніе составляетъ необходимый выводъ изъ обзора условій, при которыхъ создавалось «Положеніе» 19 февраля, и его необходимо признать за одну изъ важныхъ точекъ отправленія при проектированіи реформъ къ подъему матеріальнаго благосостоянія крестьянскаго населенія. То, что землевладѣльческій классъ при отмѣнѣ крѣпостного права получилъ не малую часть земли, находившейся въ пользованіи крестьянскаго населенія,—историческій фактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ историческая несправедливость, которая должна быть исправлена.

Вліяніе владѣльческаго класса на характеръ «Положенія» 19 февраля еще болѣе оттѣняется при сопоставленіи основаній поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, съ одной стороны, и удѣльныхъ и государственныхъ—съ другой. Положеніе 26 іюня 1863 г. о поземельномъ устройствѣ крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній предоставило въ собственность крестьянъ на началахъ выкупа всѣ находившіяся въ ихъ пользованіи земли безъ тѣхъ ограниченій, которыя были введены въ «Положеніе» 19 февраля въ интересахъ помѣщиковъ. Результаты примѣненія на практикѣ законоположеній о поземельномъ устройствѣ удѣльныхъ крестьянъ выразились въ томъ, что реформа не понизила ихъ земельной обезпеченности, какъ это произошло по отношенію къ значительной части бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и даже нѣсколько повысила ее *). Что касается государственныхъ крестьянъ, то поземельное устройство ихъ также совершилось на условіяхъ несравненно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ помѣщичьихъ. Бывшіе государственные крестьяне (по закону 1866 года) получили вообще земли больше противъ высшаго надѣла, указаннаго въ «Положеніи 19 февраля 1861 г., а размѣръ оброчной подати опредѣлился въ 2—$2^1/_2$ раза менѣе выкупныхъ платежей въ тѣхъ же губерніяхъ. По разсчету проф. Ходскаго, изъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ (въ общемъ 10.670,600 рев. душъ) были надѣлены выше

*) Ходскій, стр. 123.

средней рабочей нормы болѣе $^1/_2$ (50,7%); достаточно—болѣе $^1/_3$ (35,6%) и недостаточно—всего 13,7% *).

Разница въ положеніи бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, съ одной стороны, и помѣщичьихъ—съ другой, была настолько значительна что, что Янсонъ считалъ ее «наиболѣе выдающимся фактомъ» въ поземельныхъ отношеніяхъ, въ которыя поставлены крестьяне. «Рядомъ въ одной и той же мѣстности, писалъ онъ, первые имѣютъ большіе надѣлы и меньшіе платежи, вторые меньшіе надѣлы и большіе платежи. Причина такого явленія лежитъ, конечно, прежде всего въ томъ, что одни были государственные, а другіе—помѣщичьи, но ближайшимъ образомъ различіе это основывается на разницѣ въ способахъ обезпеченія быта тѣхъ и другихъ какъ въ отношеніи надѣленія ихъ землей, такъ и въ опредѣленіи тѣхъ повинностей, которыми обложены они за эту землю». Янсонъ справедливо признавалъ недостатки «Положенія» 19 февраля плодами того процесса, которымъ это «Положеніе» создавалось, и указывалъ, до какой степени великіе принципы, положенные въ основаніе крестьянской реформы, съ точки зрѣнія ихъ практическаго примѣненія и практическихъ послѣдствій, были или недостаточно выяснены, или въ теченіе самаго хода работъ редакціонныхъ комиссій уклонились отъ того смысла, какой придавали имъ сами комиссіи» **).

II.

Малоземелье.

Отрицательныя стороны поземельнаго устройства крестьянъ, въ особенности бывшихъ помѣщичьихъ, созданныя или закрѣпленныя «Положеніемъ» 19 февраля, получили въ пореформенное время дальнѣйшее развитіе и вызвали въ нашемъ сельскомъ быту рядъ неблагопріятныхъ явленій, которыя не только не встрѣтили противодѣйствія въ законодательствѣ и въ общихъ условіяхъ государственной и общественной жизни Россіи, но, напротивъ, находили въ нихъ благопріятную почву для своего распространенія и усиленія. Естественный приростъ населенія, при крайней ограниченности для большинства крестьянъ другихъ поприщъ приложенія труда, кромѣ земледѣлія, очень быстро приводилъ къ измельчанію надѣловъ, усиливая малоземелье. Въ 1860 г. сельское населеніе составляло 50 милл. душъ обоего пола, а къ концу 1900 г. оно достигло приблизительно 86 милл., т. е. возросло на 72%. При этомъ мужское населеніе въ частности увеличилось за тѣ же 40 лѣтъ въ еще

*) Ходскій, стр. 195. См. также Н. А. Каблукова: Условія развитія крестьянскаго хозяйства, стр. 112.

**) Янсонъ, стр. 120—125.

болѣе сильной пропорціи: съ 23 милл. до 43 милл. душъ, т. е. на 86% *). Вмѣстѣ съ тѣмъ понижался и средній размѣръ надѣла.

По даннымъ Комиссіи объ оскудѣніи центра, въ 1860 г. средній надѣлъ на ревизскую душу для 50 губерній Европейской Россіи составлялъ: у бывшихъ государственныхъ крестьянъ 6,7 дес.; у бывшихъ удѣльныхъ 4,9 дес. и бывшихъ помѣщичьихъ 3,2 дес., а для всѣхъ разрядовъ 4,8 дес. Въ 1880 году средній размѣръ надѣла на наличную душу мужского пола для всѣхъ разрядовъ крестьянъ понизился до 3,5 дес., а въ 1900 году до 2,6 дес. **).

---

*) Матеріалы Выс. учр. 16 ноября 1901 г. комиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губ., сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи, I. ч., стр. 16 (дальше труды этой комиссіи цитируются подъ названіемъ „Комиссія о центрѣ“). Слѣдуетъ замѣтить, что въ численность сельскаго населенія за 1860 г. вошли лишь сельскіе обыватели разныхъ наименованій; между тѣмъ, цифры движенія сельскаго населенія относятся не къ однимъ сельскимъ обывателямъ, но вообще къ жителямъ, проживающимъ въ предѣлахъ уѣздовъ, внѣ городовъ; поэтому численность сельскаго населенія за позднѣйшіе годы включаетъ не только крестьянъ, но и лицъ другихъ сословій, проживающихъ въ селеніяхъ. Получающаяся отсюда неточность однако не можетъ быть велика въ виду незначительности % этихъ сословій по отношенію къ общей массѣ сельскаго населенія (тамъ же, ч. III, стр. 36).

**) По отдѣльнымъ районамъ, на основаніи Комиссіи о центрѣ, пониженіе надѣловъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Средній размѣръ надѣла на десятину на одну душу мужского пола крестьянъ всѣхъ разрядовъ

Районы.	Ревизскую въ 1860 г.	Наличную въ 1880 г.	Наличную въ 1900 г.
Сѣверный	7,6	6,1	4,7
Сѣверо-восточный	8,1	6,1	4,6
Восточный	9,5	6,5	4,8
Юго-восточный	8,4	5,2	3,5
Средне-приволжскій	4,0	3,1	2,4
Ср.-земледѣльческій. I. Юго-восточный гр.	4,1	3,0	2,2
„ „ II. Сѣверо-западный гр.	3,0	2,2	1,7
Средне-промышленный	4,0	3,3	2,6
Прибалтійскій	3,7	2,9	2,4
Сѣверо-западный	5,0	3,3	2,2
Юго-западный	2,9	2,1	1,4
Малороссійскій	3,3	2,5	1,7
Новороссійскій	6,2	4,0	2,5
Всего по 50 губ. Европейской Россіи	4,8	3,5	2,6

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ проф. А. Ф. Фортунатовымъ, на 1 рев. душу крестьяне трехъ главныхъ разрядовъ получили въ среднемъ выводѣ нѣсколько

Если принять во вниманіе только тѣ группы крестьянскаго населенія, которыя сравнительно хуже надѣлены землею, то степень ихъ земельной обезпеченности опредѣлится, конечно, еще болѣе низкими цифрами.

Средній надѣлъ, приходившійся въ 1892 г. на наличную душу мужского пола изъ числа крестьянъ, владѣвшихъ надѣломъ не свыше нормы высшаго или указнаго надѣла, составлялъ: въ черноземныхъ губерніяхъ 1,8 дес. при нормахъ высшаго надѣла 2,75—10,0 дес.; въ нечерноземныхъ (безъ Астрах.) 2,9 десятинъ при нормахъ отъ 3 до 12 дес. Въ 50 губ. Европейской Россіи 2,3 при нормахъ отъ 2,75 до 12 дес. *).

Для 1900 г. среднія цифры надѣловъ должны быть еще понижены процентовъ на 8—10, такъ что для черноземныхъ губерній получится приблизительно 1,6 дес., для нечерноземныхъ 2,6 и для Европейской Россіи 2,1.

Измельчаніе надѣловъ, указываемое приведенными средними цифрами, еще болѣе ярко обнаруживается въ данныхъ, относящихся къ болѣе мелкимъ районамъ, напр., по губерніямъ.

Интересной иллюстраціей процесса пониженія земельной обезпеченности крестьянскаго населенія, выражающагося въ относительномъ сокращеніи группъ съ высшими надѣлами и въ увеличеніи группъ съ низшими, могутъ служить свѣдѣнія по Саратовской губ., гдѣ на 100 душъ мужского населенія причиталось имѣющихъ надѣльной земли на 1 душу**):

	Не менѣе нормальнаго надѣла.	Отъ $^3/_4$ до нормальнаго надѣла.	Отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ нормальнаго надѣла.	Менѣе $^1/_2$ нормальнаго надѣла.
Послѣ 1861 г.	65,3	10,7	5,0	19,0
Въ настоящее время . .	28,3	21,1	26,3	24,3

Мужское населеніе, надѣленное землей, составляло въ Саратовской г. въ 1861 г.—640,763 души, а въ 1904 г.—996,489 душъ; и такъ какъ площадь надѣльной удобной земли, которой пользовалось это населеніе, осталась почти безъ измѣненій, то средній надѣлъ соотвѣтственно сократился съ 5,2 дес. до 3,6 дес.

Въ Симбирской г. ***), подъ вліяніемъ той же причины, средній надѣлъ на ревизскую душу обоего пола сократился за 40 лѣтъ (1861—1902) въ слѣдующей пропорціи:

болѣе 5 д. (5,2) удобной надѣльной земли; въ 1878 г. на 1 муж. душу приходилось 4 дес. „Конспектъ лекцій по Сельско-хозяйст. статистикѣ". Кіевъ. 1902, стр. 22.

*) По даннымъ Свода статистики матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи. Изд. канцеляріи комитета министровъ, 1894. Стр. 12 и слѣд. (далѣе это изданіе цитируется „Сводъ Ком. Мин.").

**) Цит. работа Серебрякова, стр. 61.

***) Записка Н. В. Всеволожскаго.

У бывшихъ	помѣщичьихъ	крестьянъ	съ	2,6 д.	до	0,9 д.
»	»	государственн.	»	»	4,2 »	»	1,3 »
»	»	удѣльныхъ	»	»	4,3 »	»	1,3 »

Въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ сообщается между прочимъ (по Курской губ.), что средній крестьянинъ, получившій въ 1861 г. нормальный надѣлъ въ $2^3/_4$ дес. на ревизскую душу, въ настоящее время имѣетъ на душу не болѣе 1 дес.; крестьянинъ же, получившій низшій и особенно даровой надѣлъ, т. е. $^1/_4$ нормальнаго, располагаетъ только усадебной землей и совершенно не имѣетъ земли для своего прокормленія и исполненія повинностей *).

Въ самомъ тяжеломъ положеніи изъ крестьянъ, получившихъ надѣльную землю въ 1861 году, находятся дарственники. По даннымъ земско-статистическихъ изслѣдованій, сгруппированнымъ въ «Сводѣ статистическихъ матеріаловъ», изданномъ комитетомъ министровъ въ 1894 году, въ губерніяхъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія по всѣмъ уѣздамъ, на душу мужского пола приходилось въ среднемъ на дарственномъ надѣлѣ: въ 6 губ. менѣе 1 д. (отъ 0,5 до 0,9) и въ одной нѣсколько болѣе десятины (11, д. **). Новѣйшія свѣдѣнія о дарственникахъ показываютъ, что недостатокъ земли, отъ котораго они страдали уже въ то время, когда имъ отведены были ихъ «нищенскіе» надѣлы, теперь достигло крайней степени вслѣдствіе прироста населенія.

Въ Симбирской губ. въ 1861 г. было 40,000 дарственниковъ, въ настоящее время ихъ болѣе 112,000, такъ что средній душевой надѣлъ понизился съ 1 дес. до $^1/_3$ дес. Въ Саратовской губ. населеніе мужского пола, состоящее на дарственномъ надѣлѣ, увеличилось съ 1861 года болѣе чѣмъ на 36%; а средній душевой надѣлъ понизился съ 1,17 д. до 0,9 д. ***). Въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности сообщается, что въ нѣкоторыхъ обществахъ, получившихъ четвертные надѣлы въ восточныхъ губерніяхъ, въ настоящее время приходится на наличную душу всей надѣльной земли вмѣстѣ съ усадьбою по 0,2—0,4 д. ****).

Обращаясь отъ данныхъ о среднемъ размѣрѣ надѣловъ къ численности населенія, надѣленнаго въ недостаточныхъ размѣрахъ, мы находимъ, что въ 1877—78 гг. общее число душъ мужского пола, владѣвшихъ надѣлами не болѣе нормы высшаго или указнаго надѣла по «Положенію» 19 февраля, составляло *****):

---

*) Сводъ Труд. Мѣстн. Ком. по землевладѣнію (сост. Сосновскій), стр. 5.
**) Свод. Ком. мин., стр. 346 и сл.
***) Цит. работа Серебрякова, стр. 56.
****) Землевладѣніе. Сводъ Труд. Мѣстн. Ком. 1904 г., стр. 2.
*****) Свод. Ком. мин., стр. 34 и слѣд.

Въ черноземныхъ губерніяхъ . . .	6,5 м. рев.	и 7,9 м. наличн.
» нечерноземныхъ губерніяхъ. . .	4,9 » »	5,6 » »
» 50 губерн. Европейской Россіи .	11,4 » «	13,5 » »
» процентахъ по отношенію къ общему числу душъ м. п., получившихъ надѣлы	52,9%	50,5% *).

При этомъ изъ общаго числа наличныхъ душъ мужского пола, владѣвшихъ надѣломъ не болѣе нормы высшаго или указнаго надѣла (13,6 милл.), болѣе 2,7 м. душъ имѣло надѣлы не болѣе 2 дес. на душу; при чемъ изъ этого числа 754,4 тысячи владѣли 1 дес. и менѣе.

Львиная доля населенія, надѣленнаго мелкими надѣлами, приходилась на черноземную полосу, именно:

Съ надѣлами отъ 1 до 2 д. (вкл.). .	1.642.624 д. м. п.
» » » 1 » » . .	580.766 » » »

Въ нечерноземной полосѣ тѣ же группы крестьянскаго населенія составляли: первая—378,434, а вторая—172,686.

Для приблизительнаго хотя бы опредѣленія численности этихъ категорій крестьянъ въ настоящее время необходимо повысить приведенныя цифры соотвѣтственно приросту населенія, который за 20 л. (отъ 1858 г.—времени производства послѣдней ревизіи—по 1878, когда было произведено изслѣдованіе Центральнаго Статистическаго Комитета) выразился въ слѣдующихъ цифрахъ **):

Для пользующихся надѣломъ:

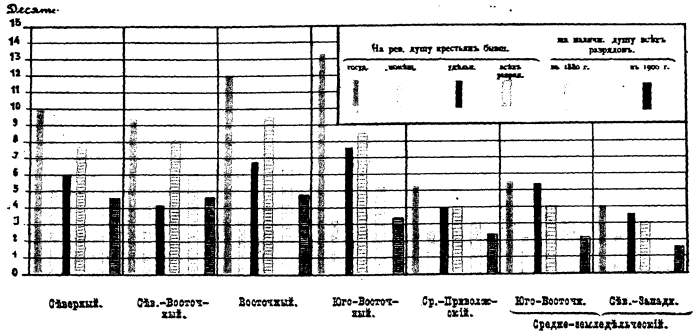
менѣе 1 дес.	16.3%
отъ 1 до 2 дес.	17,3%
» 2 » 3 »	19%
» 3 » 4 »	21%
» 4 » 5 »	27,6%
выше 5 дес.	30,2%

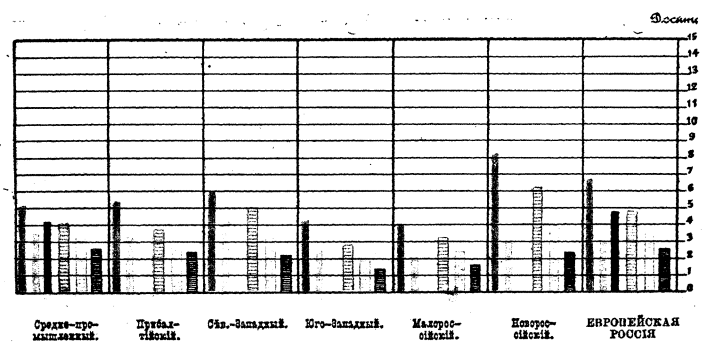
На основаніи этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что за 40 лѣтъ (1861—1900 г.) населеніе, надѣленное менѣе 1 дес. на душу, возросло въ круглыхъ цифрахъ на 32%, а съ надѣломъ отъ 1 до 2 д. на 34%. Если принять во вниманіе приведенные %% прироста, то можно предполагать, что населеніе м. п. съ надѣлами отъ 1 до 2 дес. составляло въ черноземной полосѣ въ 1900 г. свыше 2,2 милл. человѣкъ, а съ надѣлами не свыше 1 десятины—болѣе 767 тысячъ; для нечерноземной полосы соотвѣтствующія цифры будутъ 506 т. и 228 тыс. Въ дѣйствительности численность населенія этихъ группъ несомнѣнно выше, потому

*) Уменьшеніе % объясняется болѣе сильнымъ приростомъ населенія, лучше надѣленнаго землею.

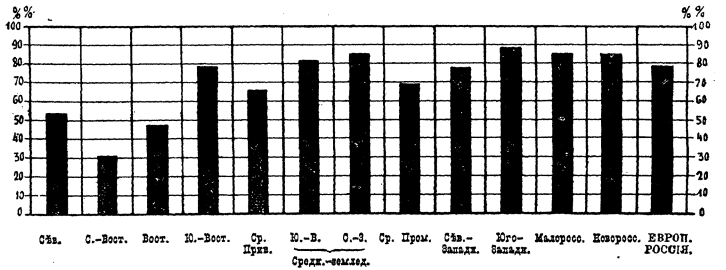
**) Сводъ Ком. мин., стр. V.

Размѣръ надѣла въ десят. на 1 душу мужск. пола крестьянъ—ревизскую и наличную.

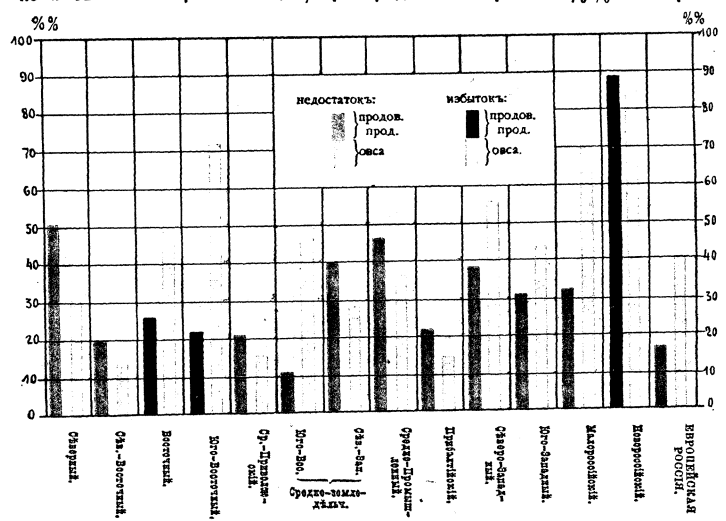




Недостатокъ наличности надѣльной удобной земли въ $^0/_0{}^0/_0$ къ количеству ея, соотвѣтствующему рабочей силѣ крестьянъ.



Избытокъ или недостатокъ продовольств. полев. продуктовъ на 1 душу об. п. и овса на 1 раб. лошадь, при среднемъ сборѣ въ $^0/_0{}^0/_0$ къ нормѣ.



что лица, входившія въ ихъ составъ раньше, въ массѣ и остались въ нихъ, но сверхъ того вслѣдствіе измельчанія надѣловъ къ нимъ должна была присоединиться часть населенія высшихъ группъ, владѣвшихъ раньше болѣе чѣмъ 2 дес. на душу.

Размѣры надѣловъ, однако, сами по себѣ еще не даютъ представленія о степени обезпеченности землею населенія, пользующагося ими. Для того, чтобы освѣтить положеніе съ этой стороны, необходимо установить соотношеніе между надѣлами, съ одной стороны, и продовольственными потребностями и рабочими силами населенія — съ другой. Въ этомъ отношеніи результаты изслѣдованій, предпринимавшихся въ разное время и разными лицами и учрежденіями, вполнѣ сходятся въ томъ, что при существующихъ способахъ обработки земли надѣлы крестьянъ въ среднемъ не соотвѣтствуютъ ни продовольственнымъ потребностямъ, ни рабочему составу сельскаго населенія. Оба эти явленія много разъ отмѣчались изслѣдователями русской деревни, начиная съ 70-хъ гг. Въ новѣйшее время несоотвѣтствіе существующихъ надѣловъ потребительнымъ нуждамъ крестьянскаго населенія было всесторонне освѣщено извѣстнымъ коллективнымъ трудомъ о вліяніи высокихъ цѣнъ и урожаевъ на народное хозяйство, вышедшимъ подъ редакціей А. И. Чупрова и А. С. Посникова. Общій выводъ изслѣдователей сводится къ тому, что надѣльныя земли въ большинствѣ случаевъ не покрываютъ даже продовольственныхъ нуждъ населенія, считая послѣднія по нормѣ 19 пудовъ на душу *). Въ матеріалахъ по аграрному вопросу, накопившихся въ послѣдніе годы, сообщаются еще новыя данныя по этому вопросу.

Г. Лохтинъ въ своей книгѣ «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи» (стр. 246) дѣлаетъ интересную попытку распредѣлить 50 губерній Европ. Россіи въ періодъ 1892—97 гг. на группы по степени обезпеченія крестьянскаго населенія хлѣбною пищею. Губерніи съ долею остатка зерна и картофеля до 17 пудовъ на 1 человѣка онъ признаетъ неимѣющими достаточно пищи, и таковыхъ приходилось въ среднемъ (1892—97 гг.) 18 на 50 губерній; губерній, имѣющихъ хлѣба лишь достаточно для личнаго прокормленія (т. е. отъ 17 до 22 пуд.), оказалось 12; имѣющихъ умѣренный избытокъ (отъ 22 до 27 пуд.)—9 и съ избыткомъ болѣе крупнымъ (выше 27 пуд.)—11. При этомъ принимались въ разсчетъ не только надѣльныя, но и арендованныя земли.

Комиссія по оскудѣнію центра приходитъ къ заключенію, что, при продовольственной нормѣ въ 20 пуд. хлѣба на душу и кормовой въ 40 пуд. овса на 1 лошадь, приходится при среднемъ урожаѣ на 1 душу обоего пола продовольственныхъ полевыхъ продуктовъ 16,6 пуд., т. е.

*) Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на русское народное хозяйство, 1897. I, стр. VI.

менѣе нормы на 17%, а кормовыхъ (овса) на рабочую лошадь—23,6 пуд., т. е. менѣе нормы на 41% *).

Примѣромъ, освѣщающимъ то же явленіе, можетъ служить приводимый въ Сводѣ трудовъ мѣстн. ком. по землевладѣнію подробный бюджетъ средняго крестьянскаго двора изъ 4—5 душъ (въ томъ числѣ 1,14 мужскихъ рабочихъ душъ и 1,3 женскихъ). На такой дворъ приходится 2,22 душевыхъ надѣла, а именно: усадебной земли—0,33 дес., пашни—6,01 дес., покоса—1,15 дес. выгона—0,2 дес. и лѣса—0,78 дес., всего же—8,29 дес., кромѣ арендуемой земли (1 дес. пашни и 0,3 дес. покоса). Общій доходъ подобнаго средняго двора отъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства (за вычетомъ содержанія скота и арендной платы) исчисляется въ 98 р. 56 к.; для того же, чтобы только прокормиться, обуться и одѣться, крестьянской семьѣ требуется имѣть въ годъ 158 р. 88 к., т. е. добыть около 60 р. внѣземледѣльческимъ занятіемъ **).

Въ Полтавской губ., по сообщенію того же источника, 161,000 дворовъ (46%) съ населеніемъ въ 903,000 душъ не можетъ прокормить себя отъ своего надѣла (3,4% совершенно не имѣютъ земли, 16,3% имѣютъ однѣ усадьбы, 4,2%—до 1 дес. пахоты, 22,3%—отъ 1 до 3 дес.***).

Что касается соотношенія между размѣрами надѣловъ и рабочимъ составомъ сельскаго населенія, то, по даннымъ Комиссіи по оскудѣнію центра, въ среднемъ на дворъ приходится надѣльной земли въ 4—5

---

*) Ком. о центрѣ, стр. 89. По районамъ недочеты въ продовольствіи и кормѣ опредѣляются комиссіей въ слѣдующихъ цифрахъ:

Районы.	Недостатокъ въ продов. прод. %%	Недостатокъ въ кормѣ. %%
Сѣверный	—51,5	—31
Сѣв.-восточный	—20,5	+15
Восточный	+26,5	—50
Юго-восточный	+22,5	—72
Ср. Приволжскій	—21,0	—16
Ср. Земледѣльч.:		
Юго-вост. группа	—11,5	—47
Сѣв.-западн. группа	—40,0	—29
Ср. промышленный	—46,0	—37
Прибалтійскій	—22,5	—15
Сѣв.-западный	—38,0	—56
Юго-западный	—31,5	—44
Малороссійскій	—32,5	—70
Новороссійскій	+89,0	—86
	—17	—41

**) Сводъ труд. мѣстн. ком. по землевладѣнію, стр. 2.

***) Тамъ же.

разъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы, чтобы использовать всю рабочую силу двора. По разсчету Комиссіи общее число работниковъ, потребное для уборки урожая со всей площади хлѣбныхъ посѣвовъ на надѣльныхъ земляхъ, составляло въ 1900 году 11.360,200 человѣкъ обоего пола; въ дѣйствительности же наличное число мѣстныхъ крестьянъ обоего пола въ рабочемъ возрастѣ составляло въ томъ же году 44.724,800 человѣкъ. Такимъ образомъ, избытокъ рабочихъ силъ сельскаго населенія достигалъ почти 33 милл. человѣкъ*).

Оставляя на отвѣтственности Комиссіи точность приводимыхъ ею цифръ, нельзя не видѣть въ нихъ новаго подтвержденія уже неоднократно отмѣчавшагося раньше факта недостаточности среднихъ надѣловъ по соотношенію съ рабочимъ составомъ среднихъ крестьянскихъ дворовъ. В. Е. Постниковъ, изслѣдователь южно-русскаго хозяйства, также привелъ въ своей книгѣ рядъ свѣдѣній, подтверждающихъ это положеніе, по крайней мѣрѣ для средней полосы Россіи**).

Итакъ, значительная часть крестьянъ, получившихъ надѣлы при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, при нынѣшнихъ пріемахъ обработки земли, не въ состояніи удовлетворить при помощи надѣловъ своихъ продовольственныхъ и кормовыхъ потребностей и цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, въ большей части использовать свои рабочія силы. Если признать, что въ такомъ положеніи находятся крестьяне, получившіе въ 1861 г. не болѣе нормы высшаго надѣла, то населеніе, къ которому относится въ большей или меньшей степени сдѣланная выше характеристика, составляетъ во всякомъ случаѣ не менѣе $^1/_2$ всего крестьянскаго населенія 50 губерній Европейской Россіи, владѣющаго надѣльной землею. Все изложенное выше не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что значительная часть нашего крестьянства страдаетъ отъ остраго малоземелья.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ и труды мѣстныхъ комитетовъ о сельско-хозяйственной промышленности. «Большинство мѣстныхъ комитетовъ и отдѣльныхъ членовъ, какъ сообщается въ «Сводѣ» по землевладѣнію, сходятся въ общемъ заключеніи относительно недостаточности крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія для обезпеченія главнѣйшихъ потребностей крестьянъ при современныхъ условіяхъ и пріемахъ сельскаго хозяйства» ***). Данныя, свидѣтельствующія объ обратномъ явленіи, по сообщенію «Свода», встрѣчаются только по нѣкоторымъ немногимъ районамъ.

---

*) Ком. о центрѣ, стр. 248.

**) В. Е. Постниковъ. Южно-русское крестьянское хозяйство, 1891 г., стр. 326 и слѣд.

***) Землевладѣніе (Сводъ труд. мѣстн. комис.), стр. 2.

Указываютъ на развитіе малоземелья и начальники губерній въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ *). Такъ, по словамъ псковскаго губернатора, «тѣхъ полутора милліона десятинъ, которыя поступили въ надѣлъ 300,000 ревизскихъ душъ въ 1861 году, недостаточно въ настоящее время для прокормленія утроившагося съ тѣхъ поръ населенія, тѣмъ болѣе, что и потребности крестьянина подъ вліяніемъ цивилизаціи увеличились». Самарскій губернаторъ сообщаетъ, что «съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приходится выслушивать жалобы крестьянъ на малоземелье». По сообщенію екатеринославскаго губернатора, «въ виду естественнаго прироста населенія первоначальный трехдесятинный надѣлъ на душу во многихъ обществахъ обратился въ однодесятинный, а то и меньше». Подобные же отзывы можно было бы привести по ряду другихъ губерній.

Какъ ни печально положеніе крестьянъ, получившихъ недостаточные и въ особенности дарственные или четвертные надѣлы, существуетъ однако классъ обывателей, находящійся въ еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ: это безземельные, совершенно не получившіе надѣловъ, и поэтому вынужденные обрабатывать чужую землю въ качествѣ батраковъ или мелкихъ съемщиковъ, каковы, напримѣръ, южно-русскіе «десятинщики».

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ министерствомъ земледѣлія, безземельные дворы составляютъ въ среднемъ по Европ. Россіи 7% къ общему числу дворовъ, но по отдѣльнымъ районамъ % безземельныхъ очень колеблется **).

Мѣстности, въ которыхъ безземельныхъ сравнительно больше, тянутся двумя довольно широкими и длинными полосами на востокѣ и западѣ Европейской Россіи; наибольшимъ % безземельныхъ отличаются губерніи Бессарабская (около 23%), а за нею слѣдуютъ: Кіевская, Ковенская, Новгородская, Нижегородская и Астраханская ***). По свѣдѣніямъ мѣстныхъ комитетовъ, въ Херсонской губ. число безземельныхъ дворовъ (десятинщиковъ-мѣщанъ и бывшихъ дворовыхъ) достигаетъ 39,000, или приблизительно 200,000 душъ; въ крымскихъ уѣздахъ Таврической губ. около 50% всего земледѣльческаго населенія безземельныхъ; въ Псковскомъ уѣздѣ 20%, въ Самарской губ.—10% и т. д. ****).

---

*) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ начальниковъ губерній и областей за 1900 годъ.

**) Сводъ Мин. Земл., стр. 28 и сл.

***) А. Ф. Фортунатовъ. Лекціи, стр. 21.

****) Землевладѣніе (Сводъ), стр. 2.

III.

Примѣнявшіеся до сихъ поръ способы расширенія крестьянскаго землевладѣнія.

Земледѣліе являлось до сихъ поръ для нашего народа главнымъ, а во многихъ мѣстностяхъ и единственнымъ поприщемъ приложенія труда; поэтому естественно, что недостатокъ въ землѣ, ощущавшійся крестьянами уже тотчасъ послѣ освобожденія ихъ и постоянно усиливавшійся подъ вліяніемъ роста населенія, долженъ былъ стать для нихъ жизненнымъ вопросомъ, налагающимъ глубокій отпечатокъ на ихъ чувства, мысли и дѣйствія. На этой почвѣ развивается почти стихійное стремленіе крестьянъ къ расширенію своего землевладѣнія, неудержимо пробивающее себѣ пути и, какъ могучій потокъ, опрокидывающее всѣ препоны.

Очень ярко и по своему своеобразно изобразилъ настроеніе, создающееся у крестьянскаго населенія при такихъ условіяхъ, псковскій губернаторъ. Утверждая въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, что «подавляющее большинство крестьянъ его губерніи не испытываетъ тяготы и тѣмъ болѣе не домогается устраненія того неравенства, которое вытекаетъ изъ сословнаго устройства нашего государства», онъ сообщаетъ, однако, что «въ крестьянской средѣ назрѣло сознаніе полной невозможности, оставаясь при современныхъ условіяхъ хозяйства, вступить на путь развитія своего благосостоянія и тѣмъ достигнуть большей обезпеченности въ будущемъ». Это сознаніе приводитъ, по словамъ псковскаго губернатора, къ тому, что «всѣ помыслы крестьянъ направлены къ пріобрѣтенію новыхъ земель, и всѣ ихъ надежды сводятся къ мѣропріятіямъ аграрнымъ. Не упуская случая пріобрѣсти земли путемъ покупки, у крестьянъ въ то же время еще не исчезло неопредѣленное ожиданіе какой-то правительственной мѣры, долженствующей вновь надѣлить землею народившееся населеніе. Всякій циркуляръ по переселенческому дѣлу и всякое мѣропріятіе по Крестьянскому банку ими толкуется именно въ этомъ смыслѣ. За время моего управленія губерніею,—продолжаетъ губернаторъ,—ко мнѣ поступало нѣсколько прошеній крестьянъ, безхитростно обращавшихся къ губернатору съ просьбой сдѣлать распоряженіе о продажѣ имъ при посредствѣ Крестьянскаго банка сосѣдней земли, владѣлецъ которой не желаетъ совершить этой сдѣлки добровольно. Частые случаи упорныхъ захватовъ земель и всякихъ нарушеній границъ служатъ выраженіемъ того же настроенія. Усвоивъ себѣ, благодаря цѣлому ряду примѣровъ, основы пріобрѣтенія по закону о давности, допускающаго по нашимъ законамъ установленіе права собственности на землю путемъ удачно длящагося въ теченіе десяти лѣтъ захвата, крестьяне

пріобрѣли и продолжаютъ пріобрѣтать извѣстное количество земель; за рѣдкими исключеніями, ни одно отграниченіе крестьянскаго надѣла не заканчивается въ настоящее время безъ уступки крестьянамъ части захваченной ими земли, и частное землевладѣніе продолжаетъ нести жертвы дѣлу поземельнаго устройства крестьянъ и несетъ ихъ сознательно, какъ единственное средство достигнуть мирныхъ сосѣдскихъ отношеній. Въ 1892 году мѣстное дворянство, какъ наиболѣе въ этомъ дѣлѣ заинтересованное, возбудило ходатайство объ изданіи новыхъ правилъ по отграниченію крестьянскихъ надѣловъ, и скорѣйшее его удовлетвореніе крайне желательно, какъ единственное средство устранить длящуюся причину возникновенія множества аграрныхъ затрудненій, часто вызывающихъ необходимость примѣнять строжайшія мѣры предупрежденія и наказанія самоуправства со стороны крестьянъ»*).

Явленія, на которыя жалуется псковскій губернаторъ, не представляются исключительными. Въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности приводятся изъ ряда мѣстностей, расположенныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи, многочисленные отзывы, свидѣтельствующіе о томъ, что тѣсныя рамки надѣльнаго землевладѣнія ломятся подъ напоромъ той силы, которая заключена въ нихъ, но сдержать экспансивность которой не въ состояніи никакая власть. Подобные отзывы идутъ изъ губерній: Псковской, Кіевской, Московской, Калужской, Виленской, Волынской, Гродненской, Могилевской, Курской и т. д.**). «Въ настоящее время, читаемъ мы въ «Общемъ обзорѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ» (состав. С. И. Шидловскій, 1905 г.), почти не существуетъ хозяйства, которое не терпѣло бы болѣе или менѣе значительныхъ убытковъ отъ различнаго рода нарушеній сельско-хозяйственной собственности» ***). Комитеты весьма обстоятельно разсматриваютъ этотъ вопросъ, объясняя земельные захваты и возникающіе на этой почвѣ споры и безпорядки недостатками нашего законодательства въ отношеніи защиты поземельной собственности, незаконченностью земельнаго устройства крестьянъ, смутнымъ понятіемъ крестьянъ о неприкосновенности чужой земельной собственности и т. п. Но чего же достигнутъ строгіе законы, если существующая земельная тѣснота *вынуждаетъ* крестьянъ расширять площадь своего землепользованія во что бы то ни стало? Можно ли ожидать непоколебимаго уваженія къ чужой собственности отъ человѣка, который стоитъ передъ дилеммой: голодать или захватить чужое? При отсутствіи у крестьянъ покосовъ и лѣсовъ трудно уберечься отъ потравъ и порубокъ. Захваты—только нелегальная

*) Извлеченія изъ всеподд. отчетовъ начальниковъ губерній и областей за 1900 г.

**) Земельные захваты и межевое дѣло (Свод. труд. мѣстн. ком. о нуждахъ сельско-хоз. пром.). Сост. С. И. Шидловскій. 1904 г.

***) Общій обзоръ, стр. 119.

форма проявленія той жажды земли, которая владѣетъ крестьянской душой и неизбѣжно вытекаетъ изъ существующихъ условій крестьянскаго быта.

Въ сознаніи народа живы воспоминанія о томъ, что „господа“ при освобожденіи отрѣзывали отъ земель, которыми раньше пользовались крестьяне, «клинья», «отбои» и т. п. Теперь крестьянамъ же приходится арендовать эти самые отрѣзы и платить за нихъ непомѣрныя цѣны. Какая благодарная почва для мысли, что помѣщики незаконно владѣютъ крестьянской землей!

Что касается легальныхъ формъ, въ которыхъ выражается стремленіе крестьянъ къ расширенію надѣльнаго землевладѣнія, то таковыми являются: пріобрѣтеніе земель при помощи покупокъ и внѣнадѣльная аренда.

При помощи прикупки земли крестьянское населеніе нѣсколько раздвинуло рамки своего землевладѣнія; но земельная площадь, пріобрѣтенная крестьянами послѣ отмѣны крѣпостного права, не говоря о цѣнахъ, которыя платились за покупаемую землю, слишкомъ недостаточна по сравненію съ потребностью крестьянскаго населенія въ землѣ. За время отъ 1863 до 1897 г. перешло отъ однихъ сословій къ другимъ 30,5 милл. десятинъ, изъ которыхъ 12,9 милл. дес. перешло къ крестьянамъ, за вычетомъ той площади, которая была продана ими *).

При этомъ, однако, значительная часть купчей земли пріобрѣтена группами зажиточнаго крестьянства и поэтому не является коррективомъ къ малоземелью. Это особенно рѣзко обнаруживается по отношенію къ единоличнымъ покупкамъ. Если соединить мелкія и среднія покупки (до 25 дес.), съ одной стороны, и всѣ крупныя (болѣе 25 дес.)—съ другой, то окажется, что отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ крестьянскихъ покупокъ относятся къ первой категоріи; но картина мѣняется, если перейти къ распредѣленію купленной площади. Въ среднемъ за 35 лѣтъ (1867—1893) на мелкія и среднія покупки приходится лишь немногимъ болѣе $^1/_6$ (17,5%) всей площади крестьянскихъ единоличныхъ покупокъ, а на крупныя—около $^5/_6$ (82,5% **). Въ 1895 году 62% земли, купленной единолично кре-

*) Куплено 20 милл. дес.; продано 7,6 милл. дес.

**) Изъ 100 крестьянскихъ покупокъ приходится на:

	Мелкія и среднія.	Крупныя.
Въ 1865 г. . . .	78	22
» 1875 г. . . .	76	24
» 1885 г. . . .	87	19
» 1895 г. . . .	80	20

Изъ 100 дес. земли, купленной крестьянами, единолично приходится на:

Въ 1865 г. . . .	22	78
» 1875 г. . . .	16	84
» 1885 г. . . .	20	80
» 1895 г. . . .	16	84

Матеріалы по статистикѣ движенія землевлад. въ Россіи, стр. 48.

стьянами, отошло въ группу, гдѣ въ среднемъ каждая покупка обходилась въ 10 тыс. рублей; 21% попало въ группу со средней стоимостью покупки въ 2 тыс. руб., и лишь 17%—въ группы среднихъ и мелкихъ покупокъ (600 и 300 руб.).

Такимъ образомъ, большинство участковъ, покупаемыхъ крестьянами единолично, подходитъ къ типу крупнаго крестьянскаго или средняго помѣщичьяго землевладѣнія. Просмотръ данныхъ о распредѣленіи крестьянскихъ покупокъ по отдѣльнымъ районамъ, какъ сообщаютъ «Матеріалы», показываетъ, что во всѣхъ мѣстностяхъ и за всѣ періоды крупныя крестьянскія покупки занимали преобладающую площадь; поэтому, поскольку дѣло идетъ объ единоличныхъ покупкахъ крестьянъ, приходится признать, что въ нихъ наблюдается ростъ землевладѣнія не рядового, а зажиточнаго крестьянства *).

Данныя объ единоличныхъ покупкахъ не даютъ, однако, права дѣлать заключенія, относящіяся ко всей землѣ, купленной крестьянами. На долю покупокъ этой категоріи падаетъ только $^1/_3$ (около 38%) всей земельной площади, пріобрѣтенной лицами крестьянскаго сословія за 1863—1897 гг. (12,9 милл. десятинъ); болѣе $^1/_2$ составляютъ покупки товариществъ и около $^1/_6$ (12%) покупки обществъ. Такимъ образомъ, $^2/_3$ крестьянскихъ покупокъ относятся къ категоріи коллективныхъ, поэтому было бы чрезвычайно важно опредѣлить характеръ покупокъ именно этой категоріи. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ «Матеріалахъ по движенію землевладѣнія» достаточныхъ для этого данныхъ. Попытаемся все же хотя бы приблизительно выяснить, какое количество земли, пріобрѣтенной крестьянами какъ единолично, такъ и коллективно, поступило въ распоряженіе наиболѣе нуждающихся группъ.

По отношенію къ землѣ, пріобрѣтенной при содѣйствіи Крестьянскаго банка, имѣются только до 1895 г. данныя о распредѣленіи земли между различными группами покупателей. За 3-лѣтній періодъ (1893—1895) при содѣйствіи банка было пріобрѣтено (по 42 губерніямъ) 462,633 дес., изъ которыхъ 255,340 дес., т. е. 55 %, приходятся на покупщиковъ, имѣющихъ до 3 дес. на душу надѣльной земли (не считая безземельныхъ**). Если примѣнить то же отношеніе ко всей земель-

*) Стр. 50.

**) Матер. по движ. землевл. Вып. XI, стр. 55. По степени земельнаго обезпеченія до покупки при содѣйствіи банка, т. е. по количеству земли, надѣльной и пріобрѣтенной иными способами, заемщики банка въ 1895 г. распредѣлились на слѣдующія группы:

	Домохозяевъ.	%	Душъ	%
Не имѣли земли.	5,165	19,2	12,632	15,9
Имѣли до $1^1/_2$ дес. на душу. . . .	5,794	21,6	19,020	23,9
отъ $1^1/_2$ „ до 3 дес. . . .	9,362	34,9	30,696	38,6

ной площади, купленной крестьянами черезъ банкъ, то можно предположить, что изъ 6,5 милл. дес., на покупку которыхъ банкомъ выданы ссуды со времени открытія его дѣйствій (1883 г.) по 1 января 1903 г., не болѣе 3,5 милл. десятинъ было пріобрѣтено крестьянами, владѣвшими надѣлами до 3-хъ дес. на душу. Можно думать, что къ этому сводится вся прибыль землевладѣнія наиболѣе нуждающихся въ землѣ, такъ какъ земля, купленная безъ содѣйствія банка, едва ли не цѣликомъ поступила къ зажиточнымъ группамъ. Если даже оставить безъ вниманія то, что приведенная выше цифра (3,5 милл. дес.) несомнѣнно преувеличена, такъ какъ она относится къ 60 губ. и областямъ Европейской Россіи, между тѣмъ какъ приводимыя ниже свѣдѣнія касаются лишь 50 губ., то все же $3^1/_2$ милл. дес. составитъ лишь небольшую часть той убыли, которая произведена съ 1861 года въ земельной обезпеченности крестьянъ приростомъ населенія,

Число десятинъ, полученныхъ крестьянами, надѣленными не болѣе нормы высшаго или указнаго надѣла по «Положенію» 19 февраля, составляютъ 36 милл. дес; если считать, что крестьянское населеніе скудно надѣленныхъ группъ увеличилось съ 1861 по 1900 г. на 35%*), и что пропорціонально понизилась земельная обезпеченность этихъ группъ, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что для возстановленія послѣдней потребовалось бы около 13 милл. дес. (35% отъ 36 милл.), т. е. почти въ 4 раза больше площади, купленной при содѣйствіи банка крестьянами, получившими надѣлъ не свыше нормы. Но такая прибавка въ лучшемъ случаѣ только возстановила бы положеніе, существовавшее послѣ освобожденія. Это не значило бы еще устранить малоземелье, потому что оно существовало уже въ то время; крестьяне, получившіе низшіе надѣлы, дарственники и вообще всѣ первоначально обдѣленные землею остались бы въ такихъ же печальныхъ условіяхъ, въ какихъ они находились, когда вышли изъ крѣпостной зависимости. Кромѣ того, недочеты, образовавшіеся въ надѣльномъ землевладѣніи крестьянъ, получившихъ свыше нормы, также остались непополненными. Приведенныя соображенія даютъ основаніе признать земельную площадь, при-

---

отъ 3 „ до 6 дес. . . .	5,025	18,7	13,579	17,1
Болѣе 6 дес. на душу	1,506	5,6	3,527	4,5
Всего	26,852	100	79,454	100

Болѣе $^1/_2$ безз. или до $1^1/_2$ дес. (въ среднемъ $4^1/_2$ дес. на сем.).
$38{,}6\%$ имѣли $1^1/_2$ до 3 „ ($4^1/_2$—9 „ на дворъ).
$26{,}6\%$ 3 6 „ —

Отчетъ Крестьянскаго банка за 1895 г., стр. 58.

*) На основаніи свѣдѣній о приростѣ за время отъ 1858 по 1878 гг., приведенныхъ выше. Сводъ Ком. Мин., стр. 5.

купленную крестьянами, ничтожною сравнительно съ размѣрами крестьянскаго малоземелья.

Покупка земли представляетъ такое средство расширенія крестьянскаго землевладѣнія, которое по своей дороговизнѣ можетъ быть доступнымъ сравнительно немногимъ; тѣмъ болѣе, что особенно дорога земля, продаваемая не большими участками *), и вообще цѣны на землю быстро растутъ подъ вліяніемъ конкуренціи. За 20 лѣтъ (1883—1903 гг.) среднія поуѣздныя покупныя цѣны на землю по сдѣлкамъ, совершеннымъ при содѣйствіи Крестьянскаго банка, болѣе чѣмъ удвоились, повысившись съ 52 руб. до 108 руб. за десятину **).

На-ряду съ прикупкой земли крестьяне пользовались въ значительно большихъ размѣрахъ другимъ способомъ восполненія надѣльнаго землевладѣнія, именно внѣнадѣльной арендой. Имъ пришлось съ самаго же начала пріарендовывать землю у своихъ бывшихъ господъ, въ особенности тѣ самыя «отрѣзныя земли», которыя при крѣпостномъ правѣ находились въ ихъ пользованіи и затѣмъ при отводѣ надѣловъ были отрѣзаны, какъ превосходившія норму, или въ силу правила о сохраненіи извѣстнаго минимума земли за помѣщикомъ. Эти клочки большею частью такъ расположены по отношенію къ надѣльнымъ землямъ, которыя раньше составляли съ ними одно цѣлое, что крестьянамъ часто невозможно обойтись безъ нихъ: они или врѣзываются въ надѣлы, или перерѣзаютъ надѣльную землю, или, наконецъ, находятся въ срединѣ ея. Такіе «отрѣзы» крестьянамъ приходится арендовать иногда только изъ-

---

*) Такъ, въ 1893 году продавались участки:

до	10	дес.	по 156	руб.	за дес.
„	10— 20	„	„ 67.9	„	„ „
„	20— 50	„	„ 58,2	„	„ „
„	50— 100	„	„ 55	„	„ „
„	100— 500	„	„ 51,1	„	„ „
„	500— 1000	„	„ 45,1	„	„ „
„	1000— 5000	„	„ 38,8	„	„ „
„	5000—10000	„	„ 23,1	„	„ „
болѣе	10000	„	„ 9,9	„	„ „

(А. Ф. Фортунатовъ. Лекціи, стр. 45).

По свѣдѣніямъ за 1897 г., средняя цѣна одной десятины по сдѣлкамъ мелкимъ (25 дес.) была (для 47 губ. Европ. Россіи) 127 руб. 20 к; среднимъ (отъ 25 до 500 дес.) 63 руб. 62 коп. и крупнымъ (свыше 500 дес.) 44 руб. 41 коп. (Матеріалы по движенію землевл. въ Евр. Россіи. Вып. XI. 1904).

**) Отчетъ Крест. поз. банка за 1903 г. по даннымъ центр. стат. комитета, средняя цѣна десятины составляла въ 1882 г. 26 руб. 41 коп., а въ 1887 г. 34 руб. 57 коп. (Временникъ центр. стат. ком. № 11 за 1889 г.). „Матер. по движенію землевл.“ даютъ среднюю продажную цѣну десятины по нотаріальнымъ свѣдѣніямъ за 3 года (1891—95) около 41 руб., а въ 1897 г. уже болѣе 53 руб.

за того, чтобы предотвратить неизбѣжныя при подобныхъ условіяхъ потравы чужихъ угодій и гарантировать себя отъ штрафовъ, или чтобы не быть отрѣзанными отъ водопоя или дороги, или отъ собственной земли, расположенной черезполосно съ частновладѣльческой *).

Но независимо отъ такой вполнѣ уже подневольной аренды, крестьяне вынуждены прибѣгать къ найму чужихъ земель и для расширенія культурной площади въ своихъ хозяйствахъ: въ однихъ мѣстностяхъ аренда восполняетъ недостатокъ пастбищъ и сѣнокосовъ, въ другихъ—пахотной земли; въ тѣхъ и другихъ случаяхъ аренда составляетъ большею частью необходимое условіе самаго существованія крестьянскаго хозяйства.

Болѣе или менѣе полныхъ свѣдѣній о всей арендуемой крестьянами площади внѣнадѣльной земли не имѣется; но по даннымъ земско-статистическихъ изслѣдованій **) площадь внѣнадѣльныхъ крестьянскихъ арендъ въ 183 уѣздахъ, т. е. въ половинѣ общаго числа ихъ, опредѣляется въ 10 милл. дес., составляющихъ приблизительно 20% надѣльной площади; число же арендующихъ дворовъ (только въ 163 уѣздахъ) достигаетъ $1^1/_2$ милл., или около 37% наличнаго числа ихъ.

Къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ съ точностью опредѣлить, какая часть арендуемой крестьянами площади находится въ пользованіи группъ, наиболѣе нуждающихся въ землѣ; но, судя по незначительнымъ размѣрамъ арендуемыхъ участковъ или долей ихъ, приходящихся на душу, и по тому, что въ общемъ развитіе аренды находится въ прямомъ соотношеніи съ развитіемъ малоземелья, нужно полагать, что недостатокъ земли, ощущаемый наиболѣе слабо надѣленными группами крестьянскаго населенія, въ значительно большей степени восполняется арендой, чѣмъ покупкой земли, что, конечно, вполнѣ естественно, такъ какъ на наемъ не требуется затраты болѣе или менѣе крупной суммы, необходимой для пріобрѣтенія земли, даже при содѣйствіи банка; кромѣ того, и найти небольшой клочекъ земли для покупки несравненно труднѣе, чѣмъ для аренды.

Какъ ни значительна, однако, площадь внѣнадѣльной земли, арендуемой крестьянами, она все же не удовлетворяетъ потребности крестьянскаго населенія въ расширеніи своего землевладѣнія ***); къ тому

---

*) См. планы земель нѣсколькихъ селеній Московской губерніи, поясняющіе сказанное въ „Очеркахъ по крестьянскому вопросу", II; моя статья объ арендѣ стр. 105 и сл.

**) Свѣдѣнія Центр. стат. комитета и Комиссіи о центрѣ значительно ниже дѣйствительности. См. цит. выше мою статью, стр. 74.

***) По общему признанію мѣстныхъ комитетовъ, аренда и покупка земли крестьянами „далеко не могутъ наверстать той потери душевой пропорціи, которая обусловливается приростомъ". Сводъ по землевладѣнію, стр. 5.

же и пользованіе арендой не всегда распредѣляется равномѣрно, находясь иногда въ зависимости отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ нуждой крестьянскаго населенія въ землѣ. Арендованіе внѣнадѣльной земли зависитъ въ каждой мѣстности не только отъ размѣра потребности въ арендѣ, но также и отъ обширности арендnаго фонда, имѣющагося въ данномъ районѣ: тамъ, гдѣ земли надѣльныя удалены отъ частновладѣльческихъ на большія разстоянія, внѣнадѣльная аренда не можетъ развиться, хотя бы нужда въ землѣ у крестьянъ и была очень велика. Напримѣръ, въ южныхъ уѣздахъ, по словамъ г. Постникова, бывшіе помѣщичьи крестьяне обыкновенно больше арендуютъ земли на дворъ, чѣмъ государственные, но не потому, что они больше нуждаются въ землѣ (послѣднее разумѣется само собою), а потому, что они имѣютъ возможность удовлетворять эту нужду, такъ какъ живутъ обыкновенно ближе къ владѣльческимъ землямъ*). Вслѣдствіе зависимости внѣнадѣльной аренды отъ величины арендnаго фонда, арендованіе земель крестьянами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удовлетворяетъ потребность ихъ во внѣнадѣльной землѣ очень неравномѣрно: въ то время какъ въ однихъ районахъ арендуемая площадь восполняетъ недочеты надѣльнаго землевладѣнія, въ другихъ—аренда почти не имѣетъ въ этомъ отношеніи никакого значенія.

Кромѣ того, арендуемая площадь не всегда распредѣляется между съемщиками соотвѣтственно нуждѣ ихъ въ землѣ: напротивъ, подъ вліяніемъ другихъ причинъ, кромѣ малоземелья, главнымъ образомъ, обезпеченности отдѣльныхъ хозяйствъ скотомъ и рабочими силами, иногда больше арендуютъ внѣнадѣльной земли тѣ, у которыхъ больше и своей собственной.

Что касается условій, на которыхъ крестьянамъ приходится арендовать внѣнадѣльную землю, то они опредѣляются вообще спросомъ и предложеніемъ, и такъ какъ спросъ всегда превышаетъ предложеніе, то естественно, что и условія аренды устанавливаются къ выгодѣ сдатчиковъ земли и къ невыгодѣ съемщиковъ. Арендная плата за внѣнадѣльную землю, опредѣляемая соперничествомъ, большею частью не находится въ соотвѣтствіи съ качествомъ почвы и весьма нерѣдко поглощаетъ чистый доходъ отъ земли, оставляя арендатору лишь скудную заработную плату**). Особенно дорого обходится аренда «отрѣзовъ», которые

*) Южно-русское кр. хоз., стр. 25. См. также мою статью объ арендѣ въ „Очеркахъ по крестьянскому вопросу“. II.

**) Напримѣръ, въ Херсонской губ., если изъ чистой доходности исключить арендную плату при долгосрочной арендѣ, то въ общемъ по губерніи получится убытокъ въ 4 к. с. дес.; за вычетомъ же изъ этой же доходности платы при краткосрочной сдачѣ убытокъ составитъ 3 р. 33 к. „Очерки по крестьянскому вопросу“, II, стр. 147.

служатъ орудіемъ закабаленія крестьянъ при помощи отработочной арендной платы вообще болѣе высокой, чѣмъ денежная. Въ общемъ арендныя цѣны, какъ и продажныя, тѣмъ выше, чѣмъ участки меньше, такъ что наиболѣе нуждающіеся въ землѣ, въ особенности при единоличной арендѣ, и платятъ дороже за пользованіе чужой землей. При этомъ съ теченіемъ времени арендованіе обходится крестьянамъ дороже вслѣдствіе повышенія арендныхъ цѣнъ, совершающагося хотя и скачками, но въ общемъ неуклонно.

Итакъ, крестьянское населеніе, втиснутое при освобожденіи въ слишкомъ тѣсные для него предѣлы надѣльнаго землевладѣнія, искало выхода своей потребности въ землѣ частью въ покупкѣ ея, но главнымъ образомъ въ арендѣ. Однако, ни тотъ, ни другой путь не могли удовлетворить потребности крестьянъ въ расширеніи землевладѣнія.

IV.

Главныя причины технической отсталости нашего земледѣлія.

Развитіе крестьянскаго хозяйства зависитъ не только отъ размѣровъ крестьянскаго землепользованія, но и отъ другихъ факторовъ. Въ ряду послѣднихъ занимаетъ первое мѣсто по своему вліянію на благосостояніе крестьянскаго населенія уровень сельско-хозяйственной техники.

Въ виду изложенныхъ выше фактовъ естественно возникаетъ вопросъ: если площадь земли, обрабатываемая крестьянами, недостаточна для ихъ прокормленія и оставляетъ неиспользованными ихъ силы, то не является ли наиболѣе подходящимъ выходомъ изъ такого положенія поднятіе продуктивности хозяйства путемъ улучшенія его технической стороны? Что въ этомъ направленіи предстоитъ сдѣлать чрезвычайно много, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Несмотря на улучшенія, наблюдаемыя въ крестьянскомъ земледѣліи въ нѣкоторыхъ районахъ, главнымъ образомъ въ формѣ травосѣянія, въ общемъ оно находится въ техническомъ отношеніи на весьма низкомъ уровнѣ. Продуктивность крестьянскихъ земель, конечно, могла бы быть повышена во много разъ при помощи болѣе совершенной обработки: средній размѣръ урожая различныхъ хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ по однимъ свѣдѣніямъ (деп. земледѣлія) на $^1/_7$, а по другимъ (деп. окл. сбор.) на 20% ниже, чѣмъ на частновладѣльческихъ. Если принять средній размѣръ урожая у частныхъ владѣльцевъ въ 45 пуд. съ десятины, а площадь посѣва у крестьянъ, согласно даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета за 1901 г., въ 47 милл. десятинъ, то окажется, что крестьяне собираютъ хлѣба ежегодно, согласно первому изъ указанныхъ разсчетовъ, на 300, а второму—на 423 милл.

пуд. менѣе, чѣмъ могли бы собрать, если бы культура крестьянскихъ земель была доведена хотя бы до культуры частновладѣльческихъ, которая, однако, далеко не высока*).

Г. Лохтинъ приводитъ обильный статистическій матеріалъ, изображающій въ яркихъ краскахъ отсталость русскаго земледѣлія, особенно крестьянскаго. Картина дѣйствительно получается безотрадная. Наши высшіе урожаи оказываются приблизительно въ два раза меньше среднихъ сборовъ другихъ странъ; если принять средній урожай каждаго хлѣба въ Россіи за 100, то въ другихъ странахъ онъ будетъ: для ржи—230, для пшеницы—280, для овса—277 и т. д. Чистый остатокъ хлѣба и картофеля съ средней посѣвной площади русскаго крестьянина (0,74 дес.) составляетъ въ среднемъ 20,4 пуд.; между тѣмъ въ другихъ странахъ съ такой же площади получилось бы 56,9 пуд., при этомъ въ частности въ Бельгіи—88, въ Соед. Королевствѣ—84,4, въ Японіи—82,8 и т. д. Сборы сѣна въ Россіи сравнительно съ другими странами ниже на 50—200%: въ то время, какъ у насъ собираютъ съ десятины въ среднемъ 77,1 пуд., въ Соед. Королевствѣ сборъ составляетъ 235,5 пуд., въ Соед. Штатахъ—205,2, въ Германіи тоже 205 и т. д. По мнѣнію г. Лохтина, «при раціональномъ отношеніи къ землѣ, посѣвная площадь (въ крестьянскомъ хозяйствѣ) могла бы быть увеличена вдвое, и притомъ скотъ находился бы относительно прокормленія въ значительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ современныя условія его существованія въ Россіи»**).

Проф. А. И. Чупровъ, являющійся однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ подъема русскаго крестьянства при помощи техническаго усовершенствованія земледѣлія на надѣльныхъ земляхъ, также указываетъ, что «обычные наши урожаи на крестьянскихъ земляхъ въ 35—40 пудовъ ржи на десятину до такой степени ничтожны, что самыхъ примитивныхъ, всѣмъ доступныхъ улучшеній довольно для того, чтобы поднять урожай наполовину противъ нынѣшняго его уровня. По многочисленнымъ наблюденіямъ агрономовъ, одного лучшаго подбора сѣмянъ почти что достаточно для полученія такой прибавки. По вѣдь техника располагаетъ несравненно болѣе могущественными средствами. Урожай

*) Записки: 1) Деп. окладныхъ сборовъ о нѣкоторыхъ предположеніяхъ относительно способовъ улучшенія крест. землепользованія, стр. 15; 2) Деп. земледѣлія о мѣрахъ къ улучшенію организаціи крестьянскаго хозяйства, стр. 1.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что высшая урожайность частновладѣльческихъ земель объясняется не только болѣе тщательной ихъ обработкой и лучшимъ подборомъ сѣменного матеріала, но и преимуществами ихъ естественныхъ качествъ, такъ какъ при надѣленіи крестьянъ во многихъ случаяхъ имъ отводились худшія и болѣе удаленныя земли. В. В. Бирюковичъ. Сельско-хоз. техника (Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ), 1903, стр. 24.

**) П. Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. 1901, стр. 166—226.

въ 30 квинталовъ ржи на гектаръ, или 200 пудовъ на десятину, считается въ мѣстностяхъ съ широкимъ примѣненіемъ искусственныхъ туковъ дѣломъ довольно заурядным*» *).

Но въ чемъ же причины отсталости крестьянскаго земледѣлія? Первая изъ этихъ причинъ—недостатокъ у крестьянъ общихъ и техническихъ знаній и необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, требуемыхъ земледѣльческими улучшеніями. Эта причина составляетъ прямое слѣдствіе совокупности всѣхъ политическихъ и общественныхъ условій, въ которыхъ жила до сихъ поръ Россія. Доступъ книгѣ въ крестьянскую среду былъ затрудненъ до послѣдней степени; бесѣды и чтенія въ деревнѣ даже по строго спеціальнымъ вопросамъ фактически встрѣчали почти непреодолимыя препятствія; всякія формы общенія и единенія, преслѣдовавшіяся во всѣхъ сферахъ, не находили въ сельскомъ быту условій сколько-нибудь благопріятныхъ для своего процвѣтанія. Препятствія этого рода служили постояннымъ тормозомъ и для начинаній земства въ области содѣйствія сельскому хозяйству, что откровенно признавало Министерство Земледѣлія. «Съ увеличеніемъ состава агрономическаго персонала, замѣчаетъ департаментъ земледѣлія, находитъ себѣ весьма значительное распространеніе устройство агрономами бесѣдъ съ крестьянами по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Но въ данномъ случаѣ агрономамъ приходится считаться съ довольно крупными препятствіями формальнаго свойства, которыми обставлено у насъ устройство публичныхъ чтеній въ деревняхъ» **). Это осторожное признаніе со стороны высшаго, нынѣ уже покойнаго учрежденія, вѣдавшаго въ Россіи дѣла сельскаго хозяйства, представляетъ только слабый отголосокъ того вопля отчаянія, который вырывается у лицъ, являющихся дѣятелями на поприщѣ земской агрономіи. Одинъ изъ выдающихся агрономовъ московскаго земства, А. А. Зубрилинъ, восклицаетъ: «Самые элементарные зачатки развитія народной мысли, порывы умственной дѣятельности, на каждомъ шагу встрѣчаютъ административную опеку. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ насаждать пріемы хозяйства высококультурныхъ странъ среди массы, пользующейся правами дѣтей. Что можно сдѣлать для улучшенія скотоводства, если овесъ, сѣно, льняное сѣмя, вообще сколько-нибудь питательные корма въ силу необходимости придется отвозить на базаръ, а дома оставлять солому и мякину, слегка сдабривая первую сѣномъ»? ***). Невѣжество, соединенное съ безправіемъ и бѣдностью, плохія условія для агрикультурнаго прогресса.

---

*) А. И. Чупровъ. Мелкое земледѣліе въ Россіи и его нужды, стр. 27 (оттискъ изъ Русск. Вѣд., №№ 89, 98 и 125 за 1904 г.).

**) Вѣстн. Фин. 1905 г., № 7, стр. 265.

***) Труды мѣстныхъ ком. о нуждахъ селько-хоз. промыш. XXIII. Московская губернія. 1903 г., стр. 194.

Вторая причина технической отсталости крестьянскаго хозяйства— малоземелье, или, какъ выражаются иногда, измельчаніе надѣловъ. Недостатокъ земли заставляетъ крестьянъ распахивать несоразмѣрно большую часть надѣльной площади, вслѣдствіе чего нарушается правильное соотношеніе между кормовыми и полевыми угодьями, а это приводитъ въ свою очередь къ сокращенію скотоводства, слѣдовательно, и удобренія и, въ конечномъ итогѣ, къ паденію продуктивности почвы и пониженію урожайности. Наступленіе этихъ послѣдствій ускорено было еще тѣмъ, что уже при освобожденіи крестьяне получили въ надѣлъ недостаточно пастбищъ и сѣнокосовъ.

Въ указанныхъ отношеніяхъ крестьянское хозяйство поставлено въ существенно различныя условія по сравненію съ частновладѣльческимъ, и это обстоятельство, конечно, не можетъ не отражаться на различіи въ доходности того и другого.

Въ началѣ 90-хъ гг. на 100 дес. земли приходилось пахотной:

Въ черноз. губерн.	у крест. . . .	66,2 дес.
	„ частн. влад.	44,4 „
Въ нечерноз. „	„ крест. . . .	51,6 „
	„ частн. влад.	13,6 „
Въ 50 губ. Европ. Россіи.	„ крест. . . .	59,4 „
	„ частн. влад.	31,2 „

При этомъ отношеніе между угодьями представлялось въ слѣдующемъ видѣ *):

		Пахот.	Луга.	Выгоны и паст.	Лѣса.
Въ черноземн. губ.	крест.	45,9 м. дес.	6,5	7,1	6,5
	по отнош. къ пах.		14%	15%	14%
	влад.	21,6.	6,4	8,1	11,6
	»		29%	37%	53%
Въ нечернозем. губ.	крест.	23,4	9,1	4,1	7,1
	по отнош. къ пах.		34%	17%	30%
	влад.	5,6	4,1	2,1	29,2
	»		73%	37%	521%
Въ 50 губ. Евр. Россіи.	крест.	74,2	17,1	14,6	14,0
	по отнош. къ пах.		23%	19%	18%
	влад.	29,6.	11,3	12,8	41,0
	»		38%	43%	138%

Въ послѣдующее десятилѣтіе приведенныя отношенія почти не измѣнились **).

*) Сводъ ком. мин., стр. 30—31.

**) Сводъ М. З. и Г. И., стр. 42.

Въ настоящее время, какъ замѣчаетъ въ своей запискѣ департаментъ земледѣлія, у крестьянъ имѣется такое минимальное количество скота, безъ котораго не могло бы совсѣмъ существовать земледѣльческое хозяйство; съ другой стороны, это едва ли не тотъ максимумъ, который можетъ быть кое-какъ поддержанъ наличными средствами съ надѣльныхъ земель и тѣмъ несоразмѣрно большимъ трудомъ, который приходится нести крестьянину на отработкахъ за нанятыя пастбища, а частью и за зимніе корма *). Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи число лошадей за 10 лѣтъ, отъ 1888 до 1898 г., сократилось съ 19,6 милл. до 17 м., а крупнаго рогатаго скота — съ 34,6 милл. головъ до 24,5 милл. **).

Прямымъ послѣдствіемъ упадка крестьянскаго скотоводства является недостаточное удобреніе и въ конечномъ итогѣ истощеніе надѣльной земли. Мѣстные комитеты привели въ своихъ «Трудахъ» знаменательные факты въ подтвержденіе сказаннаго. Оказывается, напримѣръ, что въ Нижегородской губ. навоза хватаетъ всего на $^1/_5$—$^1/_3$ надѣла, вслѣдствіе чего средній урожай, несмотря на удовлетворительность почвы, получается чрезвычайно низкій: 38 мѣръ ржи и 49 мѣръ овса; въ Михайловскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, удобряется всего $^1/_{10}$—$^1/_8$ пара; въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губ., удобряемость въ $2^1/_2$ раза меньше нормы и т. д. ***).

Ненормальное расширеніе распашки и вытекающія отсюда послѣдствія: сокращеніе скотоводства и паденіе урожайности, какъ это ясно для всякаго, обусловливаются недостаткомъ земли у крестьянъ. Въ этомъ отношеніи мнѣнія не расходятся; но разногласія оказываются очень значительными, когда дѣло касается способовъ улучшенія крестьянскаго хозяйства.

Нѣкоторые, исходя отъ возможности значительнаго улучшенія техники крестьянскаго земледѣлія, или совершенно отрицаютъ явленіе малоземелья ****), или же придаютъ ему только *относительное* значеніе, т. е. признаютъ, что земли мало *при данномъ уровнѣ селько-хозяйственной техники*, но этотъ уровень можетъ быть значительно повышенъ, и тогда земли у крестьянъ окажется вполнѣ достаточно. На этой послѣдней точкѣ зрѣнія стоятъ многіе мѣстные комитеты *****).

Проф. Чупровъ вполнѣ признаетъ «величайшую важность» вопроса о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія и «настоятельную необходимость придти на помощь сельскому населенію въ его борьбѣ съ мало-

*) Записка департамента земледѣлія, цит. выше, стр. 8.
**) Чупровъ, стр. 13.
***) Сводъ трудовъ мѣстн. комит. по землевладѣнію, стр. 6.
****) Лохтинъ, стр. 142.
*****) Сводъ по землевладѣнію, стр. 8.

земельемъ» *). Но имѣя въ виду, что мѣры этой категоріи сосредоточивали до сихъ поръ почти исключительное вниманіе русскаго общества, между тѣмъ, какъ вопросъ о переходѣ крестьянскаго хозяйства къ улучшеннымъ системамъ гораздо менѣе разработанъ, проф. Чупровъ останавливается только на этой послѣдней сторонѣ дѣла, разсматривая вопросы техническаго подъема крестьянскаго земледѣлія такъ, какъ будто они не находятся ни въ какой связи съ размѣрами землевладѣнія.

Конечно, выходомъ изъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ находится въ настоящее время крестьянское хозяйство, можетъ служить улучшеніе земледѣльческой техники и прежде всего увеличеніе количества корма; и вполнѣ несомнѣнно, что средствомъ для достиженія этой цѣли является переходъ къ воздѣлыванію на поляхъ на-ряду съ зерновыми кормовыхъ растеній, что дало бы возможность крестьянамъ содержать больше скота и увеличить количество удобренія, а слѣдовательно, и повысить урожайность. Но многіе изслѣдователи указываютъ на то, что переходъ къ улучшеннымъ системамъ обусловленъ извѣстными размѣрами площади хозяйства; напримѣръ, уфимскій губернскій комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности единогласно призналъ, что «всякія агрикультурныя начинанія, проводимыя въ жизнь сельскаго населенія земскими учрежденіями, наталкиваются на затрудненія, выражающіяся въ недостаточности земельныхъ надѣловъ» **). По мнѣнію департамента земледѣлія, хозяйства, достаточно обезпеченныя землею, прежде всего нуждаются въ знаніяхъ и средствахъ для раціональнаго пользованія ею; по отношенію же къ хозяйствамъ, надѣлы которыхъ совершенно недостаточны, необходимо воздѣйствовать на малоземелье. Департаментъ полагаетъ, что агрономическія мѣропріятія должны итти здѣсь рядомъ съ мѣрами къ разселенію или переселенію избыточнаго населенія и никоимъ образомъ не могутъ предотвратить послѣднихъ ***). Мы полагаемъ, что этихъ мѣръ недостаточно, о чемъ будетъ сказано подробнѣе ниже; здѣсь же довольно отмѣтить мнѣніе департамента для того, чтобы показать, что даже учрежденіе, которое во всякомъ случаѣ скорѣе склонно преувеличивать значеніе агрикультурныхъ мѣропріятій, чѣмъ преуменьшать его, все-таки признаетъ, что малоземелье, при извѣстной степени его развитія, служитъ непреодолимымъ препятствіемъ для земледѣльческаго прогресса, и что на-ряду съ мѣрами агрикультурнаго характера необходимы и мѣры, направленныя къ расширенію площади крестьянскаго землепользованія. Департаментъ окладныхъ сборовъ также признаетъ, что «наиболѣе затруднительно улучшеніе крестьянскаго земле-

*) Чупровъ, стр. 18.

**) Труды мѣстныхъ комитетовъ. XLIV, стр. 21.

***) Стр. 27.

пользованія въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлы слишкомъ раздроблены, и это обстоятельство служитъ главною причиною неустойчивости крестьянскаго хозяйства» *).

В. Е. Постниковъ, опредѣляя значеніе указаннаго фактора по отношенію къ южно-русскому крестьянскому хозяйству, говоритъ, что въ числѣ причинъ, служащихъ къ упадку хозяйства у отдѣльныхъ домохозяевъ, «наиболѣе коренной» является измельчаніе надѣловъ и ограниченность крестьянскаго землепользованія. «Огромный % безлошадныхъ и безхозяйственныхъ дворовъ, замѣчаетъ онъ, во многихъ мѣстностяхъ имѣетъ свой коренной источникъ, безъ сомнѣнія, въ этомъ фактѣ. Есть извѣстный minimum хозяйственной площади, ниже котораго крестьянское хозяйство не можетъ опускаться, потому что оно становится тогда невыгоднымъ и даже невозможнымъ» **).

Связь между техническимъ улучшеніемъ хозяйства и его площадью подтверждается между прочимъ и свѣдѣніями, относящимися къ развитію травосѣянія на надѣльныхъ земляхъ въ Московской губерніи ***). Эти свѣдѣнія свидѣтельствуютъ о весьма неравномѣрномъ распространеніи травосѣянія по уѣздамъ, что объясняется, какъ это было указано на послѣднемъ губернскомъ земскомъ собраніи (1905 г.), не только различнымъ характеромъ промысловъ и неодинаково удачной постановкой дѣла агрономической помощи въ уѣздахъ, но и различной степенью малоземелья, за извѣстнымъ предѣломъ препятствующаго переходу къ травосѣянію.

Правда, площадь крестьянскаго землевладѣнія расширяется, какъ было показано выше, при помощи аренды; но совершенствованіе культуры встрѣчаетъ самыя серьезныя препятствія въ условіяхъ, на которыхъ крестьяне арендуютъ внѣнадѣльныя земли. Это третья причина, препятствующая прогрессу крестьянскаго хозяйства.

При краткосрочности арендныхъ договоровъ, у насъ не существуетъ ни законовъ, ни обычаевъ, которые ограждали бы право арендатора на произведенныя, но неиспользованныя имъ къ окончанію арендnаго срока затраты. Наше законодательство держится въ этомъ отношеніи правила, по которому все, вложенное въ землю арендаторомъ, по окончаніи срока аренды переходитъ къ собственнику земли безъ всякаго вознагражденія арендатора за ту часть его затратъ, которую онъ не успѣлъ использовать. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ крестьянинъ, нанимающій землю погодно, не находитъ никакого разсчета затрачивать на обработку больше того, что можетъ окупиться въ теченіе года.

*) Записка деп. окл. сборов.

**) Южно-русск. крест. хоз., стр. 141.

***) Докладъ моск. губ. земской управы о содѣйствіи сельскому хозяйству. (Очер. сесс. 1904 г., № 4).

Когда указываютъ на неудобства такого положенія, то обыкновенно возражаютъ, что наши крестьяне вообще не производятъ никакихъ улучшеній для увеличенія продуктивности земли, такъ что для нихъ при существующихъ у нихъ примитивныхъ пріемахъ хозяйства, краткосрочность аренды не имѣетъ значенія. Но это возраженіе неправильно. Какъ ни просты пріемы крестьянскаго земледѣлія, все же и они требуютъ нѣкоторыхъ затратъ, не окупающихся въ одинъ годъ. Посѣвы клевера, напр., невозможны на земляхъ, арендуемыхъ погодно, а если они тѣмъ не менѣе и производятся иногда на такихъ земляхъ, то несомнѣнно съ рискомъ для арендатора. На размѣрахъ подобныхъ затратъ и отражаются отрицательныя стороны нашихъ арендъ. Въ земскихъ статистическихъ сборникахъ сообщаются факты, вполнѣ подтверждающіе сказанное; напримѣръ, въ Орловскомъ уѣздѣ, Орловской губ., удобреніе арендованныхъ земель встрѣчается рѣдко. Удобряется только земля, арендованная на долгій срокъ, при чемъ удобреніе ея обыкновенно обусловливается при заключеніи сдѣлки. Въ среднемъ ежегодно вывозится навоза на 1 дес. пашни: надѣльной 29 возовъ, купчей 39, а арендованной только $4^1/_2$. Подобные же факты можно было бы привести и для ряда другихъ мѣстностей *).

Мѣстные комитеты, отмѣчая то же явленіе, указываютъ на то, что при практикующейся теперь сдачѣ казенныхъ луговъ на короткіе сроки арендаторы лишены всякаго побужденія производить какія-либо улучшенія, и качество луговъ ухудшается. Комитеты обращаютъ вниманіе на возможность путемъ соотвѣтствующихъ меліорацій значительно увеличить площадь сѣнокосныхъ угодій на казенныхъ земляхъ; но чтобы меліорацiи могли осуществиться, необходимо сдавать эти земли въ долгосрочную аренду **).

Что касается частновладѣльческихъ земель, то комитеты сообщаютъ, что земли частныхъ имѣній нерѣдко сдаются крестьянамъ въ аренду въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, и пользованіе этими землями входитъ въ самую тѣсную связь съ хозяйственнымъ строемъ крестьянъ, которые приспособляютъ къ установившимся арендным отношеніямъ весь свой хозяйственный инвентарь—скотъ, орудія, постройки и пр. Между тѣмъ владѣлецъ имѣнія можетъ во всякое время прекратить эти отношенія, разъ обстоятельства сложатся такимъ образомъ, что въ имѣніи окажется возможнымъ вести самостоятельное хозяйство, обезпечивающее владѣльцу большій доходъ. Такіе случаи, нерѣдко бывавшіе на практикѣ, создавая весьма тяжелое хозяйственное затрудненіе для крестьянъ, могутъ повести къ разоренію цѣлой округи и принять характеръ бѣдствія, имѣю-

*) См. Очерки по крест. вопросу. II, стр. 167.

**) Сельскохоз. техника (Сводъ труд. мѣст. ком.), стр. 75.

щаго общественное значеніе. До какой степени подобное обстоятельство можетъ отразиться на интересахъ крестьянъ, и до чего доходитъ ихъ нужда въ арендованіи близлежащихъ земель, доказывается между прочимъ случаемъ, бывшимъ, по свидѣтельству одного комитета, въ одной изъ поволжскихъ губерній, гдѣ цѣлая деревня принуждена была выселиться послѣ того, какъ арендовавшаяся ею въ теченіе долгихъ лѣтъ земля была передана въ пользованіе частному лицу.

Даже письменные договоры, заключенные на продолжительные сроки, не всегда обезпечиваютъ затраты арендатора; этому могутъ служить доказательствомъ условія, на которыхъ удѣльное вѣдомство сдаетъ свои земли. Одна изъ статей договора, заключеннаго удѣломъ съ своими арендаторами-крестьянами срокомъ на 9 лѣтъ, гласитъ: «Если снятая обществомъ статья понадобится со временемъ удѣлу, вся или только часть ея, или для надѣленія лѣсной стражи землею, или для другихъ надобностей (но не для отдачи другимъ лицамъ въ аренду), то въ первомъ случаѣ общество обязано сдать землю мѣстному удѣльному начальнику, по учиненіи съ нимъ надлежащаго разсчета въ оброкѣ, а въ послѣднемъ, за сдачею земли, какая потребуется, остальное количество можетъ удержать за собою до истеченія законтрактованнаго срока, съ платежемъ оброка, какой причтется по разсчету изъ полной условленной суммы за всю статью. При этомъ обществу предоставляется убрать хлѣбъ, посѣянный на этой землѣ до отобранія ея» *). На основаніи приведенной статьи удѣльное вѣдомство имѣетъ право во всякое время прервать теченіе заключеннаго на 9-лѣтній срокъ договора, не давая арендатору никакого вознагражденія за убытки, понесенные имъ при этомъ въ видѣ неиспользованныхъ затратъ.

При такихъ условіяхъ аренды трудно ожидать отъ арендатора улучшеній сельско-хозяйственной техники, изъ которыхъ многія могутъ окупиться только въ продолжительное время. Напротивъ, арендаторъ, поставленный въ такое положеніе (а таково положеніе громаднаго большинства крестьянъ, арендующихъ внѣнадѣльную землю), можетъ, руководясь хозяйственнымъ разсчетомъ, только истощать почву, стараясь до истеченія договора извлечь изъ нея все, что возможно.

На-ряду съ разсмотрѣнными причинами упадка крестьянскаго хозяйства существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи. Таковы: неудовлетворительная система обложенія, основанная на преобладаніи косвенныхъ налоговъ, ложащихся главною своею тяжестью на крестьянскую массу; обремененіе крестьянъ, кромѣ того, выкупными платежами, превратившимися въ тяжелый налогъ; общее направленіе экономической политики, благопріятствовавшее фабрично-заводской промышленности въ ущербъ земледѣлію и т. д. Многіе присо-

*) Записка Н. В. Всеволожскаго.

единяютъ еще общинное землевладѣніе съ уравнительными передѣлами, полагая, что оно служитъ непреодолимымъ препятствіемъ усовершенствованію земледѣлія.

По поводу послѣдняго мнѣнія нельзя однако не замѣтить, что положеніе крестьянъ въ областяхъ подворно-участковаго землевладѣнія нисколько не лучше, чѣмъ въ общинныхъ; что же касается усовершенствованія земледѣлія, то переходъ къ полевой культурѣ кормовыхъ растеній достигъ значительно большихъ успѣховъ въ нечерноземной полосѣ, т. е. именно въ районѣ общиннаго землевладѣнія. Не входя здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса, замѣчу только, что вопросъ объ общинѣ сводится, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ къ освобожденію ея отъ административной опеки, которой она подчинена въ настоящее время, и къ сохраненію за крестьянами признаннаго за ними «Положеніемъ» 19 февраля права перехода къ подворно-участковому землевладѣнію, при непремѣнномъ условіи, чтобы этотъ переходъ могъ совершаться только по постановленію большинства домохозяевъ, и чтобы отдѣльные домохозяева или группы ихъ не имѣли права, какъ это предлагается, напримѣръ, въ проектѣ редакціонной комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ и многими другими, выдѣляться вопреки волѣ міра. Крестьяне должны пользоваться полной свободой выбора формы землепользованія, но естественно, чтобы при общинномъ землевладѣніи этотъ выборъ зависѣлъ отъ общины, какъ таковой, а не отъ отдѣльныхъ ея членовъ. Попытки во что бы то ни стало разверстать общинныя угодья вытекаютъ изъ бюрократической идеи, будто начальство знаетъ лучше крестьянъ, какая форма землепользованія имъ удобнѣе.

Что касается остальныхъ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства, указанныхъ выше, то всѣ онѣ имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе и заслуживаютъ вниманія. Не останавливаясь на нихъ въ виду того, что онѣ выходятъ изъ области настоящей работы, не можемъ все же не отмѣтить первостепенной важности для крестьянскаго хозяйства финансовой системы, выкачивающей изъ крестьянскаго обихода послѣдній грошъ, который могъ бы быть сбереженъ на черный день или израсходованъ на улучшеніе земли. Но какъ ни важенъ этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ недостатками нашей финансовой политики, конечно, нельзя объяснить упадка крестьянскаго хозяйства.

Основныя причины деревенскаго оскудѣнія мы видимъ: въ безправіи и невѣжествѣ крестьянской массы, поддерживавшимися до сихъ поръ всей совокупностью общихъ условій нашей государственной и общественной жизни, въ малоземельѣ и неупорядоченности арендныхъ отношеній.

V.

Основныя черты поземельной политики русскаго правительства.

Для улучшеніе крестьянскаго хозяйства необходимо создать условія, благопріятствующія подъему культурнаго уровня крестьянскаго населенія и распространенію среди него знаній, расширить площадь крестьянскаго землепользованія и упорядочить аренду. Это реформы первой очереди. Ими не можетъ быть исчерпана аграрная программа, но съ нихъ она должна начинаться.

За послѣднія 40 лѣтъ ни одно изъ этихъ требованій не было удовлетворено; напротивъ, правительственная политика была основана на принципахъ, рѣшительно противорѣчившихъ имъ.

Доступъ знаній въ деревню и подъемъ культурнаго уровня крестьянскаго населенія встрѣчали непреодолимыя препятствія въ полицейскомъ режимѣ, тяготѣвшемъ надъ всѣми русскими гражданами и ревниво оберегавшемъ крестьянство отъ какихъ-либо культурныхъ вліяній. Сословная обособленность крестьянства и система административной опеки надъ нимъ составляли основныя начала правительственной политики по крестьянскому вопросу, наиболѣе ярко выразившіяся въ положеніи о земскихъ начальникахъ и въ законахъ 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ и 1893 года о передѣлахъ мірской земли. На тѣхъ же началахъ построены и законопроекты покойнаго Плеве, до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, не снятые съ очереди.

По вопросу о расширеніи площади крестьянскаго землепользованія правительство рѣшительно держалось того взгляда, что съ надѣленіемъ землею крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, дѣло поземельнаго устройства крестьянскаго населенія путемъ отвода ему земли въ надѣлъ должно считаться навсегда законченнымъ. Расширеніе крестьянскаго землепользованія, съ этой точки зрѣнія, можетъ совершаться если и при содѣйствіи государственнаго кредита, то исключительно на началахъ частнаго соглашенія между крестьянами и собственниками земли: принципъ надѣленія крестьянъ землею долженъ быть на будущее время навсегда устраненъ изъ сферы русской аграрной политики. Эта основная точка зрѣнія правительства получила еще недавно новое выраженіе въ рескриптѣ И. Л. Горемыкину по случаю назначенія его предсѣдателемъ комиссіи по крестьянскому вопросу, замѣнившей собою Особое Совѣщаніе.

По отношенію къ арендѣ до настоящаго времени не сдѣлано ровно ничего, хотя устарѣлость дѣйствующаго законодательства объ арендѣ признана всѣми, въ томъ числѣ и оффиціальными сферами. Особое Совѣщаніе обратило вниманіе на арендный вопросъ, но его работы не

привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Послѣ продолжительнаго обсужденія Совѣщаніемъ принятъ былъ законопроектъ весьма скромнаго содержанія, но и онъ не получилъ дальнѣйшаго движенія за внезапно состоявшимся по совершенно непонятнымъ для простыхъ смертныхъ причинамъ упраздненія самого Совѣщанія.

Такъ какъ важнѣйшія стороны поземельнаго вопроса оставались безъ вниманія, то и мѣропріятія правительства, изъ которыхъ нѣкоторыя, можетъ быть, и вызваны были благожелательнымъ отношеніемъ къ крестьянскому населенію, не оказали замѣтнаго вліянія на положеніе послѣдняго. Финансовыя облегченія, допущенныя въ этой области, въ значительной степени парализовались общимъ направленіемъ финансовой политики, выразившимся въ повышеніи косвеннаго обложенія, которое ложилось главною своею тяжестью на крестьянскую массу. Да и независимо отъ этого, финансовыя мѣры, принятыя въ интересахъ крестьянъ, не могли серьезно содѣйствовать подъему ихъ благосостоянія, потому что условія поземельнаго устройства и быта крестьянскаго населенія препятствовали этому. Съ плечъ утопающаго снималась часть груза, но у него на шеѣ оставались такіе камни, какъ малоземелье, безправіе и невѣжество, и онъ продолжалъ идти ко дну.

Крестьянскій банкъ, какъ мы уже видѣли выше, не имѣлъ большого практическаго значенія для улучшенія матеріальныхъ условій жизни крестьянскаго населенія, въ особенности въ первыя 12—15 лѣтъ своей дѣятельности.

Аренда казенныхъ земель, облегченная для крестьянъ особенно закономъ 5 іюня 1900 года, не могла бы сыграть крупной роли даже при вполнѣ удовлетворительной системѣ эксплоатаціи сдававшагося до сихъ поръ въ арендное содержаніе казеннаго фонда, чего, однако, не было въ дѣйствительности. То, что государство является въ Россіи собственникомъ громадныхъ земельныхъ пространствъ, около 150 милл. дес., до настоящаго времени не имѣло практическаго значенія въ виду того, что 69,3% площади казенныхъ земель находятся подъ лѣсомъ, 28,1% составляютъ неудобныя земли и только 2,6%—удобныя, которыя и сдавались въ аренду въ качествѣ такъ называемыхъ оброчныхъ статей. Къ началу 1902 г. въ Европейской Россіи было 10,854 такихъ статей, занимавшихъ площадь въ 4,1 милл. десятинъ *). При этомъ казенныя оброчныя статьи расположены очень неравномѣрно по территоріи Европейской Россіи: на долю 12 губерній, главнымъ образомъ на востокѣ и на югѣ **), приходится почти 94% всей площади казенныхъ земель,

*) Д. С. Флексоръ Аренда казенныхъ земель (записка).

**) Самарская, Астраханская, Херсонская, Пермская, Оренбургская, Саратовская, Таврическая, Уфимская, Екатеринославская, Харьковская, Тамбовская и Бессарабская.

сдаваемыхъ въ аренду, и 33,5 статей лѣсного вѣдомства. Часть казенныхъ земель, сдаваемыхъ въ арендное содержаніе, правда, очень небольшая, но все же около 10%, находится не въ рукахъ крестьянъ, а изъ земельной площади, поступающей въ пользованіе крестьянъ; часть попадаетъ къ нимъ только изъ вторыхъ рукъ, т. е. черезъ посредниковъ, арендующихъ большіе участки и пересдающихъ ихъ отъ себя клочками мелкимъ съемщикамъ по болѣе высокимъ цѣнамъ. Какова площадь пересдаваемыхъ такимъ способомъ земель, трудно сказать, но можно предполагать, что она не незначительна уже въ виду того, что около 48% казенныхъ оброчныхъ статей сдается съ торговъ, т. е. по способу, благопріятствующему зажиточнымъ элементамъ и спекулянтамъ.

Законъ 7 іюня 1904 г. представляетъ попытку правительства воспользоваться казенными землями для улучшенія быта малоземельнаго и безземельнаго населенія. Согласно этому закону казенныя земли въ 3-хъ губерніяхъ: Самарской, Оренбургской и Уфимской, отводятся для этой цѣли, при чемъ въ первую очередь ставятся малоземельные крестьяне этихъ губерній, а затѣмъ и другихъ мѣстностей. Попытаемся опредѣлить значеніе этой мѣры, и это дастъ намъ извѣстный критерій вообще для опредѣленія емкости казенныхъ земель. Въ началѣ 90-хъ гг. въ 3-хъ названныхъ губерніяхъ было крестьянъ, владѣвшихъ надѣлами не свыше нормы высшаго надѣла по Положенію 1861 г., 495,996 душъ м. п. съ надѣльной землей въ 1.003,888 дес., т. е. въ среднемъ по 2,1 дес. на душу. Если землю, состоявшую въ 1892 году во владѣніи крестьянъ указанной категоріи, разсчитать на число душъ м. п. по нормѣ высшаго надѣла, то на этой площади оказалось бы 200,003 душъ м. п. съ среднимъ надѣломъ на душу въ 5 дес. (при высшихъ нормахъ по Полож. 1861 г. для этого района отъ 4,0 до 12,0 дес.). Въ такомъ случаѣ оставалось бы еще надѣлить землею 304,993 души м. п. Если отвести имъ въ среднемъ такое же количество земли (т. е. довести ихъ землевладѣніе до нормы высшаго надѣла, въ среднемъ до 5 дес. на душу), то для этого потребовалось бы $1^1/_2$ милл. дес. земли. Если же принять въ разсчетъ приростъ сельскаго населенія съ 1892 г. по настоящее время, приведенное число придется еще поднять приблизительно на 10%. Между тѣмъ казенныя земельныя статьи во всѣхъ 3-хъ губерніяхъ составляютъ всего 1.479,129 дес. (въ 1902 г.). Такимъ образомъ, этихъ статей не достало бы и для надѣленія малоземельнаго населенія даже указанныхъ 3-хъ губерній, не говоря объ остальныхъ; между тѣмъ на Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую губ. приходится $^1/_3$ общей площади казенныхъ земельныхъ статей. Слѣдовательно, весь наличный земельный фондъ казны, состоящій изъ всѣхъ удобныхъ казенныхъ земель, не считая лѣсовъ, могъ бы по вышеприведенному разсчету послужить для устройства 1 милл. душъ м. п. Если же принять

во вниманіе, что высшія нормы надѣловъ по Положенію 1861 г. на востокѣ были выше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, то на всѣхъ оброчныхъ статьяхъ казны, считая и 3 губерніи, которыхъ касается законъ 7 іюня, могло бы быть устроено по приведенному разсчету не болѣе 1,2—1,3 милл. душъ м. п., при этомъ въ среднемъ пришлось бы не болѣе $3^1/_2$ дес. на душу м. п. Если даже понизить норму надѣленія до 2 дес., то на казенныхъ оброчныхъ статьяхъ трудно устроить болѣе 2 милл. душъ м. п., что, какъ мы увидимъ ниже, далеко недостаточно.

Конечно, расширеніе площади удобной казенной земли возможно путемъ расчистки участковъ для земледѣлія въ казенныхъ лѣсахъ; но уничтоженіе части казенныхъ лѣсовъ допустимо только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно въ сѣверныхъ губерніяхъ. Кромѣ того, такія расчистки, какъ показалъ опытъ, подвигаются очень медленно. Въ Архангельской губ., гдѣ, при необъятномъ земельномъ просторѣ, культурныхъ земель приходится менѣе 1 дес. на каждаго жителя, закономъ 13 марта 1873 г. предоставлено бывшимъ госуд. крестьянамъ увеличивать свое землевладѣніе путемъ расчистки казенныхъ лѣсовъ и разработки неудобныхъ пространствъ въ казенныхъ дачахъ. Однако, за 28 лѣтъ площадь культурныхъ земель въ Архангельской губ. возросла всего на 35,000 дес., между тѣмъ какъ за 20 л. число крестьянъ муж. пола увеличилось на 56,378 душъ *).

Остается еще одинъ крупный предметъ нашей поземельной политики—это переселенія. Извѣстно, что вопросъ о переселеніяхъ возбуждался еще въ редакціонныхъ комиссіяхъ, но по разнымъ соображеніямъ былъ устраненъ **). Съ тѣхъ поръ въ теченіе 20 лѣтъ переселеніе вызывали сначала совершенно отрицательное, а затѣмъ подозрительное отношеніе со стороны правительства, и только въ сравнительно недавнее время это отношеніе уступило мѣсто иной политикѣ ***). Вмѣстѣ съ тѣмъ усилились и переселенія; однако, въ общемъ этимъ путемъ была удалена лишь очень небольшая часть крестьянъ, нуждавшихся въ землѣ. Всего изъ 50 губ. Евр. Россіи съ 1885 по 1901 г. выселилось около 1,2 милл. душъ обоего пола; между тѣмъ естественный приростъ сельскаго населенія за это время составилъ почти 20 милл. ****).

Измѣнивъ въ послѣдніе годы свое отношеніе къ переселенческому дѣлу, правительство не находило однако возможнымъ активно содѣйствовать переселеніямъ крестьянъ или побуждать ихъ къ этому. Съ одной стороны, по словамъ департамента окладныхъ сборовъ, оно опасалось,

---

*) Свод. по землевл., стр. 18.

**) Янсонъ. Цит. соч., стр. 141. Скребицкій, II, 629.

***) См. обстоятельный очеркъ этого вопроса въ ст. В. А. Розенберга (изъ хроники крест. вопроса, въ Очеркахъ по крестьянскому вопросу, I, 178).

****) Ком. о центрѣ.

что и «свободный запасъ удобныхъ для сельско-хозяйственной обработки земель, имѣющійся на окраинахъ, не настолько великъ, чтобы служить для устройства быта всего или даже значительной части избытка крестьянскаго населенія въ цѣляхъ улучшенія крестьянскаго землепользованія въ мѣстностяхъ Европ. Россіи, испытывающихъ малоземелье»; съ другой стороны, правительство полагало, что «крестьяне, которые вели у себя на родинѣ хозяйство въ слишкомъ маломъ размѣрѣ, являются вообще ненадежнымъ элементомъ для заселенія свободныхъ земель, такъ какъ предоставленные собственнымъ силамъ они теряются, не умѣютъ бороться съ затрудненіями и часто даже, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ устроиться, бросаютъ отведенныя имъ земли и уходятъ обратно на родину». Въ виду этихъ соображеній правительственная точка зрѣнія на переселенія сводилась къ тому, что «правительство признаетъ это движеніе и допускаетъ его при извѣстныхъ условіяхъ, но не вызываетъ крестьянъ на переселеніе и, оказывая переселенцамъ лишь нѣкоторое содѣйствіе, въ то же время предоставляетъ имъ дѣйствовать за собственный ихъ счетъ и рискъ» *).

Переселенія при существующей постановкѣ не могли отвлечь такой части крестьянскаго населенія, нуждающагося въ дополнительномъ надѣленіи землей, чтобы существенно ослабить остроту вопроса о малоземельѣ. При среднемъ ежегодномъ приростѣ сельскаго населенія приблизительно въ 900 т. душъ обоего пола, переселенія отвлекали до сихъ поръ въ годы максимальнаго развитія не болѣе 200 т. душъ. Но и эти размѣры уже возбуждали опасенія относительно возможности своевременно размѣщать переселенцевъ въ Сибири. Такъ, спеціалистъ по переселенческому дѣлу А. А. Кауфманъ писалъ по этому поводу слѣдующее: «Работы по заготовленію въ Сибири земель для переселенцевъ показали, что запасъ непосредственно пригодныхъ для этой цѣли земель далеко не можетъ удовлетворить того спроса, который возникъ бы при дальнѣйшемъ ростѣ переселенческаго движенія, столь же быстромъ, какъ въ 1895 и 1896 гг., когда число переселенцевъ поднялось съ 65 до 200 тыс. Съ 1895 г. производятся обслѣдованія огромныхъ таежныхъ и урманныхъ пространствъ; въ западно-сибирскихъ степяхъ работаетъ гидротехническая экспедиція министерства земледѣлія, но результаты этихъ мѣръ, по крайней мѣрѣ въ ближайшіе годы, едва ли покроютъ возможный спросъ на землю» **).

Какъ медленно подвигаются работы по устройству переселенцевъ, видно изъ того, что площадь земель, обращенная поземельно-устроительными партіями подъ переселенческіе участки за 10 лѣтъ 1893—1902 гг.,

---

*) Записка деп. окл. сборовъ, цит. выше, стр. 29.

**) Энцикл. словарь, ст. «Переселенія».

составляетъ 8,2 милл. дес. съ 442,413 душевыми долями; а число переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ съ 1893 по 1903 г., достигаетъ въ Сибири 611,950 душъ обоего пола *).

Отказываясь отъ планомѣрнаго содѣйствія переселеніямъ и отъ дальнѣйшаго развитія началъ, положенныхъ въ основу поземельнаго устройства крестьянъ при выходѣ ихъ изъ крѣпостной зависимости, и задерживая культурный подъемъ крестьянскаго населенія, руководители нашей внутренней и въ частности поземельной политики естественно не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ противъ малоземелья.

Безпомощность системы, поставленной въ такія условія, ясно выступаетъ въ цитированной выше запискѣ департамента окладныхъ сборовъ: для случаевъ нежеланія крестьянъ переселиться изъ селеній, страдающихъ отъ малоземелья, составители записки не находятъ иныхъ мѣръ, кромѣ содѣйствія Крестьянскаго банка крестьянамъ для пріобрѣтенія земли и искусственнаго устраненія части населенія отъ земледѣлія при помощи денежнаго вознагражденія отказавшихся отъ пользованія надѣломъ или только полевою землею, сложенія съ нихъ недоимокъ и т. д. Особенно характерны для правительственной политики соображенія того же департамента окладн. сборовъ о мѣрахъ по отношенію къ крестьянамъ, получившимъ съ самаго начала недостаточный, въ особенности даровой или «нищенскій» надѣлъ. Такіе случаи, по мнѣнію департамента, представляютъ большія трудности, но «это соображеніе, говорится въ запискѣ, не можетъ служить поводомъ къ отказу отъ всякой попытки устранить, гдѣ возможно, неблагопріятное вліяніе дробленія крестьянскихъ надѣловъ на крестьянское хозяйство. Такой отказъ могъ бы быть оправданъ развѣ соображеніемъ о недопустимости обезземеленія нѣкоторыхъ крестьянъ даже по собственному желанію и въ цѣляхъ прочнѣйшаго устройства односельцевъ. Но разъ доказано, что при данныхъ условіяхъ земля не обезпечиваетъ быта крестьянъ, то нѣтъ основанія признавать ее, вопреки дѣйствительности, необходмою для нихъ; еще менѣе основаній отказываться отъ прочнаго поземельнаго устройства нѣкоторой части извѣстнаго селенія только потому, что устроить ихъ всѣхъ оказывается невозможнымъ. Побуждать крестьянъ къ отказу отъ земли, разумѣется, неудобно и опасно; но если они сами признаютъ для себя необходимымъ отойти отъ земли, то не только не слѣдовало бы имъ въ этомъ отношеніи препятствовать, но, напротивъ, надлежитъ принять мѣры, чтобы такая ликвидація земельныхъ отношеній произошла съ наименьшими потерями для отказывающихся отъ надѣла и наибольшею выгодою для остающихся на немъ» **).

---

*) Сибирская желѣзная дорога въ ея прошломъ и настоящемъ. Спб. 1903 Изд. ком. сиб. жел. дор.

**) Записка деп. окл. сбор., стр. 30.

Стремленіе поддерживать болѣе зажиточные элементы крестьянства, предоставляя остальнымъ при всякой возможности отходить отъ земли, уже довольно давно находило себѣ выраженіе въ нашей поземельной политикѣ, напр., въ постановкѣ дѣла Крестьянскимъ банкомъ; но въ послѣдніе годы эта тенденція усилилась, проявившись особенно рѣзко въ самое недавнее время, напр., въ правительственныхъ проектахъ по общинному землевладѣнію, построенныхъ на поддержаніи болѣе состоятельныхъ элементовъ общины въ ихъ стремленіяхъ къ выдѣлу и на покровительствѣ хуторскому хозяйству. Въ этомъ проекты В. К. Плеве и С. Ю. Витте, несмотря на коренныя различія между ними въ другихъ отношеніяхъ, вполнѣ сходятся. Такое направленіе нашей политики совпало съ очень замѣтнымъ теченіемъ въ экономической литературѣ, проявившимся съ особенной силой въ марксистскомъ лагерѣ въ срединѣ 90-хъ гг.

Мы считаемъ такую точку зрѣнія въ примѣненіи къ современнымъ условіямъ Россіи совершенно неправильной. Въ этомъ направленіи можно было еще разсуждать, когда лелѣялись надежды на расцвѣтъ русскаго капитализма. Опытъ показалъ однако, что подъемъ нашей фабрично-заводской промышленности оказался весьма непрочнымъ по той причинѣ, что продукты ея находили себѣ въ разоренномъ крестьянствѣ слишкомъ ограниченный и ненадежный кругъ покупателей; поэтому едва ли можно ожидать широкаго развитія промышленности въ близкомъ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости останется ограниченнымъ и то поприще для труда, которое представляетъ собою промышленность.

Въ 1902 г. въ Россіи насчитывалось всего 2,4 милл. фабрично-заводскихъ рабочихъ, считая и горнозаводское дѣло *), а по разсчету Комиссіи о центрѣ общее число работниковъ, занятыхъ на мѣстной неземледѣльческой промышленности всѣхъ видовъ (фабр. зав., куст. ремесл. и пр.), достигло въ 1900 г. въ 50 губ. Евр. Россіи 6,6 милл. челов. **); между тѣмъ по разсчету той же Комиссіи, наличное число мѣстныхъ работниковъ обоего пола составляло въ томъ же году почти 45 милл. Такимъ образомъ, если бы существующіе промыслы удвоились, то и тогда болѣе 30 милл. человѣкъ сельскаго населенія все-таки должны были бы искать приложенія своимъ силамъ въ земледѣліи.

Какъ бы ни былъ приблизителенъ этотъ разсчетъ, едва ли можно сомнѣваться въ достовѣрности того общаго положенія, что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для развитія въ нашей странѣ промышленности большинство крестьянъ еще долгое время должно будетъ оставаться въ деревнѣ.

---

*) Изд. отд. промышленности. Статист. свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ за 1900 г.

**) Ком. о центрѣ, стр. 249.

Развитіе крупнаго хуторскаго хозяйства, съ усовершенствованной культурой земли, также не могло бы спросомъ на рабочія руки дать занятіе тому населенію, которое превратилось бы при такой эволюціи нашего землевладѣнія въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. В. Е. Постниковъ, книгу котораго по южно-русскому хозяйству мы уже нѣсколько разъ цитировали, разсчиталъ, что если бы все наше сельское хозяйство было организовано на манеръ 60-ти десятинныхъ хозяйствъ нѣмецкихъ колонистовъ, то на 60 милліоновъ имѣющейся (въ 1890 г.) въ 50 губ. Евр. Россіи посѣвной площади мы имѣли бы $1^1/_2$ милл. хозяйственныхъ единицъ; и при этомъ земледѣльческое населеніе состояло бы изъ 20 милл. душъ при 5 милл. взрослыхъ рабочихъ*). Если примѣнить этотъ разсчетъ къ вышеприведенному результату, полученному на основаніи данныхъ Комиссіи о центрѣ, то окажется, что, при удвоеніи размѣровъ промышленности и устройствѣ земледѣлія на началахъ хуторскаго хозяйства, у насъ осталось бы 25 милл. работниковъ изъ сельскаго населенія безъ дѣла.

Все это показываетъ, что непосредственная задача нашей поземельной политики должна заключаться въ подъемѣ матеріальнаго положенія крестьянской массы. По какому бы пути въ будущемъ Россія ни пошла, въ настоящій моментъ она не можетъ направлять своей поземельной политики къ иной цѣли. Къ такому пониманію нашихъ непосредственныхъ задачъ должны, думается, примкнуть и тѣ, которые видятъ конечную цѣль въ промышленномъ подъемѣ Россіи, соединенномъ съ развитіемъ капиталистическаго земледѣлія. Процвѣтаніе промышленности на прочной основѣ невозможно безъ поднятія платежныхъ силъ населенія, а въ Россіи, гдѣ $^2/_3$ принадлежатъ къ крестьянству,—безъ улучшенія быта крестьянской массы. Съ точки зрѣнія промышленныхъ интересовъ въ этомъ также заключается ближайшая цѣль, къ которой должна быть направлена экономическая политика. Когда эта первая ступень будетъ достигнута, и только тогда, промышленное развитіе Россіи получитъ твердую точку отправленія, и съ теченіемъ времени самъ собою, естественнымъ путемъ, можетъ произойти отливъ части сельскаго населенія въ города. При такихъ условіяхъ этотъ отливъ не явится, какъ теперь, безпорядочнымъ бѣгствомъ отъ деревенской нищеты, куда глаза глядятъ, въ смутной надеждѣ *какъ-нибудь* прокормиться въ городѣ, *авось* не умереть тамъ съ голода; это будетъ процессъ естественной дифференціаціи населенія, который произойдетъ въ предѣлахъ, обусловленныхъ промышленнымъ подъемомъ страны. Но это дѣло будущаго, а очередной вопросъ—поземельное устройство крестьянскаго населенія.

Намъ скажутъ, что въ томъ, что происходитъ вокругъ насъ, нельзя

*) Южно-русск. хозяйство, стр. 335.

не видѣть упомянутаго процесса дифференціаціи, долженствующаго роковымъ образомъ привести къ окончательному распаденію мелкаго крестьянскаго хозяйства, на развалинахъ котораго и созидается уже капиталистическое земледѣліе. Поэтому и поддерживать крестьянское хозяйство нѣтъ основаній. Эта точка зрѣнія правовѣрнаго, или, лучше сказать, прямолинейнаго марксизма едва ли примѣнима къ нашимъ русскимъ условіямъ.

У насъ большинству сельскаго населенія некуда уходить отъ земли; поэтому, что бы ни предпринимали доктринеры крупнаго хозяйства, крестьянская масса не покинетъ деревни, и если ей не дадутъ земли, въ которой она нуждается, она возьметъ ее силой. У насъ можетъ возникнуть такое же положеніе, какъ въ Ирландіи, гдѣ, несмотря на всѣ старанія англійскихъ лэндлордовъ и правительства разрѣдить сельское населеніе, требованіе земли не прекращалось и, не находя удовлетворенія, привело къ аграрному террору, который окончился только тогда, когда арендныя отношенія были, наконецъ, упорядочены и приняты мѣры къ выкупу земельныхъ участковъ арендаторами. Въ Россіи аграрный вопросъ также властно требуетъ немедленнаго рѣшенія. Поземельная реформа настоятельна и неизбѣжна, и она должна совершиться въ интересахъ крестьянской массы.

VI.

Дополнительный надѣлъ.

Мы указали выше три вопроса, или вѣрнѣе, требованія, которые выдвинуты исторіей нашихъ поземельныхъ отношеній въ пореформенное время. Первое изъ нихъ, сводящееся къ установленію въ деревнѣ культурныхъ условій нормальной общественной и политической жизни, составляетъ только часть общей задачи, къ разрѣшенію которой направлено освободительное движеніе нашихъ дней. Возрожденіе нашей деревни такъ же обусловлено успѣхомъ этого движенія, какъ и общее возрожденіе всей страны. Безъ политической свободы, обезпеченной конституціонными гарантіями, невозможны ни культурный подъемъ сельскаго населенія, ни оживленіе сельской жизни; а безъ этого никакія реформы не приведутъ къ повышенію благосостоянія крестьянской массы.

Было бы однако ошибкой ожидать такого результата только отъ политическихъ реформъ. Онѣ необходимо должны сопровождаться реформами аграрными, въ ряду которыхъ основными, какъ было указано выше, являются расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и регулированіе аренды земли.

Все изложенное выше показываетъ, что въ Россіи масса крестьянскаго населенія не можетъ быть устранена отъ земледѣлія или превращена въ батраковъ; что расширеніе крестьянскаго землепользованія необходимо и неизбѣжно, и, наконецъ, что ни переселенія, ни использованіе казенныхъ арендныхъ статей въ интересахъ малоземельнаго населенія не могутъ быть признаны средствами, достаточными для серьезнаго подъема матеріальнаго положенія крестьянъ. При такихъ условіяхъ единственное средство расширенія крестьянскаго землепользованія заключается въ дополнительномъ надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ.

Мысль о дополнительномъ надѣлѣ не нова. Ее проводилъ еще Д. Ѳ. Самаринъ въ примѣненіи къ дарственникамъ, при условіи добровольнаго выкупа земель. Самаринъ, какъ извѣстно, держался того взгляда, что «бытъ крестьянъ у насъ *можетъ*, а слѣдовательно и *долженъ* быть обезпеченъ не однимъ поземельнымъ надѣломъ, а *надѣломъ и личнымъ трудомъ*, приложеннымъ частью къ душевому надѣлу, частью къ землѣ, снимаемой въ аренду, частью къ промысламъ кустарнымъ и отхожимъ, частью къ торговлѣ и т. д.». Тѣмъ не менѣе онъ желалъ, чтобы «поземельный надѣлъ дѣйствительно служилъ однимъ изъ средствъ, и притомъ весьма существеннымъ, для обезпеченія быта крестьянъ, и чтобы, когда онъ этого не способенъ достигнуть именно вслѣдствіе своего малаго размѣра и экономическое положеніе крестьянъ приходитъ именно отъ этого въ упадокъ, были принимаемы мѣры для увеличенія душевого надѣла» *).

Многіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности также останавливались на этомъ вопросѣ. Считая желательнымъ расширеніе крестьянскаго землепользованія, комитеты или отдѣльные ихъ члены предлагали для этого разнообразные пути, начиная отъ содѣйствія Крестьянскаго банка и отвода казенныхъ и удѣльныхъ земель и кончая принудительнымъ выкупомъ частновладѣльческихъ. Напр., въ одномъ изъ уѣздныхъ комитетовъ Уфимской губ. было внесено предложеніе признать, что для поднятія экономическаго благосостоянія земледѣльческаго населенія необходимо обезпеченіе его землей отъ 7 до 9 дес. на душу, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда для надѣленія до указанной нормы не окажется достаточно земельныхъ угодій, необходимо прибѣгать къ обязательному отчужденію земель у лицъ, владѣющихъ таковой въ значительныхъ размѣрахъ; отчужденіе же должно производиться въ порядкѣ, примѣняемомъ при проведеніи желѣзныхъ дорогъ черезъ земли собственниковъ **).

---

*) Д. Ѳ. Самаринъ. Собраніе статей. I. 1903 г., стр. 72 и 74.

**) Труды мѣстн. ком. XLIV. Уфимская губ., стр. 320. См. также „Сводъ“ по землевл., стр. 15 и слѣд.

Я полагаю, что обязательный выкупъ части владѣльческихъ земель для дополнительнаго надѣленія ими малоземельныхъ крестьянъ дѣйствительно безусловно необходимъ, и что онъ вполнѣ оправдывается требованіями общественнаго интереса и государственной необходимости.

Декларація правъ гражданина и человѣка говоритъ: «Такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никто не можетъ быть лишенъ своей собственности, *за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, очевидно, требуетъ этого, и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія*» *).

Выкупъ земли для дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ крестьянъ подходитъ подъ понятіе именно тѣхъ исключеній, о которыхъ говорится въ декларації правъ, ибо дополнительной прирѣзки земли, не осуществимой безъ принудительнаго выкупа, требуетъ общественная польза. Въ правильномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса заинтересована вся страна. Въ Россіи, гдѣ $^4/_5$ населенія принадлежатъ къ крестьянству, связанному съ землею, всѣ стороны государственной жизни находятся въ тѣсной зависимости отъ положенія крестьянской массы. Если она хронически не доѣдаетъ, живетъ въ условіяхъ, недостойныхъ человѣческаго существованія, и не видитъ никакихъ шансовъ для подъема своего благосостоянія, то правильное и мирное развитіе страны въ цѣломъ становится невозможнымъ. Народная нищета служитъ почвой, на которой развиваются бактеріи, подтачивающія государственный организмъ: крестьянская изба становится очагомъ эпидемій, а самъ крестьянинъ, живя впроголодь, является плохимъ плательщикомъ налоговъ и скуднымъ покупателемъ издѣлій промышленности; если онъ забитъ и смиренъ, его ждетъ вырожденіе, а при нѣкоторомъ развитіи самосознанія и запасѣ энергіи онъ стремится силою добиться того, что считаетъ своимъ правомъ. Если нашей странѣ, наконецъ, суждено обновиться и вступить на новый путь развитія, который приведетъ ее къ матеріальному благосостоянію и подъему духовныхъ силъ, она совершитъ это перерожденіе только при томъ условіи, что демократическая конституція откроетъ крестьянству возможность участвовать въ законодательствѣ и этимъ приведетъ къ коренному преобразованію условій сельскаго быта и сельскохозяйственной промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ возрожденію самого земледѣльца. Въ этомъ будетъ заключаться залогъ мирнаго и успѣшнаго развитія новой, обновленной Россіи.

Существуетъ, однако, мнѣніе, что отводъ дополнительныхъ надѣловъ, если бы онъ и осуществился, имѣлъ бы мало значенія на практикѣ.

«Представимъ себѣ, говоритъ проф. Чупровъ, что вся удобная

---

*) Г. Еллинекъ. Декларація правъ, стр. 31.

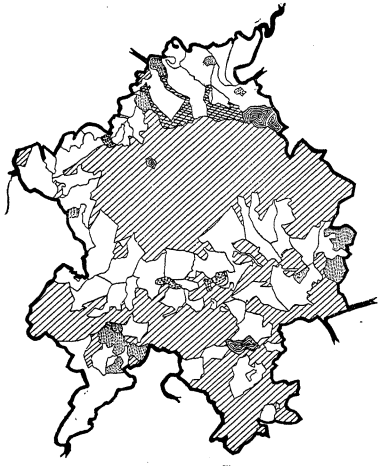
земля, находящаяся въ Европейской Россіи, какимъ-либо чудомъ попала въ руки крестьянъ. Насколько увеличилась бы чрезъ то площадь ихъ землевладѣнія? По единственно полнымъ, но нынѣ уже сильно устарѣлымъ свѣдѣніямъ 1877—78 гг. все землевладѣніе крестьянъ исчисляется въ 131 милл. десятинъ. Всѣхъ прочихъ земель, кромѣ крестьянскихъ и государственныхъ, считается 108 милл. дес.; если къ нимъ присоединить еще 4 милл. дес. изъ государственныхъ земель, то и въ такомъ случаѣ прибавляющаяся площадь была бы много меньше той, которая имѣется нынѣ во владѣніи крестьянъ. Но не нужно забывать, что прибавка не будетъ достигать даже этого размѣра; около половины частновладѣльческихъ, удѣльныхъ и государственныхъ удобныхъ земель уже теперь находится въ пользованіи крестьянъ на арендномъ правѣ: общее пространство арендуемой крестьянами земли можно принять въ 40 милл. дес. Обращеніе всей удобной земли въ собственность крестьянъ увеличило бы нынѣшнее ихъ пользованіе (171 милл. дес.) на 72 милл. дес., или на 42%. Но это—лишь средняя цифра. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи почти вся земля перешла въ пользованіе крестьянъ или путемъ покупокъ, или чрезъ аренду. Такъ, напримѣръ, въ Ржевскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, считается болѣе 90% всей земли въ эксплоатаціи крестьянъ; во Владимірскомъ уѣздѣ, согласно недавно появившемуся земско-статистическому изслѣдованію, 91% всей пахотной площади принадлежитъ крестьянамъ, но изъ остающихся 9% почти все сдается имъ же въ аренду. Въ подобныхъ мѣстностяхъ, которыхъ не мало въ густо населенныхъ частяхъ Европейской Россіи, прибавка крестьянскаго землевладѣнія—пустое слово» *).

Разсчетъ проф. Чупрова относится ко всей крестьянской массѣ, не различая малоземельныхъ группъ отъ достаточно или даже болѣе чѣмъ достаточно надѣленныхъ землею. Поэтому онъ приводитъ въ итогѣ къ среднимъ цифрамъ, не имѣющимъ практическаго значенія и не дающимъ возможности судить о размѣрахъ и важности дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею. Нельзя, однако, не отмѣтить того, что и при такомъ огульномъ исчисленіи проф. Чупровъ приходитъ къ выводу, что крестьянское землепользованіе могло бы быть увеличено этимъ путемъ въ среднемъ на 42% сверхъ арендуемой крестьянами земли, площадь которой онъ при этомъ оцѣниваетъ очень высоко. Я не считалъ бы такого результата маловажнымъ; но полагаю, что при болѣе детальномъ исчисленіи вся операція должна получить другой характеръ: съ одной стороны, не потребовалось бы всей земли частныхъ владѣльцевъ, а съ другой—значеніе дополнительнаго надѣленія оказалось бы осязательнѣе.

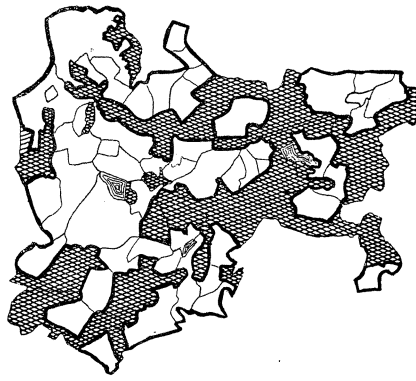
Для того, чтобы придти къ выводамъ, имѣющимъ практическое зна-

*) Цит. соч., стр. 20.

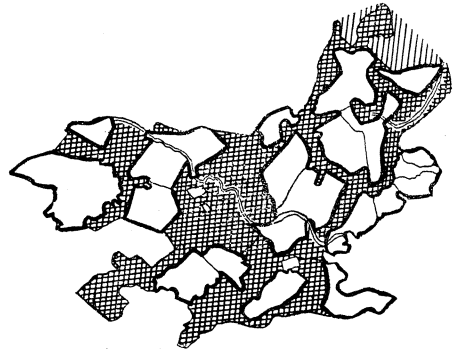
Планъ крестьянскихъ и владѣльческихъ земель Васильевской и Круговской волости, Клинскаго уѣзда, Моск. губ.



Кульпинская волость, Волоколамскаго уѣзда, Московской губ.



Корочаровская волость, Можайскаго уѣзда, Московской губ.



Бѣлый фонъ—крестьянскія земли, заштрихованный—владѣльческія земли.

ченіе, необходимо исходить въ своихъ разсчетахъ отъ опредѣленной нормы, которую затѣмъ можно видоизмѣнять въ ту или другую сторону. Примемъ за такую разсчетную норму высшіе или указные надѣлы по «Положенію» 19 февраля и попытаемся выяснить, хотя бы приблизительно и въ самыхъ общихъ чертахъ, что получилось бы, если бы цѣлью поземельной реформы было поставлено дополнительное надѣленіе крестьянъ, владѣющихъ въ настоящее время надѣльной землей, до нормъ высшаго или указнаго надѣла 1861 г. При такой постановкѣ вопроса крестьянское населеніе (не считая безземельныхъ) раздѣлилось бы на двѣ группы, изъ которыхъ одна имѣла бы надѣлы равные нормамъ или выше нормъ 1861 г. и поэтому не подлежала бы дополнительному надѣленію, а другая, имѣя надѣлы ниже этихъ нормъ, подлежала бы дополнительному надѣленію до нихъ. Какъ же велика была бы численность этихъ двухъ группъ, и сколько потребовалось бы земли для надѣленія второй изъ нихъ до указанной нормы?

Площадь земли, находившейся въ 1892 г. во владѣніи крестьянъ съ надѣломъ не свыше нормы 1861 г., составляла въ 50 губ. Европ. Россіи 35,9 милл. дес. Эта земля находилась въ пользованіи населенія въ 15,8 милл. душъ мужск. пола, такъ что въ среднемъ приходилось на 1 душу 2,3 дес. Если указанную площадь надѣльной земли разсчитать на число душъ мужск. пола по нормѣ высшаго или указнаго надѣла, то на этой площади устроилось бы только 8,6 милл. душъ мужск. пола, при чемъ въ среднемъ пришлось бы на душу 4,1 дес., т. е. на 80% больше, чѣмъ было раньше. Въ такомъ случаѣ еще надлежало бы надѣлить землею 7,2 милл. душъ, для чего при той же нормѣ надѣленія потребовалось бы 29,5 милл. дес., при чемъ изъ этой суммы около 16 милл. пришлось бы на черноземныя губ. и 13—на нечерноземныя *).

Для настоящаго времени эти цифры должны быть увеличены соотвѣтственно приросту населенія приблизительно на 10%; въ такомъ случаѣ общая площадь, требуемая для дополнительнаго надѣленія, составила бы 32—33 милл. дес. Очевидно, что казенныхъ оброчныхъ статей далеко не хватило бы для производства этой операціи. Если прибавить къ нимъ еще 2,6 милл. десятинъ удѣльныхъ земель (за исключеніемъ изъ площади удѣльнаго землевладѣнія въ 7,6 милл. дес. 5,0 милл. дес. лѣса), то получилось бы въ общемъ казенной и удѣльной земли 6,8 милл. дес., т. е. около $^1/_5$ той площади, которая требовалась бы. Изъ этого слѣдуетъ, что осуществленіе проектируемой реформы невозможно безъ отрѣзки для этой цѣли части владѣльческихъ земель.

Площадь частновладѣльческаго землевладѣнія составляетъ въ 50 губ.

---

*) Этотъ разсчетъ если и не произведенъ въ „Сводѣ Ком. Мин.“, то для него подготовлены тамъ необходимыя данныя.

Европ. Россіи 96 милл. дес., изъ которыхъ 41 милл. дес. заняты лѣсами. За исключеніемъ лѣсныхъ пространствъ частновладѣльческая земля составитъ 55 мил. дес. *). Если использовать для дополнительнаго надѣленія казенныя оброчныя статьи и удѣльныя земли (кромѣ лѣсовъ), то пришлось бы урѣзать частное землевладѣніе на 25—26 милл. дес., или почти на $^1/_2$ площади, свободной отъ лѣса. Но изъ этой цифры необходимо вычесть еще купчія крестьянскія земли, которыя, конечно, должны быть сосчитаны съ надѣльными при опредѣленіи размѣра дополнительнаго надѣла. Это сократитъ отрѣзную площадь частновладѣльческихъ земель, вѣроятно, на 3—4 милл. дес. Такимъ образомъ, проектируемая реформа потребовала бы въ круглыхъ цифрахъ выкупа изъ частнаго землевладѣнія 21—23 милл. дес.

Было бы интересно выяснить, въ какомъ отношеніи площадь прирѣзокъ по нормамъ 1861 г. находилась бы къ внѣнадѣльной площади, арендуемой крестьянами. Къ сожалѣнію, такого разсчета нельзя сдѣлать для всѣхъ губерній Европейской Россіи за неимѣніемъ для этого точныхъ свѣдѣній **).

Попытка такого подсчета сдѣлана мною только по 180 уѣздамъ Европейской Россіи.

Въ 132 уѣздахъ черноземной полосы, принадлежащихъ къ разнымъ группамъ—центральнымъ-земледѣльческимъ, средне-и нижне-волжскимъ, малороссійскимъ и новороссійскимъ—по разсчету, произведенному, какъ и выше, для населенія въ 1892 году ***), пришлось бы дополнительно надѣлить 2,3 милл. душъ мужск. пола, для чего потребовалось бы 8,7 милл. дес.; арендуется же въ этихъ уѣздахъ 7 милл. дес.

Въ 48 уѣздахъ нечерноземной полосы, расположенныхъ въ 9 губерніяхъ, населеніе, для котораго пришлось бы произвести дополнительную прирѣзку, составило бы нѣсколько болѣе $^1/_2$ милл. душъ мужского

---

*) Не считая купчихъ крестьянскихъ земель. Свод. Ком. Мин., стр. 30—31.

**) Цифра 50 милл. дес., предположительно указанная Карышевымъ (Крест. внѣн. аренды, стр. VIII), является гадательной. Данныя, разработанныя имъ для 126 уѣздовъ, показываютъ, что внѣнадѣльная аренда составляетъ нѣсколько болѣе 19%, или почти $^1/_5$ собственной земли крестьянъ, т. е. для 47 губ. Европейской Россіи (за исключеніемъ прибалтійскихъ), около 23 милл. дес., а для 50 губерній около 24 милл. дес. Въ этотъ разсчетъ не входятъ, однако, выгоны, арендуемые какъ отдѣльныя угодья. На этомъ основаніи Карышевъ совершенно произвольно повышаетъ выведенные имъ 19% до 30%. Это дало бы для 50 губерній 37,5 м. д. Но въ примѣчаніи онъ, не объясняя почему, опредѣляетъ площадь внѣнадѣл. арендъ въ 50 губерніяхъ въ 50 милл. дес. Эта послѣдняя цифра воспроизводится Д. С. Флексоромъ (Аренда. Сводъ трудовъ мѣстн. ком.), А. М. Куломзинымъ (записка объ арендѣ) и др. А. И. Чупровъ предположительно понижаетъ ее до 40 милл. дес.

***) Произвести разсчетъ для настоящаго времени нѣтъ основанія въ виду того, что данныя объ арендѣ также относятся большею частью къ 90-мъ гг.

пола. Дополнительное надѣленіе ихъ потребовало бы 2,5 милл. десятинъ; арендуется же всего около 1,4 милл. дес. Для всѣхъ 180 уѣздовъ получаются слѣдующія числа: подлежало бы надѣленію 2,8 милл. душъ мужск. пола, для чего потребовалось бы 11,2 милл. дес., арендуемая же площадь составляетъ 8,4 милл. дес. Такимъ образомъ, сверхъ арендныхъ земель потребовалось бы 2,8 милл. дес.

Въ дѣйствительности, однако, недочетъ былъ бы значительно выше. Это слѣдуетъ уже отъ того, что мы принимали въ разсчетъ всю арендуемую площадь, между тѣмъ на долю малоземельныхъ приходится только часть ея. Если исходить изъ указанія, что аренда составляетъ $^1/_5$ надѣльной земли, то въ упомянутыхъ 180 уѣздахъ при надѣльной площади крестьянъ, получившихъ не болѣе высшаго надѣла, въ 12,5 милл. дес., земля, арендуемая крестьянами этой категоріи, составитъ всего $2^1/_2$—3 милл. десятинъ; при этомъ условіи площадь прирѣзокъ превысила бы арендную площадь на 8—9 милл. дес.

Кромѣ того, по отдѣльнымъ уѣздамъ наблюдаются сильныя уклоненія какъ въ сторону превышенія арендной площади по сравненію съ площадью, требуемою для дополнительнаго надѣленія, такъ и въ обратномъ направленіи. Въ большинствѣ уѣздовъ (въ 111 изъ 180) арендной земли не достало бы для прирѣзокъ, при чемъ размѣры недочета колеблются въ широкихъ предѣлахъ. Между тѣмъ эти недочеты нельзя было бы, за исключеніемъ, вѣроятно, немногихъ случаевъ, покрыть изъ превышенія арендной площади въ другихъ уѣздахъ, такъ какъ близость прирѣзокъ къ надѣляемымъ селеніямъ составляетъ необходимое условіе. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что для 180 уѣздовъ потребовалось бы сверхъ арендныхъ земель прирѣзать изъ частновладѣльческой площади болѣе 8—9 милл. дес. Опредѣлить, сколько именно, — невозможно безъ детальнаго изслѣдованія.

Произведенный выше разсчетъ имѣетъ лишь приблизительный характеръ и долженъ дать только общее представленіе о размѣрахъ операціи дополнительнаго надѣленія. Болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности цифры могутъ быть получены только при изслѣдованіи фактическаго положенія отдѣльныхъ, сравнительно небольшихъ районовъ. Такое изслѣдованіе, безъ сомнѣнія, покажетъ, что между условіями отдѣльныхъ мѣстностей существуютъ весьма значительныя различія, благодаря которымъ возможное въ одномъ районѣ оказалось бы неосуществимымъ въ другомъ. Но это обстоятельство не могло бы служить принципіальнымъ возраженіемъ противъ реформы. Оно показало бы только, что въ нѣкоторыхъ районахъ пришлось бы отказаться отъ прирѣзокъ и признать единственнымъ исходомъ переселеніе. Во всякомъ случаѣ приведенный разсчетъ свидѣтельствуетъ, что дополнительное надѣленіе до высшихъ нормъ 1861 г. въ общемъ представляется осуществимымъ.

Мы приняли нормы 1861 г. въ качествѣ точки отправленія для разсчетовъ. Но если предположить, что реформа была бы осуществлена на такихъ именно началахъ, можно ли утверждать, что практическое значеніе ея было бы ничтожно?

Подобной реформой были бы достигнуты слѣдующіе результаты:

1) Дарственники и другія категоріи крестьянъ, получившихъ при освобожденіи неполные надѣлы, т. е. обдѣленные тогда землею, получили бы возмѣщеніе. Такимъ образомъ, была бы исправлена несправедливость, допущенная при отмѣнѣ крѣпостного права.

2) Приростъ населенія, не покинувшій земли, получилъ бы надѣлъ до нормы.

Такіе результаты нельзя было бы считать ничтожными. Но, повторяю, нормы дополнительнаго надѣленія могутъ быть взяты другія, болѣе выгодныя для крестьянъ, и если окажется возможнымъ осуществить реформу на такихъ началахъ, тѣмъ лучше. Теперь необходимо только признать принципъ и заняться разработкой вопроса въ деталяхъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно очень важное, хотя и косвенное, послѣдствіе проектируемыхъ прирѣзокъ. Это исправленіе конфигураціи надѣловъ и уничтоженіе черезполосицы надѣльныхъ земель съ частновладѣльческими. Выше (глава III) были уже указаны крайне стѣснительныя условія для крестьянскаго хозяйства, вытекающія изъ того, что чужая земля врѣзывается или перерѣзаетъ надѣльную. Прилагаемые планы нѣсколькихъ селеній Московской губ. наглядно поясняютъ это. Достаточно взглянуть на нихъ, чтобы представить себѣ, какъ много затрудненій, потери времени и споровъ съ сосѣдями должно возникать при такой конфигураціи надѣловъ. Не безъ основанія крестьяне стремятся округлить свои земли хотя бы арендой клочковъ, или «отрѣзовъ», и притомъ по очень высокимъ цѣнамъ.

При отводѣ дополнительныхъ надѣловъ конфигурація нынѣшнихъ крестьянскихъ земель исправится сама собою, потому что въ прирѣзку пойдутъ большею частью смежные участки, въ томъ числѣ именно тѣ клочки, которые арендуются теперь крестьянами поневолѣ. Тѣмъ же путемъ устранится во многихъ случаяхъ и черезполосица крестьянскихъ и владѣльческихъ земель.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда прирѣзка дополнительныхъ надѣловъ сама по себѣ не будетъ приводить къ такимъ результатамъ, придется попутно съ прирѣзкой примѣнять и спеціальныя мѣры для округленія надѣловъ и уничтоженія черезполосицы. Главной изъ такихъ мѣръ можетъ быть обмѣнъ участковъ между сосѣдними владѣльцами. Къ той же категоріи попутныхъ съ дополнительнымъ надѣленіемъ мѣропріятій слѣдуетъ отнести и содѣйствіе расселенію крестьянъ, конечно, добровольному, при скученности поселеній. Такимъ образомъ, прирѣзка земель

малоземельныхъ въ соединеніи въ извѣстныхъ случаяхъ съ размежеваніемъ владѣній и разселеніемъ крестьянъ, не только расширила бы существующіе надѣлы, но и устранила бы важныя неудобства, связанныя съ неправильной конфигураціей и неудобнымъ расположеніемъ надѣльныхъ земель.

Итакъ, путемъ предполагаемой реформы та часть крестьянскаго населенія, которая страдаетъ отъ остраго малоземелья, получила бы въ дополнительный надѣлъ около 80% своей надѣльной земли, т. е. за вычетомъ 20—30%, составляющихъ арендную площадь, на 50—60% болѣе того земельнаго пространства, которымъ она пользуется въ настоящее время, считая и внѣнадѣльную аренду. Другими словами, землепользованіе малоземельнаго населенія расширилось бы противъ существующаго болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза.

Коснусь еще только одного важнаго принципіальнаго вопроса, именно томъ, кто будетъ выкупать дополнительные надѣлы, и кому будетъ принадлежать выкупленная земля. Установленіе того или другого взгляда по этому вопросу обусловливается общимъ воззрѣніемъ на эволюцію землевладѣнія и въ частности на условія мобилизаціи мелкой поземельной собственности. Тѣ, которые полагаютъ, что конечной цѣлью здравой поземельной политики долженъ быть переходъ земли въ пользованіе земледѣльца, т. е. укрѣпленіе и развитіе трудового землевладѣнія, и что мобилизація земельной собственности отдаляетъ отъ этой цѣли, будутъ стоять за выкупъ земель, назначенныхъ для дополнительнаго надѣленія, въ собственность государства; напротивъ, сторонники примѣненія къ земельной собственности началъ свободнаго оборота, потому ли, что, по ихъ мнѣнію, при такомъ режимѣ землевладѣніе распредѣляется наиболѣе правильно съ точки зрѣнія какъ соціальной, такъ и экономической, или по другимъ соображеніямъ, будутъ по возбужденному выше вопросу, если только они вообще признаютъ необходимость прирѣзокъ, защищать переходъ дополнительныхъ надѣловъ въ собственность крестьянъ. Но въ такомъ случаѣ и выкупъ ляжетъ на тѣхъ, въ пользу кого будутъ сдѣланы прирѣзки. Наконецъ, можетъ быть избранъ еще средній путь, именно предоставленіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самимъ крестьянамъ рѣшенія вопроса, долженъ ли дополнительный надѣлъ поступать въ ихъ собственность наравнѣ съ надѣльной или купчей землей, съ выкупомъ его на ихъ счетъ, или же прирѣзки должны остаться въ собственности государства, которое и выкупаетъ ихъ, предоставляя крестьянамъ только пользованіе ими.

Я стою за выкупъ въ собственность государства, полагая, что образованіе изъ прирѣзокъ государственнаго арендnаго фонда является частичнымъ осуществленіемъ началъ, на которыхъ поземельный вопросъ будетъ рѣшенъ въ конечномъ итогѣ. Въ составъ того же фонда должны

войти казенныя и удѣльныя земли, или, по крайней мѣрѣ, такъ называемыя земельныя оброчныя статьи.

Способъ пользованія землями государственнаго арендnаго фонда могъ бы быть устроенъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Отъ понятія о сельскомъ обществѣ необходимо отдѣлить понятія о крестьянской поземельной общинѣ и о поземельномъ союзѣ крестьянъ, получившихъ надѣлы по одному акту укрѣпленія и владѣющихъ ими на наслѣдственно-участковомъ правѣ, признавъ поземельныя общины и союзы юридическими лицами. Съ уничтоженіемъ сословнаго строя крестьянства проектируемыя единенія потеряли бы сословный характеръ, отъ чего нисколько не измѣнилось бы дальнѣйшее построеніе.

Къ поземельнымъ общинамъ и союзамъ должны быть приписаны прирѣзки изъ казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель по такому разсчету, чтобы всѣ домохозяева союза или общины могли расширить площадь своего землепользованія до установленной нормы (напр., до высшаго или указнаго надѣла по «Положенію» 1861 г. для данной мѣстности), считая въ томъ числѣ и находящіяся въ ихъ распоряженіи надѣльныя и купчія земли. Приписанная такимъ образомъ къ общинѣ или союзу земельная площадь предоставляется въ пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ, входящихъ въ составъ соотвѣтствующихъ союзовъ или общинъ, или же послѣднимъ, какъ коллективнымъ единицамъ, т. е на подворномъ или общинномъ правѣ по желанію съемщиковъ. При этомъ пользованіе должно быть срочнымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы оставить за государствомъ право измѣнять съ теченіемъ времени условія пользованія землями государственнаго фонда соотвѣтственно измѣнившимся экономическимъ и соціально-бытовымъ условіямъ страны. Но срокъ пользованія долженъ быть достаточно продолжительнымъ, напр., 12 лѣтъ, и по умѣреннымъ цѣнамъ, устанавливаемымъ особыми органами общественно-государственнаго характера.

Сдача земель государственнаго арендnаго фонда ни въ какомъ случаѣ не можетъ производиться съ торговъ и должна быть устроена соотвѣтственно основной задачѣ всей реформы, т. е. для дополнительнаго надѣленія той части населенія, которая наиболѣе нуждается въ расширеніи своего землепользованія.

Мы не касались выше безземельныхъ, не желая осложнять задачи; но если отправляться отъ изложенныхъ началъ, то устройство этого класса населенія не представитъ особыхъ трудностей, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тѣмъ, которые ведутъ самостоятельное хозяйство. Безземельные этого разряда арендуютъ землю; поэтому къ нимъ можетъ быть примѣненъ выкупъ земли, которую они арендуютъ, съ причисленіемъ ея къ государственному фонду и предоставленіемъ ея въ пользованіе имъ же. Затѣмъ, землепользованіе такихъ поселянъ могло бы быть доведено

по возможности до нормы при помощи увеличенія государственнаго фонда прирѣзкой къ нему требуемой площади изъ казенныхъ, удѣльныхъ или частныхъ земель.

При такой постановкѣ дѣла остались бы ненадѣленными изъ крестьянъ только тѣ безземельные, которые не ведутъ самостоятельнаго хозяйства; но ихъ поземельное устройство едва ли оказалось бы возможнымъ иначе, какъ при помощи переселенія. Можно предполагать, однако, что крестьяне, не ведущіе самостоятельнаго хозяйства, слѣдовательно, уже оторвавшіеся отъ земли, въ большинствѣ случаевъ и не будутъ стремиться къ возвращенію на землю.

До сихъ поръ шла рѣчь только о крестьянахъ, но кромѣ нихъ существуютъ сельскіе обыватели другихъ сословій, не менѣе ихъ нуждающіеся въ расширеніи землепользованія или въ надѣленіи землею; таковы, напр., нѣкоторые разряды мѣщанъ, образовавшіеся изъ бывшихъ крестьянъ, перешедшихъ въ мѣщанское сословіе передъ реформой 19 февраля или вскорѣ послѣ нея, и продолжающихъ заниматься земледѣліемъ. По отношенію къ такимъ разрядамъ сельскихъ обывателей возможно было бы примѣнить тѣ же принципы, какъ и по отношенію къ безземельнымъ крестьянамъ.

VII.

Аренда.

Выкупъ земли на изложенныхъ выше началахъ въ значительной мѣрѣ отниметъ у арендnаго вопроса остроту, присущую ему въ настоящее время при полной неурегулированности арендныхъ отношеній. Однако, часть владѣльческой земли все же будетъ сдаваться въ аренду, напр., тѣмъ крестьянамъ, которые арендуютъ внѣнадѣльную землю и теперь. Хотя собственная ихъ земля и превышаетъ норму, при которой уже обнаруживается малоземелье, тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія ожидать, чтобы эти группы крестьянскаго населенія отказались отъ аренды. Въ виду этого осуществленіе на широкихъ началахъ выкупной операціи въ интересахъ малоземельныхъ не исключило бы необходимости урегулировать арендный вопросъ. Коренной пересмотръ арендnаго законодательства единогласно признается неотложнымъ. Взгляды расходятся только относительно началъ, на которыхъ онъ долженъ быть произведенъ.

Урегулированіе отношеній между собственникомъ земли и арендаторомъ представляется дѣломъ очень важнымъ и сложнымъ. Въ виду этого прежде чѣмъ устанавливать требованія, которымъ, по моему мнѣнію,

должно отвѣчать арендное законодательство, я считаю нелишнимъ остановиться на положеніи этого дѣла въ Англіи и Ирландіи, гдѣ законодательное вмѣшательство въ арендныя отношенія получило большее развитіе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ въ Европѣ.

Въ Англіи арендныя отношенія регулируются главнымъ образомъ двумя законами 1875 и 1883 годовъ. Законъ 1875 года впервые установилъ общія правила вознагражденія фермера за произведенныя имъ улучшенія. Раздѣливъ послѣднія на 3 класса: постоянныхъ, прочныхъ и временныхъ, законъ при опредѣленіи размѣровъ вознагражденія исходилъ изъ слѣдующихъ принциповъ: 1) базисомъ вознагражденія должны служить дѣйствительныя затраты фермера; 2) всякое улучшеніе должно быть признано использованнымъ въ теченіе извѣстнаго періода времени, по истеченіи котораго право фермера на вознагражденіе прекращается, и наконецъ, 3) размѣръ вознагражденія понижается по мѣрѣ удлиненія срока, истекшаго послѣ производства улучшенія. Законъ 1875 года признавалъ затраты на дренажъ, насажденія и другія улучшенія постояннаго характера использованными по истеченіи 20 лѣтъ; для мергелеванія или известкованія почвы и другихъ прочныхъ улучшеній былъ установленъ срокъ въ 7 лѣтъ, а для временныхъ—въ 2 года. Фермеръ, желающій обезпечить за собой право воспользоваться вознагражденіемъ за улучшенія 1-го класса, долженъ заручиться письменнымъ разрѣшеніемъ земельнаго собственника на ихъ производство. По отношенію къ улучшеніямъ 2-го класса законъ 1875 года требуетъ только письменнаго заявленія лэндлорду со стороны арендатора, сдѣланнаго не болѣе, какъ за 42 дня, и не менѣе, чѣмъ за 27 дней до начала работъ; наконецъ, за улучшенія 3 класса фермеръ можетъ получить вознагражденіе только въ томъ случаѣ, если по исполненіи ихъ онъ не снялъ урожая съ той части арендуемой земли, на которой было произведено улучшеніе.

Что касается другихъ отношеній между земельнымъ собственникомъ и арендаторомъ, кромѣ связанныхъ съ производствомъ улучшеній, то они регулируются главнымъ образомъ двумя статьями, изъ которыхъ одна (18-я) возлагаетъ на земельнаго собственника обязанность вознаграждать фермера за убытки, понесенные послѣднимъ вслѣдствіе нарушенія договора, допущеннаго имъ, собственникомъ; а другая (19-я) устанавливаетъ такое же право земельнаго собственника по отношенію къ фермеру, дѣлая послѣдняго кромѣ того отвѣтственнымъ еще и за нанесеніе ущерба арендуемому владѣнію.

Приведенныя положенія перваго законодательнаго акта по урегулированію арендныхъ отношеній въ Англіи теоретически представляли значительный шагъ впередъ; но на практикѣ они получили очень ограниченное значеніе вслѣдствіе того, что земельнымъ собственникамъ и арендаторамъ предоставлено было право отказываться по взаимному

соглашенію отъ примѣненія къ нимъ закона 1875 г. Право это было обусловлено соглашеніемъ сторонъ, участвующихъ въ арендномъ договорѣ; но въ дѣйствительности осуществленіе его, по крайней мѣрѣ въ огромномъ числѣ случаевъ, зависѣло отъ воли сильнѣйшей стороны, т. е. земельныхъ собственниковъ, которые широко воспользовались возможностью избавиться отъ стѣснительныхъ нормъ новаго законодательнаго акта.

Недостатки закона 1875 г., обнаружившіеся на практикѣ и указанные преимущественно королевской комиссіей, назначенной въ 1879 году для изслѣдованія состоянія англійскаго земледѣлія, привели къ изданію въ 1883 году новаго закона объ арендѣ (The Agricultural Holdings Act), сохраняющаго силу до настоящаго времени. Главныя положенія его заключаются въ слѣдующемъ.

Законъ 1883 года внесъ существенныя измѣненія въ основанія, принятыя для опредѣленія высоты вознагражденія фермера за произведенныя имъ улучшенія. Въ то время какъ законъ 1875 года исходилъ при этомъ отъ суммы дѣйствительныхъ затратъ, понесенныхъ арендаторомъ при производствѣ улучшенія, новая система приняла за основанія оцѣнки вознагражденія *значеніе и цѣну улучшенія въ моментъ окончанія аренды*. Такимъ образомъ, вознагражденіе, получаемое уходящимъ арендаторомъ, должно быть равно той суммѣ, которую пріобрѣтаетъ его преемникъ. При этомъ, конечно, исключается наращеніе цѣны земли, обусловливаемое причинами, не зависящими отъ арендатора.

Кромѣ того, новый законъ отмѣнилъ право сторонъ, участвующихъ въ арендномъ договорѣ, устранять, по взаимному соглашенію, примѣненіе къ нимъ законоположеній о вознагражденіи за неиспользованныя улучшенія; но онъ предоставилъ арендатору и земельному собственнику вступать въ соглашеніе о замѣнѣ въ извѣстныхъ границахъ установленныхъ въ законѣ нормъ и видовъ вознагражденія другими. Въ общемъ законъ установилъ по этому предмету слѣдующія положенія.

Если арендный договоръ заключенъ былъ раньше 31 декабря 1883 г., и въ немъ было предусмотрѣно вознагражденіе за произведенныя фермеромъ улучшенія, или если этого не было сдѣлано, но при этомъ дѣйствіе закона 1875 года не было устранено письменнымъ соглашеніемъ, то вознагражденіе, слѣдуемое фермеру на основаніи договора или закона 1875 г., замѣняетъ собою то, которое могло бы слѣдовать ему по закону 1883 г., и послѣдній къ такимъ случаямъ не примѣняется.

Если же арендный договоръ былъ заключенъ 1 января 1884 г. или послѣ этого срока, то соглашеніемъ между сторонами можетъ быть измѣненъ только размѣръ вознагражденія, слѣдующаго фермеру за улучшенія. При этомъ проводится различіе между улучшеніями разнаго рода.

По отношенію къ строеніямъ и другимъ улучшеніямъ 1-го класса,

а также къ дренажу размѣръ вознагражденія можетъ быть выговоренъ въ контрактѣ, и въ такомъ случаѣ подобное соглашеніе замѣняетъ собою постановленіе закона. Смыслъ статьи, въ которой выражено приведенное положеніе, даетъ основаніе для двухъ заключеній: во-1-хъ, что соглашеніе, о которомъ говорится выше, не можетъ устранить права арендатора на вознагражденіе и можетъ относиться только къ размѣру послѣдняго, и во-2-хъ, что выговоренное вознагражденіе должно быть таково, чтобы представлять *замѣну* того, которое установлено закономъ, т. е. оно не должно носить фиктивнаго характера. Если бы фермеръ, заключившій вышеупомянутое соглашеніе, убѣдился, что послѣднее въ дѣйствительности не предоставляетъ ему никакого вознагражденія, то онъ имѣетъ право обратиться къ третейскому суду, который и рѣшитъ, насколько его сужденіе справедливо; и если бы оказалось, что соглашеніе, заключенное между сторонами, дѣйствительно не предоставляетъ фермеру вознагражденія за произведенныя имъ улучшенія вышеуказанныхъ категорій, то соглашеніе теряетъ силу, и вопросъ рѣшается согласно закону. Но если фермеръ, связавшій себя договоромъ съ земельнымъ собственникомъ относительно высоты вознагражденія, можетъ на основаніи такого договора получить извѣстное возмѣщеніе своихъ затратъ, то каковы бы ни были размѣры послѣдняго, нормы, установленныя закономъ, къ такому случаю не примѣнимы.

Путемъ частнаго соглашенія можетъ быть также установлено вознагражденіе за известкованіе, унавоженіе и другія улучшенія временнаго характера (3-го класса). Но въ такихъ случаяхъ договоръ можетъ замѣнить нормы, установленныя закономъ, лишь подъ условіемъ признанія третейскимъ судомъ размѣровъ установленнаго въ договорѣ вознагражденія «справедливымъ и разумнымъ».

Законъ 1883 года (повтореніе законоположеній 1875 г.) установилъ особый процессуальный порядокъ для споровъ изъ-за вознагражденія. Если стороны не приходятъ между собою къ соглашенію по этому предмету, то дѣло рѣшается третейскимъ судомъ. Законъ подробно устанавливаетъ организацію послѣдняго.

Таковы важнѣйшія законоположенія, регулирующія въ Англіи отношенія между земельными собственниками и арендаторами. Законы 1890, 1895 и 1900 гг. нѣсколько расширили примѣненіе изложенныхъ законоположеній, но ни въ чемъ не измѣнили началъ закона 1883 г.

Ирландское законодательство объ арендѣ идетъ значительно дальше англійскаго: оно не только обезпечиваетъ право арендатора на неиспользованныя имъ улучшенія, но кромѣ того—принимаетъ мѣры къ упроченію пользованія арендуемой землей, а также регулируетъ арендную плату. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ улучшеніяхъ, достаточно выясненный

выше изложеніемъ англійскихъ законовъ, остановимся только на двухъ послѣднихъ задачахъ ирландскаго законодательства.

По закону 1870 г., лэндлордъ, отказывая фермеру въ возобновленіи договора, обязанъ заплатить ему соотвѣтственно опредѣленному масштабу извѣстную сумму въ возмѣщеніе его убытковъ за нарушенное пользованіе, независимо отъ вознагражденія за произведенныя, но неиспользованныя улучшенія. Изъ суммы, причитающейся арендатору за нарушенное пользованіе, вычитаются: сумма долга, числящагося за фермеромъ по арендной платѣ, возмѣщеніе за убытки, вызванные несоблюденіемъ прямо выраженнаго въ договорѣ или подразумѣваемаго условія и т. д. Кромѣ того, лишается права на вознагражденіе фермеръ, упорно пользовавшійся въ примѣненіи къ землѣ какимъ-нибудь пріемомъ, не соотвѣтствующимъ сельско-хозяйственнымъ цѣлямъ или прямо воспрещеннымъ по договору.

Что касается арендной платы, то она регулируется закономъ 1881 г. на слѣдующихъ основаніяхъ.

Выгоды, предоставленныя закономъ 1881 г. ирландскимъ фермерамъ относительно регламентаціи аренды, относятся преимущественно къ тѣмъ съемщикамъ, аренда которыхъ существовала во время принятія закона. Послѣдній проводитъ строгое различіе между такъ наз. «существующими» и «будущими» арендами. «Существующей» называется аренда, возникшая не позднѣе 22 августа 1881 г.; всѣ другія аренды признаются «будущими». Законъ устанавливаетъ презумпцію, на основаніи которой всякая аренда считается «существующей», пока не будетъ доказано противнаго. Постановленія закона, касающіяся «существующихъ» и притомъ погодныхъ арендъ, таковы. По закону 1881 года, каждый погодный фермеръ, имѣющій «существующую» аренду (за исключеніями, указанными въ законѣ), можетъ обратиться къ суду и ходатайствовать о назначеніи ему «справедливой» арендной платы. Онъ можетъ обратиться съ этимъ ходатайствомъ или къ суду того графства, въ предѣлахъ котораго лежитъ его ферма, или къ земельной комиссіи, учрежденной новымъ закономъ; для удобства населенія, ходатайства о назначеніи справедливой арендной платы принимаются земельными подкомиссіями, засѣдающими въ разныхъ мѣстностяхъ страны въ опредѣленные сроки. Судъ, къ которому фермеръ обратился съ такимъ ходатайствомъ, имѣетъ право, «выслушавъ стороны и принявъ во вниманіе интересы лэндлорда и съемщика, а также всѣ обстоятельства даннаго случая и условія данной аренды и мѣстности», опредѣлить «справедливую» арендную плату. Законъ не устанавливаетъ правилъ, которыми судъ долженъ руководствоваться при этомъ; ему предоставляется въ этомъ отношеніи широкая самостоятельность. Для руководства суда законъ даетъ только два указанія. Первое заключается въ томъ, что судъ, оцѣнивая ферму съ цѣлью

опредѣленія справедливой арендной платы, долженъ исключить изъ своихъ разсчетовъ увеличеніе доходности, происшедшее отъ улучшеній, произведенныхъ фермеромъ или его предшественникомъ, если лэндлордъ или его предшественники не заплатили за эти улучшенія или не вознаградили фермера другимъ способомъ. Этотъ важный принципъ, подвергшійся на практикѣ очень существеннымъ ограниченіямъ, выраженъ въ законѣ вполнѣ опредѣленно въ томъ смыслѣ, что фермеръ не долженъ платить за произведенныя имъ же улучшенія. Второе указаніе закона относительно опредѣленія арендной платы заключается въ томъ, что сумма, уплаченная фермеромъ своему предшественнику за уступку фермы, сама по себѣ, независимо отъ другихъ соображеній, не можетъ служить основаніемъ для увеличенія или уменьшенія цѣны за аренду земли.

Арендная плата, опредѣленная судебнымъ порядкомъ, называется «судебной платой» (judicial rent), и фактъ назначенія такой платы eo ipso превращаетъ арендное владѣніе въ регулированное или узаконенное (statutory tenancy) и подчиняетъ его «условіямъ», установленнымъ закономъ (statutory terms), на 15 лѣтъ съ того дня, въ который состоялось рѣшеніе суда: въ теченіе этого періода арендная плата не можетъ быть повышена, и съемщикъ можетъ подвергнуться изгнанію только за нарушеніе «законныхъ условій». Если по истеченіи 15-тилѣтняго срока ни одна изъ сторонъ не обращается къ суду съ ходатайствомъ о возобновленіи узаконенныхъ условій, аренда возвращается въ прежнее состояніе обыкновенной погодной съемки; но въ теченіе послѣднихъ 12 мѣсяцевъ законнаго срока или когда бы то ни было послѣ его истеченія фермеръ можетъ снова обратиться къ суду съ ходатайствомъ о регулированіи арендной платы, и рѣшеніе суда въ этомъ смыслѣ снова подчинитъ аренду «узаконеннымъ условіямъ» на новый 15-лѣтній срокъ; этимъ порядкомъ регулированное владѣніе можетъ быть постоянно возобновляемо.

Условія, которыя съемщикъ долженъ соблюдать во время 15-лѣтняго періода послѣ назначенія арендной платы судомъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Фермеръ обязанъ вносить арендную плату въ опредѣленные сроки.

2) Фермеръ не долженъ систематически наносить ущерба интересу собственника.

3) Фермеръ не долженъ безъ письменнаго позволенія лэндлорда дробить или пересдавать ферму, или строить на ней новое помѣщеніе для жилья. Сдача для временнаго выпаса или унавоженныхъ клочковъ земли рабочимъ не считается пересдачей.

4) Фермеръ не долженъ совершать никакихъ дѣйствій, вслѣдствіе

которыхъ его аренда перешла бы къ лицу, объявленному несостоятельнымъ.

5) Фермеръ обязанъ допускать собственника на арендуемую у послѣдняго землю для рудокопныхъ работъ, ломки камня, рубки дровъ, рѣзки торфа, проложенія дорогъ и т. д. и для цѣлей спорта; при чемъ собственникъ обязанъ вознаградить фермера за всѣ причиненные ему убытки.

6) Фермеръ безъ согласія собственника не можетъ открыть заведенія для продажи спиртныхъ напитковъ.

Фермеръ имѣетъ право отказаться отъ арендуемой имъ земли до истеченія періода, установленнаго закономъ; но лэндлорду законъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ право вступать во владѣніе фермой, подчиненной узаконеннымъ условіямъ, притомъ всегда съ разрѣшенія суда и на такихъ условіяхъ, которыя будутъ утверждены судомъ. Прекращеніе законнаго срока до истеченія 15 лѣтъ допускается въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда земля нужна собственнику для надѣленія рабочихъ или постройки рабочихъ жилищъ, или для сооруженія церкви, школы, благотворительнаго учрежденія, а также помѣщенія для священника или школьнаго учителя. Гораздо важнѣе и опаснѣе второе постановленіе закона по этому предмету, разрѣшающее лэндлорду во время второго и послѣдующихъ законныхъ сроковъ потребовать возвращенія ему сданной земли «для пользы имѣнія», при чемъ въ понятіе о пользѣ входитъ употребленіе участка подъ постройки. Если судъ найдетъ требованіе собственника основательнымъ, то можетъ прекратить законную аренду до истеченія 15-ти лѣтъ.

Условія, установленныя закономъ для фермеровъ, аренда которыхъ возникла послѣ изданія закона, существенно отличаются отъ изложенныхъ. Такіе фермеры не имѣютъ права обратиться къ суду для опредѣленія арендной платы и учрежденія узаконенной аренды. Законъ предоставляетъ фермеру эти выгоды только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ согласится платить повышенную арендную плату, потребованную лэндлордомъ; кромѣ того, онъ можетъ получить по соглашенію съ собственникомъ постоянную аренду (fixed tenancy) или судебный договоръ (judicial lease). Въ послѣднемъ случаѣ, однако, по истеченіи договора, съемщикъ не пользуется правами, предоставленными арендатору «существующей» фермы, и даже не имѣетъ права требовать вознагражденія за отказъ отъ возобновленія договора. Нужно замѣтить также, что въ тѣхъ случаяхъ, когда узаконенная аренда возникаетъ вслѣдствіе согласія фермера на повышеніе арендной платы, такой фермеръ по истеченіи 15-лѣтняго періода не имѣетъ права на возобновленіе узаконенныхъ условій. Но въ отвѣтъ на требованіе болѣе высокой арендной платы фермеръ можетъ заявить, что онъ намѣренъ продать свое право, и если по ходатайству

фермера судъ рѣшитъ, что требуемая лэндлордомъ арендная плата чрезмѣрно высока, съемщикъ можетъ искать съ лэндлорда расходы, сопряженные съ продажей фермерскаго права. Это законоположеніе косвеннымъ образомъ ограничиваетъ право изгнанія, принадлежащее лэндлорду: онъ можетъ только принудить фермера продать свое согласіе, и если окажутся покупатели, то лэндлордъ не вернетъ земли въ свое владѣніе до тѣхъ поръ, пока самъ не купитъ право изгоняемаго фермера.

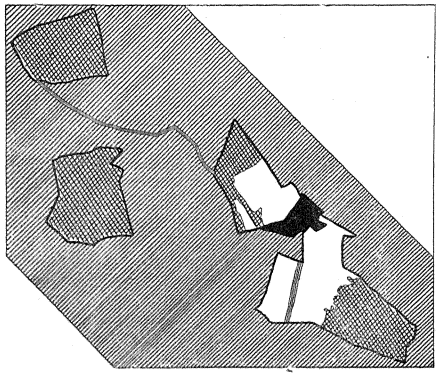
Регулированіе арендной платы, кромѣ Ирландіи, примѣняется еще въ Шотландіи по отношенію къ мелкимъ съемщикамъ (такъ наз. крофтерамъ) и въ Индіи.

Ирландское законодательство объ арендѣ функціонируетъ вполнѣ успѣшно съ 1881 г., когда оно впервые получило законченный видъ. При этомъ необходимо замѣтить, что въ Ирландіи регулированіе аренды соединено съ выкупомъ (непринудительнымъ) арендныхъ участковъ ихъ арендаторами.

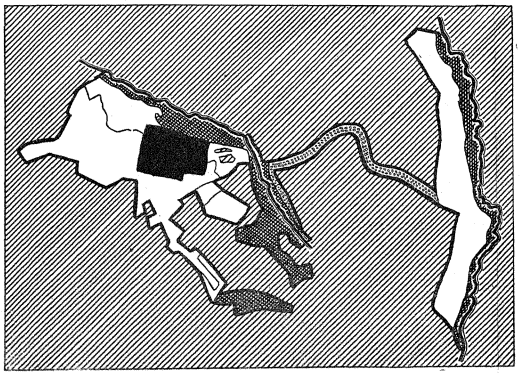
Опытъ ирландскаго законодательства очень поучителенъ для насъ. Въ отношеніи аренды Россія представляетъ очень много сходственныхъ чертъ съ Ирландіей. Какъ это мнѣніе ни парадоксально на первый взглядъ, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что нашъ крестьянинъ въ дѣлѣ арендованія земли поставленъ въ такія же условія, въ какихъ находился ирландскій съемщикъ до введенія законовъ, урегулировавшихъ аренду, и что послѣдствія такого положенія дѣлъ въ томъ и другомъ случаѣ получились одинаковыя.

Въ Россіи, какъ и въ Ирландіи, масса земледѣльческаго населенія оказывается вынужденною искать примѣненія своему труду въ обработкѣ чужой арендуемой земли. И здѣсь, и тамъ господствуетъ мелкая, краткосрочная аренда продовольственнаго типа и принудительнаго характера. Сомнѣвающіеся въ подневольности нашихъ внѣнадѣльныхъ арендъ благоволятъ взглянуть на прилагаемые планы нѣсколькихъ волостей въ Московской г. Надѣльныя земли ряда селеній окружены владѣніями одного, много двухъ собственниковъ. Естественно, что вынужденные вслѣдствіе недостаточности собственной земли арендовать угодья сосѣдняго владѣльца, крестьяне не могутъ не подчиняться условіямъ, которыя онъ диктуетъ имъ. Такой сдатчикъ является полнымъ монополистомъ и притомъ монополистомъ предмета первой необходимости, какимъ служитъ для малоземельнаго крестьянина земля. «Въ большинствѣ случаевъ, — справедливо говоритъ А. Н. Куломзинъ въ своей запискѣ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ,—русскій крестьянинъ заключаетъ съ собственникомъ арендный договоръ не потому, что это ему выгодно, но исключительно подъ давленіемъ нужды въ удовлетвореніи своихъ первыхъ потребностей; онъ не можетъ отказаться отъ заключенія договора, если условія послѣдняго для него слишкомъ тягостны. Взаимное положеніе договаривающихся сто-

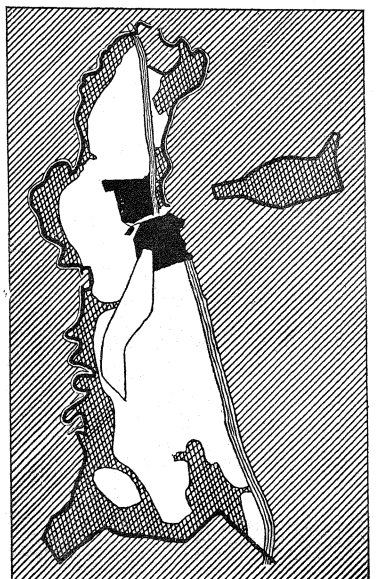
Дмитровскаго уѣзда, Моск. губ, Гарской волости, деревни Татьяниной.



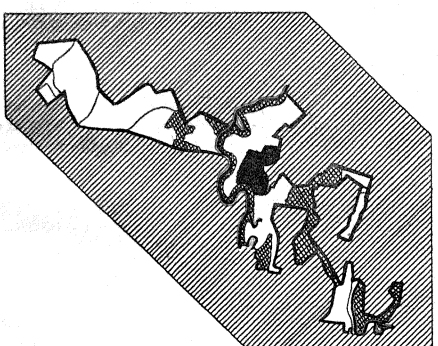
Московской губерніи, Богородскаго уѣзда, Ямкинской волости, д. Починки.



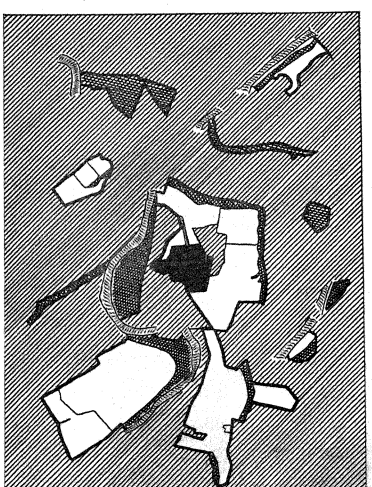
Московской губ., Волоколамскаго уѣзда, села Ярополецъ.



Московской губ., Волоколамск. уѣзда, дер. Брыкова.



Московск. губ., Бронницк. уѣзда, Мячковской волости, с. Зеленой Слободы.



пользованія землею даже при наймѣ земли на самые краткіе сроки, именно погодно или на одинъ посѣвъ. Съ этою цѣлью слѣдовало бы предоставить погодному съемщику право возобновлять арендный договоръ на прежнихъ условіяхъ въ теченіе извѣстнаго періода времени,—напримѣръ, трехъ лѣтъ,—съ тѣмъ, чтобы земельный собственникъ въ случаѣ отказа отъ возобновленія такого договора обязанъ былъ заплатить арендатору извѣстное вознагражденіе. Этимъ путемъ погодный съемъ былъ бы превращенъ въ 3-годичный.

Вторая задача законодательной регламентаціи арендныхъ отношеній заключается въ обезпеченіи за арендаторомъ права на вознагражденіе за неиспользованныя улучшенія. Эта мѣра одинаково необходима какъ для крупнаго, такъ и для мелкаго арендатора, хотя затраты въ томъ и другомъ случаѣ носятъ различный характеръ. Фермеръ-предприниматель затрачиваетъ въ землю, главнымъ образомъ, капиталъ, а съемщикъ-крестьянинъ — свой трудъ, но оба они одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы плодами ихъ затратъ не воспользовался земельный собственникъ. При отсутствіи увѣренности, что этого не случится, арендаторъ, будь онъ капиталистъ или крестьянинъ, не станетъ улучшать землю и, напротивъ, будетъ всѣми способами извлекать изъ нея соки въ теченіе арендnаго срока. Этими соображеніями вызваны были англійскіе и ирландскіе законы о вознагражденіи арендаторовъ за неиспользованныя ими улучшенія. Подобнаго же рода мѣры необходимо ввести и у насъ.

Наконецъ, третья задача арендnаго законодательства заключается въ регламентаціи арендной платы. Съемщикамъ земли слѣдуетъ предоставить право обращаться къ суду или къ особому органу, — земельной комиссіи, — съ ходатайствомъ о назначеніи «справедливой» арендной платы за арендуемую землю, и судъ или комиссія въ такихъ случаяхъ должны регулировать, какъ это дѣлается въ Ирландіи, арендную плату, «выслушавъ стороны и принявъ во вниманіе интересы земельнаго собственника и съемщика, а также всѣ обстоятельства даннаго случая и условія данной аренды и мѣстности». Закону нѣтъ надобности устанавливать правила, которыми судъ долженъ руководствоваться при этомъ; ему предоставлена въ этомъ отношеніи широкая самостоятельность.

Всѣ перечисленныя предложенія направлены къ огражденію интересовъ съемщика, но арендныя отношенія затрогиваютъ также и интересы земельнаго собственника, являющагося сдатчикомъ земли. Если арендаторъ при неурегулированности аренды терпитъ серьезный ущербъ отъ дѣйствій собственника, то несомнѣнно, что, съ другой стороны, и собственникъ можетъ подвергнуться большимъ убыткамъ вслѣдствіе хищническихъ пріемовъ арендатора или даже злоупотребленій, допущенныхъ имъ при пользованіи землей. Сдатчикъ можетъ также терпѣть убытокъ вслѣдствіе неаккуратнаго взноса арендной платы. На эту сторону аренд-

наго вопроса обратили вниманіе мѣстные комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, и нѣкоторые изъ нихъ остановились на этой сторонѣ съ особенною подробностью и даже проектировали драконовскія мѣры для огражденія землевладѣльческихъ интересовъ.

Конечно, землевладѣлецъ имѣетъ такое же право на защиту своихъ интересовъ, какъ и арендаторъ, и если послѣдній своими разорительными дѣйствіями нанесъ ущербъ арендуемому имѣнію, то собственникъ долженъ имѣть право искать съ него убытки, а въ тѣхъ случаяхъ, когда разорительныя дѣйствія съемщика замѣчены до истеченія арендnаго срока, земельному собственнику должно быть предоставлено право требовать судебнымъ порядкомъ расторженія договора. Понятно, что вознагражденіе, присужденное этимъ порядкомъ сдатчику земли, такъ же, какъ и недоимки по арендной платѣ, могутъ быть удерживаемы изъ суммъ, причитающихся арендатору съ землевладѣльца за произведенныя улучшенія.

Устанавливая гарантіи интересовъ земельнаго собственника, нельзя, однако, упускать изъ вида, что никакія мѣры, принимаемыя въ этомъ направленіи, не могутъ оказаться дѣйствительными, если интересы арендатора не ограждены должнымъ образомъ. При неупорядоченности арендныхъ отношеній съ этой стороны съемщикъ лишенъ возможности вести раціональное хозяйство на арендуемой землѣ и въ силу необходимости становится хищникомъ и неаккуратнымъ плательщикомъ. При такихъ условіяхъ никакія мѣры, какъ бы онѣ ни были суровы, не въ состояніи гарантировать земельнаго собственника отъ убытковъ, проистекающихъ отъ разорительнаго образа дѣйствій и слабой платежеспособности арендатора. Если же положеніе послѣдняго упрочено закономъ, то его собственный интересъ будетъ побуждать его правильно вести хозяйство и обращаться съ арендуемой землей, какъ съ своею собственной. Поэтому упорядоченіе аренды служитъ гарантіей интересовъ самого собственника.

Моя задача окончена. Я имѣлъ въ виду отмѣтить основныя черты поземельнаго вопроса въ Россіи и выдвинуть главныя начала, на которыхъ, по моему убѣжденію, должна быть построена будущая аграрная реформа. Я исходилъ отъ той общей идеи, что конечной задачей поземельнаго законодательства, къ осуществленію которой ведетъ та сложная совокупность силъ, которую мы называемъ силою вещей, долженъ быть переходъ земли къ земледѣльцу. Этой конечной цѣли нельзя достигнуть въ полной мѣрѣ въ настоящее время, и едва ли она будетъ вполнѣ достигнута въ очень близкомъ будущемъ; но всякое мѣропріятіе въ аграрной сферѣ должно приближать насъ къ этому идеалу.

Такова общая руководящая мысль предшествовавшаго изложенія. Отправляясь отъ нея, я пытался выяснить задачи, поставленныя въ настоящую минуту, требующія *немедленнаго* разрѣшенія. Не детали, не способы практическаго проведенія въ жизнь тѣхъ или другихъ мѣропріятій, а исключительно общіе принципы интересовали меня. Необходимо прогрессивнымъ группамъ русскаго общества обсудить *основныя начала* широкой аграрной реформы и сговориться о нихъ. Это потребуетъ разработки и всесторонняго освѣщенія многихъ вопросовъ нашего поземельнаго быта и законодательства. Такая разработка не могла быть предметомъ этой статьи: она только ставитъ вопросы и призываетъ къ ихъ обсужденію.

А. Мануиловъ.

НАЦІОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ.

Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ крестьяне получили не только свободу, но были надѣлены землей на правѣ собственности. Помѣщичьи крестьяне получили по закону 19 февраля 1861 г. и позднѣйшимъ узаконеніямъ 37.758,000 д., государственные — 69.712,000 д. и удѣльные— 4.260,000 д. Благодаря этому, а также покупкамъ крестьянъ чрезъ посредство Крестьянскаго банка, частныхъ банковъ и другими путями, площадь принадлежащихъ крестьянамъ земель достигала къ 1900 году 130 милл. дес., и крестьянское землевладѣніе занимаетъ у насъ первое мѣсто. Со времени освобожденія крестьянъ положеніе значительно измѣнилось; то количество земли, которое кое-какъ могло еще, хотя далеко не вездѣ, считаться достаточнымъ, съ теченіемъ времени стало все меньше и меньше удовлетворять потребностямъ населенія. Количество земли, отведенной крестьянамъ, увеличивалось, несмотря на всѣ усилія крестьянъ расширить свои владѣнія, весьма медленно, населеніе же возростало гораздо быстрѣе. Вслѣдствіе этого явилось несоотвѣтствіе, которое становилось съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе.

Государственные крестьяне получили въ среднемъ 6,7 десятинъ на душу, удѣльные—4,9 дес., помѣщичьи—3,2 дес., что для всѣхъ разрядовъ крестьянъ составляетъ въ среднемъ 4,8 дес. Вслѣдствіе увеличенія населенія въ 1900 году на душу падаетъ въ среднемъ только 2,6 дес. Если къ этому прибавить землю, купленную крестьянами на свой счетъ, то въ общемъ на душу падаетъ около 3 дес.

Эти среднія величины, обнимающія все крестьянское населеніе, не могутъ, конечно, еще служить показателемъ крестьянской нужды, во-первыхъ, потому, что государственные крестьяне надѣлены лучше другихъ разрядовъ крестьянъ и переведены на выкупъ значительно позже помѣщичьихъ; во-вторыхъ, потому, что и среди наиболѣе нуждающихся разрядовъ, какими являются помѣщичьи крестьяне, величина надѣловъ

крайне разнообразна, а, слѣдовательно, и степень нужды въ землѣ неодинакова. Эти среднія данныя такъ же мало убѣдительны, какъ среднія данныя о задолженности землевладѣнія, касающіяся всей Европейской Россіи, или среднія подесятинныя оцѣнки, обнимающія большіе разнообразные районы. Однако, такія данныя все же не лишены нѣкотораго значенія, такъ какъ сопоставленіе общаго количества земли, перешедшей къ крестьянамъ, съ ростомъ сельскаго населенія до нѣкоторой степени показываетъ, что нужда растетъ и должна расти. Если сама по себѣ цифра въ 3 дес. на душу для многихъ районовъ представляется несбыточною мечтою, то она получаетъ особое значеніе, если мы обратимъ вниманіе на измѣненія по отдѣльнымъ районамъ, губерніямъ или уѣздамъ. Такъ, въ Новороссійскомъ районѣ надѣльная земля уменьшилась съ 6,2 до 2,5 дес., въ Сѣверо-Западномъ съ 5 до 2,2 дес., въ Юго-Западномъ съ 2,9 до 1,4 дес.; въ отдѣльныхъ губерніяхъ средне-земледѣльческихъ, юго-западныхъ и малороссійскихъ надѣлъ понизился до 1,2 дес. Правда, крестьяне пріобрѣли съ 1863 по 1897 г. въ 45 губ. 11.889,300 десятинъ, и изъ общей площади частновладѣльческихъ земель въ 50 губ. имъ принадлежало 19.894,000 дес. (19,6%), но такъ какъ населеніе возрастало гораздо быстрѣе, то это увеличеніе площади не въ состояніи было удовлетворить потребностямъ увеличившагося населенія.

Сельское населеніе мужского пола равно было въ 1860 году въ 50 губ. 23.124,000 душамъ; въ 1880 году населеніе увеличилось на 36% и равно было 31.463,000 душамъ, а къ 1900 г. оно достигло уже 43.176,000 душъ, т. е. мужское населеніе увеличилось въ 40-лѣтній періодъ на 87%. Правда, и относительно прироста населенія можно сказать то же, что выше было сказано относительно средняго надѣла, потому что приростъ неодинаковъ не только по районамъ и разрядамъ крестьянъ, но и подвергается большимъ колебаніямъ въ зависимости отъ зажиточности сельскаго населенія, отъ степени надѣленія его землею. Тѣмъ не менѣе, именно вслѣдствіе большого разнообразія въ условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія несоотвѣтствіе между площадью крестьянскихъ земель и приростомъ населенія въ дѣйствительности гораздо сильнѣе и отражается на благосостояніи населенія гораздо чувствительнѣе, чѣмъ это показываютъ среднія цифры.

Одновременно съ этимъ шло возвышеніе цѣнъ на землю, возвышеніе стремительное, повсемѣстное. Его можно прослѣдить по пятилѣтіямъ; съ каждымъ пятилѣтіемъ цѣны возвышались все больше и больше и дошли въ настоящее время до такихъ размѣровъ, что пріобрѣтеніе земли крестьянами становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Въ 45 губерніяхъ съ 1863 по 1897 годъ по пятилѣтіямъ подесятинныя цѣны возвышались слѣдующимъ образомъ: 14 р. 60 к., 18 р. 80 к., 22 р. 20 к., потомъ цѣны съ 1883 по 1887 г. поднялись уже до 32 р., или на 44%,

съ 1888 по 1892 г. обнаруживается новое возвышеніе до 40 р. 20 к., а съ 1893 до 1897 г. цѣны возвысились до 44 р. 40 к. Съ 1882 по 1897 г.—періодъ, не превышающій 15 лѣтъ, земля въ среднемъ поднялась вдвое, а по нѣкоторымъ районамъ еще выше; такъ, напримѣръ, въ Малороссіи съ 1863 г. поднялась въ $1^1/_2$ раза, въ Новороссіи въ 6 разъ. Въ конечномъ результатѣ, несмотря на колебанія по пятилѣтіямъ, повышеніе цѣнъ на землю можно признать повсемѣстнымъ.

Фактъ быстраго возвышенія цѣнъ едва ли кѣмъ будетъ оспариваться; это констатируютъ и труды комиссіи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и труды комиссіи объ оскудѣніи центра, и отчеты Крестьянскаго банка, и земскія статистическія изслѣдованія, не говоря уже о періодической литературѣ. Нечего и говорить, что въ отдѣльныхъ губерніяхъ и уѣздахъ ростъ этотъ принялъ еще гораздо большіе размѣры. Считаю только необходимымъ отмѣтить, что и здѣсь среднія цифры не даютъ еще полнаго представленія о характерѣ явленія, и возвышеніе цѣнъ въ дѣйствительности для отдѣльныхъ районовъ имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ объ этомъ можно судить по среднимъ цифрамъ. Блестящимъ тому подтвержденіемъ служатъ перезалоги имѣній въ частныхъ банкахъ, гдѣ за сравнительно короткій промежутокъ ссуды возвысились въ нѣсколько разъ.

Событія послѣднихъ дней ясно показываютъ, что необходимы какія-либо рѣшительныя мѣры для улучшенія положенія крестьянской массы. Возобновились аграрные безпорядки, которые два года тому назадъ стихійно пронеслись въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Весьма вѣроятно, что намъ придется пережить тотъ ужасъ, который въ другихъ странахъ отошелъ уже въ область преданій, когда взволнованныя темныя массы сами ищутъ выхода изъ угнетеннаго состоянія.

Я не вижу ни малѣйшаго преувеличенія въ томъ, что по этому поводу высказано было въ запискѣ о положеніи сахарной промышленности въ связи съ общими затрудненіями, переживаемыми Россіею. «Недостаточность во многихъ мѣстахъ земельнаго надѣла, читаемъ мы въ этой запискѣ, отягощается для крестьянъ невозможностью при общей некультурности и отсутствіи капитала перейти къ болѣе совершеннымъ и доходнымъ системамъ эксплоатаціи земли. Неудивительно, что изъ деревень отовсюду доносятся слухи о растущемъ недовольствѣ. Томительное отчаяніе при видѣ безысходности горькой нужды, давно назрѣвающая глухая вражда къ слишкомъ тѣсно связаннымъ съ крестьянами узами экономической, а порой и административной власти сосѣдямъ-помѣщикамъ ждутъ лишь толчка, чтобы прорваться. И страшенъ будетъ тотъ часъ, когда вся эта масса накоплявшагося годами раздраженія вырвется наружу. Волна народнаго мятежа, не разбирая праваго и виноватаго, все

сметет на своемъ пути, и не будетъ средствъ пріостановить ея теченіе, разъ она хлынетъ изъ долго сдерживавшихъ ее береговъ.

Какая вооруженная сила въ состояніи оберечь раскиданные по лицу всей нашей безпредѣльной равнины заводы и усадьбы? Очевидно, никакія мѣры полицейской и военной охраны не въ состояніи предотвратить волненій; напротивъ, войска, если они примутъ участіе въ подавленіи безпорядковъ, въ чемъ позволительно сомнѣваться, внесутъ лишь новое озлобленіе и рознь между сосѣдями, связанными неразрывными экономическими узами и призванными къ постоянной совмѣстной работѣ на родной нивѣ. Если же и въ этомъ дѣлѣ мы будемъ такъ же медлить, какъ медлили въ рабочемъ вопросѣ; если мы будемъ дожидаться, пока насъ разбудитъ грозный крикъ бушующихъ крестьянскихъ массъ, то не только сахарную промышленность, но и все наше помѣстное землевладѣніе и самихъ землевладѣльцевъ надо признать обреченными на гибель.

Должны быть также приняты мѣры къ надѣленію землей пролетаризирующаго крестьянина. Переселенческое дѣло должно быть поставлено на новыя основанія; для внутренней колонизаціи слѣдуетъ открыть безплодныя пустыни казенныхъ и удѣльныхъ земель. Дѣятельность Крестьянскаго банка должна быть расширена. Ненормально натянутыя отношенія между крестьянами и сосѣдними помѣщиками, выросшія на почвѣ искаженнаго проведенія въ жизнь великихъ началъ реформы 19-го февраля 1861 г., надо развязать законодательными мѣрами, хотя бы мѣстами для этого пришлось даже прибѣгнуть къ принудительному выкупу. Государству слѣдуетъ вмѣшаться въ безумную погоню крестьянъ за сдающимися въ аренду землями, повышающую арендныя цѣны до прямо убыточнаго для съемщиковъ уровня и заставляющую крестьянъ порой соглашаться на невыносимыя для нихъ условія съема».

Въ вышеприведенныхъ строкахъ отмѣчены главнѣйшіе недостатки современнаго аграрнаго строя. Ясно, что при такомъ положеніи дѣла въ высшей степени важно выяснить, какія же мѣры могутъ быть предложены для предупрежденія столь печальныхъ послѣдствій. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что въ большинствѣ собраній, подвергающихъ обсужденію этотъ вопросъ, наибольшими симпатіями пользуется идея націонализаціи земли. Почти всѣ интересующіеся этимъ вопросомъ сознательно или безсознательно предпочитаютъ націонализацію земли всѣмъ другимъ проектамъ. Въ виду этого я считаю необходимымъ подробнѣе изложить разнообразные проекты, связанные въ обычномъ представленіи съ идеею націонализаціи земли, чтобы такимъ путемъ выяснить, отвѣчаетъ ли она связаннымъ съ нею надеждамъ и ожиданіямъ, можно ли ее разсматривать, какъ практическое предложеніе, удовлетворяющее современной нуждѣ.

Идея эта не нова. Еще 130 лѣтъ тому назадъ Томасъ Спенсъ *) выступилъ съ проектомъ націонализаціи земли. Въ 1775 году онъ прочелъ въ Ньюкэслѣ въ философскомъ Обществѣ лекцію о томъ, какъ помочь населенію путемъ націонализаціи земли, за что былъ изгнанъ изъ Общества, а потомъ вынужденъ былъ покинуть и Ньюкэсль. Этотъ проектъ часто цитируется; въ основныхъ чертахъ онъ напоминаетъ схему, которая чрезъ 100 лѣтъ была положена въ основаніе проекта Генри Джорджа. Онъ представляетъ интересъ главнымъ образомъ потому, что мы въ немъ видимъ основныя черты того ученія, которое до самаго послѣдняго времени привлекаетъ всеобщее вниманіе. Спенсъ у насъ почти неизвѣстенъ, и если приходится наталкиваться на проекты націонализаціи земли, то почти всегда имѣется въ виду этотъ планъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ Джорджемъ.

Основныя черты проекта Спенса заключаются въ слѣдующемъ: собственность на землю и свобода между людьми въ естественномъ состояніи должны быть одинаковы; этого, можно думать, никто не будетъ отрицать. Поэтому земля любого народа въ первобытномъ состояніи есть общее имущество, въ которомъ каждый имѣетъ одинаковое право собственности на плоды и вообще на всѣ произведенія земли.

Право отнять у человѣка что-нибудь изъ средствъ существованія предполагаетъ право лишить человѣка жизни. Отсюда, по мнѣнію Спенса, слѣдуетъ, что земля въ любой странѣ, какъ поверхность, такъ и нѣдра ея, принадлежатъ всегда жителямъ страны. Безъ земли и ея произведеній человѣкъ существовать не можетъ; слѣдовательно, мы не можемъ жить, не имѣя извѣстнаго права собственности. Оспаривать же право, значитъ оспаривать право на жизнь. Если мы обратимся къ происхожденію современныхъ народовъ, то увидимъ, что земля со всѣми ея принадлежностями въ дѣйствительности захвачена немногими и раздѣлена между ними, какъ будто она была дѣломъ ихъ собственныхъ рукъ. Ихъ не спрашивали, отъ нихъ не требовали отчета, и они привыкли поступать съ землей такъ, какъ будто она была сотворена ими; они безъ колебаній начали называть ее своею собственностью, которою они могутъ пользоваться, не обращая вниманія ни на какое другое существо вселенной. На этомъ основаніи Спенсъ думаетъ, что люди имѣютъ на землю такое же право, какое они имѣютъ на свободу, воздухъ, солнечный свѣтъ и тепло. Дѣйствительность же показываетъ, что это право не осуществляется; что условія, на которыхъ люди пользуются этими общими дарами природы, въ высшей степени тягостны и совершенно не

*) *Thomas Spence.* Das Gemeineigentum am Boden. Leipzig, 1904, съ предисловіемъ Георга Адлера. Въ 80-хъ годахъ съ Спенсомъ познакомилъ Гайндманъ, издавшій его проектъ съ дополненіями.

соотвѣтствуютъ ихъ естественнымъ правамъ. Съ этимъ Спенсъ не можетъ примириться и дѣлаетъ попытку создать новый порядокъ, основанный на томъ, что каждый человѣкъ имѣетъ одинаковое право на землю въ той мѣстности, въ которой онъ живетъ. Если люди образовали общество, то сдѣлали это только для того, чтобы каждый могъ пользоваться преимуществами своихъ естественныхъ правъ. Допустимъ, говоритъ онъ, что послѣ долгихъ размышленій жители прихода приходятъ къ рѣшенію возстановить свои потерянныя права путемъ образованія корпорацій. Каждый приходъ превращается въ корпорацію, и всѣ жители прихода, становясь членами корпораціи, пріобрѣтаютъ права на землю. Земля со всѣми ея принадлежностями становится собственностью прихода, который получаетъ всѣ тѣ права, которыми пользуются въ настоящее время землевладѣльцы. Единственное, что отличаетъ собственность прихода отъ частной собственности землевладѣльцевъ, это воспрещеніе продажи земли. Тотъ, кто рѣшился бы продать землю, уподобился бы лицу, которое отдаетъ собственныхъ своихъ дѣтей въ рабство или убиваетъ собственными руками; это было бы самое тяжкое преступленіе. Приходъ или корпорація будетъ раздавать земли отдѣльнымъ лицамъ, которыя будутъ уплачивать за это ренту, какъ уплачиваютъ и въ настоящее время землевладѣльцамъ. Рента эта предназначается не на содержаніе немногихъ крупныхъ собственниковъ, а на покрытіе государственныхъ и общественныхъ расходовъ. Благодаря этому явится возможность освободить торговлю и промышленность и всѣхъ жителей страны какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ отъ всякихъ налоговъ. Достаточно будетъ установленія налога на землю, чтобы пополнить все то, что необходимо для бюджета. Земля будетъ сдаваться мелкими участками; она сдѣлается доступною для большаго числа рукъ. Рента не будетъ больше поступать на поддержаніе роскоши и всякаго рода пороковъ, и на землѣ воцарится счастье. Государство будетъ получать свои доходы путемъ сбора отъ отдѣльныхъ приходовъ или корпорацій и будетъ имѣть возможность выполнять всѣ тѣ обязанности, которыя оно выполняетъ въ настоящее время. Подкупъ и насиліе исчезнутъ, вездѣ воцарится правда, и другіе народы послѣдуютъ этому примѣру; тогда весь міръ будетъ счастливъ, всѣ будутъ жить, какъ братья.

Таковъ планъ, предложенный Спенсомъ. При всей своей простотѣ онъ обнимаетъ тѣ основныя начала, на которыхъ построена націонализація земли во многихъ позднѣйшихъ проектахъ. Мы имѣемъ здѣсь идею единаго налога, отмѣну всѣхъ существующихъ налоговъ и сборовъ, и переходъ земли въ руки приходовъ или корпорацій.

Какъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ Гайндманъ *), эта конструкція

*) *H. M. Hyndman.* The Nationalisation of the Land in 1775 and 1882, being a lecture delivered at Newcastle on-Tyne, by Thomas Spence, 1775. London, 1882.

напоминаетъ ту, которую нѣсколько раньше можно было встрѣтить у Руссо. Отрѣшившись отъ современныхъ гражданскихъ отношеній и изучивъ отношенія между людьми, какъ они должны были бы сложиться на основаніи естественнаго права, Руссо пытался въ 1753 г. объяснить происхожденіе неравенства между людьми. Первый, кто отгородилъ себѣ участокъ земли и сказалъ: «это мое», и нашелъ людей, которые ему повѣрили, былъ дѣйствительнымъ создателемъ современнаго гражданскаго общества. Какъ много преступленій, войнъ, убійствъ, нищеты и ужаса было бы сбережено для человѣческаго рода, если бы кто-нибудь сломалъ ограду и громко заявилъ своимъ согражданамъ: «не вѣрьте этому обманщику. Вы погибли, если забудете, что продукты принадлежатъ всѣмъ, а земля никому». Эта схема приближается во многомъ къ той, которую представляетъ популярное изложеніе Джорджа, сдѣланное Львомъ Николаевичемъ Толстымъ.

Здѣсь все условное, все, связанное съ современнымъ гражданскимъ правопорядкомъ, признается ошибкою, въ которую впало человѣчество. Вмѣсто этого мы имѣемъ отношенія между людьми, какъ они должны были бы сложиться, если бы современные институты были вытѣснены и замѣнены естественнымъ правомъ. Мы сразу переносимся въ совершенно другой соціальный строй и разсматриваемъ отношенія между людьми не съ точки зрѣнія дѣйствительности, а съ точки зрѣнія идеала. Исходнымъ моментомъ въ данномъ случаѣ являются не современныя сложныя условія, построенныя на опредѣленныхъ классовыхъ интересахъ, не исторически сложившіеся институты, не тотъ строй, среди котораго мы живемъ, а тотъ, который созданъ въ воображеніи писателей, считающихъ исторію сплошною ошибкою. Именно это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ различныхъ проектовъ, въ которыхъ нерѣдко по недоразумѣнію подъ видомъ націонализаціи земли предлагаются реформы, основанныя на началахъ такъ или иначе понятаго естественнаго права.

Характерный образчикъ такого построенія мы находимъ въ брошюрѣ *), появившейся въ 1882 г., черезъ 100 лѣтъ послѣ Спенса. Создатель вселенной,—и этого, конечно, никто не станетъ оспаривать,—не открывалъ поземельнаго управленія, которое выдавало бы крѣпостные документы на землю. Люди имѣли и всегда будутъ имѣть одинаковыя права на землю; она не можетъ быть ни продана, ни заложена, и каждый долженъ сохранять это право, какъ часть самого себя. Право это возникаетъ съ самой жизнью и не можетъ прекратиться раньше смерти. Никто не можетъ обладать болѣе надежнымъ титуломъ, чѣмъ тотъ, который даетъ рожденіе. Ни покупка, ни затрата труда не могутъ создать

*) *Land, Common Property*, now and for ever by Terringenous. Брошюра воспроизводитъ съ нѣкоторыми измѣненіями то, что впервые было издано въ 1846 г. подъ заглавіемъ „Our Inheritance. Land, Common Property“.

права на землю, потому что нельзя покупать того, что не можетъ быть продано, и что принадлежитъ всему человѣческому роду. Что касается затраты труда, то она даетъ лишь право на продукты, а не на самую землю, которая составляетъ даръ Создателя вселенной, принадлежащій всѣмъ навсегда.

И отсюда дѣлается выводъ, что земля не можетъ принадлежать отдѣльнымъ индивидамъ; она остается общею собственностью человѣчества на вѣчныя времена.

Такой абстрактный способъ разсужденія, такая аргументація, основанная на естественномъ правѣ, не связанная съ опредѣленными историческими условіями, одинаково можетъ быть примѣнена къ любому народу, въ любую эпоху. Это не планъ реформъ, отвѣчающій конкретнымъ условіямъ даннаго народа въ опредѣленный періодъ его исторіи, а требованіе, вытекающее изъ стремленія перевести человѣчество въ лучшій міръ, создать для него идеальныя условія существованія. Если исходить изъ этой точки зрѣнія, то другого отвѣта быть не можетъ. Съ тѣми или другими модификаціями мы будемъ имѣть то, что было изображено Спенсомъ въ его планѣ націонализаціи земли.

Именно такъ, повидимому, смотритъ на націонализацію и Л. Н. Толстой, когда популяризируетъ проектъ Генри Джорджа «въ примѣненіи къ отдѣльному государству и даже всему человѣчеству» и приходитъ къ заключенію, что «проектъ этотъ и справедливъ, и благодѣтеленъ, и, главное, удобопримѣнимъ вездѣ».

На нѣсколько иной почвѣ стоитъ другая группа писателей. Предлагая націонализацію земли, она все-таки считается съ современными условіями. Для характеристики этой точки зрѣнія на націонализацію земли я укажу прежде всего на *Общество націонализаціи земли*, во главѣ котораго стоялъ Альфредъ Руссель Уоллесъ. Это общество возникло въ Англіи около 25 лѣтъ тому назадъ одновременно съ агитаціей Джорджа. Въ многочисленныхъ брошюрахъ и листкахъ, распространявшихся въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ, развивалась мысль, что земля должна перейти въ руки государства; но какъ самъ Уоллесъ *), такъ и его сторонники вмѣстѣ съ тѣмъ доказывали, что переходъ этотъ долженъ состояться на началахъ выкупа, т. е. что нынѣшніе владѣльцы должны уступить свою землю государству за опредѣленное вознагражденіе.

Аграрная реформа, согласно ихъ ученію, во всякомъ случаѣ должна быть проведена такимъ образомъ, чтобы отъ этого не пострадало нынѣшнее поколѣніе поземельныхъ собственниковъ. Поэтому вся земля

*) *Alfred Russel Wallace.* Land Nationalisation. Its necessity and its aims. London, 1883; *G. B. Clark.* A plea for the Nationalisation of the Land. London.

должна быть выкуплена, а самый выкупъ долженъ быть произведенъ такимъ образомъ, чтобы не только владѣльцы земли, но и наслѣдники ихъ съ нѣкоторыми ограниченіями получали отъ государства ренту. Такимъ образомъ, рента будетъ выплачиваться въ крайнемъ случаѣ тремъ поколѣніямъ, т. е. нынѣшнимъ владѣльцамъ, ихъ дѣтямъ и ихъ внукамъ.

Вторая характерная черта этого проекта заключается въ томъ, что онъ отдѣляетъ землю, какъ таковую, отъ всѣхъ затратъ, сдѣланныхъ на нее. Поэтому постройки могутъ быть предметомъ индивидуальнаго обладанія, т. е. продолжаютъ и впредь быть объектомъ частной собственности и въ руки государства не переходятъ. Государственною собственностью дѣлается лишь право на землю.

Я не буду останавливаться здѣсь на томъ, что отдѣленіе права на постройки и улучшенія отъ права на землю въ дѣйствительности представляетъ огромныя затрудненія, и сохраненіе перваго права въ связи съ правомъ полнаго распоряженія и отчужденія на практикѣ создало бы при отсутствіи права на землю безконечныя осложненія; что, желая сохранить право собственности на то, что произведено человѣческимъ трудомъ, и предоставить капиталу полный просторъ, сторонники національзаціи земли по этому плану впадаютъ въ сущности въ утопію. Для меня важно здѣсь отмѣтить, что на-ряду съ тѣми писателями, которые предлагаютъ прямо или косвенно передать землю въ руки государства, т. е. лишить землевладѣльцевъ ихъ собственности безъ всякаго вознагражденія или обложить землю налогомъ, равнымъ приносимой ею рентѣ, имѣются и такіе, которые считаются съ благопріобрѣтенными правами и интересами и связываютъ реформу съ выкупомъ.

Впрочемъ, я долженъ указать, что и на этой почвѣ мы встрѣчаемъ большое разнообразіе относительно условій выкупа. Я приведу для образца то, что по этому поводу сказано въ анонимной брошюрѣ *), появившейся въ 1883 г.

Необходимость національзаціи аргументируется здѣсь слѣдующимъ образомъ: когда 2,238 лицъ владѣютъ 40 милліонами акровъ, или болѣе чѣмъ половиною площади Соединеннаго Королевства, небольшая группа лицъ заинтересована въ монополіи, которая поселяетъ пауперизмъ въ нашей странѣ. Есть только одинъ путь для прекращенія ея, это перенесеніе всего обложенія на поземельную ренту. Этотъ планъ былъ предложенъ еще Джономъ Локкомъ, по мнѣнію котораго всѣ государственные доходы должны быть получены отъ прямыхъ налоговъ на землю. Такимъ путемъ незаслуженное увеличеніе цѣнности земли, создавшее ренту, будетъ поступать государству на общую пользу вмѣсто того, чтобы поступать на пользу отдѣльныхъ индивидовъ. Богатство, создан-

*) *Landwoning and Poverty*, from and english point of view. Liverpool.

ное національнымъ и мѣстнымъ ростомъ, будетъ тогда распредѣлено между національными и мѣстными расходами. Осуществленіе этого плана, думаетъ авторъ, не встрѣтитъ затрудненія, потому что онъ построенъ на вознагражденіи собственниковъ. Нынѣшніе собственники получатъ государственныя бумаги, проценты съ которыхъ будутъ покрываться налогомъ на ренту, но зато въ будущемъ незаслуженное увеличеніе цѣнности земли, которое является слѣдствіемъ роста страны, будетъ поступать въ государственное казначейство и будетъ содѣйствовать отмѣнѣ всѣхъ другихъ налоговъ. Однако, соображеніе соціальной справедливости не требуетъ уплаты за землю по спекулятивнымъ цѣнамъ. Высшее вознагражденіе, которое по справедливости должно быть предоставлено собственникамъ, должно равняться тому, что они сами заплатили за землю, съ присоединеніемъ произведенныхъ ими затратъ на улучшенія, насколько послѣднія еще не использованы. Государство должно уплатить собственникамъ не свыше этой суммы и сдѣлается тогда единственнымъ обладателемъ всей земли.

Изъ этого видно, что и на почвѣ выкупа могутъ быть предложены самые разнообразные проекты.

Въ Германіи сторонники націонализаціи земли не отождествляютъ себя съ послѣдователями Джорджа. Необходимость перехода земли въ руки государства мотивируется не такъ, какъ это сдѣлано англійскими послѣдователями Джорджа. Если бы Джорджъ, читаемъ мы у одного изъ сторонниковъ перехода земли въ руки государства *), и былъ правъ, и можно было отмѣнить частную собственность на землю, не затрогивая прибыли на капиталъ, то отмѣна частной собственности не устранила бы пауперизма, потому что сила капитала съ устраненіемъ поземельной ренты еще больше возросла бы.

Это показываетъ, что сторонники націонализаціи земли въ Германіи обратили вниманіе на ту сторону вопроса, на который англичане и американцы, высказывавшіеся за націонализацію земли, совершенно не останавливались. Имъ казалось, что достаточно освободить государство отъ всѣхъ другихъ налоговъ, перенести все на поземельную ренту, передать все въ руки государства, чтобы пауперизмъ исчезъ, и устранены были всѣ современные общественные недуги. Сторонники націонализаціи земли въ Германіи не раздѣляютъ этихъ воззрѣній и не думаютъ, чтобы съ переходомъ земли въ руки государства исчезло все то, что связано съ капитализмомъ. Осуществленіе такого плана имѣло бы, читаемъ мы у вышецитированнаго автора, своимъ послѣдствіемъ лишь то, что былъ бы

*) *Ludvig Frankl.* Die Verstaatlichung der Grundrente. Wien. 1891.

Въ брошюрѣ изложены взгляды Флюршгейма, иниціатора этого движенія въ Германіи.

созданъ особый видъ ограниченной собственности къ выгодѣ для богатыхъ. Земля не сдѣлалась бы доступною для бѣдныхъ, такъ какъ для аренды земли нуженъ капиталъ. Можетъ быть, для этого нуженъ меньшій капиталъ, чѣмъ для покупки, но все же недостаточныя группы населенія не получили бы доступа къ землѣ. Въ виду этого правильнѣе смотрѣть на этотъ проектъ съ точки зрѣнія податной, а не соціальной реформы. На односторонній характеръ націонализаціи земли обратили вниманіе и соціалисты. Переходъ земли въ руки государства только усилилъ бы, по ихъ мнѣнію, значеніе капитала. Если сторонники Джорджа находятъ возможнымъ поглотить ренту посредствомъ налога безъ всякаго вознагражденія собственниковъ, то такая конфискація возможна только путемъ насильственнаго переворота, а тогда непонятно, почему они останавливаются предъ капиталомъ.

Я не буду останавливаться на положительной сторонѣ предложеннаго Флюршгеймомъ плана; отмѣчу только, что переходъ земли въ руки государства долженъ, по его мнѣнію, совершиться посредствомъ выкупа, по которому землевладѣльцы должны получить вознагражденіе въ государственныхъ закладныхъ листахъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, принять во вниманіе еще то обстоятельство, что многіе объявляютъ себя сторонниками націонализаціи земли, хотя въ дѣйствительности выступаютъ съ предложеніями, которыя въ сущности имѣютъ очень мало общаго съ націонализаціею. Такъ, приходится встрѣчать указанія на то, что націонализація земли входила въ число основныхъ требованій, предъявленныхъ въ 40-хъ годахъ чартистами. Дѣйствительно, они мечтали о томъ, что когда власть государства перейдетъ въ ихъ руки, оно должно будетъ ассигновать фондъ въ 100 милл. фунт. стерл., т. е. около милліарда рублей, для того, чтобы пріобрѣсти землю для продажи ея мелкимъ собственникамъ участками въ 2 акра. Едва ли кто будетъ теперь считать такой проектъ націонализаціей, но въ 40-хъ годахъ его разсматривали, какъ націонализацію земли.

Приходится иногда слышать и о томъ, что въ эпоху великой французской революціи была въ грандіозныхъ размѣрахъ произведена націонализація земли. Съ такою квалификаціей мѣропріятій этой эпохи въ области аграрныхъ отношеній я никакъ не могу согласиться. Мы имѣемъ предъ собой усиленную мобилизацію поземельной собственности, конфискацію церковныхъ и дворянскихъ имѣній, но что это имѣетъ общаго съ націонализаціей земли? Напротивъ, именно этотъ историческій примѣръ долженъ убѣдить, какъ легко можно декретировать извѣстныя постановленія, и какъ трудно провести раціональную аграрную политику. Революціонное правительство сумѣло произвести конфискацію, но не сумѣло дать конфискованнымъ землямъ согласное съ интересами страны назначеніе. Къ тому же мѣропріятія эти вызваны исклю-

чительно финансовыми соображеніями, необходимостью изыскать средства для покрытія бюджетныхъ расходовъ, а потомъ для веденія войны, а не соціально-политическими задачами болѣе равномѣрнаго распредѣленія поземельной собственности.

Въ самомъ дѣлѣ, что было сдѣлано во время революціи? По оцѣнкѣ Некера 1784 г. и оцѣнкѣ Leouzon Le Duc 1881 г. земли, принадлежавшія духовенству во Франціи, приносили въ 1789 г. доходъ въ 110—120 милл. фр., а стоимость недвижимаго имущества опредѣлялась въ 3 милліарда фр., изъ которыхъ милліардъ падалъ на дома въ городахъ, милліардъ на лѣса и милліардъ на земли, находившіяся въ обработкѣ или пригодныя къ обработкѣ. Только послѣдняя часть имущества была продана, но и этого было достаточно для того, чтобы оказать большое давленіе на цѣны сельскихъ имуществъ. Земли продавались по низкимъ цѣнамъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ къ землямъ духовенства начали присоединяться земли эмигрантовъ, осужденныхъ во время революціи, и другихъ «враговъ республики». Почти все крупное дворянство было сразу экспропріировано; но продать дворянскія земли было еще труднѣе, чѣмъ продать земли духовенства. То, что не было продано, было потомъ во время имперіи и реставраціи (по закону 5 августа 1814 г.) возвращено; это составляло больше половины конфискованныхъ имѣній. Чтобы судить о количествѣ проданныхъ земель, необходимо принять во вниманіе, что эмигрантамъ было уплачено вознагражденіе въ 987.819,963 фр. за проданныя имѣнія. Болѣе точныя свѣдѣнія объ этихъ имѣніяхъ показываютъ, что 81,455 имѣній съ доходомъ въ 34.620,380 фр. продано по 20-лѣтней сложности дохода за 692.407,615 фр., а стоимость 370,617 имѣній опредѣлена соотвѣтственно стоимости ассигнацій въ различное время въ 605.352,992 фр. Такимъ образомъ, общая стоимость проданныхъ во время революціи дворянскихъ имѣній составляла 1.297.670,608 фр., но если принять во вниманіе низкую оцѣнку вслѣдствіе ухудшенія хозяйства, дѣйствительная стоимость опредѣляется въ полтора милліарда.

Я не говорю уже о спекуляціи, которая такъ сильно развилась въ революціонную эпоху, о посредникахъ, скупавшихъ земли для перепродажи, о безпорядочныхъ покупкахъ, благодаря которымъ земли попадали въ ненадлежащія руки и были только предметомъ наживы.

Вообще революція выбросила на рынокъ десятую часть земельныхъ богатствъ Франціи, тогда какъ въ настоящее время, несмотря на частые переходы и всякое облегченіе мобилизаціи, ежегодно поступаетъ въ продажу не болѣе пятидесятой части стоимости *).

Съ другой стороны, приходится наталкиваться и на обратный слу-

*) *Alfred de Foville.* Le Morcellement. Paris, 1885, стр. 53, 55, 56.

чай, когда сторонниками націонализаціи земли объявляютъ себя тѣ, которые въ сущности стоятъ на діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія. Такъ, напримѣръ, Гайндманъ *), одинъ изъ видныхъ представителей демократической федераціи въ Англіи, стоящій цѣликомъ на почвѣ ученія Карла Маркса, тѣмъ не менѣе высказывается въ пользу націонализаціи земли, совершенно не замѣчая, что критическая оцѣнка, которой онъ подвергаетъ этотъ проектъ, въ сущности его совершенно разбиваетъ. По его мнѣнію, рента есть лишь одна изъ формъ эксплоатаціи труда. То, чего не могъ еще видѣть Спенсъ, читаемъ мы у Гайндмана, это появленіе другого фактора, возникшаго, правда, въ началѣ изъ монополіи на землю, но гораздо болѣе вреднаго для производителей и рабочихъ, чѣмъ собственность на землю. Классъ землевладѣльцевъ, монополизируя землю, косвенно получаетъ даромъ значительную часть плодовъ труда своихъ согражданъ; *классъ капиталистовъ, монополизируя машины, капиталъ и кредитъ, прямо поглощаетъ для себя болѣе значительную часть производства.* Поэтому одна націонализація земли по любому плану, по мнѣнію Гайндмана, не можетъ считаться надлежащимъ средствомъ противъ бѣдствій современнаго общества; она можетъ считаться палліативомъ. Народъ можетъ взять обратно свою землю, какъ первую ступень, но онъ долженъ воспользоваться отнятою у землевладѣльцевъ землею, какъ средствомъ для того, чтобы преодолѣть болѣе сильную тиранію капиталистовъ. То, что теперь нужно, это общественный контроль не только надъ землею, но и надъ капиталомъ и машинами.

Спрашивается, что имѣетъ общаго такая точка зрѣнія съ націонализаціею земли? Послѣдовательный соціалистъ не можетъ, конечно, примириться съ націонализаціею земли, при которой капиталъ остается нетронутымъ, потому что реформа, ограничивающаяся переходомъ поземельной ренты въ руки государства, нисколько не содѣйствуетъ осуществленію соціалистическаго идеала, но именно съ этой точки зрѣнія нѣтъ основаній причислять себя къ сторонникамъ націонализаціи земли.

Послѣ этихъ историческихъ свѣдѣній о націонализаціи земли я перейду къ плану, предложенному Генри Джорджемъ. Націонализація земли связана у насъ съ именемъ этого писателя; у насъ извѣстно преимущественно то, что появилось изъ-подъ пера Джорджа. Въ виду этого я остановлюсь на немъ нѣсколько подробнѣе. Джорджъ не экономистъ-теоретикъ, это публицистъ американскаго типа, имѣющій разнообразныя свѣдѣнія, но не умѣющій сдѣлать оцѣнку экономическихъ явленій въ связи съ общимъ строемъ экономической жизни и отношеній. Ему нельзя,

*) *H. M. Hyndman.* England for all. London, 1881; его же предисловіе къ Томасу Спенсу.

конечно, отказать въ большомъ талантѣ, дарѣ изложенія и оригинальности, но пріемы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для распространенія своихъ взглядовъ, напоминаютъ рекламу; чувствуется стремленіе не пробудить мысль, а желаніе завербовать возможно большее число адептовъ, готовыхъ принять заманчивую, но очень неясно представляющуюся идею.

Отдѣльныя главы его «Прогресса и Нищеты» читаются съ величайшимъ интересомъ; замѣчанія его о нѣкоторыхъ ученіяхъ классической школы отличаются оригинальностью; во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ фондѣ рабочей платы, онъ приходитъ совершенно самостоятельно къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ пришли такіе первоклассные экономисты, какъ Родбертусъ; однако, несмотря на это, экономическая конструкція его въ общемъ слаба, не отличается цѣльностью и послѣдовательностью, а аргументація малоубѣдительна. Перечитавъ теперь еще разъ нѣкоторыя изъ его сочиненій, я могу лишь подтвердить то, что мною было высказано въ 1887 и 1888 гг. въ статьяхъ «Новое сочиненіе Джорджа» (Русская Мысль, № 7, за 1887 г. «Научный Обзоръ») и «Къ вопросу о націонализаціи земли» (Р. М., № 9, за 1888 г.).

Основныя черты его ученія заключаются въ слѣдующемъ.

Пока земля находится въ частныхъ рукахъ, всякое увеличеніе производительныхъ силъ ведетъ только къ увеличенію ренты. Чтобъ реформы принесли пользу рабочимъ классамъ, необходимо прежде всего уничтожить существующее теперь неравенство въ правахъ на землю, нужно возстановить естественныя и равныя права человѣка на общее наслѣдіе. Какъ это сдѣлать? Для этого, думаетъ Джорджъ, не нужно прибѣгать къ раздѣленію земли на равные участки, ни къ укрѣпленію существующей теперь частной собственности на землю, такъ какъ равный раздѣлъ черезъ нѣкоторое время окажется непригоднымъ, а привязанность къ землѣ и побужденіе производить на ней улучшенія могутъ быть созданы и безъ частной собственности. Необходимо только установить два простыхъ начала: во-первыхъ, что всѣ люди имѣютъ одинаковыя права на пользованіе дарами природы; во-вторыхъ, что каждый имѣетъ исключительное право на пользованіе тѣмъ, что произведено его трудомъ. Какъ бы ни была сложна организація общества, проведеніе обоихъ этихъ началъ не представляетъ трудности; единственное, что мы должны сдѣлать, это смотрѣть на землю, какъ на общую собственность всего народа, точно такъ, какъ мы смотримъ на желѣзную дорогу, считая ее общею собственностью нѣсколькихъ акціонеровъ, или смотримъ на корабль, какъ на общую собственность нѣсколькихъ владѣльцевъ. *Для этого незачѣмъ лишать поземельныхъ собственниковъ ихъ собственности, можно оставить землю въ рукахъ тѣхъ, которые ее обрабатываютъ,*

а невоздѣланную землю раздавать желающимъ ее воздѣлывать, подъ условіемъ платежа справедливой ренты обществу,—ренты, въ которую не входитъ плата за улучшенія или прибыль на вложенный капиталъ. Такимъ путемъ всѣ получаютъ доступъ къ землѣ; цѣнность же, которую земля получаетъ, благодаря росту общества, а не труду индивидуальнаго собственника, будетъ въ видѣ ренты возвращаться обществу и будетъ предназначаться на общественныя нужды. Та часть налога на землю, которая падетъ на цѣнность земли, независимо отъ улучшеній, по природѣ своей не налогъ, а рента; это часть дохода, принадлежащая, собственно говоря, обществу въ силу равнаго права всѣхъ на землю. Чтобы возвратить обществу весь земельный доходъ, необходимо отмѣнить одинъ за другимъ всѣ существующіе теперь налоги и довести налогъ на землю до такихъ размѣровъ, чтобъ онъ поглотилъ годовой чистый земельный доходъ; тогда исчезнетъ продажная цѣна земли, и плата отдѣльнаго человѣка обществу за пользованіе общимъ достояніемъ превратится въ то, чѣмъ ее надо признать по существу—въ ренту. Разъ будетъ введенъ такой налогъ, всѣ налоги, падающіе теперь на трудъ и на капиталъ, исчезнутъ; всякій безпрепятственно будетъ накоплять и сберегать богатство, покупать, продавать, дарить или обмѣнивать продукты человѣческаго труда. Тогда исчезнутъ всѣ налоги, которые увеличиваютъ цѣны при переходѣ товаровъ изъ рукъ въ руки и падаютъ въ конечномъ результатѣ на потребителя. Постройки, дома, всякаго рода улучшенія могутъ попрежнему быть предметомъ купли-продажи, найма, но на нихъ будетъ падать налогъ въ пользу общества за землю, на которой они построены. Благодаря введенію этого налога, въ распоряженіи общества будетъ, по его мнѣнію, находиться все болѣе и болѣе увеличивающійся фондъ, вполнѣ достаточный на покрытіе необходимыхъ расходовъ и на поддержаніе всякаго рода полезныхъ общественныхъ предпріятій.

Наконецъ, что всего важнѣе, исчезнетъ монопольное обладаніе землею, доступъ къ землѣ будетъ открытъ для всѣхъ, такъ какъ владѣльцамъ невыгодно будетъ платить налогъ на землю, не находящуюся подъ обработкой. Спекулятивная цѣнность земли исчезнетъ, какъ только будетъ установлено, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣнности земли будетъ расти и налогъ. Такимъ образомъ, исчезнетъ великая причина современнаго неравномѣрнаго распредѣленія богатства, исчезнетъ то одностороннее соперничество, благодаря которому люди, не обладающіе ничѣмъ, кромѣ рабочей силы, устранены отъ благъ цивилизаціи и принуждены довольствоваться самою ничтожною платой, какъ бы быстро ни увеличивалось богатство страны. Трудъ, получивъ доступъ къ естественнымъ условіямъ производства, самъ найдетъ для себя занятіе, и соперничество между предпринимателями доведетъ плату до ея естественной высоты—до полной цѣнности продукта труда. Въ истинномъ значеніи

этого слова свободная торговля требуетъ отмѣны всякаго рода пошлинъ и ограниченій; она должна быть установлена не только въ международныхъ отношеніяхъ, но и внутри страны; она требуетъ отмѣны всѣхъ налоговъ и сборовъ, взимаемыхъ при всякаго рода сдѣлкахъ, вообще освобожденія продуктовъ человѣческаго труда отъ всякаго обложенія. Словомъ, необходимо дать просторъ накопленію и пользованію продуктами труда, служащимъ естественнымъ побужденіемъ къ производству. Свободное производство требуетъ, чтобы активный факторъ производства—трудъ, получилъ свободный доступъ къ пассивному фактору — къ землѣ. Къ этому стремились и физіократы; они мечтали о томъ, что единый налогъ не только освободитъ торговлю и промышленность отъ стѣсненій, но и возстановитъ естественныя равныя права людей.

Попытаюсь теперь выяснить, какъ Джорджъ пришелъ къ такимъ выводамъ, и въ чемъ слѣдуетъ искать причину односторонняго освѣщенія вопроса о значеніи поземельной собственности.

Раздѣляя ученіе Рикардо о цѣнности, Джорджъ не сдѣлалъ изъ него тѣхъ выводовъ, которые сдѣланы были другими писателями, а ограничился его признаніемъ и построеніемъ на ряду съ нимъ теорій, уничтожающихъ все воздвигнутое имъ зданіе. Что касается поземельной ренты, то онъ остается въ этомъ вопросѣ цѣликомъ на почвѣ Рикардо и выводитъ изъ его теоріи дальнѣйшія заключенія; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ отказаться ни одинъ послѣдовательный рикардіанецъ. Если поземельная рента является не благодаря личнымъ усиліямъ поземельнаго собственника, а вслѣдствіе необходимости перехода къ обработкѣ земель худшаго качества; если увеличеніе ея связано съ увеличеніемъ населенія; если поземельные собственники получаютъ большой доходъ отъ причинъ, связанныхъ съ прогрессомъ общества и происходящихъ независимо отъ ихъ стараній, — то изъ этого весьма послѣдовательно можно сдѣлать выводъ, что она должна принадлежать всему обществу, которому она обязана своимъ существованіемъ. Между тѣмъ выгоды, проистекающія отъ чисто общественныхъ причинъ, достаются единичнымъ лицамъ, случайнымъ владѣльцамъ земли въ ущербъ остальнымъ классамъ общества.

Каковы же причины этой несправедливости?

При современныхъ экономическихъ отношеніяхъ общество дѣлится на три класса: на поземельныхъ собственниковъ, капиталистовъ и рабочій классъ. Обращаясь къ этимъ тремъ классамъ, Джорджъ, прежде всего, пораженъ тѣмъ явленіемъ, что, несмотря на усовершенствованія, облегчающія и сокращающія трудъ человѣка и замѣняющія его работой механическихъ двигателей, положеніе рабочихъ не только не улучшается, но даже ухудшается; что одновременно съ прогрессомъ въ высшихъ слояхъ населенія растетъ нищета въ низшихъ слояхъ, и все общество идетъ по ложному пути.

Однако, вмѣсто того, чтобы поземельную ренту и прибыль свести въ одно цѣлое и, какъ доходъ, основанный на собственности, противопоставить рабочей платѣ, какъ доходу, основанному на трудѣ, Джорджъ не сдѣлалъ такого обобщенія и сосредоточилъ все свое вниманіе на поземельной рентѣ и поземельной собственности. Для прибыли ему пришлось поэтому прибѣгнуть къ особой теоріи и объяснить ея происхожденіе самостоятельнымъ образомъ, не приводя ея въ связь съ рабочею платой. Задача его заключалась въ томъ, чтобы поставить нищету въ прямую зависимость отъ поземельныхъ отношеній; для этого необходимо было отдѣлить прибыль отъ другихъ видовъ дохода, источникъ ея найти гдѣ-нибудь на нейтральной почвѣ и такимъ путемъ снять съ капитала отвѣтственность за неурядицы существующаго строя.

Созданное имъ ученіе о прибыли далеко не ново; оно носитъ слѣды позаимствованія у Тюрго, представителя школы физіократовъ, которую онъ считалъ основательницей истинной политической экономіи. Когда зерно, брошенное въ землю, возвращаетъ земледѣльцу въ нѣсколько разъ больше; когда вино, сохраненное въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, возвышается въ цѣнѣ, или когда является приплодъ отъ скота,— въ результатѣ получается какое-то приращеніе, служащее, по мнѣнію Джорджа, основаніемъ для прибыли. Прибыль у него вытекаетъ не отъ приложенія труда, а отъ естественныхъ силъ природы; лица, получающія ее, не наносятъ поэтому никому ущерба, не живутъ на счетъ другихъ, а пользуются силами природы, на которую люди не израсходовали никакого труда.

Такое объясненіе совершенно не мирится съ трудовою теоріей цѣнности, отъ которой исходитъ самъ Джорджъ. Когда Тюрго, къ ученію котораго всего ближе подходитъ теорія прибыли Джорджа, дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе прибыли независимо отъ приложенія труда человѣка, то онъ описываетъ фактъ, какъ онъ происходитъ въ дѣйствительной жизни, нисколько не объясняя источника прибыли. Поэтому мнѣ кажется, что Бемъ-Баверкъ совершенно правъ, когда говоритъ, что фруктификаціонная теорія не идетъ дальше того, что находится передъ глазами наблюдателя; она нисколько не заботится о томъ, чтобы связать фактъ существованія прибыли съ условіями образованія цѣнности. Отъ коровы и быка является на свѣтъ теленокъ, въ моряхъ и рѣкахъ ежегодно появляется много рыбы, плодовыя деревья приносятъ плоды,—все это безспорно вѣрно, эти факты легко наблюдать; но вопросъ заключается не въ томъ, какимъ естественнымъ процессомъ появляется на свѣтъ новый продуктъ, какія силы природы вызвали его въ свѣтъ, а въ томъ, какимъ образомъ естественный фактъ обращается въ общественный; какимъ образомъ новый продуктъ, по природнымъ качествамъ своимъ способный служить потребностямъ человѣка, обла-

дать, слѣдовательно, потребительною цѣнностью, становится предметомъ, имѣющимъ цѣну на рынкѣ, становится мѣновою цѣнностью. Вотъ именно этого процесса превращенія естественнаго факта въ общественный, потребительной цѣнности въ мѣновую мы не находимъ и у Джорджа.

Это ученіе о прибыли имѣетъ огромное значеніе во всей его системѣ; оно дало ему возможность сосредоточить все вниманіе на землевладѣніи и оставить въ сторонѣ капиталъ и вліяніе его на распредѣленіе. Благодаря этому, въ его системѣ капиталъ играетъ второстепенную роль, интересы капитала солидарны съ интересами труда, капиталисты являются естественными союзниками рабочихъ въ борьбѣ съ землевладѣльцами, и весь порядокъ экономическихъ и общественныхъ отношеній извращается до неузнаваемости.

Въ то время, какъ передъ глазами безпристрастнаго наблюдателя развертывается картина капитализма, классъ капиталистовъ поглощаетъ огромную часть народнаго дохода и пріобрѣтаетъ въ государствѣ все большее и большее значеніе, Джорджъ сводитъ всѣ эти явленія, характеризующія переживаемую современными передовыми народами эпоху, къ двумъ-тремъ незамысловатымъ фактамъ, для которыхъ, впрочемъ, тоже не находитъ правильнаго объясненія. Безъ теоріи, которая оправдывала бы происхожденіе прибыли, ему пришлось бы распространить на капиталистовъ то, что онъ съ такимъ талантомъ сдѣлалъ по отношенію къ землевладѣльцамъ. Тогда, можетъ быть, вмѣсто націонализаціи земли онъ предложилъ бы болѣе цѣльную и болѣе стройную систему, которая обнимала бы всѣ виды собственности и основаннаго на ней дохода.

Чтобы точнѣе передать его ученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомить съ его аргументаціею, съ его манерою изложенія, я приведу нѣсколько отрывковъ изъ рѣчи «*Земля для народа*», произнесенной имъ въ Тумбриджѣ, въ Ирландіи 11 іюля 1889 года (русскій переводъ Николаева. Избранныя рѣчи и статьи. Москва, 1905 г.).

„Человѣкъ не создавалъ земли, и никто изъ людей не можетъ предъявлять правъ собственности на нее. Земля создана, говоритъ Джорджъ, Богомъ, для котораго нѣтъ высшихъ и низшихъ, и Онъ создалъ ее одинаково для всѣхъ людей. Всѣ люди находятся здѣсь одинаково съ Его дозволенія; въ силу законовъ, Имъ установленныхъ, всѣмъ имъ одинаково нужно пользоваться землей; всѣ они имѣютъ равное право на жизнь, и потому всѣ они имѣютъ равное право на пользованіе благостью Творца. И земля Ирландіи, подобно землѣ всякой другой страны, не можетъ по справедливости принадлежать какому-либо классу, какъ бы онъ ни былъ малъ или великъ; земля Ирландіи, подобно землѣ всякой другой страны, должна находиться въ пользованіи всего ея народа, и ни одинъ человѣкъ не можетъ имѣть на нее такого права, какого не имѣлъ бы всякій другой человѣкъ.

Мы утверждаемъ, что всѣ общественныя трудности, замѣтныя здѣсь, въ Ирландіи, что всѣ общественныя трудности, существующія въ Англіи и Шотландіи, что всѣ общественныя трудности, возникающія въ Соединенныхъ Штатахъ—

низкій размѣръ заработной платы, малый спросъ на рабочія руки, тотъ фактъ, что трудящійся людъ всюду пребываетъ въ бѣдности, хотя трудъ есть производитель богатства, что всѣ онѣ зависятъ отъ одной великой коренной неправды, отъ того, что сдѣланъ собственностью нѣкоторыхъ лицъ естественный элементъ, необходимый для всѣхъ, отъ того, что всюду въ цивилизованныхъ странахъ народныя массы лишены ихъ природнаго наслѣдія.

Цѣль наша въ томъ, чтобы обезпечить за самымъ низкимъ членомъ общества его естественное, Богомъ данное право; чтобы обезпечить за каждымъ ребенкомъ, рождающимся въ Ирландіи или въ какой-либо иной странѣ, его естественное право на равное съ другими пользованіе родной землей. А какъ мы можемъ достигнуть этого?..

Путь обезпеченія равенства ясенъ. Онъ заключается не въ томъ, чтобы мы дѣлили землю, а въ томъ, чтобы мы обратились къ людямъ, которымъ позволено пользоваться землей, имѣющей особыя преимущества, и пригласили ихъ уплачивать всему обществу, всѣмъ людямъ и въ ихъ числѣ самимъ себѣ извѣстное вознагражденіе за пользованіе такой привилегіей въ видѣ правильно опредѣленной ренты, которая и употреблялась бы затѣмъ на нужды всего общества. Намъ нужно бы было лишь сдѣлать весь народъ единымъ собственникомъ земли, а ренту, которая поступаетъ теперь въ карманы частныхъ собственниковъ, направить въ казначейство и употреблять на общее благо.

Рента сама по себѣ есть нѣчто естественное и справедливое. Для примѣра, представьте себѣ, что всѣ мы, находящіеся въ этой комнатѣ, рѣшили бы отправиться въ какую-нибудь новую страну и поселиться тамъ на условіи полной равноправности. Какъ могли бы мы подѣлить землю, чтобы установить и поддержать равенство?..

Единственно, что мы могли бы увѣренно сдѣлать, такъ это предоставить каждому изъ насъ полную свободу брать себѣ сколько угодно земли и пользоваться ею, пока никто другой не пожелаетъ ею пользоваться; когда же другіе пожелали бы ею пользоваться, то владѣлецъ ея долженъ бы былъ уплачивать извѣстную премію, которая шла бы въ общій фондъ и, употребляясь на общее благо, выравнивала бы всѣхъ по ихъ положенію. Таковъ былъ бы идеальный способъ дѣленія земли въ новой странѣ.

Теперь задача наша состоитъ въ томъ, чтобы примѣнить тотъ же способъ къ старой странѣ...

Одинъ изъ нашихъ славныхъ вождей г. Парнелль заявилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что существуютъ только два способа пріобрѣтенія земли для народа: способъ покупки и способъ завоеванія. Это неправда. Существуетъ третій способъ, наиболѣе важный, и способъ этотъ есть какъ разъ предлагаемый нами въ видѣ единаго налога.

Мы предлагаемъ уничтожить всѣ государственные и мѣстные налоги, собираемые въ настоящее время, и установить одинъ только налогъ съ цѣнности земель. Замѣтьте это, мы предлагаемъ установить налогъ лишь съ цѣнности земли, отнюдь не съ цѣнности улучшеній въ ней или на ней, отнюдь не съ той цѣнности, которая создана была въ ней трудами людей и которая принадлежитъ трудящимся. Мы предлагаемъ установить налогъ только съ цѣнности земли, не зависящей отъ улучшеній, такъ чтобы съ извѣстнаго пространства неулучшенной земли взималось бы столько же налога, сколько съ такого же пространства такой же улучшенной земли; чтобы съ застроеннаго участка въ городѣ взималось бы столько же налога, сколько съ такого же участка незастроеннаго. Вотъ что мы называемъ единымъ налогомъ.

Обложите землю соотвѣтственно ея полной стоимости, и отъ права этого не останется и слѣда: самый богатый землевладѣлецъ окажется не въ состояніи владѣть пустующей землей. Всюду это простое средство побудитъ собственниковъ земли или пользоваться ею, или передать ее въ руки людей, которые желаютъ ею пользоваться; арендная плата за землю упадетъ до размѣра экономической ренты и будетъ поступать не въ собственность частныхъ лицъ, а въ общую казну на пользу всего общества...

Законъ природы, законъ Бога, чтобы всѣ люди трудились, и чтобы все, что производитъ человѣкъ своимъ трудомъ, было его неотъемлемой собственностью, но чтобы запасъ, изъ котораго все берется, сама земля, не принадлежала никому, а находилась какъ разъ въ томъ самомъ порядкѣ пользованія, какой предложенъ мною; пусть она находится во владѣніи извѣстныхъ лицъ, но пусть эти лица платятъ за эту привилегію въ общій фондъ, а фондъ этотъ пусть употребляется на общее благо...

Вотъ тѣ простые, ясные принципы, которые мы отстаиваемъ, и мы предлагаемъ простое, удобопримѣнимое средство къ возстановленію равенства правъ людей на землю въ отмѣнѣ всѣхъ налоговъ и установленія налога съ цѣнности земли, не зависящей отъ улучшеній, поднявъ который до размѣра ренты, мы уничтожили бы монополизацію земли и создали бы фондъ для удовлетворенія нуждъ всего общества. Насколько удобопримѣнимо это средство, можно видѣть, между прочимъ, и изъ того, что, воспользовавшись имъ, мы могли бы перейти отъ теперешняго грубо несправедливаго общественнаго строя къ идеально справедливому, совсѣмъ не сталкиваясь съ вопросомъ о вознагражденіи собственниковъ за передачу земли во владѣніе всего народа. Никому и въ голову не пришла бы та мысль, чтобы нужно было вознаграждать человѣка за то, что онъ сдѣланъ плательщикомъ налога. Что порабощаетъ людей, такъ это только невѣжество и предразсудки. Намъ нужно лишь обратиться къ первымъ принципамъ, намъ нужно лишь утвердить естественныя права людей. Замѣчу только, что мы не могли бы избавиться отъ этого рабства путемъ примѣненія такихъ мѣръ, какія предлагаются ирландскими патріотами, путемъ выкупа земли у лэндлордовъ и продажи ея ихъ крестьянамъ.

Да и самый выкупъ-то этотъ, что изъ себя представлялъ бы? Что, въ сущности, стали бы мы выкупать? Право брать подать съ своего ближняго? Право присваивать то, что принадлежитъ всѣмъ? Не этого требуетъ отъ насъ справедливость. Если бы при возстановленіи за людьми принадлежащаго имъ права надо было думать о чьемъ-либо награжденіи, то слѣдовало бы подумать скорѣе о вознагражденіи людей, которые страдали отъ неправды, чѣмъ людей, которые учиняли ее и пользовались ею.

Изъ этого ясно, что націонализація земли по плану Джорджа должна быть произведена безъ всякаго вознагражденія землевладѣльцевъ. Правда, онъ не говоритъ о конфискаціи, но онъ предлагаетъ мѣры, которыя фактически приводятъ къ тому же результату, какъ конфискація. Земля должна быть обложена налогомъ въ размѣрѣ ренты, она должна быть обложена пропорціонально цѣнности, а такъ какъ установленіе налоговъ входитъ въ компетенцію государства, то нѣтъ, казалось бы, основанія утверждать, что онъ прибѣгаетъ къ насильственному акту. Землевладѣльцы сами откажутся отъ своей земли, если за нее надо будетъ платить столько, сколько она приноситъ; если неприносящая

дохода земля, но обладающая цѣнностью, будетъ обложена сообразно съ цѣнностью. Земля не будетъ представлять никакого интереса для тѣхъ, которые сами ее не обрабатываютъ, а пользуются ею, какъ рентнымъ фондомъ. Однако, въ дѣйствительности отъ введенія такого налога получились бы тѣ же послѣдствія, какія имѣютъ мѣсто при конфискаціи, потому что часть собственниковъ, именно собственники земли, были бы лишены дохода, которымъ они до сихъ поръ пользовались, въ то время какъ остальные собственники, именно собственники различныхъ видовъ капитала, пользующіеся такимъ же экономически незаслуженнымъ доходомъ, какимъ пользовались землевладѣльцы, продолжали бы попрежнему пользоваться своимъ доходомъ. Думаю, что по существу такой актъ ничѣмъ не отличается отъ декретовъ, въ силу которыхъ, напримѣръ, въ эпоху великой французской революціи церковныя земли и земли эмигрантовъ были объявлены государственною собственностью.

А какія послѣдствія связаны съ единымъ налогомъ, это Джорджъ точно формулируетъ въ статьѣ «*Что такое единый налогъ, и почему мы его добиваемся*».

Налогъ съ цѣнностей земель, взимаемый независимо отъ цѣнности всякаго рода построекъ и улучшеній. по его мнѣнію, «освободитъ насъ отъ цѣлой арміи сборщиковъ податей и другихъ чиновниковъ, которые требуются при теперешнихъ налогахъ; будетъ доставлять казнѣ, по сравненію съ другими налогами, значительно большую долю того, что берется съ налога; вмѣстѣ съ тѣмъ, упрощая и удешевляя правительство, онъ будетъ содѣйствовать также и тому, чтобы сдѣлать его болѣе честнымъ».

Кромѣ, того Джорджъ думаетъ, что этотъ налогъ

«увеличитъ въ огромной мѣрѣ производство богатства, устранивъ пагубное дѣйствіе теперешнихъ налоговъ на трудолюбіе и бережливость. Облагая налогами дома, мы задерживаемъ ихъ постройку; облагая налогомъ машины, мы сокращаемъ число машинъ; облагая торговлю, мы сокращаемъ размѣры торговыхъ оборотовъ; облагая капиталъ, мы уменьшаемъ количество капитала; облагая сбереженія, мы сокращаемъ сумму сбереженій. Но обложивъ земельныя цѣнности, мы не уменьшили бы количества земли; напротивъ, обложеніе имѣло бы слѣдствіемъ большую доступность земли для желающихъ ею воспользоваться, сдѣлало бы болѣе труднымъ удержаніе за собой цѣнной земли для тѣхъ собственниковъ, которые сами ею не пользуются, а разсчитываютъ лишь на будущій приростъ ея цѣнности.

Обложеніе налогами труда и его произведеній, съ одной стороны, и недостаточное обложеніе земельныхъ цѣнностей—съ другой, приводитъ къ несправедливому распредѣленію богатства, которое сосредоточивается въ рукахъ немногихъ лицъ въ видѣ чудовищныхъ состояній, какихъ еще не видѣлъ свѣтъ, въ то время какъ масса все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. Недостаточное обложеніе земельныхъ цѣнностей дастъ возможность составлять огромныя состоянія на земельной спекуляціи и на повышеніи земельныхъ цѣнностей, состоянія, которыя не представляютъ изъ себя никакой прибавки къ общему богатству страны, а являются лишь присвоеніемъ одними людьми того, что создается трудомъ другихъ».

Оставляя въ сторонѣ еще цѣлый рядъ другихъ благодѣтельныхъ послѣдствій единаго налога, я приведу аргументы, которыми Джорджъ хочетъ доказать справедливость предлагаемой имъ реформы.

«Право собственности, говоритъ онъ, опирается не на человѣческіе законы—тѣ часто игнорируютъ и нарушаютъ его—оно опирается на естественные законы, другими словами, на законы Бога. Оно ясно и безусловно, и всякое нарушеніе его, все равно, совершается ли оно отдѣльною личностью, или цѣлымъ народомъ, является нарушеніемъ заповѣди «не укради». Человѣкъ, который ловитъ рыбу, выращиваетъ яблоки, выхаживаетъ теленка, строитъ домъ или машину, шьетъ платье, рисуетъ картину, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ исключительное право собственности на произведенія своего труда, право дарить ихъ, продавать или завѣщать въ наслѣдство».

«Но создалъ ли кто землю, чтобы онъ могъ предъявлять на нее или на какую-либо часть ея такое же право собственности, чтобы могъ дарить ее, продавать или завѣщать въ наслѣдство? Такъ какъ земля была создана не нами и является лишь временнымъ мѣстопребываніемъ смѣняющихся человѣческихъ поколѣній, такъ какъ мы находимся на ней, очевидно, съ одинаковаго позволенія Создателя, то ясно, что никто не можетъ имѣть какого-либо исключительнаго права собственности на землю, и права всѣхъ людей на нее должны признаваться равными и неотчуждаемыми».

«Когда мы облагаемъ налогами дома, жатвы, деньги, хозяйственныя принадлежности, капиталъ или богатство въ какой бы то ни было формѣ, мы отбираемъ у членовъ общества то, что по праву должно считаться ихъ собственностью, мы нарушаемъ право собственности, хотя бы и именемъ закона; но когда мы облагаемъ налогами земельныя цѣнности, мы беремъ у членовъ общества то, что имъ не принадлежитъ, а принадлежитъ обществу, и что не можетъ быть оставлено у кого-либо изъ нихъ безъ обиды для другихъ членовъ общества».

«Если земля въ Нью-Іоркѣ стоитъ теперь милліоны долларовъ акръ, то не въ силу того, что было сдѣлано ея собственниками, а въ силу того, что на ней сосредоточивается теперь огромное народонаселеніе»...

«Единый налогъ сдѣлаетъ возможнымъ такое огромное увеличеніе въ производствѣ богатства, какого теперь мы, пожалуй, не въ состояніи себѣ и представить; онъ обезпечитъ справедливость въ распредѣленіи; онъ разрѣшитъ рабочій вопросъ и разсѣетъ тучи, которыя сгущаются теперь на горизонтѣ нашей цивилизаціи; онъ сдѣлаетъ незаслуженную бѣдность совершенно неизвѣстной; онъ уничтожитъ растлѣвающую погоню за наживой; онъ дастъ людямъ возможность быть, по крайней мѣрѣ, такими честными, правдивыми, разсудительными и благородными, какими они желали быть; онъ устранитъ соблазны лжи, клятвопреступленія и обмана; онъ сдѣлаетъ доступными для каждаго, даже для наиболѣе бѣднаго всѣ прелести удобства и выгоды прогрессирующей цивилизаціи; онъ подготовитъ наступленіе того царства правды и справедливости, а стало быть царство изобилія, мира и счастія, которыхъ Іисусъ велѣлъ своимъ ученикамъ просить и добиваться».

Въ вышеприведенныхъ цитатахъ выражены основныя экономическія, а отчасти философскія воззрѣнія Джорджа, на которыхъ построено все его ученіе. Читателю, нѣсколько знакомому съ экономическими ученіями, не трудно будетъ видѣть, что посылки, изъ которыхъ исходитъ Джорджъ, во многомъ напоминаютъ тѣ, отъ которыхъ исходили осмѣянные имъ пи-

сатели, отъ которыхъ исходила вся такъ называемая старая смитовская школа. Она исходила отъ предположенія, что каждый человѣкъ лучшій судья въ своихъ дѣйствіяхъ, въ опредѣленіи того, что выгодно и что невыгодно; что онъ лучше другихъ понимаетъ свои интересы; далѣе, что интересы индивида солидарны съ интересами общества, и что народное хозяйство есть аггрегатъ единичныхъ хозяйствъ. Все это старыя, почти избитыя, давно и не разъ блистательно опровергнутыя посылки, на которыхъ было построено требованіе свободы въ экономической сферѣ. Въ основныхъ посылкахъ Джорджъ остается, такимъ образомъ, вѣренъ Смиту и тѣмъ самымъ его послѣдователямъ, которыхъ онъ выставляетъ служителями интересовъ господствующихъ классовъ. Другой рядъ аргументовъ почерпнутъ изъ туманной, но вѣчно возрождающейся области естественнаго права и естественной справедливости, нравственности и религіи. Что такое естественное право, и каковы его требованія? Съ такою же легкостью, съ какою пользовались естественнымъ правомъ физіократы и Смитъ въ защиту нарождавшагося тогда капитализма, Джорджъ выдвигаетъ его въ защиту рабочихъ классовъ. Уже одно то обстоятельство, что естественное право съ одинаковымъ удобствомъ можетъ быть примѣнено на защиту противоположныхъ интересовъ, должно было бы, кажется, возбудить сомнѣніе въ его пригодности. Джорджъ, однако, не замѣчаетъ шаткости подобныхъ аргументовъ и часто прибѣгаетъ къ «естественному» порядку, къ «естественнымъ» отношеніямъ, къ «естественному» требованію справедливости и т. д., какъ будто бы требованія естественнаго права носятъ въ себѣ характеръ чего-то безспорнаго, всѣми признаннаго, не допускающаго возраженія права. То же можно сказать о требованіяхъ справедливости и нравственности. Во всѣхъ такого рода требованіяхъ отражаются взгляды, господствующіе въ опредѣленную эпоху, и при нѣкоторомъ умѣньѣ и ловкости можно всю такую аргументацію обратить въ противоположную сторону, воспользоваться ею для защиты того, что прежде ею опровергалось. Наконецъ, послѣдній рядъ доказательствъ вытекаетъ у Джорджа изъ коренного смѣшенія естественныхъ законовъ съ общественными, въ которомъ нельзя опять-таки не видѣть наслѣдія старой политической экономіи. Если къ этому прибавить, что Джорджъ пользуется діалектическими пріемами, прибѣгаетъ къ сравненіямъ, старается всегда доводить опровергаемое имъ ученіе до крайнихъ послѣдствій даже тогда, когда рѣчь идетъ о практической задачѣ, и когда поэтому весь смыслъ заключается не въ крайнихъ логическихъ послѣдствіяхъ, а въ степени и въ мѣрѣ примѣненія,—тогда читатель согласится съ нами, что въ Джорджѣ только чрезмѣрные поклонники могутъ видѣть серьезнаго и послѣдовательнаго экономиста.

Интересно теперь присмотрѣться ближе, можетъ ли въ дѣйствительности установленіе единаго налога на землю привести къ тѣмъ благо-

дѣтельнымъ послѣдствіямъ, которыхъ онъ ожидаетъ. Къ сожалѣнію, я не могу раздѣлять оптимистическихъ воззрѣній поклонниковъ Джорджа. Прежде всего, будутъ ли рабочіе получать то, что Джорджъ называетъ *естественнымъ размѣромъ рабочей платы,* полную цѣнность продукта труда, то, что Менгеръ называетъ der voller Arbeitsertrag, отъ одного того обстоятельства, что получатъ доступъ къ землѣ? Такое ожиданіе ни на чемъ не основано. Въ Соединенныхъ Штатахъ недалеко еще то время, когда всякому былъ открытъ доступъ къ участку земли; то же имѣло мѣсто и въ новыхъ колоніяхъ. Однако, такихъ результатовъ, какихъ ожидаетъ Джорджъ, нигдѣ не было. Правда, кромѣ доступа къ землѣ, рабочіе должны получить значительное облегченіе вслѣдствіе отмѣны налоговъ, но тутъ возникаетъ вопросъ: какой классъ всего больше выгадаетъ отъ устраненія всѣхъ существующихъ теперь налоговъ? Какъ отмѣна средневѣковыхъ налоговъ и путъ, сковывавшихъ промышленную жизнь, очистила путь нарождавшемуся капитализму, такъ и теперь всякое расширеніе принципа свободы въ области экономическихъ отношеній, всякое облегченіе въ платежахъ прежде всего, если не исключительно, принесетъ пользу капиталу. Принесутъ ли эти мѣры пользу рабочимъ, это будетъ зависѣть отъ взаимныхъ отношеній между ними и капиталистами. Мало того, въ чемъ гарантія, что всѣ, желающіе воздѣлывать землю, дѣйствительно получатъ къ ней доступъ? Пока существуетъ частная поземельная собственность, а Джорджъ не имѣетъ въ виду экспропріировать собственниковъ, хотя и говоритъ о замѣнѣ частной собственности общею, за пользованіе землею придется платить больше, чѣмъ то, что будетъ въ видѣ налога поступать государству. Земля при извѣстныхъ условіяхъ даетъ поземельную ренту; но, кромѣ того, что можетъ быть выдѣлено, какъ поземельная рента, землевладѣлецъ получаетъ еще плату за землю, какъ за поле для приложенія труда и капитала. Этотъ послѣдній элементъ останется и при реформахъ Джорджа. Поэтому я не думаю, чтобы исчезла капитализированная цѣнность земли, особенно городскихъ участковъ,—она только будетъ ниже теперешней. Самая безплодная земля все же при отдачѣ въ аренду даетъ доходъ, который никакъ нельзя считать поземельною рентой и который поэтому никакъ не можетъ быть отнятъ въ пользу государства; она даетъ доходъ потому, что поземельная собственность, по справедливому замѣчанію А. Смита, носитъ монопольный характеръ. Нѣтъ поэтому никакихъ причинъ думать, что теперешніе собственники потеряютъ всякій интересъ къ своей землѣ и будутъ предоставлять безплатно всѣмъ желающимъ воздѣлывать ее. Безспорно, часть собственниковъ не въ силахъ будетъ сохранить за собой землю; но, съ другой стороны, безспорно и то, что тѣ, которые обладаютъ средствами, охотно будутъ платить налогъ и не будутъ обнаруживать ни малѣйшей склонности уступить землю

первому претенденту. Между тѣмъ только на этомъ основаніи Джорджъ думаетъ, что частная собственность на землю потеряетъ свое значеніе.

Да и какимъ образомъ можно обрабатывать землю безъ орудій производства, безъ капитала? Голыми руками или первобытными орудіями дикаря едва ли теперь можно добыть больше самаго скуднаго существованія, на которое рабочій не промѣняетъ своего заработка на фабрикѣ. Можно ли утверждать, какъ это дѣлаетъ Джорджъ, что рабочій будетъ получать весь продуктъ своего труда, когда капиталисты будутъ попрежнему получать свою прибыль, когда и поземельная рента не пропадетъ, а только перейдетъ въ руки государства. Что же въ такомъ случаѣ значитъ естественный размѣръ рабочей платы? Очевидно, что Джорджъ понимаетъ подъ нимъ не то, что обыкновенно понимаютъ подъ этимъ словомъ. Если же подъ естественнымъ размѣромъ разумѣть просто высокую плату, то достигнуть ея можно другими путями, можетъ быть, болѣе легкими и болѣе дѣйствительными. Въ разсужденіяхъ о рабочей платѣ обнаруживается вся сбивчивость теоретической конструкціи джорджевскаго ученія. Джорджъ не дѣлаетъ даже приблизительныхъ попытокъ опредѣлить, хватитъ ли поземельной ренты на покрытіе всѣхъ государственныхъ нуждъ *). Если для разсчетовъ брать то, что собственники

*) Джорджъ утверждаетъ, что во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ рента въ общемъ вполнѣ достаточна для того, чтобъ покрыть всѣ государственные расходы. «Мы льстимъ себя надеждою, говоритъ Лордъ Bramwell, что Англія принадлежитъ къ цивилизованнымъ странамъ, а между тѣмъ по отношенію къ Англіи это невѣрно: *вся земельная рента, за вычетомъ расходовъ по сбору, не въ состояніи покрыть этихъ расходовъ*. Если бъ расходы въ дѣйствительности были такъ незначительны, движимая собственность не подвергалась бы обложенію, и Джорджъ, этотъ другъ бѣдныхъ, оставилъ бы Ротшильдовъ и Астровъ безъ обложенія и въ то же время обложилъ бы клочекъ земли, купленный на сбереженія труженика, дающій существованіе вдовѣ и сиротамъ". То же возраженіе встрѣчаемъ мы у другого критика Джорджа, *Саймона*. Доходъ отъ земли, включая и Лондонъ, опредѣляется въ 100,355,320 ф. стерл. Если исключить изъ него то, что падаетъ на улучшенія и всякія капитальныя затраты, что допускаетъ Джорджъ и его сторонники, то чистая рента будетъ составлять 55 милл. ф., а за вычетомъ расходовъ по сбору, будетъ оставаться 50 милл. ф., а этого далеко недостаточно для того, чтобы отмѣнить всѣ существующіе налоги. Эти 50 милл. ф. немногимъ больше того, что ежегодно тратится въ Англіи на спиртные напитки.

Вѣрно ли, наконецъ, спрашиваетъ Тойнби, что рента постоянно возрастаетъ къ ущербу для рабочей платы и для капитала? Тойнби отвѣчаетъ на это отрицательно. Данныя о подоходномъ налогѣ въ Англіи показываютъ, что доля, падающая на капиталъ, превышаетъ то, что падаетъ на землю, притомъ доля капитала прогрессивно растетъ.

Lord Bramwell. Nationalisation of land. A review of mr. Henry George's Progress and Poverty. London, 1903.

An Examination of some of mr. Henry Georges Doctrines on Progress and Poverty by Richard Simon. London.

получаютъ въ настоящее время въ видѣ ренты, то это будетъ явно ошибочный пріемъ, такъ какъ государство будетъ взимать гораздо меньше: по Джорджу, оно должно взимать только чистую поземельную ренту, а тогда, конечно, ея ни въ какомъ случаѣ не хватитъ на покрытіе расходовъ по бюджету. Джорджъ настаиваетъ и не безъ основанія, что плата за землю, особенно въ городахъ, очень высока, что при наличности высокихъ арендныхъ цѣнъ мелкому люду нѣтъ возможности пользоваться землею; слѣдовательно, необходимо тѣмъ или инымъ путемъ ее понизить, а тогда не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы такимъ налогомъ можно было замѣнить всѣ существующіе налоги. Во всякомъ случаѣ, рабочій, который пожелаетъ взять участокъ земли, долженъ будетъ уплатить собственнику плату за пользованіе вложеннымъ въ землю капиталомъ (этого не отрицаетъ Джорджъ), поземельную ренту въ видѣ налога государству и, кромѣ того, плату за доступъ къ землѣ, которую частный поземельный собственникъ, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, будетъ имѣть возможность получить, пока существуетъ частная поземельная собственность, а послѣдней Джорджъ вовсе и не отрицаетъ. Стоитъ только собственнику уплачивать налогъ въ размѣрѣ, установленномъ государствомъ, чтобы онъ сохранилъ свое владѣніе, какъ бы велико оно ни было. Джорджъ думаетъ, что для него будетъ невыгодно платить налогъ; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ броситъ землю и допуститъ къ ней всякаго, кто пожелаетъ платить налогъ? Безспорно, при наличности налога сократится спекуляція на незастроенные участки, т. е. владѣльцы вынуждены будутъ либо строить дома, либо продавать участки тѣмъ, которые будутъ строить; но развѣ это приведетъ къ тому, что каждый желающій получить клочекъ земли для постройки дома его дѣйствительно получитъ? Не исключено наконецъ и то, что многіе предпочтутъ все-таки платить налогъ въ ожиданіи повышенія цѣнъ. Словомъ, въ лучшемъ случаѣ сократится спекуляція, государство или города и другіе органы самоуправленія получатъ новый источникъ доходовъ, но отъ этого еще далеко до того переустройства во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, о которомъ говоритъ Джорджъ. Откуда же тогда можетъ послѣдовать облегченіе для рабочаго люда? Можно ли утверждать, что ему на самомъ дѣлѣ откроется доступъ къ землѣ?

Нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующіе пункты джорджевскаго проекта. Во-первыхъ, чѣмъ будетъ опредѣляться размѣръ рабочей платы? Какъ я уже отмѣтилъ, нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что съ облегченіемъ доступа къ землѣ рабочій будетъ получать весь продуктъ своего труда. Игнорируя взаимныя отношенія между рабочими и

Arnold Toynbee. Lectures on the industrial Revolution in England. London. 1884, стр. 143.

капиталистами и приписывая существованію поземельной собственности всѣ бѣдствія современнаго строя, Джорджъ приходитъ къ заключенію, что плата значительно возвысится, если поземельная собственность потеряетъ свой монопольный характеръ, и соперничество приметъ другое направленіе. Получивъ доступъ къ землѣ, рабочій не согласится работать за низкую плату и доведетъ ее до „естественнаго“ уровня. Итакъ, все построено на предположеніи, что рабочему будетъ предоставленъ выборъ либо дѣлаться самостоятельнымъ земледѣльцемъ, либо идти на фабрику. Предположеніе это, какъ мы видѣли, ни на чемъ не основано. Если же такого выбора не будетъ существовать, то рабочему опять-таки придется принимать условія, которыя продиктуетъ ему капиталистъ. Словомъ, если въ отношеніяхъ между рабочими и капиталистами и произойдетъ какое-либо измѣненіе, то оно произойдетъ лишь настолько, насколько рабочему дѣйствительно будетъ представляться выборъ; самый же принципъ опредѣленія платы соперничествомъ сохранится. Вмѣсто господствующаго теперь принципа не будетъ установлено никакого новаго начала, между тѣмъ Джорджъ, горячій приверженецъ принципа свободы, думаетъ, что достаточно установленія этого принципа, чтобы борьба не заканчивалась побѣдою капитала.

Капиталъ и трудъ, по мнѣнію Джорджа, являются союзниками, а общимъ ихъ врагомъ является земля. Но развѣ такимъ путемъ можно рѣшить рабочій вопросъ? Развѣ это значитъ ввести, вмѣсто соперничества, какое-либо болѣе облагораживающее начало во взаимныя отношенія между двумя классами общества? Объявляя себя противникомъ существующаго строя, подвергая его подчасъ жестокой критикѣ, Джорджъ въ дѣйствительности опутанъ всею современною экономическою организаціей. Поэтому весьма естественно, что его проектъ не удовлетворяетъ намѣченной имъ цѣли.

Односторонность Джорджа имѣетъ своимъ источникомъ, какъ уже выше было замѣчено, его ошибочныя воззрѣнія на роль капитала и источникъ прибыли. Главными факторами производства, думаетъ онъ, слѣдуетъ считать землю и трудъ. Капиталъ не больше, какъ ихъ продуктъ, а капиталистъ лишь посредникъ между земледѣльцемъ и рабочимъ; поэтому рабочіе, думающіе, что капиталъ—притѣснитель труда, ошибаются: то, что кажется давленіемъ капитала, есть результатъ безпомощности, въ которой находится трудъ, не имѣющій доступа къ землѣ. Взглядъ этотъ послужилъ, вѣроятно, причиной тому, что Джорджъ приписываетъ физіократамъ, первымъ систематическимъ проводникамъ капитализма, цѣли и идеи, отъ которыхъ они были какъ нельзя болѣе далеки.

Если посмотрѣть на джорджевскій проектъ съ точки зрѣнія вліянія, которое онъ оказалъ бы на различные классы общества, то можно съ

увѣренностью сказать, что проведеніе его было бы, прежде всего, выгодно для класса капиталистовъ; на нихъ ослабленіе класса землевладѣльцевъ подѣйствовало бы самымъ благодѣтельнымъ образомъ. Въ то же время принципъ соперничества продолжалъ бы попрежнему быть регуляторомъ взаимныхъ отношеній между различными классами общества.

При существованіи соперничества и при отсутствіи ограниченій въ размѣрѣ участковъ, сдаваемыхъ въ пользованіе, національзація земли, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ Джорджа, Ингольсъ, значительно усилила бы власть капитализма, такъ какъ избавила бы капиталистовъ отъ необходимости затрачивать большія суммы на покупку земли въ собственность. Можетъ быть, высота процента и уровень прибыли не возвысились за послѣднее время, но общая сумма, взимаемая капиталомъ съ труда, постоянно увеличивается. Въ дѣйствительности весьма часто вся поземельная рента достается капиталисту, имѣющему закладную на землю, или служитъ только процентомъ на капиталъ, затраченный для покупки земли. Въ давно прошедшія времена богатство почти всегда проистекало отъ земли, но пора эта съ усиліемъ капитализма прошла, и огромныя состоянія накопляются въ другихъ отрасляхъ промышленности скорѣе, чѣмъ въ земледѣліи. При національзаціи земли по плану Джорджа богатый и предпріимчивый по прежнему легче получитъ доступъ къ ней, чѣмъ бѣдный, такъ какъ вслѣдствіе величины налога бѣдный рабочій не будетъ въ силахъ соперничать съ нимъ. Капиталистъ будетъ имѣть возможность переложить на бѣдный классъ налогъ вмѣстѣ съ процентами на капиталъ, затраченный для уплаты налога. Это значительно укрѣпитъ владычество капитала и ослабитъ независимаго рабочаго, воздѣлывающаго теперь свой участокъ, потому что послѣдній не въ состояніи будетъ соперничать съ организованной силой капитала, пользующагося машинами, и постепенно будетъ превращаться въ пролетарія. Для земледѣльца не будетъ нисколько не легче платить высокій налогъ государству, чѣмъ ренту землевладѣльцу. Благодаря закладнымъ и другимъ видамъ долговъ, землевладѣлецъ попадетъ въ зависимость отъ капиталиста, который въ глазахъ Джорджа почему-то является страдающимъ лицомъ.

Когда рѣчь идетъ о современномъ строѣ, и всѣ неурядицы объясняются существованіемъ класса землевладѣльцевъ, то невольно бросаются въ глаза односторонность и неполнота такого объясненія. Нельзя, конечно, отрицать огромнаго значенія крупнаго землевладѣнія; но если сравнить его съ многочисленными формами проявленія капитализма, то всѣ связанныя съ землевладѣніемъ явленія совершенно блѣднѣютъ предъ силою капитала. Мало того, сама земля впала въ непосредственное подчиненіе капиталу, и землевладѣлецъ обратился въ управляющаго, ведущаго хозяйство для капиталиста и для государства. Огромная задолжен-

ность землевладѣнія, растущая одновременно съ ослабленіемъ значенія землевладѣльцевъ, какъ высшаго класса, низводитъ землевладѣніе до подчиненнаго положенія, дѣлаетъ его вполнѣ зависимымъ отъ болѣе могучаго фактора, какимъ является капиталъ. Пока весь экономическій строй покоился на преобладаніи земледѣлія надъ городскими промыслами, и классъ землевладѣльцевъ игралъ въ государственной жизни первенствующую роль, всѣ другіе виды богатства исчезали предъ силою и блескомъ крупнаго землевладѣльца. Наша эпоха выдѣлила капиталистовъ въ первенствующій классъ, сумѣвшій подчинить себѣ не только трудъ, но и другія формы богатства. Капиталъ во всѣхъ трехъ видахъ, какъ торговый капиталъ, промышленный и биржевой, овладѣлъ всѣми рессурсами общественнаго производства и не только подчинилъ себѣ землевладѣльцевъ, но и придалъ обработкѣ земли совершенно иной характеръ, сдѣлалъ ее почти невозможною безъ вложенія значительнаго капитала. Вмѣсто того, чтобы поглощать все то, что въ видѣ аренды или въ высокихъ цѣнахъ на сельскіе продукты поступаетъ въ распоряженіе сельскаго хозяина, какъ это имѣло мѣсто въ прежнее время, землевладѣлецъ, при существованіи наемнаго труда и полной зависимости отъ капитала, во многихъ случаяхъ сохраняетъ только титулъ владѣльца, на самомъ же дѣлѣ вполнѣ подчиненъ капиталисту. Милліарды долговъ, лежащихъ на землѣ, представляютъ ту долю, которая принадлежитъ капиталу въ совершенно чуждой ему сферѣ. Если рѣчь идетъ объ антагонизмѣ, существующемъ въ общественномъ строѣ, то было бы гораздо правильнѣе противопоставлять труду капиталъ и землю, какъ нѣчто однородное, такъ какъ доходъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, будучи доходомъ, не основаннымъ на трудѣ этихъ классовъ, не однороденъ съ доходомъ рабочаго класса. Внутри этого антагонизма существуетъ, конечно, еще борьба интересовъ между двумя классами собственниковъ, но преобладающее значеніе имѣетъ не землевладѣніе, а капиталъ. Такимъ образомъ, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, когда землевладѣльцевъ изображаютъ въ видѣ класса, оказывающаго давленіе на трудъ и капиталъ, и капиталистъ является въ видѣ совершенно обездоленнаго, безсильнаго человѣка, изнемогающаго вмѣстѣ съ рабочимъ отъ гнета землевладѣльца.

Все это приводитъ къ заключенію, что при націонализаціи земли по плану Джорджа рабочіе не только не получатъ болѣе легкаго доступа къ землѣ, но будутъ поставлены въ гораздо худшее положеніе, чѣмъ находятся въ настоящее время.

Ошибка Джорджа заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ собственность на землю и собственность на капиталъ, какъ двѣ различныя вещи, находящіяся въ антагонизмѣ. Онъ упустилъ изъ вида, что земля обратилась въ товаръ и подпала подъ власть капитала. Ничто не

можетъ поэтому быть менѣе справедливо, какъ утвержденіе, что капиталъ есть другъ труда, а земля его врагъ.

Съ проектомъ Джорджа прекрасно мирится крупное фермерство. Въ самомъ дѣлѣ, капиталъ долженъ, по Джорджу, пользоваться полною свободою, и капиталистъ-фермеръ будетъ имѣть полную возможность вести крупное капиталистическое хозяйство, выплачивая государству въ видѣ налога то, что теперь выплачиваетъ поземельному собственнику. Едва ли крупное фермерское хозяйство представляется идеаломъ для тѣхъ, которые высказываются въ пользу націонализаціи земли, а между тѣмъ при осуществленіи плана Джорджа, если только вообще это можно себѣ представить, переходъ земли въ руки тѣхъ, которые располагаютъ капиталомъ, гораздо правдоподобнѣе, чѣмъ переходъ ея въ руки рабочихъ.

Не менѣе характерно еще и то, что у насъ сторонники націонализаціи земли являются въ то же время сторонниками государственнаго вмѣшательства въ сферу отношеній между хозяевами и рабочими, а между тѣмъ Джорджъ открыто признаетъ себя сторонникомъ свободы, не допускаетъ государственнаго вмѣшательства и покровительство рабочему классу считаетъ безусловно недопустимымъ. Признать, что трудъ нуждается въ покровительствѣ,—восклицаетъ онъ,—значитъ унижать его, значитъ поставить рабочаго въ положеніе зависимаго человѣка, принужденнаго подавать голосъ за своего хозяина. Въ самомъ словѣ «покровительство» есть что-то такое, чего рабочій долженъ опасаться, такъ какъ покровительство массамъ было во всѣ времена предлогомъ для всякаго рода спеціальныхъ привилегій; даже рабовладѣльцы оправдывали рабство необходимостью покровительствовать рабамъ. Что такое трудъ, и почему онъ нуждается въ покровительствѣ? Развѣ онъ не творецъ капитала, производитель всякаго богатства? Развѣ не тѣ, которые трудятся, кормятъ и одѣваютъ всѣхъ? Почему же одни рабочіе нуждаются въ покровительствѣ? Кто покровительствовалъ и отыскивалъ занятія первому человѣку, явившемуся въ свѣтъ? Когда мы видимъ, что трудъ есть производитель всякаго богатства, развѣ намъ не становится ясно, что бѣдность и зависимое положеніе рабочаго суть ненормальныя условія, вытекающія изъ ограниченій и захватовъ, и что вмѣсто покровительства труду мы должны стремиться къ его освобожденію? То обстоятельство, что защитники свободы не идутъ дальше своихъ собственныхъ интересовъ, не должно мѣшать намъ добиваться свободы труда. Могутъ ли рабочіе ожидать улучшенія своего положенія отъ чего-либо, кромѣ свободы?

Этотъ апоѳеозъ свободы въ сферѣ экономическихъ отношеній возвращаетъ насъ къ физіократамъ, сторонникамъ laissez faire, и, какъ мнѣ кажется, совсѣмъ не мирится съ міросозерцаніемъ тѣхъ, которые провозглашаютъ право на землю, какъ одно изъ неотъемлемыхъ правъ че-

ловѣка, а между тѣмъ такія тирады вводятъ многихъ въ заблужденіе. Съ этой точки зрѣнія все рабочее законодательство, даже все соціальное законодательство представляется нежелательнымъ, и рабочіе должны предпочесть полную свободу договора государственному регулированію отношеній между капиталомъ и трудомъ.

При оцѣнкѣ плана, предложеннаго Джорджемъ, я долженъ обратить вниманіе еще и на то, что внезапное лишеніе цѣлаго класса собственниковъ его дохода не нашло бы, по моему мнѣнію, оправданія въ результатахъ, которые послѣдовали бы отъ проведенія его въ жизнь. Поземельный собственникъ владѣетъ своею землей на такомъ же титулѣ и настолько же имѣетъ право на свой неосновательный на собственномъ трудѣ доходъ, насколько имѣетъ такое право капиталистъ, владѣющій какимъ-нибудь предпріятіемъ, денежнымъ капиталомъ, долговыми обязательствами и проч.; всѣ они владѣютъ на одинаковомъ правѣ. Почему же вдругъ одинъ изъ этихъ классовъ сразу будетъ лишенъ своихъ доходовъ, тогда какъ другой не только сохранитъ свои доходы, но еще получитъ значительныя выгоды? Какъ можно допустить такую неравномѣрность? Такого рода частичный соціализмъ настолько же грѣшитъ, насколько грѣшитъ консервативный нѣмецкій соціализмъ. Кромѣ того, никакъ нельзя усмотрѣть, почему налоги будутъ падать на плательщиковъ пропорціонально ихъ имущественному состоянію, что должно являться основнымъ требованіемъ, если весь бюджетъ будетъ пополняться рентой. Рента, по ученію, которое раздѣляетъ Джорджъ, есть результатъ высокихъ цѣнъ на продукты почвы. Если цѣны будутъ опредѣляться такимъ же путемъ, какимъ опредѣляются въ настоящее время, то высокая рента будетъ служить указаніемъ того, что цѣны необходимыхъ предметовъ существованія высоки; а такъ какъ бѣдные классы гораздо сильнѣе чувствуютъ вліяніе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, чѣмъ богатые, то рента будетъ тяжелѣе ложиться на нихъ, чѣмъ на богатыхъ.

Словомъ, съ какой бы стороны мы ни подступили къ Джорджу, повсюду мы наталкиваемся на подтвержденіе высказанной нами мысли, что ни съ теоретической точки зрѣнія, ни съ практической проектъ Джорджа не представляется мѣрой, къ которой долженъ стремиться «мудрый» политикъ. Языкъ Джорджа способенъ ввести въ заблужденіе читателя; но если нѣсколько вчитаться въ его сочиненія, то станетъ ясно, что Джорджъ очень далекъ отъ замѣны частной собственности общею, а въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ стоитъ цѣликомъ на почвѣ существующихъ отношеній и унаслѣдовалъ всѣ слабыя стороны старой англійской школы.

Только полнымъ недоразумѣніемъ можно объяснить себѣ, что у насъ Джорджъ пользуется такою большою симпатіей, что его національзація земли была у насъ отождествлена съ переворотомъ во всемъ экономическомъ строѣ.

Чтобы сдѣлать оцѣнку писателя, необходимо, по моему мнѣнію, охватить его со всѣхъ сторонъ, а не вырвать изъ него одну часть, отвѣчающую назрѣвшей потребности, которой онъ, впрочемъ, не удовлетворяетъ. Я понимаю, что можно увлекаться перспективою сдѣлать землю достояніемъ тѣхъ, которые сами ее будутъ воздѣлывать, что объ этомъ стоитъ подумать, надъ этимъ работать, но развѣ этого можно достигнуть посредствомъ націонализаціи земли по плану Джорджа? Между тѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые объявляютъ себя сторонниками націонализаціи земли, представляютъ себѣ, что стоитъ только послѣдовать предложенію американскаго публициста, чтобы произвести во всемъ экономическомъ строѣ полный переворотъ.

Націонализація земли громкимъ названіемъ своимъ способна привлечь толпу; но если даже отрѣшиться отъ плана Джорджа и исходить отъ проектовъ, построенныхъ на переходѣ всей частновладѣльческой земли въ руки государства, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы при сохраненіи остальныхъ условій современнаго экономическаго строя наступили въ сферѣ аграрныхъ отношеній именно тѣ благодѣтельныя для массы послѣдствія, которыя связаны съ идеею націонализаціи земли.

Допустимъ, что государство овладѣетъ всей землей и будетъ ее отдавать отдѣльными участками всѣмъ, желающимъ обрабатывать ее, за опредѣленную плату, соотвѣтствующую теперешней рентѣ,—развѣ для лицъ, обрабатывающихъ землю, не будетъ совершенно безразлично, принадлежитъ ли она землевладѣльцу или государству? Для нихъ было бы важно платить меньше, чѣмъ они платятъ въ настоящее время; весьма важно получить доступъ къ землѣ, но для нихъ не наступитъ никакихъ облегченій отъ перемѣны въ личности собственника, потому что государство не въ состояніи будетъ создать благопріятныхъ условій аренды, пока всѣ расходы будутъ покрываться налогомъ на землю. Чтобы покрыть бюджетъ поземельнымъ налогомъ, поглощающимъ поземельную ренту, необходимо поддерживать арендныя цѣны на такой же высотѣ, на которой онѣ стоятъ въ настоящее время. Будетъ ли этой суммы достаточно для покрытія всего бюджета, или нѣтъ, это не имѣетъ значенія для арендатора; онъ знаетъ только, что за землю ему придется платить столько же, сколько онъ платилъ прежде. Мало того, многіе мелкіе собственники, воздѣлывавшіе свои участки своимъ трудомъ, принуждены будутъ выплачивать государству налогъ, равный арендной платѣ, которую приноситъ участокъ, будучи отданъ въ аренду. Мы имѣли бы тогда въ большихъ размѣрахъ то, что теперь представляетъ хозяйство на казенныхъ земляхъ, т. е. частно-хозяйственный принципъ, лежащій въ основѣ современнаго строя, былъ бы по прежнему сохраненъ. Если же исходить отъ плана Джорджа, то къ нему еще въ большей степени относится то, что выше сказано о планахъ, связанныхъ съ переходомъ земли

въ руки государства, потому что весь экономическій порядокъ, который Джорджъ хочетъ реформировать, остался бы безъ измѣненія. Но, можетъ быть, эта реформа будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ пониженіе цѣнъ на хлѣбъ? Думаю, что хлѣбныя цѣны остались бы безъ измѣненія,— по крайней мѣрѣ, чтобы реформа удалась, чтобы бюджетъ былъ покрытъ одною поземельною рентой, къ чему такъ стремится Джорджъ, и что представляется весьма желательнымъ и возможнымъ его сторонникамъ, необходимо, чтобы послѣдняя не уменьшалась. Напротивъ, если бы она привела къ пониженію цѣнъ на хлѣбъ, то она потерпѣла бы неудачу, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ бюджетъ не могъ бы покрываться поземельнымъ налогомъ. Хлѣбъ будетъ попрежнему дорогъ, слѣдовательно, изъ рабочей платы на него будетъ предназначаться такая же доля, какъ и прежде, и въ результатѣ окажется, что весь государственный бюджетъ будетъ падать на низшіе классы. Между тѣмъ реформа, предлагаемая Джорджемъ, имѣетъ въ виду именно низшіе классы; она разсчитана на то, чтобы облегчить ихъ положеніе и открыть имъ доступъ къ землѣ. Можно ли говорить объ облегченіи положенія низшихъ классовъ, когда за землю придется платить столько же, сколько приходится платить теперь? Можетъ ли все общество выиграть отъ реформы, когда хлѣбныя цѣны не измѣнятся? Я нисколько не отрицаю значенія реорганизаціи всей системы налоговъ, которая можетъ явиться послѣдствіемъ перехода ренты въ руки государства, и признаю, что отмѣна всѣхъ остальныхъ налоговъ, если бы она дѣйствительно могла осуществиться, оказала бы большое вліяніе на экономическія отношенія; но это еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, какой классъ выиграетъ отъ перенесенія всей тяжести бюджета на землю.

Когда бюджетъ будетъ покрываться поземельною рентой, государство должно будетъ всячески ограждать высоту ренты и, вѣроятно, принуждено было бы прибѣгать къ такимъ же мѣрамъ, какія въ нѣкоторыхъ странахъ вводятся теперь въ интересахъ землевладѣльцевъ,—искусственно поддерживать высокія хлѣбныя цѣны пошлинами и другими средствами. Интересы государства шли бы тогда въ разрѣзъ съ интересами общества. Въ то время, какъ послѣднее стремилось бы къ полученію хлѣба по возможно низшей цѣнѣ, государство всячески противодѣйствовало бы этому стремленію. Можно ли привѣтствовать форму, которая создаетъ антагонизмъ между государствомъ и обществомъ?

Удобно ли строить всю систему государственнаго хозяйства на единомъ налогѣ, какъ это предлагаетъ Джорджъ? Пока рента возвышается, государственные доходы могутъ также возвышаться, хотя бюджетъ и въ такомъ случаѣ не обладалъ бы необходимою гибкостью. Но рента далеко не всегда возвышается, и на-ряду съ періодами ея роста имѣются эпохи, когда рента подвергается пониженію. Сельско-хозяй-

ственный кризисъ, который въ 80-хъ годахъ переживало большинство западно-европейскихъ странъ подъ вліяніемъ американской конкуренціи, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ сильное пониженіе доходности сельскаго хозяйства, пониженіе арендныхъ цѣнъ, слѣдовательно, и уменьшеніе того рессурса, который служитъ единственнымъ источникомъ обложенія. Тотъ ростъ ренты, который наблюдается въ большихъ городахъ, не носитъ такого устойчиваго характера въ сельскомъ хозяйствѣ, а потому надо напередъ считаться съ реакціею, слѣдовательно, и съ возможнымъ уменьшеніемъ государственныхъ рессурсовъ. Періоды пониженія ренты длятся иногда продолжительное время, и это отражалось бы очень невыгодно на бюджетѣ.

Изъ этого видно, что и съ точки зрѣнія бюджетной техники было бы опасно ввести единый налогъ даже въ томъ случаѣ, если бъ по размѣру своему онъ оказался достаточнымъ для покрытія бюджета.

Я нисколько не хочу этимъ сказать, что идеи Джорджа вообще не заслуживаютъ вниманія. Напротивъ, я признаю за проектомъ обложенія земли по стоимости большое значеніе и думаю, что реформа въ этомъ направленіи имѣла бы плодотворные результаты, особенно въ городахъ, гдѣ она служила бы противодѣйствіемъ спекуляціи на незастроенные участки; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такой налогъ могъ вытѣснить всѣ остальные налоги; во-вторыхъ, чтобы онъ содѣйствовалъ разрѣшенію аграрнаго вопроса.

Для экономиста, который стоитъ на почвѣ современнаго строя и признаетъ трехчленное раздѣленіе продукта справедливымъ; который не дѣлаетъ большихъ уклоненій отъ того экономическаго базиса, на которомъ построена вся современная государственная и общественная жизнь, націонализація земли представляетъ радикальное средство, которое идетъ въ разрѣзъ со всѣми его воззрѣніями; она въ то же время не свободна отъ упрека въ несправедливости по отношенію къ одному изъ привилегированныхъ классовъ. Наоборотъ, въ глазахъ экономиста, исходящаго не отъ капитализма, а отъ экономическаго строя, не основаннаго на частной собственности на землю и капиталъ, націонализація земли, по моему мнѣнію, не только не приводитъ къ приближенію соціалистическихъ идеаловъ, а связана съ обратными послѣдствіями. Какъ капитализмъ, такъ и соціализмъ представляютъ цѣльныя міровоззрѣнія: первый сознательно возражаетъ противъ слишкомъ сильнаго вторженія государства въ экономическую жизнь, потому что считаетъ современный строй естественнымъ и справедливымъ; второй отрицаетъ всѣ основы современнаго капитализма и вмѣстѣ съ экономическими преобразованіями стремится къ новой государственной формаціи, которая должна соотвѣтствовать измѣнившимся экономическимъ отношеніямъ. Каждое изъ этихъ міросозерцаній имѣетъ своихъ послѣдователей; обоимъ

имъ нельзя отказать въ цѣльности и стройности. Націонализація земли, будучи для первыхъ слишкомъ радикальнымъ и въ то же время несправедливымъ вторженіемъ государства въ отношенія между отдѣльными классами, представляется въ глазахъ вторыхъ не только полумѣрой, но весьма опаснымъ средствомъ, которое упрочитъ силу капитала и придастъ ему еще большее значеніе, чѣмъ онъ имѣетъ теперь.

Между тѣмъ у насъ націонализація пользуется симпатіею именно со стороны тѣхъ, которые раздѣляютъ соціалистическіе идеалы и объявляютъ себя противниками современнаго экономическаго строя. Думаю, что такое отношеніе къ проекту Джорджа основано въ значительной степени на недоразумѣніи, отчасти на неумѣніи расчленять экономическія понятія и послѣдовательно проводить опредѣленную точку зрѣнія до конечныхъ выводовъ.

Съ другой стороны, если принять во вниманіе, что съ націонализаціею связывается туманное представленіе о правѣ народа на землю; что среди основныхъ правъ человѣческой личности въ переходныя эпохи, когда предстоятъ измѣненія государственной жизни, ставятся и такія права, какъ право на трудъ и право на землю; что народное представленіе не мирится съ монополіею на главнѣйшій источникъ существованія и поле для приложенія труда; что человѣческая мысль всегда стремилась и стремится создать идеальныя условія для жизни всего населенія страны; что протестъ противъ современныхъ условій жизни большихъ городовъ съ развитою промышленностью принимаетъ часто форму возврата въ деревню,—то можно легко объяснить, почему такъ часто приходится наталкиваться на націонализацію земли, какъ на удобное средство для разрѣшенія аграрныхъ вопросовъ.

Попытаюсь теперь выяснить, какое значеніе получила бы націонализація земли для Россіи, съ какими послѣдствіями она была бы связана, какихъ она потребовала бы жертвъ со стороны государства. Если мы говоримъ о націонализаціи, то имѣемъ въ виду не увеличеніе площади крестьянскихъ земель, съ чѣмъ у насъ часто отождествляютъ націонализацію, а отмѣну частной поземельной собственности и передачу всѣхъ частновладѣльческихъ земель, равно какъ и земель, принадлежащихъ различнымъ учрежденіямъ, въ руки государства. Я обращаю вниманіе на точное опредѣленіе самой націонализаціи, потому что передача крестьянамъ земель, находящихся въ настоящее время въ рукахъ другихъ классовъ на правахъ собственности, не только не равносильно націонализаціи, но прямо ей противоположно. Это прекрасно понимаютъ соціалъ-демократы, отрицательно относящіеся ко всякаго рода мѣропріятіямъ, имѣющимъ цѣлью упроченіе и расширеніе крестьянскаго земле-

владѣнія. Прочное крестьянство является сильнымъ оплотомъ существующаго государственнаго и, что еще важнѣе, экономическаго порядка; все, что улучшаетъ положеніе крестьянскаго землевладѣнія, содѣйствуетъ и упроченію современнаго строя. Поэтому вожакъ соціалъ-демократіи, говорившій, что «въ Англіи съ небольшими силами можно ниспровергнуть существующій строй, потому что тамъ нѣтъ крестьянства, нѣтъ средняго землевладѣнія. Иначе въ Германіи, гдѣ крѣпкія головы нѣмецкихъ крестьянъ не воспринимаютъ соціалистическихъ воззрѣній и требованій», былъ совершенно правъ. И дѣйствительно, нѣмецкая деревня отрицательно относится въ соціалъ-демократической пропагандѣ.

Это имѣетъ еще большее значеніе для насъ, такъ какъ нигдѣ крестьянское землевладѣніе не приняло такихъ размѣровъ, какъ у насъ.

Итакъ, систематическое проведеніе націонализаціи земли требуетъ перехода всѣхъ частновладѣльческихъ земель въ руки государства. Спрашивается теперь, желательно ли такое радикальное измѣненіе всего склада поземельныхъ отношеній, и возможно ли оно?

Переходъ частновладѣльческихъ земель въ руки государства, если бъ онъ вообще былъ признанъ возможнымъ и желательнымъ, могъ бы совершиться не иначе, какъ съ выкупомъ. Если націонализація вызываетъ цѣлый рядъ весьма основательныхъ возраженій, то еще больше возраженій вызвала бы конфискація частныхъ земель, потому что переходъ земель въ руки государства безъ вознагражденія владѣльцевъ былъ бы равносиленъ конфискаціи. Такой же характеръ носило бы и установленіе единаго налога въ размѣрѣ поземельной ренты, такъ какъ оно имѣло бы тѣ же послѣдствія. Впрочемъ, въ примѣненіи къ Россіи правильнѣе будетъ говорить о переходѣ земли въ руки государства, что гораздо проще, яснѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ то, что предлагаетъ Джорджъ. Можно ли считать справедливымъ экспропріацію земель, лишающую одинъ классъ собственниковъ его имущества и дохода, и оставлять въ то же время другой классъ собственниковъ въ полномъ обладаніи ихъ имуществомъ и доходомъ? Когда рѣчь идетъ о реорганизаціи всего экономическаго строя, о замѣнѣ частной собственности на землю и капиталъ государственною собственностью, т. е. когда рѣчь идетъ о соціалистическомъ идеалѣ, мы сразу переносимся на другую почву. При какихъ условіяхъ могло бы совершиться огосударствленіе всѣхъ орудій производствъ, какія потребовались бы измѣненія во всей экономической конструкціи, какая концентрація производства,—все это, конечно, вопросъ открытый; но если бъ объективныя условія для такого перехода въ новую формацію наступили, мы несомнѣнно перешли бы въ другой фазисъ развитія. Совсѣмъ не то представляетъ націонализація земли; эта реформа во всякомъ случаѣ должна быть признана частичною. Если бъ она была при-

знана необходимою, то ее пришлось бы поэтому совершить не иначе, какъ посредствомъ выкупа.

Тѣ, которые допускаютъ переходъ земли въ руки государства безъ выкупа, совершенно упускаютъ изъ виду, что земля въ настоящее время подлежитъ продажѣ, какъ всякое другое имущество, и что многіе изъ нынѣшнихъ владѣльцевъ пріобрѣли свои имѣнія путемъ покупки. Поэтому лишеніе ихъ благопріобрѣтеннаго имущества было бы несправедливостью, которую съ точки зрѣнія современныхъ правовыхъ нормъ нельзя было бы оправдать. Съ другой стороны, нельзя также игнорировать и того, что многія имѣнія обременены долгами, что конфискація ихъ безъ вознагражденія владѣльцевъ нанесла бы огромный ущербъ ихъ кредиторамъ, т. е. многочисленному разряду лицъ, помѣщающихъ свои сбереженія въ закладныхъ листахъ земельныхъ банковъ. Какъ извѣстно, далеко не всѣ они принадлежатъ къ капиталистамъ. Значительная часть листовъ помѣщается въ сберегательныхъ кассахъ, а въ иностранныхъ государствахъ, въ которыхъ сберегательныя кассы не обязаны помѣщать стекающіеся къ нимъ вклады въ государственныхъ бумагахъ, ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ занимаютъ первое мѣсто. Наконецъ, благотворительныя и различныя общественныя учрежденія, не говоря уже о частныхъ лицахъ и акціонерныхъ компаніяхъ, помѣщаютъ значительныя суммы въ закладныхъ листахъ, какъ въ бумагахъ, не подвергающихся обезцѣненію, обезпеченныхъ залогомъ недвижимости. Переходъ земель въ руки государства безъ вознагражденія владѣльцевъ сразу разорилъ бы эти учрежденія, а чрезъ нихъ и массу лицъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ классамъ населенія. Тотъ, кто владѣетъ капиталомъ во всѣхъ другихъ видахъ, попрежнему сохранитъ свое имущество; тотъ же, который имѣетъ землю или помѣстилъ свое имущество подъ залогъ земли, долженъ будетъ разстаться съ нимъ.

Въ виду этого, мнѣ кажется, что если бъ и признано было цѣлесообразнымъ произвести націонализацію земли, то это пришлось бы сдѣлать не иначе, какъ посредствомъ выкупа. Спрашивается теперь, желательно ли съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ превращеніе землевладѣльцевъ въ получателей ренты, что должно было бы наступить съ переходомъ всей частновладѣльческой земли въ руки государства? Мнѣ представляется, что если увеличеніе площади государственныхъ земель вообще желательно, что если и слѣдуетъ стремиться къ увеличенію государственнаго земельнаго фонда, то изъ этого еще не слѣдуетъ, во-первыхъ, чтобы это совершалось на счетъ полнаго уничтоженія частновладѣльческаго хозяйства; во-вторыхъ, чтобы государство въ состояніи было въ настоящее время справиться съ такою большою площадью культурныхъ земель.

Допускаю, что сохраненіе привилегированныхъ классовъ не мирится

съ демократическими идеалами, но не слѣдуетъ же заблуждаться относительно характера переживаемой нами исторической эпохи. Я не могу себѣ представить, чтобы не только мы могли теперь же вступить въ ту фазу развитія, при которой не будетъ привилегированныхъ въ имущественномъ отношеніи классовъ; напротивъ, я думаю, что накопленіе богатства, которое можетъ усилиться съ общимъ улучшеніемъ политическихъ условій, будетъ идти также неравномѣрно, какъ шло до настоящаго времени; классъ капиталистовъ несомнѣнно будетъ еще долго усиливаться, и осуществленіе демократическихъ идеаловъ на экономической почвѣ во всякомъ случаѣ не можетъ считаться дѣломъ завтрашняго дня.

Если же считаться съ существованіемъ привилегированныхъ въ имущественномъ отношеніи классовъ, то я не думаю, чтобы уничтоженіе частнаго землевладѣнія при сохраненіи другихъ привилегированныхъ классовъ, не принадлежащихъ къ крестьянству или городскому рабочему классу, при сохраненіи капитализма могло считаться желательнымъ. Мнѣ представляется, что при представительномъ образѣ правленія въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, исторія фабричнаго законодательства хотя бы въ Англіи блистательно доказываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антагонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Землевладѣльцы, мало заинтересованные въ сохраненіи тяжелыхъ условій промышленнаго труда, легко проводятъ реформы фабричнаго и вообще рабочаго законодательства; напротивъ, капиталисты гораздо легче смотрятъ на аграрныя реформы, чѣмъ землевладѣльцы, и охотно проводятъ законы, которые никогда не могли бы проходить, если бъ не существовало антагонизма между капиталистами и землевладѣльцами.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія. Можетъ быть, съ теченіемъ времени вырастутъ, кромѣ землевладѣльцевъ, другіе слои сельскаго населенія, способные нести общественную службу, но сейчасъ такого контингента нѣтъ. Поэтому отмѣна частнаго землевладѣнія нанесла бы нашему неокрѣпшему самоуправленію тяжелый ударъ. Какихъ бы воззрѣній ни держаться на конечныя или даже отдаленныя цѣли, никто, я думаю, не будетъ отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія. Своей миссіи земства еще не выполнили, имъ предстоитъ еще большая работа, которая съ политическимъ возрожденіемъ страны не только не ослабѣетъ, а, напротивъ, должна будетъ еще больше увеличиться. Кто же, какъ не землевладѣльцы, можетъ нести службу въ земствѣ? На кого можно возложить работу, лежащую на органахъ самоуправленія? Когда вырастутъ новыя силы и окрѣпнутъ нарождающіяся силы, когда составъ органовъ самоуправленія измѣнится, частное землевладѣніе перестанетъ выполнять свою

историческую миссію; но эта пора еще не наступила, и я не знаю, въ чьихъ интересахъ наносить ударъ тому институту, который въ настоящее время еще не можетъ быть замѣненъ другимъ.

Я не высокаго мнѣнія о нашемъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ и не думаю, чтобы землевладѣльцы вели хозяйство такъ, какъ они могли бы и, пожалуй, должны были бы вести; но при всемъ томъ помѣщичье хозяйство является въ настоящее время во многихъ случаяхъ культурнымъ центромъ какъ въ смыслѣ техники, такъ и въ смыслѣ распространенія всякаго рода знаній и умственнаго развитія. Нельзя же не признать, что во многихъ мѣстностяхъ сельскохозяйственныя машины, улучшенный сѣвооборотъ, новые производства и промыслы, дающіе заработокъ населенію, и цѣлый рядъ другихъ улучшеній обязаны своимъ происхожденіемъ частному землевладѣнію. Не думаю, чтобы эта культурная миссія могла бы теперь быть выполнена государствомъ или органами самоуправленія безъ содѣйствія землевладѣльцевъ. И съ этой стороны я не считалъ бы поэтому желательнымъ превращеніе помѣщика въ пенсіонера, получающаго ренту отъ государства. Долженъ признаться, что я не раздѣляю оптимистическихъ воззрѣній на всемогущество государства. Я не думаю, чтобы государство могло справиться съ такою задачею, какъ эксплоатація частновладѣльческихъ земель, если бъ онѣ сразу теперь же перешли въ его руки. Земли эти расположены далеко не вездѣ такъ, чтобы ими можно было немедленно воспользоваться для раздачи крестьянамъ. Огромный капиталъ, лежащій въ постройкахъ, пригодныхъ для помѣщичьяго хозяйства, погибъ бы безвозвратно. Мы наблюдали бы тогда картину разрушенія, какую иногда приходится наблюдать, когда имѣніе, въ которомъ когда-то велось самостоятельное хозяйство, переходитъ въ крестьянскія руки. Государству пришлось бы, можетъ быть, вести хозяйство на большихъ площадяхъ, а государство далеко не такой хорошій хозяинъ, какъ это многимъ представляется. Думаю, что казенное управленіе, не только то, которое выросло въ прежнихъ традиціяхъ, но и то, которое можетъ создаться въ иныхъ политическихъ условіяхъ, не могло бы въ ближайшемъ будущемъ справиться съ такою задачею. Такое хозяйство велось бы убыточно, и государство не въ состояніи было бы покрывать изъ доходовъ платежей по выкупному долгу.

Площадь частновладѣльческихъ земель всѣхъ сословій въ 1900 году равна была 100 милл. десятинъ. Чтобы выкупить ихъ, нужно было бы затратить капиталъ, который по самому скромному разсчету будетъ составлять большіе милліарды. Такая финансовая операція по своей грандіозности превосходила бы все, что намъ приходилось до сихъ поръ встрѣчать, и я не знаю, можно ли было бы на нее рѣшиться.

Повторяю, что если говорить о націонализаціи, какъ о практическомъ мѣропріятіи, то не слѣдуетъ представлять себѣ эту операцію въ

томъ видѣ, какъ ее представлялъ себѣ Джорджъ или даже Уоллесъ. По моему мнѣнію, слѣдуетъ отрѣшиться, во-первыхъ, отъ идеи единаго налога; во-вторыхъ, надо оставить попытку отдѣлить стоимость построекъ и мелiорацій отъ стоимости земли. Поэтому при націонализаціи въ руки государства должна была бы перейти земля со всѣми постройками и мелiораціями. Въ противномъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ логическими построеніями, о которыхъ уже достаточно было сказано при обзорѣ различныхъ плановъ націонализаціи.

Но если уже говорить о націонализаціи, то я не вижу, почему въ руки государства должны перейти только частновладѣльческія земли. При послѣдовательномъ проведеніи націонализація должна распространяться не только на частновладѣльческія, но и на крестьянскія земли, т. е. на тѣ, которыя получены крестьянами посредствомъ выкупа и добровольныхъ актовъ. Площадь крестьянскихъ земель достигаетъ въ настоящее время 130 милл. дес.

Помѣщичьи крестьяне приступили къ выкупу съ 1861 г., и вмѣсто 903 м. долгъ ихъ въ настоящее время не достигаетъ 400 м. Государственные крестьяне были переведены на выкупъ въ 1886 г. на 44 г., удѣльные съ 1865 г. на 45 лѣтъ. Слѣдовательно, всѣ разряды крестьянъ уже десятилѣтія свыклись съ тѣмъ, что они должны вносить платежи въ теченіе опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго земля сдѣлается ихъ собственностью, хотя и подлежащею ограниченіямъ, но свободную отъ долговъ. Правильно ли поступило правительство, освободивъ помѣщичьихъ крестьянъ на началахъ выкупа, правильно ли поступило оно, замѣнивъ для государственныхъ крестьянъ оброчную подать выкупными платежами, это другой вопросъ; но если допустить, что противники выкупной операціи, считающіе ее сплошною ошибкою, правы, то можно ли изъ этого сдѣлать выводъ, что теперь можно исправить эту ошибку, отнявъ у крестьянъ землю, объявивъ ее государственной? Возможна ли такая мѣра, какъ выкупъ государствомъ крестьянскихъ земель съ тѣмъ, чтобы земли потомъ сдавались въ аренду тѣмъ же крестьянамъ? Желательна ли она? справедлива ли она?

Я не говорю уже о финансовыхъ затрудненіяхъ, съ которыми былъ бы связанъ обратный выкупъ 130 милл. дес., на которыхъ числится сравнительно небольшой долгъ. По своей грандіозности эта операція мало отличалась бы отъ выкупа помѣщичьихъ земель. Гораздо болѣе важное значеніе имѣла бы та смута, которая возникла бы въ крестьянскихъ умахъ, если бы попытались объявить ихъ земли государственными. Могутъ ли крестьяне примириться съ тѣмъ, что государство во имя доктрины, правильность которой едва ли можетъ быть ими понята, если даже она и признавалась вѣрною, лишитъ ихъ собственности на землю, которая была имъ отведена на началахъ собственности, которую они

привыкли считать своею, или лишить ихъ земли, которую они пріобрѣли чрезъ посредство крестьянскаго или другихъ банковъ? Я не могу себѣ представить, чтобы благоразумный законодатель рѣшился на такую мѣру, а между тѣмъ она прямо вытекаетъ изъ принципа націонализаціи земли.

Говорятъ, что у насъ сильны общинные инстинкты, что крестьяне не освоились съ началами частной собственности, что для нихъ важно имѣть доступъ къ землѣ, а будетъ ли земля дана на началахъ собственности или на началахъ аренды, это безразлично. Я не думаю, чтобы общинники относились безразлично къ вопросу о томъ, кому принадлежитъ земля, которую они обрабатываютъ; но не слѣдуетъ вѣдь забывать, что кромѣ общинниковъ у насъ имѣются обширные районы, не знающіе общиннаго землевладѣнія, имѣются земли, пріобрѣтенныя самими крестьянами. Стоитъ только государству приступить къ осуществленію своихъ правъ, напримѣръ, къ раздачѣ купленной крестьянами земли другимъ разрядамъ крестьянъ, можетъ быть, болѣе нуждающимся, чтобы сразу обнаружилось, что если крестьяне относятся отрицательно къ помѣщичьей собственности, то они очень ревниво относятся къ своей и всячески готовы защищать свои права.

Все вышеизложенное заставляетъ меня думать, что націонализація земли, независимо отъ теоретической оцѣнки, не принадлежитъ къ тѣмъ практическимъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы вывести насъ изъ переживаемыхъ нами аграрныхъ затрудненій.

М. Герценштейнъ.

АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ АВСТРАЛІИ.

Предметъ нашей замѣтки (составленной по порученію бюро аграрнаго совѣщанія)—аграрное законодательство послѣдняго времени въ двухъ австралійскихъ колоніяхъ: Новомъ Южномъ Уэльсѣ и Новой Зеландіи *). Исторіи законодательства мы касаться не будемъ. Упомянемъ только, что до 50-хъ годовъ XIX вѣка законодательство колоній можно считать однороднымъ. Въ 50-хъ годахъ сложились конституціи 6 колоній, къ которымъ съ 90-хъ годовъ прибавилась седьмая (Западная Австралія); съ тѣхъ поръ законодательство пошло въ разныхъ колоніяхъ разнымъ порядкомъ. Съ 1901 г. пять колоній континента объединились вмѣстѣ съ Тасманіею въ общую Австралійскую федерацію, къ которой Новая Зеландія не примкнула. Напомнимъ еще, что въ періодъ однородныхъ аграрныхъ мѣропріятій значительное распространеніе получила народившаяся въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ уэкфильдова система: по этой системѣ государственныя земли сдавались или продавались только лицамъ, умѣющимъ доказать свою состоятельность.

Новый Южный Уэльсъ занимаетъ площадь болѣе 73 милліоновъ нашихъ десятинъ, т. е. по размѣрамъ приближается къ нашей Архангельской губерніи, но населенъ значительно гуще ея: послѣдняя перепись населенія въ 1901 г. зарегистровала тамъ населеніе около 1360 тысячъ, т. е. на ѣдока (или на душу обоего пола) приходилось по 54 десятины, между тѣмъ какъ въ Архангельской губерніи по переписи

*) Главнымъ матеріаломъ для составленія замѣтки послужили:

Уго Раббено. Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Перев. съ итал. А. Ульяновой. Изд. О. Н. Поповой. Сбп. 1903.

Метенъ. Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Перев. Л. П. Никифорова. Изд. В. Нѣмчинова. М. 1903.

J. *Scott Keltie.* The Statesman's Yearbook 1904. London. Macmillan.

Л. Купріянова. Австралія и Нов. Зеландія. Спб. 1901.

А. Фортунатовъ. Населеніе и хозяйство Австраліи. М. 1898.

1897 г. насчитывается около 220 десятинъ на жителя обоего пола. Благодаря развитію Уэкфильдовой системы, Н. Ю. Уэльсъ въ 90-хъ годахъ имѣлъ наименьшую (изъ 7 колоній) величину процента незанятой государственной земли: ея тамъ было только 14% при средней величинѣ 60% для итога 7 колоній. 62% площади составляла сдававшаяся въ аренду государственная земля; процентъ частной земли (24%) соотвѣтствуетъ тому, что наблюдается въ итогѣ площади Европейской Россіи.

По закону 1884 года рѣшено было раздѣлить государственныя земли на двѣ равныя части: одну изъ нихъ продавать или сдавать въ аренду подъ пастбища для овецъ на сроки въ 5, 10 и 25 лѣтъ (по тремъ мѣстностямъ колоній), другую половину назначить подъ мелкія хозяйства, такъ называемыя selections. Эти selections отводятся въ условное владѣніе, при чемъ размѣръ участковъ не долженъ превышать опредѣленную величину. Въ западной части колоніи съ исключительно пастбищнымъ характеромъ хозяйства отчужденіе общественныхъ земель окончательно воспрещено, а максимальный срокъ арендованія съ 1901 г. опредѣленъ въ 42 года. Съ 1889 года въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ сталъ дѣйствовать высшій земельный судъ (Land court), независимый отъ политическихъ вліяній, постановляющій окончательныя рѣшенія по жалобамъ на рѣшенія мѣстныхъ комиссій. Къ половинѣ 90-хъ годовъ правительству удалось уже изъять изъ области крупной аренды приблизительно половину всей сдающейся государственной земли. Съ 1895 года государство приступило къ выкупу частновладѣльческой земли на опредѣленныхъ условіяхъ. Въ томъ же году прошелъ законъ о гомстэдахъ, усадебныхъ участкахъ, съ максимальнымъ размѣромъ въ 474 десятины; на этихъ участкахъ держатели обязаны прожить не менѣе 10 лѣтъ раньше, чѣмъ получаютъ право пріобрѣтать участки въ собственность. Ежегодный платежъ за пользованіе этими участками составляетъ $1^1/_4$% цѣнности участка; оцѣнка опредѣляется на 15 лѣтъ; поселенецъ обязуется возвести жилыя постройки, имѣетъ право передать участокъ другому лицу черезъ 5 лѣтъ.

Результаты государственнаго вмѣшательства въ распредѣленіе землевладѣнія въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ могутъ быть усмотрѣны изъ сравненія данныхъ 1902 г. съ данными 1893 г.: за этотъ срокъ число мелкихъ владѣльцевъ съ размѣромъ владѣнія менѣе 200 акровъ (74 дес.) возросло на 7,4%, число среднихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ отъ 200 до 2000 акровъ (74 д. до 740 д.), уменьшилось на 11,9%, а число крупныхъ владѣльцевъ съ владѣніями свыше 2000 акровъ уменьшилось еще сильнѣе—на 14,3%. Для девятилѣтняго промежутка это довольно замѣтныя измѣненія.

По отношенію къ *Куинсленду* сдѣлаемъ только указаніе на гомстэды: тамъ это 60-десятинные участки, сдающіеся сначала въ аренду съ пра-

вомъ черезъ 5 лѣтъ приступить къ выкупу земли въ собственность по дешевой цѣнѣ, при разсрочкѣ платежа на 10 лѣтъ и при обязательствѣ представить двухъ лошадей, телѣгу, плугъ, луговую борону и запасъ корма на полгода.

Въ колоніи *Южной Австраліи* еще въ 1893 г. поднялся вопросъ объ обложеніи прироста цѣнности земель, не зависящаго отъ труда, и тогда же было введено дополнительное обложеніе (въ 20%) для земель, принадлежащихъ тѣмъ лицамъ, которыя находятся въ отсутствіи.

Новая Зеландія по природнымъ условіямъ хозяйства рѣзко отличается отъ колоній Австралійскаго материка: ея земледѣліе не страдаетъ отъ засухъ. Замѣчательно мягкій климатъ отражается между прочимъ на величинѣ смертности, чуть не наименьшей изъ всѣхъ культурныхъ государствъ (напримѣръ, за 1900 годъ только 9,5 умершихъ на 1000 жителей). Размѣръ Новой Зеландіи около 25 милліоновъ десятинъ, менѣе нашей Пермской губерніи; жителей въ началѣ XX вѣка (по переписи 1901 г.) было 773 тысячи; на ѣдока земли приходилось около 32 десятинъ, т. е. слишкомъ вдвое больше противъ того, что приходится во всей Россійской имперіи. Въ распредѣленіи территоріи въ 90-хъ годахъ видное мѣсто принадлежало незанятой государственной землѣ: подъ нею было 46,3% общей площади; арендованная государственная земля занимала 22,4%, подъ частною собственностью состояло 31,6% территоріи. Частное землевладѣніе Новой Зеландіи характеризуется высокимъ среднимъ размѣромъ—около 1600 дес.; такая величина встрѣчается у насъ въ Курляндіи, занимающей среди русскихъ губерній одно изъ первыхъ мѣстъ по величинѣ средняго размѣра частнаго землевладѣнія. Расхищеніе земель въ частную собственность въ Новой Зеландіи произошло еще въ то время, когда распоряженіе земельными дѣлами принадлежало въ отдѣльности каждой изъ 10 провинцій Новой Зеландіи; это продолжалось 20 лѣтъ. Въ 1877 году значеніе отдѣльныхъ провинцій уступило мѣсто авторитету центральнаго правительства. Въ 1882 году треть казенныхъ земель была изъята изъ продажи и назначена для сдачи въ аренду сравнительно мелкими участками. Съ 1885 года въ Новой Зеландіи установились три формы отвода государственныхъ земель: 1) въ собственность за наличныя деньги, 2) въ аренду на 25 лѣтъ съ правомъ покупки и 3) въ аренду на 999 лѣтъ. Для послѣдней категоріи предполагалась сначала перемѣнная арендная плата, но въ 1887 году установлена была неизмѣнная арендная плата по опредѣленной оцѣнкѣ; въ такомъ установленіи нѣкоторые видятъ вліяніе земельныхъ спекулянтовъ. Въ 1892 году были окончательно объединены аграрныя правила отдѣльныхъ частей колоніи. Осталось различіе между землями 2-го и 1-го класса; на земляхъ второго класса отдѣльное лицо можетъ пріобрѣтать не болѣе 740 десятинъ, на земляхъ перваго класса — не болѣе 240 десятинъ;

пастбищные участки ограничены количествомъ скота въ однихъ рукахъ: крупнаго рогатаго до 4000 головъ, овецъ до 20,000 головъ.

Покупка государственной земли за наличныя деньги въ Новой Зеландіи допускается лишь при внесеніи четверти платы въ моментъ заключенія сдѣлки и остального черезъ мѣсяцъ, при условіи личнаго поселенія на покупаемой землѣ и исполненія земельныхъ улучшеній. Арендованіе государственной земли на 25 лѣтъ производится за ежегодную плату въ 5% капитальной оцѣнки, съ правомъ черезъ 10 лѣтъ пріобрѣтать участокъ въ собственность. Наслѣдственная аренда на 999 лѣтъ допускается съ платою 4% послѣдней оцѣночной суммы, остающейся въ неизмѣнномъ видѣ на весь срокъ; для этихъ земель съ теченіемъ времени относительная величина арендной платы будетъ уменьшаться, и незаслуженный приростъ цѣнности будетъ доставаться не государству, а арендатору; эта аренда даетъ всѣ права собственности: право передавать, закладывать участокъ, отказывать его по наслѣдству. Въ 1899—1900 гг. средній размѣръ участка, купленнаго за наличныя деньги, былъ 65 десятинъ, арендованнаго до 25 лѣтъ — 113 десятинъ и отведеннаго въ наслѣдственную аренду 119 дес.

Въ 1894 г. въ Новой Зеландіи объявлено важное право экспропріаціи частной земельной собственности со стороны государства. Право выкупа частныхъ земель въ собственность государства примѣняется лишь при извѣстномъ размѣрѣ имѣній, а именно для распахиваемыхъ участковъ не менѣе 360 десятинъ, для послѣднихъ участковъ не менѣе 1800 десятинъ. Рекомендуется производить отчужденіе по соглашенію; но если землевладѣлецъ не идетъ на соглашеніе, примѣняется принудительная экспропріація по постановленію совѣта, состоящаго при губернаторѣ, при чемъ размѣръ вознагражденія за отчуждаемую землю опредѣляется комиссіею изъ трехъ лицъ: мѣстнаго судьи, какъ предсѣдателя, одного лица, назначеннаго правительствомъ, и одного по выбору отъ землевладѣльцевъ.

Въ 1896 году, когда впервые примѣнена была экспропріація частныхъ земель, всего подверглось отчужденію 28 имѣній, изъ нихъ только одно принудительнымъ порядкомъ; въ 1900 году насчитывалось уже 77 принудительныхъ отчужденій со среднимъ размѣромъ въ 1620 дес., т. е. приблизительно соотвѣтствующимъ среднему размѣру частнаго владѣнія во всей колоніи. Со стороны нѣкоторыхъ лицъ слышатся упреки въ недостаточной энергіи процесса экспропріаціи, которая будто бы иногда выпрашивается, какъ милость. Первымъ подверглось отчужденію большое имѣніе (Cheviot estate къ сѣверу отъ Крайстчерча) въ 20,000 дес., гдѣ прежде велось исключительно овцеводство при 20 надсмотрщикахъ, а теперь устроено 290 хозяйствъ, при чемъ доходность земли увеличилась вчетверо.

Подвергающіяся отчужденію имѣнія разбиваются на мелкіе участки и по преимуществу раздаются въ наслѣдственную аренду на 999 лѣтъ. Съ 1897 г. государство ежегодно отпускаетъ по 5 милліоновъ рублей на выкупъ крупныхъ имѣній, разбиваемыхъ на мелкіе участки; еще въ 1895 году сдѣланъ былъ спеціальный заемъ для образованія этого фонда. Арендаторамъ оказывается кредитъ на производство земледѣльческихъ улучшеній: для этой цѣли ссуды выдаются на 36 лѣтъ изъ 6%, въ томъ числѣ 1% погашенія.

По закону 1892 года предусмотрѣно образованіе товариществъ; за 3 года ихъ составилось 1309; эти группы не менѣе 12 хозяевъ въ каждой, сообща пріобрѣтающія землю. Улучшенныя фермскія поселенія (improved farm settlements) имѣютъ своимъ спеціальнымъ назначеніемъ освобожденіе городскихъ поселковъ отъ массы безработныхъ: этимъ поселеніямъ государство оказываетъ кредитъ и обязывается нанимать поселенцевъ на исполненіе разныхъ общественныхъ работъ, каковы постройки желѣзныхъ дорогъ, устройство канавъ, изгородей и др.

Въ Новой Зеландіи существуетъ подоходный налогъ (income tax), но онъ не ложится на землю. Земля подлежитъ особому земельному налогу (land tax), но лишь при цѣнности имѣнія свыше 5000 руб. Затѣмъ для владѣнія цѣнностью свыше 50,000 руб. существуетъ еще прогрессивный земельный налогъ (graduated land tax), и кромѣ того владѣльцы, не жившіе на своихъ участкахъ болѣе 3 лѣтъ, подвергаются еще прибавкѣ налога въ 20%. Сельскія постройки и меліораціи освобождены отъ подоходнаго налога. Изъ 103 тысячъ новозеландскихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ приблизительно 90 тысячъ не платили вовсе земельнаго налога. Основной налогъ составляетъ сумму въ 1 пенсъ на каждый фунтъ стерлинговъ цѣнности земли, т. е. около 0,4%. Добавочный прогрессивный налогъ измѣняется отъ $^1/_8$ пенса до 2 пенсовъ съ 1 фунта стерлинговъ цѣнности земли. Оцѣнка земли для обложенія дѣлается при помощи спеціальнаго бюро. Каждый плательщикъ можетъ обжаловать не только обложеніе своихъ земель, но и обложеніе земель сосѣдей; оцѣночные списки въ теченіе двухъ недѣль открыты для просмотра со стороны всѣхъ желающихъ (такія же публичныя оцѣнки существуютъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, Южной Австраліи и Викторіи). У землевладѣльцевъ, жалующихся на высокую оцѣнку, правительство выговариваетъ себѣ право пріобрѣтать землю по цѣнѣ, на 10% превышающей ту оцѣночную сумму, которая является предметомъ жалобы.

Уго Раббено усматриваетъ въ новозеландскомъ аграрномъ законодательствѣ три тенденціи. Эти три тенденціи суть: 1) стремленіе къ націонализаціи земли отчасти подъ вліяніемъ идей Генри Джорджа; 2) стремленіе къ ослабленію концентраціи землевладѣнія; 3) стремленіе къ облегченію правъ на землю для возможно большаго количества населенія.

Послѣднее стремленіе давно нашло себѣ выраженіе въ распространенномъ австралійскомъ девизѣ: «посадить народъ на землю» (to settle the people on the land).

Во всякомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Раббено, и въ австралійскихъ колоніяхъ аграрный вопросъ продолжаетъ оставаться вопросомъ.

А. Фортунатовъ.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ

и его роль въ аграрной программѣ.

Вопросъ о переселеніяхъ и о возможномъ ихъ вліяніи на крестьянское хозяйство и благосостояніе принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ вопросовъ нашей народной экономіи. Одни отводятъ переселенію одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ тѣхъ мѣръ количественнаго воздѣйствія на крестьянское землевладѣніе, «при условіи планомѣрнаго и послѣдовательнаго осуществленія которыхъ можно съ успѣхомъ устранить недостаточность крестьянскихъ надѣловъ». Другіе, сознавая, что коренное улучшеніе современнаго печальнаго положенія русской деревни можетъ быть достигнуто лишь путемъ совокупности культурныхъ мѣръ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе признаютъ необходимымъ широкое развитіе переселеній на то болѣе или менѣе долгое переходное время, которое необходимо для осуществленія этихъ мѣръ, и думаютъ, «что оставшееся на мѣстѣ населеніе неминуемо станетъ въ лучшія условія для благодѣтельнаго культурнаго воздѣйствія». Третьи отрицаютъ самую необходимость въ переселеніи и наличность дѣйствительнаго малоземелья, какъ его коренной причины, полагая, что «при раціональной, правильной и своевременной обработкѣ имѣющагося количества нынѣ запущенной земли плоды ея могутъ удовлетворить нуждѣ въ пять разъ большаго населенія и обезпечить ему полное благосостояніе»; что наше переселеніе, будучи «движеніемъ толпы, вызываемымъ главнымъ образомъ не экономическими причинами», «вовсе не приноситъ пользы остающимся малоземельнымъ: малоземелье нисколько не ослабляется, а лишь усиливается экономическое неравенство разныхъ группъ крестьянства»; мало того—что «переселеніе имѣетъ за собой и невыгодную сторону, такъ какъ большая густота населенія содѣйствуетъ промышленному и культурному развитію страны, составляющему необходимое условіе для прогресса земледѣлія», а значительное выселеніе «тормозитъ техническое дѣло по улучшенію земледѣльческаго промысла въ смыслѣ интенсированія земледѣльческаго труда». Я уже не буду говорить о тѣхъ, кто ограничивается краткимъ, но вразумительнымъ заявленіемъ «мы: (мы!..) вовсе не желаемъ поощрять переселеніе»... Замѣчу

только, что «классовая некрестьянская точка зрѣнія», — употребляя выраженіе А. В. Пѣшехонова, — «встрѣчается далеко не у однихъ только противниковъ переселенія; нѣкоторые изъ сторонниковъ его тоже подчеркиваютъ, что при развитіи переселенія крестьянскія общества и помѣщики «избавились бы отъ возмущенія, самоправія, воровства и поджоговъ, а также отъ политическихъ возмущеній»*).

Я не буду развивать здѣсь своихъ личныхъ взглядовъ по вопросу о томъ, каково можетъ быть дѣйствительное вліяніе переселенія на крестьянское хозяйство и благосостояніе. Вопросъ этотъ — въ высшей степени трудный и тяжелый, и мнѣ едва ли удастся убѣдить въ правильности моего взгляда многихъ изъ тѣхъ, кто не подходитъ къ вопросу уже съ готовымъ, болѣе или менѣе сходнымъ взглядомъ. Но важно одно: какъ ни смотрѣть на возможныя послѣдствія переселеній,—видѣть ли въ нихъ радикальную цѣлебную мѣру, или палліативъ, способный лишь смягчить симптомы переживаемаго кризиса, — во всякомъ случаѣ переселенія, чтобы имѣть *какое-нибудь* вліяніе, должны происходить въ огромныхъ размѣрахъ, въ нѣсколько разъ большихъ, нежели какихъ они достигали до сихъ поръ, даже въ годы ихъ наибольшаго развитія. «Если бы необходимое для упроченія крестьянскаго хозяйства количество земли, говоритъ А. В. Пѣшехоновъ въ «Нуждахъ деревни», нарѣзать на окраинахъ, то для этого пришлось бы переселить туда громадную часть крестьянства, т. е. произвести полную пертурбацію въ размѣщеніи населенія». Такой планъ г. Пѣшехоновъ признаетъ „нецѣлесообразнымъ до нелѣпости“; онъ желаетъ переселенія «лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо, чтобы устроить избыточную часть населенія и регулировать земельныя отношенія въ мѣстахъ выселенія». Но чтобы устроить избыточную часть населенія, надо переселять, во всякомъ случаѣ, *больше*, нежели ежегодный его приростъ. До сихъ поръ переселеніе, даже въ годы своего наибольшаго развитія, не достигало 200 тысячъ въ годъ, изъ которыхъ значительный процентъ возвращался назадъ. Годичный приростъ для Европейской Россіи достигаетъ двухъ милліоновъ; если взять даже одну только черноземную полосу, то, чтобы уравновѣсить приростъ, пришлось бы ежегодно выселять, по оффиціальному разсчету, не менѣе 73 тыс. семей, или 450000 душъ; и это, повторяю, только для того, чтобы задержать дальнѣйшій ростъ избыточнаго населенія... Неудивительно, если послѣдовательные сторонники переселеній требуютъ «широкаго развитія» переселенческаго движенія. Не умножая примѣровъ, назову только недавно скончавшагося Н. А. Карышева, ко-

*) Всѣ приведенныя цитаты заимствованы изъ трудовъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Но всѣ тѣ же типы мнѣній, въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, находятъ представителей и въ литературѣ вопроса, и въ ходатайствахъ и отзывахъ земствъ, и въ правительственныхъ сферахъ.

торый вычислялъ размѣры необходимаго переселенія изъ черноземной полосы, по меньшей мѣрѣ, въ 20 милліоновъ, и конечно въ самый короткій срокъ, потому что, растянутое на многіе годы, переселеніе даже двадцати милліоновъ было бы парализовано естественнымъ приростомъ.

Посмотримъ же теперь, мыслимо ли въ дѣйствительности такое широкое развитіе переселеній? Допускается ли оно тѣми земельными запасами, которые имѣются въ распоряженіи государства и которые могли бы быть утилизированы для цѣлей переселенія и разселенія?

Я заранѣе прошу читателя не ждать отъ меня какого-нибудь точнаго, выраженнаго въ числахъ отвѣта на поставленный вопросъ. Заранѣе говорю, что *я не знаю*, можно ли переселить милліонъ, три или десять милліоновъ. Подсчетъ тѣхъ земельныхъ запасовъ, которые могли бы быть использованы для цѣлей переселенія, — это обычный пріемъ тѣхъ, кто желаетъ доказать возможность безпредѣльнаго роста переселеній: берутъ изъ какого-нибудь источника цифру милліоновъ квадратныхъ верстъ или сотенъ милліоновъ десятинъ какой-нибудь Сибири или средне-азіатскихъ степей, сопоставляютъ эту величину съ наличнымъ населеніемъ, получаютъ какую-нибудь до смѣшного ничтожную цифру плотности населенія; подсчитываютъ, сколько народу, при обычной нормѣ переселенческаго надѣла или при густотѣ населенія хотя бы Европейской Россіи, могло бы помѣститься на незанятой наличнымъ населеніемъ землѣ, и въ результатѣ получаются десятки и сотни милліоновъ возможнаго переселенія. Едва ли стоитъ доказывать совершенную безпочвенность и безплодность подобныхъ вычисленій; она достаточно доказывается уже крайнею пестротою тѣхъ конечныхъ выводовъ, къ которымъ приходятъ различные авторы, а иногда и одинъ и тотъ же авторъ, въ разныхъ мѣстахъ одной и той же книги... И такой ариѳметическій пріемъ не только безполезенъ, но и вреденъ: при помощи его только поддерживаются въ обществѣ уже давно осужденныя самою жизнью иллюзіи; а проникая всякими путями въ народную среду, эти иллюзіи могутъ лишь способствовать дальнѣйшему росту той массы горя и разоренія, которую ведетъ за собой переселеніе для огромнаго процента переселяющихся.

Для приблизительнаго хотя бы, но выраженнаго въ числахъ, рѣшенія вопроса о возможныхъ размѣрахъ, а слѣдовательно, и о возможномъ значеніи переселенческаго движенія ни у меня, ни — это я утверждаю категорически — *у кого бы то ни было* нѣтъ необходимыхъ данныхъ. Мы можемъ *не исчислить*, а только *приблизительно оцѣнить* тѣ земельные запасы, на счетъ которыхъ можетъ развиваться наше переселенческое движеніе; мы можемъ оперировать лишь съ такими опредѣленіями, какъ «много», «мало» или «неизвѣстно». Притомъ вѣдь самое важное—не *сколько*, а *что* можетъ быть использовано для переселенія

и разселенія. Прежде всего, далеко не всякая земля, которая могла бы быть заселена при нѣкоторыхъ теоретически мыслимыхъ хозяйственныхъ пріемахъ и при нѣкоторыхъ затратахъ на приведеніе ея въ культурное состояніе, можетъ быть введена въ учетъ нашего переселенческаго земельнаго фонда. Такъ, солонцы не только не безусловно безнадежны, но при употребленіи извѣстныхъ техническихъ пріемовъ могутъ быть сдѣланы очень плодородными; болота могутъ быть осушены и обращены нерѣдко въ очень плодородныя земли, а безплодныя пустыни — орошены и сдѣланы пригодными, при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ, для самыхъ интенсивныхъ и доходныхъ культуръ. Но разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія практической аграрной политики, приходится признать, что при томъ хозяйствѣ, какое ведетъ и въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ будетъ вести нашъ переселенецъ, солонцы должны быть признаны или безусловно неудобными, или годными исключительно подъ выпасъ. А что касается до орошенія и осушки, то приходится задать себѣ вопросъ: *есть ли разсчетъ* дѣлать тѣ огромныя затраты, которыхъ требуютъ такого рода меліораціи, и не выгоднѣе ли затрачивать средства на улучшеніе условій крестьянскаго землевладенія и хозяйства на мѣстахъ выхода переселенцевъ? При оцѣнкѣ нашего колонизаціоннаго земельнаго фонда приходится, такимъ образомъ, ставить вопросъ гораздо уже и опредѣленнѣе: приходится выяснять, что годно для заселенія *при данномъ подборѣ переселенцевъ, при данной степени ихъ благосостоянія и при данномъ ихъ культурномъ уровнѣ*. И исторія сибирской колонизаціи совершенно опредѣленно выяснила, что вполнѣ доброкачественныя земли остаются пустовать, если онѣ не соотвѣтствуютъ потребностямъ и хозяйственнымъ привычкамъ переселенцевъ. А разъ поставить вопросъ о *конкретной* колонизаціонной годности имѣющагося въ распоряженіи государства земельнаго фонда, то приходится считаться прежде всего съ тѣмъ фактомъ, что наше переселенческое движеніе — это, главнымъ образомъ, переселеніе изъ *южной, черноземной* полосы Европейской Россіи; за шестнадцать лѣтъ, съ 1885 по 1900, изъ черноземной полосы переселилось въ Сибирь, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 980 тыс., или 81,3%, изъ нечерноземной 226 тыс., или 18,7% всего переселенческаго движенія; и достаточно пересмотрѣть хотя бы труды сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, чтобы увидѣть, что переселенческій вопросъ острѣе всего ставится именно въ черноземной полосѣ и почти не имѣетъ значенія за ея предѣлами. Чтобы *конкретно* рѣшить вопросъ о возможномъ ростѣ нашего переселенческаго движенія, приходится поэтому разсматривать наши земельные запасы, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія потребностей выходцевъ изъ черноземной полосы, а въ такомъ случаѣ мы придемъ къ совершенно инымъ заключеніямъ, чѣмъ если бы имѣли въ

виду, такъ сказать, абстрактную пригодность свободныхъ для колонизаціи земель.

Другое существенно важное обстоятельство, котораго нельзя ни на одну минуту упускать изъ виду при рѣшеніи вопроса о возможныхъ размѣрахъ переселенческаго движенія, это—права и интересы населенія тѣхъ мѣстностей, которыя призваны играть извѣстную роль въ нашемъ переселенческомъ или колонизаціонномъ движеніи. Совсѣмъ свободныхъ, никому ненужныхъ и никого не интересующихъ земель не такъ ужъ много—таковы, пожалуй, развѣ только сибирскіе и въ особенности амурскіе лѣса, да и то далеко не вездѣ и отнюдь не безусловно. Когда мы будемъ говорить о земельныхъ запасахъ Европейской Россіи, намъ придется встрѣтиться съ интересами мѣстныхъ крестьянъ, для которыхъ тѣ же земельные запасы являются арендным фондомъ; когда мы будемъ оцѣнивать возможную колонизаціонную вмѣстимость Степного края, Туркестана, Закавказья,—намъ придется считаться съ правами и интересами туземцевъ; придется исходить изъ того же совершенно правильнаго по существу принципа, который и нынѣ лежитъ въ основѣ русской колонизаціонной политики: именно, что подъ русскую колонизацію могутъ быть использованы только тѣ *свободные излишки*, которые могутъ быть изъяты изъ пользованія туземнаго населенія, хотя и съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ, но безъ существеннаго для него ущерба; иначе сказать, что отводъ земель подъ русскую колонизацію не долженъ не только стѣснять туземцевъ въ веденіи хозяйства существующихъ размѣровъ и существующаго типа, но не долженъ закрывать передъ ними и возможности дальнѣйшаго экономическаго и культурнаго прогресса. Принявъ этотъ принципъ, мы тѣмъ самымъ опять-таки значительно сокращаемъ количество тѣхъ земель, которыя могли бы быть использованы подъ переселеніе, и это тѣмъ болѣе, что киргизъ или бурятъ, чтобы продолжать вести привычное хозяйство, нуждается вѣдь не въ пяти и даже не въ пятнадцати десятинахъ на душу, какъ русскій крестьянинъ или переселенецъ, а въ гораздо большемъ количествѣ земли. Многіе сомнѣваются въ правильности такой постановки вопроса и думаютъ, что какіе-нибудь киргизы или буряты не могутъ претендовать на большее количество земли, нежели сколько получаетъ русскій переселенецъ, и что въ интересахъ поддержанія кочевого быта не приходится отказывать въ удовлетвореніи гораздо болѣе острой земельной нужды нашего крестьянскаго населенія: «интересы киргизскаго барана, — разсуждаютъ эти многіе,— нельзя ставить выше нуждъ голодающаго и нищающаго крестьянина». Въ этомъ много вѣрнаго, пока рѣчь идетъ о тѣхъ мѣстныхъ патріотахъ изъ туземцевъ или представителей администраціи, которые хотѣли бы провозгласить принципъ «киргизія для киргизъ» или «бурятія для бу-

рятъ», и совершенно закрыть инородческіе районы для русской колонизаціи. Я лично тоже не вижу основанія признавать за туземнымъ населеніемъ *большихъ* правъ, нежели за русскими переселенцами; но разъ мы всѣ—граждане одной страны, то нѣтъ основанія признавать за первыми и *меньшихъ* правъ. А если такъ, то кочевое или полукочевое хозяйство киргизовъ или бурятъ, требующее, очевидно, гораздо большаго земельнаго простора, имѣетъ такія же права на вниманіе, какъ залежное или трехпольное хозяйство русскаго крестьянина-переселенца; киргизу или буряту не легче перескочить къ чисто земледѣльческому хозяйству, при которомъ онъ дѣйствительно могъ бы удовольствоваться 15-ю десятинами, нежели крестьянину-переселенцу перейти къ какому-нибудь плодосмѣнному хозяйству, при которомъ онъ отлично могъ бы существовать на полутора десятинахъ и не испытывалъ бы надобности въ переселеніи.

Посмотримъ же теперь, каковы тѣ земельные запасы, на которые дѣйствительно можетъ разсчитывать наше переселеніе. Начнемъ съ казенныхъ земель Европейской Россіи, которыя въ послѣднее время привлекаютъ особенное вниманіе мѣстныхъ дѣятелей, интересующихся переселеніемъ и вообще улучшеніемъ условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства: „правительству,—полагаютъ многіе,—прежде чѣмъ заботиться о переселеніи прироста населенія въ Сибирь, слѣдовало бы принять мѣры къ равномѣрному разселенію внутри Европейской Россіи, гдѣ тоже еще много негусто населенныхъ мѣстъ и продается много разныхъ земель“. Вопросъ о продажныхъ земляхъ выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка. Что касается до казенныхъ земель, то общеизвѣстный фактъ, что въ распоряженіи государства имѣются въ Европейской Россіи колоссальныя пространства. Общая площадь однихъ только казенныхъ лѣсовъ достигаетъ, по послѣднимъ даннымъ, 107 милліоновъ десятинъ. Но изъ нихъ 43 милліона десятинъ приходятся на Архангельскую губернію, 51 милліонъ—на другія пять сѣверныхъ губерній Европейской Россіи. Не мало милліоновъ десятинъ въ этихъ губерніяхъ могло бы быть обращено подъ заселеніе безъ ущерба для лѣсохозяйственныхъ интересовъ страны, и значительныя площади лѣсныхъ земель по почвеннымъ и т. п. условіямъ удобны для заселенія и культуры. Но ясно, что эти милліоны десятинъ могутъ быть использованы лишь для цѣлей разселенія мѣстныхъ крестьянъ,—вопросъ, имѣющій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ: Вологодской, Вятской, Костромской, вѣроятно Архангельской губерніи, первостепенно важное значеніе,—но ни въ какомъ случаѣ не могутъ разсматриваться, какъ колонизаціонный фондъ для выходцевъ изъ южной и средней, вообще изъ черноземной Россіи: суровый климатъ, бѣдныя почвы, а въ особенности необходимость расчистки угодій изъ-подъ крупнаго хвойнаго лѣса дѣлаютъ лѣсныя земли сѣверныхъ губерній совер-

шенно непригодными для этой цѣли. На всѣ остальныя губерніи Европейской Россіи, взятыя вмѣстѣ, приходится казенныхъ лѣсовъ 13 милліоновъ десятинъ; возможно, что при тщательномъ обслѣдованіи и здѣсь нашлись бы площади, годныя для заселенія и не имѣющія существеннаго значенія, какъ лѣсъ; но къ использованію этихъ площадей для колонизаціонныхъ цѣлей придется относиться съ крайнею осторожностью, такъ какъ интересы страны настоятельно требуютъ болѣе бережнаго, нежели до сихъ поръ, отношенія къ ея лѣснымъ богатствамъ.

Несравненно большее значеніе могла бы имѣть другая категорія государственныхъ земель Европейской Россіи, такъ называемыя казенныя оброчныя статьи, т. е. земельныя угодья, эксплоатируемыя казною путемъ сдачи въ аренду подъ тѣ или другіе виды сельскохозяйственнаго пользованія. Общая площадь ихъ—4.176,000 десятинъ, въ томъ числѣ 3.886,000 дес. въ двѣнадцати южныхъ и въ особенности юго-западныхъ губерніяхъ: Самарской, (1,320 тыс.), Астраханской (799 тыс.), Херсонской (315 тыс.), Пермской (306 тыс.), Оренбургской, Саратовской, Таврической, Уфимской, Екатеринославской, Харьковской, Бессарабской и Тамбовской. Такимъ образомъ, главная масса оброчныхъ статей располагается какъ разъ въ мѣстностяхъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ потребностямъ и хозяйственнымъ привычкамъ той массы переселенцевъ изъ черноземной полосы, которая,—какъ мы увидимъ ниже,—съ каждымъ годомъ труднѣе находитъ себѣ мѣсто въ Азіатской Россіи. А если къ тому же принять въ соображеніе еще и близость этихъ земель къ районамъ выселенія, то станетъ совершенно понятно, почему общественное мнѣніе, какъ оно выразилось въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, съ особеннымъ интересомъ и вниманіемъ относится къ вопросу объ использованіи казенныхъ оброчныхъ статей Европейской Россіи для надобностей переселенія и разселенія. Но прежде всего еще не выяснено, какая доля общаго пространства этихъ статей дѣйствительно годна для образованія постоянныхъ поселеній; сравнительно проще и, повидимому, благопріятнѣе разрѣшается вопросъ о почвенныхъ условіяхъ, вообще о годности *земель* этой категоріи для сельско-хозяйственнаго пользованія: хотя и въ этомъ отношеніи мѣстными дѣятелями высказывается не мало серьезныхъ сомнѣній, тѣмъ не менѣе можно быть увѣреннымъ въ томъ, что очень большая часть оброчныхъ статей по почвѣ и по составу угодій была бы вполнѣ годна для заселенія. Гораздо труднѣе вопросъ о водоснабженіи. Первыя работы, предпринятыя въ 1904 году въ средней части Самарской губерніи въ цѣляхъ точнаго выясненія вопроса, выяснили, что въ этомъ отношеніи придется бороться на нашемъ юго-востокѣ съ огромными трудностями: не говоря уже о совершенно отсутствующихъ, въ границахъ казенныхъ земель обслѣдованнаго района, естественныхъ водныхъ источникахъ, въ видѣ правила здѣсь нельзя

надѣяться даже на надежное колодезное водоснабженіе; единственный способъ обезпечить водою будущіе переселенческіе поселки—это, большею частью, устройство запрудъ, которыя, даже и независимо отъ своей дороговизны, представляютъ, какъ основной источникъ водоснабженія, не маловажныя хозяйственныя неудобства. Правда, изслѣдована пока лишь очень небольшая площадь; но дальше на югъ, на крайнемъ югѣ Самарской и въ Астраханской губерніи, гдѣ располагается почти треть общаго количества казенныхъ оброчныхъ земель Европейской Россіи, условія водоснабженія еще гораздо хуже, и потому возможность широкой колонизаціи этихъ мѣстностей подвержена весьма серьезному сомнѣнію.

Конечно, только детальныя мѣстныя изслѣдованія, теперь еще только начинающіяся, могутъ точно выяснить, какая часть оброчныхъ земель годна для заселенія. Предположительно можно только высказать, что эта часть будетъ все-таки значительна. Но бѣда опять-таки въ томъ, что использовать для заселенія удастся далеко не все, что по естественнымъ условіямъ годно для этой цѣли. Я уже не буду останавливаться на томъ, что въ каждой изъ тѣхъ губерній, гдѣ есть оброчныя земли, есть и мѣстное безземельное или крайне малоземельное населеніе,—въ Самарской губерніи однихъ безземельныхъ и дарственниковъ насчитывается, напримѣръ, не менѣе 60 тыс. душъ, въ Уфимской и Оренбургской число малоземельныхъ далеко больше, нежели можно устроить на счетъ всего вообще запаса казенныхъ земель, имѣющихся въ этихъ губерніяхъ, и законъ 1904 года совершенно правильно призналъ за этими мѣстными безземельными и малоземельными преимущественное право водворенія на имѣющихъ быть образованными изъ оброчныхъ земель переселенческихъ участкахъ. Но главное—казенныя оброчныя статьи являются вѣдь арендным фондомъ для болѣе или менѣе значительной части мѣстнаго крестьянства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда арендаторами являются *малоземельные* крестьяне, вопросъ не представляетъ затрудненій: совершенно ясно, что нельзя отнять арендный участокъ у мѣстнаго, чтобы отдать его пришлому малоземельному крестьянину. Но весьма часто, въ юго-восточныхъ губерніяхъ даже въ видѣ общаго правила, арендуютъ казенныя земли не *хуже*, а *лучше* обезпеченные землею элементы мѣстнаго крестьянства; это станетъ совершенно понятно, если вспомнить, что казенныя земли, въ видѣ правила, располагаются около селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ и по своему мѣстоположенію недоступны для аренды наиболѣе нуждающихся въ землѣ—бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. И вотъ интересы арендаторовъ повсемѣстно вступаютъ въ серьезный конфликтъ съ интересами переселенческаго дѣла. Съ той основной точки зрѣнія, которую мнѣ придется развивать немного ниже, вопросъ разрѣшается очень ясно: разъ земля нужна для переселенія безземельныхъ или абсолютно-малоземельныхъ

крестьянъ, т. е. такихъ, которыхъ положеніе не можетъ быть улучшено иначе, какъ переселеніемъ, то интересы переселенія, конечно, должны быть поставлены впереди интересовъ тѣхъ хорошо обезпеченныхъ землею арендаторовъ, которымъ аренда нужна для поддержанія залежнаго хозяйства или для развитія скотоводства. Но съ той болѣе обычной точки зрѣнія, которую прекрасно формулировалъ А. В. Шѣшехоновъ и которая заключается въ томъ, что «малоземелье—понятіе условное, и острыя послѣдствія его могутъ сказываться не только въ густо населенныхъ районахъ, но и въ малолюдныхъ мѣстностяхъ», конечно, нѣтъ основанія предпочесть, напримѣръ, курянина, переселяющагося съ полуторадесятиннаго надѣла, самарцу, которому его пять или семь десятинъ при залежномъ хозяйствѣ даютъ гораздо меньше, чѣмъ при трехпольѣ полторы или двѣ десятины на душу.

Какъ бы то ни было, но трудно разрѣшимый конфликтъ между интересами переселенія и нуждами землеустройства мѣстныхъ крестьянъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно сократитъ возможность использованія казенныхъ земель Европейской Россіи для цѣлей переселенія. Недаромъ, напримѣръ, еще въ 1880 году комиссія херсонскаго земства, вырабатывая инструкцію вызванному на совѣщаніе «свѣдущихъ людей» предсѣдателю губернской управы Ф. П. Никитину, а затѣмъ губернское собраніе 1885 года, считали своимъ долгомъ настаивать на томъ, «чтобы казенныя земли губерніи были оставлены для нуждъ ея и чтобы ихъ не заселяли переселенцами изъ другихъ губерній», а новоузенскій уѣздный земскій экономическій совѣтъ, при участіи представителей крестьянскихъ обществъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ постановилъ ходатайствовать о «воспрещеніи переселенія въ уѣздъ крестьянамъ изъ другихъ губерній»; между тѣмъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ, по разсчету губернскаго экономическаго совѣта, число малоземельныхъ не превышаетъ 24,718 душъ, которымъ недостаетъ до нормы всего 63,094 дес., площадь же казенныхъ земель уѣзда достигаетъ 587,062 десятинъ... А съ тѣмъ настроеніемъ мѣстныхъ дѣятелей, которое нашло себѣ до абсурда рѣзкое выраженіе въ приведенномъ только что ходатайствѣ, несомнѣнно придется серьезно считаться при рѣшеніи на практикѣ конкретнаго вопроса: можно ли, или нельзя отдать извѣстную площадь казенныхъ земель для водворенія переселенцевъ.

Довольно серьезный по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ земельный фондъ представляютъ собою затѣмъ удѣльныя земли. Общая площадь ихъ въ 49 губерніяхъ—7,367 тыс. дес. Но почти двѣ трети ея, именно 4,540 тыс., располагаются въ семи сѣверныхъ губерніяхъ, изъ нихъ 3,368 тыс. десятинъ — въ Архангельской, Вологодской и Новгородской; если бы и было допущено въ принципѣ переселеніе на удѣльныя земли, эти двѣ трети, очевидно, не могли бы служить колонизаціоннымъ фон-

домъ для выходцевъ изъ черноземной полосы. Въ предѣлахъ южной половины Европейской Россіи болѣе значительныя пространства удѣльныхъ земель имѣются только въ Самарской губерніи — 1,045 тыс. дес. и въ Симбирской — 816 тыс. дес.; затѣмъ въ губерніяхъ: Нижегородской, Орловской, Уфимской, Кіевской и Подольской, во владѣніи удѣла состоитъ въ каждой отъ 60 до 127 тыс. десятинъ; во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ черноземной полосы удѣльныя земли имѣются лишь въ ничтожныхъ количествахъ. Значительная часть удѣльныхъ земель, какъ и казенныхъ, занята лѣсами, сохраненіе которыхъ окажется, въ видѣ правила, безусловно необходимымъ; сельско-хозяйственныя угодья, какъ и казенныя оброчныя статьи, являются арендным фондомъ для мѣстнаго населенія, и въ конечномъ результатѣ лишь ничтожная доля удѣльныхъ земель, даже въ принципіально утвердительномъ разрѣшеніи вопроса, могла бы фактически поступить для нуждъ переселенія.

Переходимъ теперь къ Азіатской Россіи и начнемъ съ Закавказскаго края, — Предкавказье теперь уже настолько переполнено «иногородними», что для устройства ихъ едва ли хватило бы всѣхъ наличныхъ земельныхъ запасовъ края, даже при урегулированіи землепользованія мѣстнаго казачьяго и частью инородческаго населенія. Уже абсолютныхъ цифръ государственнаго землевладѣнія въ Закавказскомъ краѣ достаточно, чтобы видѣть, что этотъ край, даже при наиболѣе благопріятной комбинаціи условій, не можетъ дать сколько-нибудь значительнаго запаса земель, годныхъ для переселенія. По новѣйшимъ оффиціальнымъ даннымъ, колонизаціонный фондъ Закавказскаго края составляли: 153,000 дес. земель, уже отведенныхъ подъ русскія поселенія; 180 тыс. десятинъ земель, предназначенныхъ къ заселенію въ ближайшее время; 372 тыс. — изслѣдованныхъ, но пригодныхъ для заселенія лишь послѣ извѣстныхъ мелiоративныхъ работъ; до полутора милліоновъ десятинъ казенныхъ зимнихъ пастбищъ и 240 тыс. десятинъ казенныхъ оброчныхъ статей; всего, значитъ, до $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Но этотъ колонизаціонный фондъ, какъ тоже оффиціально признается, требуетъ весьма значительной оцѣнки съ точки зрѣнія соотвѣтствія его потребностямъ русскаго переселенія. Кубанскіе иногородніе, которыхъ, естественно, прежде всего стремились направить въ Закавказскій край, «находятъ участки Закавказья для себя неподходящими»—явленіе, вытекающее изъ «несоотвѣтствія привычнаго для упомянутыхъ крестьянъ способа веденія хозяйства на черноземныхъ степяхъ Кубани (а этотъ способъ — это вѣдь, съ извѣстными частичными измѣненіями, обычный способъ веденія хозяйства въ черноземной полосѣ!) съ совершенно новыми хозяйственными условіями орошаемыхъ низменностей и горныхъ районовъ Закавказья». Въ концѣ концѣ концовъ, по оффиціальному опять-таки признанію, «50% наличнаго колонизаціоннаго запаса не могутъ служить текущимъ потреб-

ностямъ переселенческаго дѣла и окажутся (если окажутся! *А. К.*) пригодными лишь въ будущемъ». А зимнія пастбища — это не что иное, какъ совершенно безплодныя въ лѣтнее время степи въ низменной, жаркой полосѣ края, годныя для культуры лишь при искусственномъ орошеніи, условія развитія котораго въ Закавказьѣ гораздо менѣе благопріятны, нежели, напримѣръ, въ сосѣднемъ Туркестанѣ.

Но главное, казенныя земли Закавказья *вовсе не могутъ разсматриваться, какъ земельный фондъ для водворенія русскихъ переселенцевъ* или вообще какого бы то ни было пришлаго населенія. По оффиціальному подсчету, основанному на данныхъ, собранныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ, число безземельныхъ и малоземельныхъ среди однихъ только государственныхъ крестьянъ четырехъ губерній восточнаго Закавказья достигаетъ 46%; въ Кутаисской губерніи, по подсчету мѣстнаго сельскохозяйственнаго комитета, малоземельные составляютъ 60—70% всего населенія, при чемъ надо замѣтить, что въ учетъ малоземельныхъ вводились только тѣ, чье землевладѣніе ниже низшей нормы, установленной для русскихъ переселенцевъ; а та картина арендныхъ отношеній, какая обрисовывается въ трудахъ, напримѣръ, того же кутаисскаго комитета, свидѣтельствуетъ о наличности отнюдь не менѣе, если не болѣе, рѣзкаго аграрнаго кризиса, нежели какой гонитъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи. И если, тѣмъ не менѣе, только одинъ кутаисскій комитетъ рѣшился требовать «предоставленія земледѣльцамъ Кутаисской губерніи права разселяться на свободныя казенныя земли въ предѣлахъ всего Закавказскаго края», остальные же комитеты либо обошли вопросъ молчаніемъ, либо даже рѣшались утверждать, что «стремленія къ переселенію не замѣчается», что переселенческій вопросъ въ краѣ «недостаточно назрѣлъ», то въ этомъ слѣдуетъ видѣть лишь выраженіе той специфической господствовавшей до самыхъ послѣднихъ дней кавказской политики, которая принципіально смотрѣла на свободныя земли края исключительно, какъ на способъ «усилить на Кавказѣ русскую народность». Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ шаговъ новаго намѣстника, графа Воронцова-Дашкова, было обѣщаніе допустить разселеніе на казенныхъ земляхъ мѣстнаго малоземельнаго населенія. Для устройства этого послѣдняго не хватитъ, несомнѣнно, даже и всего того земельнаго фонда, какимъ еще располагаетъ государство въ Закавказьѣ, и потому послѣднее приходится совершенно исключить изъ числа тѣхъ мѣстностей, гдѣ возможна русская колонизація.

Иную картину представляетъ Туркестанъ. Общее пространство пяти областей края превышаетъ 1.485,000 кв. верстъ, населеніе—5.260,000 человѣкъ, что даетъ плотность населенія всего въ 3,6 на кв. версту. При этомъ осѣдлое и полуосѣдлое населеніе края густо заняло незначительные по пространству оазисы, протянувшіеся неширокими полосами по

теченіямъ нѣкоторыхъ рѣкъ и вдоль предгорій туркестанскаго горнаго массива. Необъятныя пространства остаются ненаселенными и только въ извѣстное время года—одни весною или осенью, другія зимой или лѣтомъ—служатъ пастбищемъ для киргизскихъ и туркменскихъ табуновъ. И это отнюдь не потому, чтобы почвенныя условія безусловно исключали здѣсь возможность заселенія и земледѣльческой культуры. Почва многихъ изъ „голодныхъ пустынь" Туркестана—знаменитый средне-азіатскій лессъ, отличающійся, при достаточномъ орошеніи, высокимъ плодородіемъ. Но вопросъ именно въ орошеніи; возможность дальнѣйшей—русской или какой бы то ни было—колонизаціи Туркестана зависитъ не столько отъ запасовъ *земли*, сколько отъ запасовъ *воды*, могущей быть использованною для искусственнаго орошенія. Правда, въ предгорныхъ районахъ производятся безъ полива такъ называемые «богарные» посѣвы, и земледѣліе подъ дождь способно давать гораздо болѣе надежные результаты, нежели обычно принято думать: во многихъ мѣстахъ урожайность богарныхъ посѣвовъ даже въ худшіе годы не падаетъ ниже самъ 4—5, а средній урожай не ниже самъ 7—8, о какомъ и не мечтаетъ земледѣлецъ южной или средней Россіи. Но годныхъ для богарной культуры земель не такъ много, и богарныя земли, гдѣ онѣ и есть, можно отводить въ надѣлъ переселенцамъ лишь въ комбинаціи съ поливными землями, отъ наличности которыхъ, такимъ образомъ, и зависитъ возможность водворенія въ краѣ русскихъ поселенцевъ. Вопроса о наличности земель, годныхъ для орошенія, не стоитъ даже ставить: достаточно пересѣчь край въ любомъ направленіи, чтобы видѣть развалины множества заброшенныхъ сотни лѣтъ тому назадъ селеній и городовъ, окруженныхъ нерѣдко на десятки квадратныхъ верстъ сѣтями когда-то дѣйствовавшихъ оросительныхъ каналовъ и канавокъ, и общая площадь лессовыхъ пустынь, ожидающихъ искусственнаго орошенія, исчисляется, несомнѣнно, многими милліонами десятинъ. Менѣе благопріятно разрѣшается вопросъ о свободныхъ запасахъ оросительной воды. По примѣрному подсчету, сдѣланному въ трудахъ сыръ-дарьинскаго сельско-хозяйственнаго комитета, однѣ только двѣ главныя водныя артеріи края—Сыръ и Аму-Дарья—могли бы оросить еще до двухъ милліоновъ десятинъ; по даннымъ инженера-гидравлика Петрова, общій запасъ еще могущихъ быть использованными водъ въ этихъ рѣкахъ достаточенъ не болѣе, нежели на одинъ милліонъ десятинъ, изъ которыхъ въ Ферганской области могло бы быть орошено 246 тыс., въ Голодной степи, Самаркандской области, 375 тыс., въ Сыръ-Дарьинской области 244 тыс. десятинъ, въ низовьяхъ Аму, въ предѣлахъ Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ и частью Аму-Дарьинскаго отдѣла, 130 т. десятинъ. Въ Семирѣчьѣ запасъ земель, «при орошеніи наиболѣе удобныхъ для земледѣлія», исчисляется мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ

комитетомъ въ 4,846,000 десятинъ, при чемъ однако остается не вполнѣ выясненнымъ, выведена ли эта цифра изъ точнаго учета запасовъ воды или просто изъ наличности слѣдовъ древнихъ поселеній и оросительныхъ системъ. Какъ ни шатки всѣ эти и подобныя указанія, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что неиспользованныя воды Туркестана тоже позволили бы оросить не одинъ милліонъ десятинъ, и площадь орошенной земли могла бы быть еще значительно расширена, если бы удалось урегулировать водопользованіе и установить правильныя нормы расхода поливной воды.

Но орошеніе милліоновъ десятинъ—это, прежде всего, огромное техническое дѣло, требующее затраты сотенъ милліоновъ рублей; въ среднемъ на переселенческую семью орошеніе обойдется отъ 500 до 1500 рублей, и громадной важности вопросъ: не выгоднѣе ли истратить эти деньги на улучшеніе крестьянскаго хозяйства и на подъемъ крестьянской культуры на мѣстахъ... Далеко не доказано затѣмъ, чтобы такая задача, какъ орошеніе милліоновъ десятинъ, оказалась посильною для русской ирригаціонной техники—до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, она не доказала своей способности осуществлять подобныя грандіозныя предпріятія. Но и при наилучшей техникѣ такія грандіозныя оросительныя работы потребовали бы десятковъ лѣтъ, и, слѣдовательно, на десятки лѣтъ пришлось бы растянуть заселеніе могущихъ быть орошенными земель; но главное, далеко не всѣ неиспользованныя въ данное время воды Туркестана могутъ быть признаны *свободными* водами и, слѣдовательно, использованы для русской колонизаціи. Основной принципъ нашей колонизаціонной политики—использовать для этой цѣли лишь излишнія земли, не только не нарушая существующаго хозяйства туземнаго населенія, но и не преграждая ему возможности хозяйственнаго и культурнаго развитія; этотъ принципъ остается справедливымъ и по отношенію къ оросительной водѣ, которая въ Туркестанѣ дороже, нежели земля. Между тѣмъ, даже осѣдлое населеніе Туркестана далеко не вездѣ достаточно обезпечено оросительною водою. А затѣмъ—нельзя забывать о двухъ-милліонномъ кочевомъ населеніи Туркестана, киргизахъ и туркменахъ, которое уже давно находится въ фазисѣ перехода къ осѣдлости и къ земледѣльческому хозяйству, но въ большинствѣ еще не вышло изъ начальныхъ стадій этого перехода, а потому использовало пока лишь ничтожную часть той оросительной воды, которая потребуется ему для окончательнаго перехода къ осѣдлости и земледѣльческому хозяйству. Эта будущая потребность постепенно осѣдающаго кочевого населенія не можетъ быть оставлена безъ вниманія при рѣшеніи вопроса о количествѣ свободныхъ водъ, могущихъ быть использованными для русскихъ переселенцевъ. А разъ это такъ, то изъ тѣхъ нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ, которыя еще возможно оросить свободными водами Турке-

стана, подъ русскія поселенія удастся отвести лишь очень небольшую часть, и, слѣдовательно, возможность переселенія въ Туркестанъ—какъ разъ одинъ изъ тѣхъ колонизаціонныхъ районовъ, которые особенно привлекательны для выходцевъ изъ черноземной полосы—будетъ поставлена въ очень тѣсные предѣлы.

Переходимъ теперь къ кореннымъ, если можно такъ выразиться, нашимъ колонизаціоннымъ районамъ—къ Сибири и Степному краю. Почти прекратившееся въ первыя десятилѣтія пореформеннаго періода переселеніе въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія хлынуло въ Сибирь неудержимою волною. И забытые въ то время Богомъ и людьми переселенцы, послѣ 4—5 лѣтъ жизни на новомъ мѣстѣ, «достигали въ среднемъ такого уровня благосостоянія, о которомъ даже и не могли мечтать на родинѣ» (Качоровскій). «Колонизація—писалъ въ то время Ядринцевъ—имѣетъ такое же врачующее и исцѣляющее значеніе, какъ имѣетъ воздухъ съ перемѣной климата для больного, съ тою разницей, что здѣсь истощенныя экономическія силы народа возстановляются многоземельемъ, просторомъ и плодородіемъ почвы».... Еще недавно писавшіе о переселеніи смѣло говорили о многихъ десяткахъ и сотняхъ милліоновъ переселенцевъ, которыхъ Сибирь способна принять въ самое ближайшее время. И дѣйствительно: организовавъ съ 1893 года систематическія землеотводныя работы, правительство въ первые же два-три года, съ ничтожными сравнительно затратами, могло нарѣзать нѣсколько милліоновъ десятинъ такихъ земель, которыя если не были безукоризненно хороши, то во всякомъ случаѣ по доступности мѣстоположенія, легкости разработки, обилію заработковъ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ переселенцевъ; оно могло притомъ сдѣлать это, не выходя за предѣлы нѣсколькихъ прорѣзанныхъ линіею Сибирской желѣзной дороги уѣздовъ трехъ сибирскихъ губерній и Акмолинской области. Этотъ первый успѣхъ окрылялъ надежды и подтверждалъ, казалось, основанное на апріорныхъ соображеніяхъ убѣжденіе въ безпредѣльной колонизаціонной емкости Сибири, и правительство, съ того времени проявляющее живой интересъ къ сибирскому переселенію, считало возможнымъ развивать его во всю ширину и открыть ему возможную свободу. Но скоро наступило разочарованіе. Многозначителенъ уже тотъ фактъ, что такое же въ среднемъ, какъ и въ первые годы, количество земли (кругомъ 1.100,000 десятинъ въ годъ) теперь удается заготовлять лишь при вчетверо или впятеро большихъ затратахъ; а главное, для этого пришлось разбросать землеотводныя работы по всей необъятной Сибири и Пріамурью до Тихаго океана, по пяти киргизскимъ областямъ и по четыремъ губерніямъ восточной полосы Европейской Россіи; районъ землеотводныхъ работъ распространился на 15 губерній и областей, и, несмотря на это, нѣтъ никакой надежды на то, чтобы количество земель, заготов-

ленныхъ подъ заселеніе, удалось не только увеличить, но даже хотя бы поддержать на томъ же уровнѣ, который былъ такъ легко достигнутъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ. Не менѣе многозначительны и тѣ перемѣны въ переселенческой политикѣ, которыя были вызваны наступившимъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ разочарованіемъ въ безпредѣльности земельныхъ запасовъ Сибири. Правительство продолжало съ живѣйшимъ интересомъ относиться къ дѣлу колонизаціи «района сибирской желѣзной дороги». И тѣмъ не менѣе, начиная съ 1897 года, оно вновь вступаетъ на путь мѣръ, направленныхъ къ задержанію дальнѣйшаго роста переселенческаго движенія. По мысли центральнаго правительства, эти мѣры должны были состоять въ сокращеніи ссудной помощи, разсчетъ на которую является существенною приманкою для переселенцевъ; въ распространеніи разными способами болѣе правильныхъ представленій о дѣйствительныхъ условіяхъ сибирской колонизаціи, при чемъ наибольшее значеніе приписывалось организаціи ходачества. На практикѣ онѣ скоро выродились въ систему запретительныхъ мѣръ, направленныхъ какъ вообще къ тому, чтобы задержать переселенческій потокъ, такъ и къ тому, чтобы удержать отъ переселенія бѣднѣйшіе элементы, которымъ при современныхъ условіяхъ слишкомъ трудно устраиваться въ Сибири.

Тотъ обильный, хотя далеко и не безукоризненный въ качественномъ смыслѣ фактическій матеріалъ, который добытъ за десять слишкомъ лѣтъ систематическихъ изслѣдованій и землеотводныхъ работъ, равно какъ исторія сибирскаго переселенія за тотъ же приблизительно періодъ, устраняютъ всякую возможность сомнѣваться въ томъ, что Сибирь со Степнымъ краемъ дѣйствительно не можетъ уже играть серьезной роли, какъ пріемникъ для нашего переселенческаго движенія. Если отвлечься отъ различій второстепеннаго характера, то такъ называемая коренная Сибирь, т. е. четыре предбайкальскія губерніи вмѣстѣ съ Пріамурьемъ, можетъ быть охарактеризована, какъ районъ лѣсной колонизаціи, и противопоставлена киргизскому краю, какъ району съ землями рѣзко выраженнаго степного типа. На первый взглядъ такое противопоставленіе можетъ показаться противорѣчащимъ дѣйствительности—достаточно самаго поверхностнаго представленія о Сибири, чтобы знать, что ея естественно-географическія условія въ высшей степени пестры, представляя всѣ переходы отъ совершенно безлѣсныхъ степей нѣкоторыхъ мѣстностей юго-западной Сибири или Пріамурья и кончая глухою «черною» тайгою. Но процессъ заселенія степныхъ и даже полустепныхъ районовъ Сибири можетъ считаться приблизительно законченнымъ: въ такихъ районахъ—если говорить сначала о коренной Сибири—гуще всего осѣло старожилое населеніе, а все, что было возможно изъять изъ его свободнаго еще недавно пользованія, было изъято и заселено въ серединѣ

90-хъ годовъ: въ первые же годы систематическихъ землеотводныхъ работъ и массовой колонизаціи; кое-что освободится еще по мѣрѣ хода поземельнаго устройства старожилаго населенія, но только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Алтая этимъ путемъ можно будетъ получить еще сколько-нибудь значительныя площади земель степного или полустепного типа. Въ Пріамурскомъ краѣ земли такого рода располагаются почти исключительно въ двухъ ограниченныхъ по пространству районахъ: Ханкайскомъ, въ Приморской области, и Зейско-Буреинскомъ, въ Амурской области; но оба эти района также уже почти сплошь заселены, и въ настоящее время здѣсь добираютъ послѣднія сотни тысячъ десятинъ. Все остальное, на что можно разсчитывать въ Сибири и въ Пріамурьѣ, это лишь лѣсныя земли, необъятная сибирская тайга. Правда, дѣйствительный ея характеръ далеко не соотвѣтствуетъ тому представленію о дремучихъ, первобытныхъ лѣсахъ, которое привыкли соединять съ этимъ названіемъ. Въ перемѣшку съ первобытною «черною», елово-пихтовою и кедровою тайгою и обширными борами съ песчаною почвой, изслѣдованія и рекогносцировки ряда послѣднихъ лѣтъ обнаружили обширныя площади «бѣльниковъ», «дубровъ» и «еланей», подъ вліяніемъ послѣдовательныхъ лѣсныхъ пожаровъ совершенно измѣнившихъ свою первобытную физіономію: хвойный лѣсъ смѣнился лиственнымъ или даже совершенно исчезъ, оставивъ послѣ себя безлѣсныя поляны; получившіе доступъ къ почвѣ солнечные лучи устранили избыточную сырость, ускорили процессы созрѣванія почвы, переродили травяной покровъ, измѣнили къ лучшему даже климатическія условія, и такимъ образомъ явились обширныя пространства земель, годныхъ для земледѣльческой колонизаціи. Много ли такихъ пространствъ, сказать нельзя: рекогносцировки захватили пока лишь небольшую часть необъятной тайги, и можно почти съ увѣренностью ожидать, что въ невѣдомыхъ ея дебряхъ кроется еще много милліоновъ десятинъ культуроспособныхъ земель; притомъ процессъ освѣтлѣнія тайги далеко не закончился, и съ каждымъ десятилѣтіемъ будутъ созрѣвать для культуры новыя сотни тысячъ, а, можетъ быть, и милліоны десятинъ. Говорить о близкомъ концѣ таежной колонизаціи поэтому не приходится. Но прежде всего, какъ по чисто техническимъ условіямъ разработки лѣсныхъ земель, такъ и въ особенности по экономическимъ соображеніямъ, заселеніе таежныхъ пространствъ какъ до сихъ поръ шло, такъ и впредь должно идти лишь медленно и постепенно, чтобы каждая послѣдующая линія поселеній могла найти себѣ прочный колонизаціонный базисъ въ уже окрѣпшихъ селеніяхъ предыдущей линіи. А главное, вѣдь лѣсныя и въ особенности таежныя земли—это *не то, что нужно* для нашего переселенія. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить тотъ парадоксальный фактъ, что правительство, крайне заинтересованное въ возможномъ расширеніи сибирскаго переселенія, тѣмъ не менѣе

почти прекратило въ послѣдніе годы заготовленіе переселенческихъ участковъ въ губерніяхъ коренной Сибири. Вполнѣ пригодныя для заселенія, если смотрѣть безотносительно, сибирскія лѣсныя земли совершенно не соотвѣтствуютъ требованіямъ выходцевъ изъ черноземной полосы, а слѣдовательно могутъ имѣть, съ точки зрѣнія общей переселенческой политики, лишь самое ограниченное значеніе. Уже во второй половинѣ 90 годовъ, когда лѣсные участки нарѣзались въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ надѣлами старожильскихъ селеній, на такіе участки садилось всего 3% переселенцевъ изъ южныхъ и малороссійскихъ, 7% переселенцевъ изъ сѣверно-черноземныхъ и юго-восточныхъ губерній; о водвореніи переселенцевъ изъ черноземной полосы въ тайгѣ не можетъ быть и рѣчи,—недаромъ сельско-хозяйственные комитеты такъ усиленно подчеркиваютъ, что «въ Сибири въ настоящее время остается все менѣе и менѣе запаса такихъ переселенческихъ земель, обработка которыхъ была бы подъ силу свыкнувшимся съ мѣстными пріемами и обычаями» выходцамъ изъ черноземной полосы; недаромъ лица, стоящія близко къ дѣлу водворенія переселенцевъ въ Сибири, констатируютъ, что «крестьяне черноземной полосы мало-по-малу уступаютъ мѣсто переселенцамъ изъ нечерноземныхъ и лѣсныхъ губерній»; что вообще «доминирующее значеніе черноземной полосы должно въ ближайшемъ будущемъ перейти къ нечерноземнымъ губерніямъ, и что особенно характерно—даже пермяки и вятичи, и тѣ теперь избѣгаютъ идти въ лѣсныя мѣстности Сибири и несравненно охотнѣе водворяются въ степныхъ и полустепныхъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа.

Итакъ, если смотрѣть на вопросъ съ чисто количественной стороны, земель въ коренной Сибири много. Но это—*не тѣ земли, какія нужны* нашему реальному, конкретному переселенческому движенію, и ихъ несоотвѣтствіе потребностямъ послѣдняго хотя и можетъ быть нѣсколько смягчено, но не можетъ быть устранено ни проложеніемъ дорогъ, ни какими бы то ни было другими мѣрами экономическаго или попечительнаго характера: тайга всегда останется тайгою и, въ предѣлахъ возможнаго предвидѣнія, не будетъ привлекать переселенца изъ черноземной полосы.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о киргизскомъ краѣ. Какъ велика его притягательная сила для переселенцевъ и вообще и въ частности для выходцевъ изъ черноземной полосы, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія колонизаціи степей: въ то время, какъ въ сибирскихъ лѣсахъ изъ года въ годъ пустуетъ много десятковъ тысячъ душевыхъ долей, наплывъ переселенцевъ въ степи постоянно опережаетъ нарѣзку земель, ведя за собою хроническое «закрытіе» степныхъ областей для переселенія и порождая неустранимую земельную неурядицу...

Общее пространство четырехъ киргизскихъ областей *) достигаетъ 1.630.000 кв. верстъ, населеніе 2.700,000 душъ, средняя плотность населенія 1,6; если же считать только киргизовъ и ихъ землевладѣніе— 1,2 на кв. версту. Какое, казалось бы, сомнѣніе въ томъ, что въ киргизскихъ степяхъ можно поселить еще массу народа безъ замѣтнаго стѣсненія для туземцевъ—киргизовъ!.. Но естественныя условія степей, какъ мы сейчасъ увидимъ, крайне пестры; постепенно переходящіе къ осѣдлости киргизы, естественно, заняли своими зимовками, покосами, пашнями какъ разъ тѣ самыя мѣстности, которыя по условіямъ почвы, травяному покрову, водоснабженію были бы наиболѣе удобны для русской колонизаціи, а потому въ такихъ мѣстностяхъ можно использовать для переселенія лишь сравнительно небольшіе излишки; гдѣ степь, напротивъ, лишь крайне слабо используется или вовсе не используется киргизами, гдѣ поэтому можно было бы поселить, безъ всякаго для нихъ ущерба, многія сотни тысячъ крестьянъ, тамъ, въ видѣ правила, естественныя условія исключаютъ возможность русской колонизаціи.

Сказанное справедливо даже и по отношенію къ сѣверной (примѣрно до 50-й параллели) полосѣ киргизскихъ степей, составляющей естественное продолженіе восточно-русской и западно-сибирской черноземной степи, а потому особенно привлекательной для переселенцевъ. Русскія поселенія группируются здѣсь болѣе или менѣе густо въ такихъ мѣстностяхъ, какъ сѣверная часть Омскаго, средняя часть Петропавловскаго, средняя и юго-западная часть Кокчетавскаго, сѣверная часть Кустанайскаго, сѣверныя окраины Акмолинскаго и Атбасарскаго уѣздовъ; за 11 лѣтъ, съ 1893 по 1903, здѣсь отведено подъ заселеніе и большею частью заселено до трехъ милліоновъ десятинъ; здѣсь же и сейчасъ нарѣзываются новые участки. Огромныя пространства, рѣзко бросающіяся въ глаза на 40-верстной картѣ, совершенно лишены, и насколько возможно предвидѣть, и впредь будутъ лишены русскихъ, вообще осѣдлыхъ поселеній, возможность устройства которыхъ исключается преобладаніемъ солонцеватыхъ и вообще неудобныхъ для культуры почвъ, недостаточностью водоснабженія или же обѣими этими причинами въ совокупности. Еще гораздо хуже обстоитъ дѣло въ южной, несравненно болѣе обширной полосѣ киргизскихъ степей, протянувшейся отъ 50—49 параллели до предгорій туркестанскаго горнаго массива и въ географическомъ смыслѣ принадлежащей къ Арало-Каспійскому бассейну. Здѣсь крайне сомнительны уже и почвенныя условія: черноземъ сѣверныхъ степей уступаетъ мѣсто солонцеватымъ, каменистымъ, песчанымъ, глинистымъ, далѣе на югъ—лессовымъ почвамъ, весьма мало пригоднымъ для земледѣльческаго хозяйства нашихъ переселенцевъ. Крайне

*) Безъ Семирѣчья, которое мы касаемся, говоря о Туркестанѣ.

неудовлетворительно водоснабженіе, но еще хуже климатическія условія, въ особенности по количеству осадковъ: уже въ Акмолинскѣ оно не превышаетъ 219 мм., въ Иргизѣ (на 48°)—174 мм. Крайне рискованное уже на широтѣ Акмолинска, земледѣліе подъ дождь верстъ на сто южнѣе становится окончательно невозможнымъ; здѣсь требовалось бы искусственное орошеніе, но возможность сколько-нибудь широкаго его развитія безусловно исключается крайнею недостаточностью запасовъ годной для полива воды, которой далеко не хватило бы даже для мѣстныхъ киргизовъ. Неудивительно, если всѣ предпринимавшіяся до сихъ поръ въ южной полосѣ изслѣдованія и рекогносцировки давали крайне неудовлетворительные результаты: изъ сотенъ тысячъ десятинъ удавалось находить небольшіе клочки, по характеру почвы годные для земледѣльческой культуры; въ Семипалатинской области, за 1901—1903 гг., было обслѣдовано свыше семи милліоновъ десятинъ, а найдено годныхъ для заселенія 360 тысячъ, да и на этихъ клочкахъ шансы будущей русской колонизаціи въ виду крайне засушливаго климата нельзя признать благопріятными. Очевидно, что серьезно говорить о южныхъ киргизскихъ степяхъ, какъ о колонизаціонномъ фондѣ, не приходится; наше переселеніе можетъ разсчитывать въ сущности только на сѣверную полосу, и здѣсь—только на тѣ районы, которые колонизировались до настоящаго времени. Но эти районы—тѣ самые, гдѣ сосредоточивается главная масса осѣдающаго киргизскаго населенія, и потому можно съ увѣренностью сказать, что другихъ трехъ милліоновъ десятинъ свободныхъ и годныхъ для заселенія земель въ киргизской степи не найдется уже ни въ какомъ случаѣ.

Итакъ, съ одной стороны сибирская тайга съ довольно большими, повидимому, запасами годныхъ для заселенія земель, но земель, не соотвѣтствующихъ конкретнымъ потребностямъ переселенія; съ другой—киргизскія степи, естественныя условія которыхъ въ общемъ гораздо болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ господствующаго типа переселенцевъ, но которыхъ земельные запасы уже очень близки къ окончательному истощенію... Практическій результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ: *переселенцамъ все труднѣе и труднѣе находить себѣ подходящія земли, вообще устраиваться въ Сибири.* Объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуютъ, прежде всего, статистическія данныя о результатахъ ходаческаго движенія. Еще въ 1895 году 55% ходоковъ нашли себѣ землю въ Сибири; въ 1899—1903 гг. процентъ нашедшихъ землю колеблется между 31,9 и 19,9%,—отъ двухъ третей до четырехъ пятыхъ ежегодно возвращается домой съ пустыми руками. Особенно рѣзкое паденіе процента ходоковъ, нашедшихъ землю, наблюдается какъ разъ въ самыхъ излюбленныхъ переселенческихъ районахъ—Алтайскомъ округѣ и Акмолинской области; тѣ ходоки, которые не боятся лѣса, и посейчасъ срав-

нительно легко находятъ себѣ землю въ коренной Сибири. Крайне характерны притомъ данныя о причинахъ безуспѣшнаго ходачества: въ Акмолинской области до 80% всѣхъ случаевъ обусловливалось «неимѣніемъ разрѣшенія», а разрѣшеніе не давалось именно потому, что не хватало заготовленныхъ участковъ, или «несвободностью участка»; по Алтаю 77% всѣхъ случаевъ было вызвано чрезмѣрною высотою платы за пріемные приговоры,—все это различныя проявленія уже наступившаго переполненія переселенцами этихъ излюбленныхъ колонизаціонныхъ районовъ. Довольно высокій процентъ случаевъ безуспѣшности ходачества былъ вызванъ причинами той же категоріи и въ западной и даже въ средней Сибири: и здѣсь въ каждой губерніи есть мѣстности, гдѣ переселенцы охотно стали бы селиться, но эти мѣстности также уже переполнены переселенцами. Затѣмъ въ 9,4 случаевъ для Тобольской и въ 12,8% случаевъ для Томской губерніи безуспѣшность ходачества была вызвана «плохою почвой» или «суровымъ климатомъ»; въ двухъ средне-сибирскихъ губерніяхъ «плохая почва» даетъ уже 27—29%, а «суровымъ климатомъ, мошкой, лѣсистымъ характеромъ мѣстности» было обусловлено по Енисейской губерніи 10,2%, по Иркутской 45% всѣхъ случаевъ безрезультатнаго ходачества. Чѣмъ, слѣдовательно, дальше на востокъ, тѣмъ рѣзче проявляется несоотвѣтствіе естественныхъ условій тѣхъ земель, которыя предлагаются переселенцамъ, съ потребностями даже тѣхъ изъ нихъ, которые рѣшаются идти искать земель въ сибирскіе лѣса.

Рѣзко возрастающая трудность устраиваться въ Сибири ясно доказывается и данными объ обратномъ переселеніи. Еще въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ оно не превышало 3,6%—процентъ, внушавшій тѣмъ менѣе опасеній, что до трехъ четвертей тогдашнихъ обратныхъ возвращались въ Россію, проживъ въ Сибири менѣе года, слѣдовательно, не сдѣлавъ серьезной попытки обзавестись «на новомъ мѣстѣ». За пятилѣтіе 1894—1898 гг. обратное переселеніе поднимается до 13,8%, за пятилѣтіе 1899—1903 гг. оно достигаетъ огромной цифры 18,8%, при чемъ три четверти обратныхъ изъ Акмолинской области и половина—изъ Алтайскаго округа и остальной западной Сибири прожили въ Сибири болѣе года, слѣдовательно претерпѣли неудачу въ болѣе или менѣе серьезной попыткѣ обосноваться. И въ то время, какъ обратное переселеніе изъ Алтайскаго округа и киргизской степи, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, было вызвано, какъ и безуспѣшное ходачество, разными симптомами пресыщенія этихъ районовъ переселенцами, для западной Сибири треть, для Енисейской половина, для Иркутской четыре пятыхъ случаевъ обратнаго переселенія были вызваны «плохою почвой», «суровымъ климатомъ» и тому подобными причинами; новое доказательство

того, что естественныя условія коренной Сибири чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ менѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ переселенцевъ.

А между тѣмъ обратными переселенцами далеко не исчерпываются тѣ, кому переселеніе не дало ничего, кромѣ горя и разоренія: чтобы возвратиться на родину, все-таки нужны нѣкоторыя средства и извѣстная энергія, которыхъ нѣтъ у очень многихъ изъ переселенцевъ-неудачниковъ. И тѣмъ болѣе устрашающее значеніе пріобрѣтаетъ такая цифра, какъ 18,8%, или въ абсолютныхъ числахъ за пятилѣтіе 1899—1903 гг. почти 100,000 душъ обратныхъ переселенцевъ.

Уже a priori было ясно, что высокій процентъ безуспѣшнаго ходачества, а тѣмъ болѣе громадное обратное переселеніе, будетъ способствовать распространенію въ народныхъ массахъ болѣе трезвыхъ представленій о переселеніи въ Сибирь и тѣмъ самымъ поведетъ къ сокращенію переселенческаго движенія. И дѣйствительно, цифра 186,000 (безъ ходоковъ), достигнутая сибирскимъ переселеніемъ въ 1896 году, уже не повторялась: въ 1898—1900 гг. размѣры сибирскаго переселенія колебались между 144 и 165 тысячами; въ 1901 г. переселилось уже всего только 86 тыс., въ слѣдующіе два года — по 77 тыс., не говоря уже о несчастномъ 1904 годѣ, когда вліяніе военныхъ событій понизило размѣръ переселенія до 27,000. Съ увѣренностью можно сказать, что сибирское переселеніе, при естественномъ ходѣ вещей, уже не вернется къ прежнему размѣру; если же оно будетъ искусственно вздуто путемъ новыхъ мѣръ, направленныхъ къ его «широкому развитію», то за этимъ неизбѣжно послѣдуетъ такое обратное переселеніе, какого еще не бывало, и о которомъ страшно даже и подумать...

Крайне характерны и измѣненія въ составѣ переселяющихся въ Сибирь. Еще въ 1891—1895 гг. 88,8% переселенцевъ шли изъ черноземной полосы, въ томъ числѣ 76,8% изъ двухъ районовъ: сѣверно-и средне-черноземнаго (по классификаціи Н. Х. Бунге). Въ 1901—1903 гг. эти два района даютъ уже только 37,5%, вся вообще черноземная полоса—62% всего переселенческаго движенія. Еще характернѣе абсолютныя цифры: изъ сѣверно-и средне-черноземнаго районовъ въ Сибирь съ Степнымъ краемъ переселялось, въ среднихъ погодныхъ цифрахъ за пятилѣтіе 1891—1895 гг., по 54 тыс., въ 1896—1900 гг. по 85 тыс., въ 1901—1903 гг. уже только по 30 тыс.; соотвѣтственныя цифры для юго-восточнаго степного района 8,000, 17,000 и 3,600, для сѣверо-восточныхъ губерній, которыя до недавняго времени давали Сибири ея лучшихъ пионеровъ,—7,500, 6,000 и 3,000. Такимъ образомъ, размѣры переселенія въ Сибирь рѣзко сокращаются во всѣхъ старыхъ, коренныхъ переселенческихъ районахъ: безрезультатное ходачество и обратное переселеніе уже въ достаточной степени распространили среди населенія

этихъ мѣстностей сознаніе, что въ Сибири слишкомъ трудно найти то, чего ищутъ переселенцы. Правда, въ серединѣ 90-хъ годовъ въ черноземной Россіи появляются два новыхъ переселенческихъ района, юго-западный и южный степной; изъ перваго переселялось въ 1896—1900 гг. въ среднемъ въ годъ по 4,000, въ 1901—1903 гг. по 6,000; изъ второго, въ тѣ же періоды, по 8,500 и по 11,000 душъ. Но условія сибирской колонизаціи слишкомъ мало соотвѣтствуютъ потребностямъ выходцевъ изъ этихъ двухъ районовъ; уже въ виду хронологическаго совпаденія едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что переселеніе здѣсь возникло въ значительной мѣрѣ искусственно, подъ вліяніемъ преувеличенныхъ слуховъ о той помощи, которую въ серединѣ 90-хъ годовъ начали оказывать переселенцамъ; и переселеніе изъ этихъ мѣстностей затихнетъ, какъ только безрезультатные ходоки и обратные переселенцы отрезвляющимъ образомъ повліяютъ на распаленное народное воображеніе. Извѣстную будущность имѣетъ только возникшее около того же времени и дающее въ среднемъ на годъ до 21,000 человѣкъ переселеніе изъ западныхъ—литовскихъ и главнымъ образомъ бѣлорусскихъ губерній: бѣлоруссы охотнѣе, нежели кто-либо, осѣдаютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Сибири и, повидимому, не тяготятся ни суровымъ климатомъ, ни «гнусомъ», ни расчисткой земли изъ-подъ лѣса. Но какъ бы ни развилось переселеніе изъ этого и другихъ нечерноземныхъ районовъ, это нисколько не поможетъ рѣшенію аграрнаго вопроса тамъ, гдѣ онъ стоитъ острѣе всего, именно въ черноземной полосѣ. Не напрасно, повторяю, сельско-хозяйственные комитеты такъ усиленно подчеркивали необходимость направить переселеніе въ какіе-нибудь другіе, болѣе подходящіе районы. Но мы уже видѣли, что ни одинъ изъ такихъ районовъ не обѣщаетъ сколько-нибудь широкаго простора переселенія.

Мы доказали—думается намъ—что о «широкой» постановкѣ переселеній, такой широкой, при которой они могли бы послужить если не коренною мѣрой общаго значенія, то хотя бы сколько-нибудь серьезнымъ палліативомъ, не приходится даже и мечтать. Въ надеждѣ на переселенія нельзя поэтому ни на одинъ день откладывать той болѣе серьезной органической работы, которая могла бы повести къ дѣйствительному, коренному разрѣшенію аграрнаго кризиса, а слѣдовательно, къ прочному улучшенію хозяйственнаго положенія нашего крестьянства. И въ высшей степени важно, чтобы общество, литература и правящія сферы перестали игнорировать тѣ указанія жизни, которыя я, можетъ быть, слишкомъ слабо и неумѣло сгруппировалъ на предыдущихъ страницахъ. *Жизнь не позволитъ игнорировать себя*, и она жестоко накажетъ тѣхъ,

кто будетъ пренебрегать ея уроками,—накажетъ разореніемъ тѣхъ лишнихъ десятковъ тысячъ людей, кого основанная на тщетныхъ иллюзіяхъ переселенческая политика натолкнетъ на переселеніе или хотя бы только не удержитъ отъ него. А съ другой стороны, такія тщетныя иллюзіи отвлекаютъ и общество, и правительство, и, что важнѣе всего, само населеніе отъ той болѣе серьезной органической работы, о которой я только что упоминалъ. Какова должна быть эта работа въ чисто аграрной области, этотъ вопросъ выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи. Но я считаю своею обязанностью высказать убѣжденіе, что эта работа должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и *культурною* работой, притомъ не только въ болѣе общемъ смыслѣ — уширенія и углубленія умственной и духовной культуры нашего народа, но и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ — *повышенія нашей сельско-хозяйственной культуры*. Этой культурной работы нельзя откладывать, и съ нею нѣтъ надобности ждать; *нельзя откладывать* потому, что мы совершенно не готовы встрѣтить тотъ моментъ, хотя бы его и удалось на десятокъ лѣтъ оттянуть разными палліативами, когда придется во что бы то ни стало повышать производительность крестьянской надѣльной земли; наша общественная агрономія для многихъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностей даже не намѣтила еще тѣхъ путей, которыми можетъ быть интенсировано крестьянское хозяйство, и она не будетъ знать, что отвѣчать на тѣ серьезные запросы, которые предъявитъ къ ней тогда крестьянство. *Нѣтъ надобности ждать*, пока расширится крестьянское землевладѣніе, потому что вѣдь *не все же* наше крестьянство стоитъ въ условіяхъ такого крайняго малоземелья, которое исключаетъ возможность подъема сельско-хозяйственной культуры и повышенія производительности земли: уже сейчасъ *возможно* и, не теряя времени, *нужно* улучшать хозяйство лучше обезпеченныхъ землею группъ населенія, а затѣмъ уже постепенно переходить къ самымъ малоземельнымъ, параллельно съ увеличеніемъ размѣровъ ихъ землевладѣнія. Не приходится ждать и того, чтобы подъемъ народнаго образованія и улучшеніе общихъ условій жизни деревни подняли общій культурный уровень населенія. Повышеніе этого уровня, конечно, окажетъ свое вліяніе и на сельско-хозяйственную культуру. Но, съ одной стороны, опытъ въ достаточной мѣрѣ доказалъ, что наше крестьянство и такъ, какъ оно есть сейчасъ, быстро усваиваетъ весьма существенныя хозяйственныя улучшенія, разъ оно получаетъ для этого серьезный толчокъ извнѣ и убѣждается въ полезности и выгодности такихъ улучшеній; съ другой стороны, крестьянская масса, даже и при повышенномъ уровнѣ культуры, вѣдь не сама будетъ вырабатывать новые пріемы и способы хозяйства; она потребуетъ ихъ отъ общественной агрономіи, и послѣдняя, какъ я уже сказалъ, уже сейчасъ должна начать серьезно готовиться къ тому, чтобы отвѣчать на эти требованія. И какъ ни страннымъ можетъ пока-

заться читателю, *серьезная культурная работа необходима даже и въ непосредственныхъ интересахъ переселенія.* При своемъ нынѣшнемъ культурномъ безсиліи нашъ переселенецъ мало-мальски прочно и хорошо устраивается только тамъ, гдѣ попадаетъ въ привычныя ему природныя условія и гдѣ притомъ онъ можетъ опереться на культурный опытъ старожилаго населенія, да и въ такихъ мѣстностяхъ благосостояніе его гораздо болѣе кажущееся, нежели настоящее; но онъ оказывается совершенно безпомощнымъ, если попадаетъ въ такія естественныя и хозяйственныя условія, при которыхъ нельзя вести хозяйство способами, принесенными съ собою съ родины или цѣликомъ отъ кого-нибудь перенятыми, а необходимо разумное приспособленіе и самостоятельная выработка новыхъ способовъ и пріемовъ хозяйства. И въ результатѣ—огромное обратное переселеніе, многочисленный контингентъ бродячихъ переселенцевъ, громадный процентъ безлошадныхъ или—что «на новыхъ мѣстахъ» то же самое—однолошадныхъ, обрабатывающихъ землю супрягою или наймомъ, вообще въ большей или меньшей мѣрѣ утратившихъ хозяйственную самостоятельность. Въ результатѣ въ киргизскомъ степномъ районѣ, при громадныхъ надѣлахъ и неограниченной возможности дешевой аренды у киргизовъ, хроническіе неурожаи и голодовки, громадныя продовольственныя и всякія иныя недоимки, постепенно слагаемыя по манифестамъ, словомъ, *все то же, отъ чего ушли* переселенцы. Въ результатѣ—полный крахъ русской колонизаціи Черноморья, тщетно ограждаемой отъ иностранной и иноплеменной конкуренціи; внутреннее безсиліе русской колонизаціи Уссурійскаго края, гдѣ переселенцы, неспособные приноровить свое хозяйство къ своеобразнымъ мѣстнымъ условіямъ, постепенно превращаются въ тунеядцевъ, живущихъ сдачею надѣловъ въ аренду желтому—китайскому и корейскому—населенію; такое же безсиліе въ Туркестанѣ, гдѣ русскіе переселенцы, коекакъ усвоивъ технику полива, остались, однако, при совершенно не соотвѣтствующемъ мѣстнымъ условіямъ экстенсивномъ, истощающемъ землю зерновомъ хозяйствѣ, а потому хлопочутъ о прирѣзкахъ, арендуютъ землю и въ концѣ-концовъ уходятъ при надѣлѣ, впятеро и вшестеро превосходящемъ средній размѣръ землевладѣнія осѣдлыхъ туземцевъ. И серьезнѣйшій грѣхъ переселенческой политики послѣднихъ 10—12 лѣтъ (не говоря уже о болѣе раннемъ времени, когда вообще можетъ быть рѣчь не столько о переселенческой, сколько о противопереселенческой политикѣ), по нашему глубокому убѣжденію, не въ томъ, гдѣ его обычно ищетъ общественное мнѣніе—не въ недостаточности матеріальной помощи переселенцамъ, не въ плохомъ качествѣ отводимыхъ земель: вопросъ о матеріальной помощи, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень обоюдоострый вопросъ, а земли отводились плохія, потому что

неоткуда было взять хорошихъ *); этотъ грѣхъ — *въ совершенномъ отсутствіи культурной помощи переселенцамъ*: переселенецъ, который изъ-подъ опеки земскаго начальника въ Европейской Россіи попадалъ подъ опеку крестьянскаго начальника въ Сибири, былъ предоставленъ самому себѣ въ дѣлѣ выработки способовъ и пріемовъ земледѣльческаго хозяйства; предполагалось, что мужикъ самъ все разберетъ и во всемъ разберется; мало того, что онъ внесетъ свѣточъ русской культуры и къ сибирскимъ старожиламъ, и къ туземному населенію такихъ колоній, какъ Туркестанъ или Пріамурье. Жизнь показала, что это была такая же неосновательная и вредная иллюзія, какъ вѣра въ безпредѣльность нашего колонизаціоннаго земельнаго фонда. И первое, на что должно быть обращено вниманіе, если желать хотя и не «*широкой*», но *цѣлесообразной* постановки переселенія, если хотѣть какъ слѣдуетъ использовать тѣ сравнительно ограниченные земельные запасы, которыми можно располагать для колонизаціонныхъ цѣлей, это — правильно и широко поставленная культурно-агрономическая помощь переселенцамъ. До сихъ поръ въ этомъ направленіи *ничего* не сдѣлано, и это тѣмъ болѣе жаль, что не только въ такихъ колонизаціонныхъ районахъ, какъ Туркестанъ или Пріамурье, но даже въ акмолинскихъ или самарскихъ степяхъ научной агрономіи придется еще вырабатывать такіе основы и пріемы хозяйства, которые, соотвѣтствуя мѣстнымъ естественнымъ условіямъ, въ то же время не противорѣчили бы бытовой и экономической обстановкѣ русскаго крестьянскаго хозяйства...

Ограниченность колонизаціоннаго земельнаго фонда—это, такъ сказать, трагизмъ переселенческой политики послѣднихъ лѣтъ и корень ея неподлежащей сомнѣнію невыдержанности и непослѣдовательности. Извѣстно, что то «сдержанно—недружелюбное», подсказанное, главнымъ образомъ, интересами землевладѣльческаго класса отношеніе къ переселенію, которое господствовало первыя 30 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, начиная съ 1893 г., уступило мѣсто совершенно инымъ взглядамъ и настроеніямъ. Постройка Сибирской желѣзной дороги выдвинула на первый планъ интересы сибирской колонизаціи, которая со времени учрежденія Сибирскаго комитета включается въ число серьезныхъ государственныхъ задачъ; вмѣстѣ съ тѣмъ выясненное жизнью безсиліе прежней политики запрещеній и ограниченій заставило признать желательною полную свободу переселеній. А между тѣмъ правительству, начиная съ конца 1896 года, пришлось, какъ мы уже упоминали, принять

*) Конечно, э имъ я не хочу отрицать наличности частныхъ, иногда весьма серьезныхъ ошибокъ.

рядъ мѣръ къ тому, чтобы уменьшить начавшее было уже слишкомъ быстро расти сибирское переселеніе: сокращается ссудная помощь, организуется ходачество, какъ способъ распространенія среди населенія болѣе трезвыхъ и правильныхъ понятій о Сибири, а провозглашенная закономъ свобода переселенія, при условіи предварительной посылки ходоковъ, подвергается, въ путяхъ административной практики, разнообразнымъ ограниченіямъ. И все это потому, что въ дѣйствительности не нашлось тѣхъ огромныхъ земельныхъ запасовъ, на счетъ которыхъ могло бы развиваться дѣйствительно широкое и дѣйствительно свободное переселеніе.

Въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ крестьянскихъ волненій 1902 года, покойный В. К. Плеве выдвинулъ на первый планъ аграрныя задачи переселенія и провелъ новый переселенческій законъ 6 іюня 1904 года. Основная идея этого закона, какъ она оффиціально формулируется, это «улучшеніе при помощи переселенія условій землепользованія и хозяйства крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній»; переселеніе разсматривается, «какъ одно изъ средствъ для улучшенія быта коренного малоземельнаго населенія». Но вопросъ, *какое* населеніе признать малоземельнымъ и *какое* малоземелье устранять путемъ переселенія? Поставить этотъ вопросъ было необходимо, потому что лишь при дѣйствительно безпредѣльномъ земельномъ колонизаціонномъ фондѣ было бы возможно одинаково относиться къ переселенію каждаго, кто самъ считаетъ себя малоземельнымъ и потому желаетъ переселяться; чтобы разобраться въ немъ, составители новаго закона останавливаются на впервые намѣченномъ, если я не ошибаюсь, И. А. Гурвичемъ и опредѣленнѣе формулированномъ мною въ 1897 году противоположеніи абсолютнаго малоземелья малоземелью относительному. *Абсолютное* малоземелье—это такое, при которомъ незначительность надѣловъ исключаетъ всякую возможность перехода къ тѣмъ высшимъ пріемамъ хозяйства, какіе мыслимы при данной совокупности бытовыхъ и экономическихъ условій; иначе сказать — такое, которое не можетъ быть устранено никакимъ инымъ способомъ, какъ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія. *Относительное* малоземелье— это такое, которое вытекаетъ изъ кризиса существующей системы хозяйства и которое само собою устранится, разъ осуществится стоящій на очереди переходъ къ слѣдующей высшей по порядку ступени развитія сельско-хозяйственной культуры; въ такихъ случаяхъ переселеніе, какъ выражаются составители новаго закона, «является бѣгствомъ отъ культуры»; оно мало полезно и для переселяющихся, для которыхъ и на новомъ мѣстѣ скоро наступитъ кризисъ первобытныхъ хозяйственныхъ системъ, и для остающихся, такъ какъ оно не врачуетъ, а только затягиваетъ на болѣе продолжительное время мучительный сельско-хозяй-

ственный и экономическій кризисъ и отсрочиваетъ наступленіе рѣшительнаго момента измѣненія хозяйственной системы. Основная идея новаго закона, впрочемъ въ самомъ его текстѣ ясно не выраженная, обратить переселеніе въ средство улучшенія быта абсолютно малоземельной части крестьянскаго населенія; переселеніе же относительно малоземельныхъ элементовъ признается—и совершенно, на мой взглядъ, правильно—нежелательнымъ явленіемъ. Однако, новый законъ, опять-таки по своей идеѣ, отнюдь не имѣетъ въ виду возвращаться «къ осужденной жизнью» системѣ запретительныхъ мѣръ и искусственныхъ стѣсненій. «Какъ ни мало стѣснительны, читаемъ мы въ мотивахъ закона, требованія дѣйствующихъ узаконеній, тѣмъ не менѣе значительная часть переселяющихся не выполняетъ и ихъ и предпочитаетъ уходить даже и нынѣ въ качествѣ самовольныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ будущемъ запретительныя мѣры не удержатъ отъ переселенія, а только заставятъ уходить тайкомъ, распродавъ за безцѣнокъ имущество и землю». Установленное этими узаконеніями «дѣленіе переселенцевъ на законныхъ и самовольныхъ, не отвѣчая требованіямъ жизни и существу дѣла, никогда не достигало и не достигнетъ цѣли. Правительство въ дѣлѣ переселенія можетъ только различать, насколько послѣднее отвѣчаетъ государственнымъ цѣлямъ, и сообразно съ этимъ устанавливать размѣры оказываемаго переселяющимся содѣйствія и поощренія». А отсюда слѣдующая схема: «установленіе такого порядка, при которомъ никому не возбранялось бы на свой счетъ и рискъ переселяться въ свободно избираемыя мѣстности, но правительственная помощь оказывалась бы не всѣмъ вообще переселенцамъ, а только тѣмъ изъ нихъ, переселеніе которыхъ представляется желательнымъ либо въ интересахъ землеустроительнаго дѣла во внутреннихъ губерніяхъ», либо въ государственныхъ видахъ заселенія тѣхъ или иныхъ важныхъ въ политическомъ отношеніи окраинъ.

Таковы мотивы новаго закона. Совсѣмъ не то мы находимъ въ самомъ его текстѣ. Законъ 6 іюня 1904 года, правда, не требуетъ разрѣшенія *на переселеніе*, но требуетъ *„разрѣшенія на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства“* (ст. 3), которое выдается переселенцамъ, идущимъ *въ* мѣстности, «заселеніе коихъ вызывается видами правительства», или *изъ* мѣстностей и обществъ, добровольное выселеніе изъ которыхъ признается, вслѣдствіе особо неблагопріятныхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, желательнымъ», и ставитъ выдачу такого разрѣшенія въ зависимость отъ усмотрѣнія уѣздныхъ съѣздовъ. Разрѣшенія на переселеніе, значитъ, какъ будто не требуется, а требуется только что-то въ родѣ свидѣтельства на право пользоваться при переселеніи содѣйствіемъ правительства. Но въ то время какъ законы 7 декабря и 15 апрѣля 1896 г. предоставили каждому желающему послать въ Сибирь

ходока, а каждому ходоку, зачислившему за собою землю, обмѣнять ходаческое свидѣтельство на проходное переселенческое, значитъ дѣлали переселеніе свободнымъ, подъ однимъ лишь условіемъ посылки ходока, новый законъ предоставляетъ право посылки ходока лишь тѣмъ, кто уже получилъ «разрѣшеніе на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства»; неполучившіе такого разрѣшенія хотя и не именуются самовольными, но подчиняются дѣйствію всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя установлены были закономъ 15 апрѣля 1896 года для самовольныхъ; да и съ соблюденіемъ такихъ ограниченій они могутъ быть устроены только въ сибирскихъ губерніяхъ и въ степномъ генералъ-губернаторствѣ. Разъ переселенецъ, не хлопотавшій о правѣ на «содѣйствіе правительства» или лишенный этого права по усмотрѣнію уѣзднаго съѣзда, попалъ, положимъ, въ Тургайскую область или въ Пріамурскій край, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть устроенъ и такимъ образомъ оказывается въ гораздо худшемъ положеніи, нежели прежніе «самовольные» переселенцы.

Такимъ образомъ, новый законъ, исходя изъ принципа свободы переселенія, значительно сузилъ даже и ту свободу, которая, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, существовала по закону 7 декабря 1896 г.; и задавшись цѣлью устранить дѣленіе переселенцевъ на законныхъ и самовольныхъ, онъ создалъ категорію переселенцевъ, которыхъ положеніе хуже, нежели положеніе прежнихъ самовольныхъ. Независимо отъ всякихъ случайныхъ вліяній и причинъ, такое противорѣчіе закона съ его мотивами вытекло опять-таки изъ ограниченности земельнаго фонда, годнаго для переселенцевъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ переселеніе, какъ аграрно-политическая мѣра, имѣло бы наибольшее значеніе. Вѣдь свобода переселенія у насъ не есть простое право свободнаго передвиженія и выбора занятій; это *свобода полученія земельнаго надѣла* изъ незанятыхъ государственныхъ земель. Если бы запасы послѣднихъ были неограничены, дѣло было бы очень просто: предоставить каждому свободу переселенія и полученія государственной земли, а поощряемымъ переселенцамъ, кромѣ того, оказывать нѣкоторыя экстренныя льготы и пособія. Но разъ запасы земли крайне ограничены, неизбѣжно возникаетъ такая дилемма: *или* надо предоставить переселенію дѣйствительную свободу — тогда наряду съ дѣйствительно малоземельными двинутся и такіе, переселеніе которыхъ вовсе не вызывается дѣйствительною необходимостью и не соотвѣтствуетъ аграрно-политическимъ видамъ, и этотъ массовый наплывъ не оставитъ ничего для громаднаго большинства дѣйствительно малоземельныхъ; *или* надо поставить на первый планъ задачу устройства наиболѣе малоземельныхъ и въ такомъ случаѣ отказаться отъ послѣдовательнаго проведенія принципа свободы переселенія. Законъ 6 іюня 1904 года пошелъ послѣднимъ путемъ. Теоретически и противъ этого,

пожалуй, трудно возражать: разъ запасы земли ограничены, то естественно давать ее наиболѣе нуждающимся и отказывать въ ней тѣмъ, кто можетъ устроиться какъ-нибудь иначе. Но за такое рѣшеніе вопроса можно было бы высказаться, прежде всего, только въ томъ случаѣ, если бы существовалъ механизмъ, способный безукоризненно сортировать болѣе нуждающихся отъ менѣе нуждающихся въ землѣ. Нечего уже говорить о томъ, что не уѣздные съѣзды земскихъ начальниковъ могутъ сыграть роль такого механизма, что земство гораздо компетентнѣе въ такого рода вопросахъ. Но задача отсортировать наиболѣе нуждающіеся въ землѣ элементы, разъ желающихъ будетъ много, а возможность переселяться будетъ для немногихъ, и по существу своему безконечно трудна. Вѣдь и понятіе *абсолютнаго* малоземелья есть все-таки понятіе *относительное:* что въ одной мѣстности будетъ абсолютнымъ, то въ другой не будетъ даже относительнымъ малоземельемъ; при одной совокупности условій данный размѣръ надѣла будетъ безусловно требовать, при другой—онъ вовсе не будетъ требовать переселенія. А если къ этому еще прибавить, что всякое земство, даже идеально хорошо организованное, будетъ все-таки отражать субъективные взгляды и интересы своихъ довѣрителей, то возможность выработки сколько-нибудь удовлетворительныхъ основаній и методовъ отбора тѣхъ, кто дѣйствительно имѣетъ право на переселеніе и отводъ земли, придется признать болѣе нежели сомнительною. И еще одно чисто практическое соображеніе: кто и какъ бы ни рѣшилъ вопросъ о томъ, что такіе-то *имѣютъ*, а такіе-то *не имѣютъ* права на переселеніе съ отводомъ государственной земли, фактически переселяться будутъ и такіе, за кѣмъ не будетъ признано такого права. А разъ они переселятся, ликвидировавъ на родинѣ все свое хозяйство, ни у какого правительства не хватитъ, какъ не хватало до сихъ поръ, холодной жестокости рѣшительно и безповоротно отказать имъ въ надѣленіи землею и обречь ихъ на участь безземельныхъ пролетаріевъ, и, слѣдовательно, вся крайне сложная система отбора переселенцевъ останется, въ большей или меньшей мѣрѣ, на бумагѣ. Если же такъ, то правильнѣе всего, быть можетъ, принципіально отказаться отъ стремленія заставить переселеніе служить аграрно-политическимъ видамъ и возвратиться къ переселенческой политикѣ Сибирскаго комитета—политикѣ, которая, впрочемъ, находила защитниковъ и въ литературѣ, и въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ 1902 года: *считаться съ переселеніемъ, какъ съ фактомъ народной жизни*, предоставивъ ему полную свободу, и заботиться, съ одной стороны, о томъ, чтобы размѣры переселенія не разростались выше возможнаго по состоянію земельныхъ запасовъ предѣла, а съ другой — чтобы этотъ несомнѣнно тяжелый и болѣзненный фактъ приносилъ тѣмъ, кого будетъ увлекать переселенческая волна, возможно меньше бѣдъ и страданій. Для достиженія первой цѣли

необходимо дѣлать все, что только возможно, чтобы распространить въ народныхъ массахъ болѣе правильныя и трезвыя представленія о возможныхъ размѣрахъ и дѣйствительныхъ условіяхъ переселенія и устройства на новыхъ мѣстахъ, широко пользуясь и печатнымъ словомъ, и, можетъ быть, школьнымъ и внѣшкольнымъ обученіемъ; но первостепенное значеніе при существующемъ культурномъ уровнѣ населенія должно все-таки сохранить ходачество, если не обязательное, то во всякомъ случаѣ всемѣрно поощряемое и обставленное такъ, чтобы свести до возможнаго минимума тотъ элементъ случайности, который играетъ все-таки еще слишкомъ видную роль при современной постановкѣ ходачества. Совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ способовъ возможно будетъ достигнуть соотвѣтствія размѣровъ переселенческаго движенія съ дѣйствительными размѣрами и дѣйствительнымъ характеромъ наличныхъ земельныхъ запасовъ. Этимъ же путемъ, можетъ быть, удастся достигнуть и того, чтобы переселялись, въ видѣ правила, именно тѣ малоземельные элементы, которые дѣйствительно наиболѣе нуждаются въ переселеніи: для другихъ, кому есть возможность устроиться какъ-нибудь иначе, переселеніе, въ концѣ концовъ, слишкомъ невыгодная и рискованная операція; эта истина чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникаетъ въ народныя массы, и необходимо всѣми способами содѣйствовать дальнѣйшему внѣдренію ея въ народное сознаніе.

Для достиженія второй цѣли необходимы, само собою разумѣется, возможно широко поставленныя *общія* — я подчеркиваю слово общія — мѣры помощи и попеченія о переселенцахъ. Теперь уже прошло то время, — если вообще такое время когда-либо было, — когда можно было забросить переселенца куда-нибудь въ Сибирь, дать ему участокъ земли и предоставить его собственной участи; это было мыслимо, пока переселенцы водворялись въ районахъ старой крестьянской колонизаціи, опираясь на послѣднюю, какъ на свою естественную базу. Теперь переселенцы водворяются въ дремучихъ лѣсахъ и въ глухой степи, не имѣя,— какъ имѣли прежніе переселенцы,—опоры въ старожильскихъ селеніяхъ; водворяются притомъ, по большей части, въ совершенно чуждыхъ и не имѣющихъ за собою колонизаціоннаго опыта естественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ. Поэтому теперь для успѣшнаго хода колонизаціи требуется цѣлая система мѣръ экономическаго и культурнаго порядка, начиная съ дальнѣйшаго улучшенія условій передвиженія переселенцевъ и продолжая широко развитою, связною и планомѣрною системою экономическихъ, культурныхъ и попечительныхъ мѣръ на мѣстахъ ихъ водворенія. Назову изъ нихъ только заблаговременное устройство колесныхъ дорогъ — мѣра самаго первостепеннаго значенія даже съ точки зрѣнія нѣкотораго расширенія земельнаго колонизаціоннаго фонда; устройство въ пустынныхъ районахъ водворенія временныхъ жилищъ или ба-

раковъ, гдѣ переселенцы могли бы помѣщаться со своими семьями на время до устройства собственныхъ жилищъ; устройство въ такихъ районахъ складовъ, гдѣ они могли бы по дешевой цѣнѣ пріобрѣтать доброкачественные продукты, предметы домообзаводства и хозяйственный инвентарь, въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ — еще и лѣсные матеріалы; широкую организацію медицинской помощи, особенно необходимую при тѣхъ тяжелыхъ гигіеническихъ условіяхъ, въ которыхъ переселенцы живутъ первые мѣсяцы и годы водворенія «на новыхъ мѣстахъ»; устройство школъ и, конечно, церквей: не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что церковь является одною изъ первыхъ и самыхъ насущныхъ потребностей переселенца; и last not least — самая широкая и правильная организація агрономической помощи переселенцамъ. Замѣчу еще только въ дополненіе къ сказанному выше, что организація эта не должна быть шаблонною и должна какъ по своей структурѣ, такъ и по направленію соотвѣтствовать всей совокупности естественныхъ и хозяйственныхъ условій каждаго даннаго колонизаціоннаго района. Въ области передвиженія переселенцевъ въ періодъ дѣятельности Сибирскаго комитета сдѣлано очень много, здѣсь остается только кое-что додѣлать и кое-что усовершенствовать. Въ области попеченія о переселенцахъ на мѣстахъ новаго водворенія сдѣлано, напротивъ, крайне мало, а то, что сдѣлано, носитъ слишкомъ отрывочный и случайный характеръ и не увязывается въ связную и планомѣрную систему. Въ этомъ отношеніи придется начинать почти что заново, и, очевидно, что въ области этихъ общихъ мѣръ не приходится останавливаться передъ какими бы то ни было затратами.

Гораздо сложнѣе и труднѣе вопросъ о помощи, индивидуально оказываемой отдѣльнымъ переселенцамъ. Останавливаться на тѣхъ доводахъ, которые говорили бы въ пользу возможно болѣе широкой постановки такого рода помощи, конечно, нѣтъ надобности: эти доводы слишкомъ просты и общеизвѣстны. Но вопросъ имѣетъ и свою оборотную сторону. Прежде всего, широкая матеріальная помощь этого типа, особенно если она будетъ принципіально или фактически безвозвратна, будетъ новымъ стимуломъ къ увеличенію размѣровъ переселенческаго движенія; о такомъ ея вліяніи убѣдительно свидѣтельствуетъ практическій жизненный опытъ,— да и не можетъ быть иначе, разъ только считать переселенцевъ способными къ самому простому хозяйственному разсчету. И въ этомъ отношеніи едва ли можно будетъ отступить отъ политики Сибирскаго комитета, который всегда разсматривалъ размѣры ссудъ, какъ наиболѣе дѣйствительный способъ воздѣйствія на размѣры переселенческаго движенія. Но еще важнѣе другая сторона дѣла. Матеріальная помощь, будетъ ли она выражаться въ денежной формѣ, или въ расчисткѣ на казенный счетъ отводимыхъ переселенцамъ лѣсныхъ земель, или въ орошеніи ихъ, мо-

жетъ оказываться либо въ ссудной формѣ, либо безвозвратно. Первая форма — чисто дѣловой кредитъ — возможна только въ Пріамурскомъ краѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, при недавно существовавшей совокупности экономическихъ условій, хозяйство переселенцевъ давало достаточный доходъ и могло вынести даже и довольно высокіе ссудные платежи. Но эти послѣдніе, разъ ссудная помощь будетъ оказана въ размѣрѣ, достаточномъ, скажемъ, для обзаведенія совершенно неимущей семьи, будутъ совершенно непосильны для переселенцевъ въ предбайкальской Сибири, а тѣмъ болѣе въ Степномъ краѣ, гдѣ крестьянское хозяйство даетъ лишь очень мало чистаго дохода или вовсе не даетъ его. Совершенно правильно полагаетъ г. Пѣшехоновъ, что при ссудной формѣ помощи «на землю были бы опять возложены непосильныя обязательства», и единственный отсюда выходъ, если желать сдѣлать казенную матеріальную помощь главною основою обзаведенія переселенцевъ на «новыхъ мѣстахъ», именно тотъ, къ которому приходитъ тотъ же писатель: «необходимо идти сразу на безвозвратные расходы»... Но *этотъ* способъ ведетъ за собой другую и чрезвычайно серьезную опасность: казенно-коштность, даровщина, облегчая переселенцамъ первое обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ, неизбѣжно ослабляетъ тѣ духовные стимулы, которые являются необходимымъ условіемъ успѣха всякой колонизаціи, именно энергію и трудоспособность переселенца. И въ этомъ отношеніи опять-таки не слѣдуетъ обольщать себя иллюзіями. Между тѣмъ никакое казеннокоштное переселеніе не обезпечитъ переселенцевъ навсегда: неизбѣжно наступитъ моментъ, когда имъ придется перейти на собственное иждивеніе; для этого придется работать энергично и упорно,—тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ дальше колонизація проникаетъ вглубь тайги или глухихъ степей, чѣмъ болѣе приходится приспособляться къ чуждымъ и непривычнымъ условіямъ природы и хозяйства, и казеннокоштность, ослабляя стимулы къ такому энергичному и упорному труду, въ концѣ концовъ лишь самымъ вреднымъ образомъ отражается на благосостояніи новоселовъ. И въ этомъ отношеніи я тоже считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ продолжать политику Сибирскаго комитета: оказывать помощь лишь въ нѣкоторомъ умѣренномъ размѣрѣ, разсчитанномъ не на бѣднѣйшаго, а на среднесостоятельнаго переселенца, обставляя ее самыми льготными условіями возврата, но во всякомъ случаѣ *требуя* возврата. Уже и теперь среди переселенцевъ преобладаютъ не бѣднѣйшіе, а именно среднесостоятельные элементы, и разъ въ отношеніи ссудъ будутъ сохранены приблизительно тѣ же, что и нынѣ, принципы, это будетъ способствовать дальнѣйшему подбору переселенцевъ въ томъ же направленіи, несомнѣнно наиболѣе соотвѣтствующемъ жизненнымъ потребностямъ и дѣйствительной обстановкѣ переселенія.

Въ заключеніе нѣсколько словъ по вопросу о томъ, на комъ должны

лежать заботы объ осуществленіи всей той сложной системы мѣръ, которой требуетъ правильная постановка переселенческаго дѣла. Легче всего на этотъ вопросъ отвѣтить въ отрицательной формѣ; во всякомъ случаѣ *не* на институтѣ земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ съ ихъ съѣздами, который, какъ даже оффиціально признается, доказалъ и въ этомъ случаѣ свою совершенную негодность и безсиліе. На мѣстахъ выхода переселенцевъ наиболѣе подходящимъ органомъ для веденія переселенческаго дѣла является, безъ сомнѣнія, земство; но и здѣсь дѣятельность земскихъ учрежденій должна быть поставлена въ непосредственную связь и взаимодѣйствіе съ дѣятельностью органовъ центральнаго переселенческаго управленія: земство, какова бы ни была его организація, всегда останется представителемъ *мѣстныхъ* взглядовъ и *мѣстныхъ* интересовъ; взгляды и интересы разныхъ земствъ могутъ быть не только не согласны, но даже взаимно противорѣчивы, особенно при такомъ положеніи дѣлъ, когда земельные запасы ограничены, а потребность въ переселеніи огромна; и согласованіе хода переселенческаго дѣла, съ одной стороны, съ мѣстными интересами, а съ другой — съ видами общей переселенческой политики, только и можетъ быть достигнуто на почвѣ совмѣстной дѣятельности земства и центральнаго переселенческаго управленія.

Заботы о переселенцахъ въ пути и «на новыхъ мѣстахъ» должны лежать всецѣло на обязанности центральнаго переселенческаго управленія и его спеціальныхъ мѣстныхъ органовъ; роль земства здѣсь если и возможна, то во всякомъ случаѣ будетъ ограничена. Если говорить о земствѣ тѣхъ мѣстностей, *откуда* идутъ переселенцы, то его представители или служащіе будутъ не менѣе, а скорѣе болѣе чужими на «новыхъ мѣстахъ», нежели спеціальные мѣстные органы переселенческаго управленія. Притомъ попеченіе о переселенцахъ не можетъ вѣдь ограничиваться моментомъ первоначальнаго водворенія, оно должно продолжаться въ теченіе ряда лѣтъ, пока хозяйство новоселовъ не окрѣпнетъ и не приспособится къ мѣстнымъ условіямъ. Едва ли можно разсчитывать для такой многолѣтней работы на выборные органы земства мѣстъ выхода переселенцевъ; земскіе же служащіе, какъ таковые, не будутъ представлять уже окончательно никакихъ преимуществъ передъ служащими переселенческаго управленія. Если говорить о земствѣ тѣхъ мѣстностей, *куда* идутъ переселенцы, то не надо забывать, что для будущаго земства какого-нибудь киргизскаго или бурятскаго уѣзда, да и вообще для всякаго земства мѣстностей, гдѣ водворяются переселенцы, послѣдніе будутъ *не своими*, а *чужими*. Земство, какъ представитель дѣйствительныхъ или мнимыхъ интересовъ мѣстнаго населенія, въ видѣ правила, относится къ приливу переселенцевъ болѣе или менѣе недружелюбно; достаточно вспомнить о нанав-

шихся издавна и повторяющихся до нашихъ дней ходатайствахъ различныхъ земствъ о закрытіи ихъ губерній и уѣздовъ для переселенія извнѣ... Конечно, слѣдуетъ съ распростертыми объятіями принимать помощь мѣстныхъ земствъ или хотя бы просто свободныхъ общественныхъ силъ въ дѣлѣ устройства переселенцевъ, гдѣ такая помощь будетъ предлагаться; но слишкомъ разсчитывать на нее не приходится, и дѣло попеченія о переселенцахъ на мѣстахъ новаго водворенія должно быть поэтому сосредоточено въ рукахъ центральнаго переселенческаго управленія и разнообразныхъ соотвѣтственно сложности дѣла попеченія о переселенцахъ его мѣстныхъ органовъ.

На этомъ я заканчиваю свой не въ мѣру затянувшійся и все-таки, я боюсь, слишкомъ сжатый и недостаточно подкрѣпленный конкретными фактическими данными очеркъ*). Еще разъ повторяю: думать о *широкомъ развитіи* переселеній, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ мѣстностей, которыя до сихъ поръ признавались наиболѣе нуждающимися въ разрѣженіи населенія, безусловно не приходится, и почти съ увѣренностью можно ожидать, что переселеніе изъ черноземной полосы, послѣ немногихъ еще лѣтъ, должно будетъ прекратиться или упасть до окончательно ничтожнаго размѣра. Но и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ оно идетъ сейчасъ, даже какъ оно шло въ эпоху своего максимальнаго развитія, оно можетъ, пожалуй, имѣть серьезное значеніе для отдѣльныхъ группъ населенія, для отдѣльныхъ мѣстностей, откуда выселится разомъ значительная часть населенія; но въ общей аграрной программѣ оно способно играть лишь третьестепенную роль и не можетъ ни на одинъ моментъ отсрочить необходимости въ болѣе коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію и подъему крестьянскаго хозяйства. Но если переселеніе, такимъ образомъ, не можетъ претендовать на серьезное значеніе въ числѣ *мѣръ воздѣйствія* на крестьянское землевладѣніе и хозяйство и въ числѣ способовъ устраненія тяготѣющаго надъ нами аграрно-хозяйственнаго кризиса, то оно остается все-таки весьма серьезнымъ *фактомъ* народной жизни и, какъ таковой, заслуживаетъ самой теплой заботливости и самаго серьезнаго вниманія.

Александръ Кауфманъ.

---

*) Фактическія данныя и болѣе мотивированныя соображенія читатель найдетъ въ недавно вышедшей изъ печати нашей книгѣ „Переселеніе и колонизація“.

КРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ.

Это учрежденіе имѣетъ до сихъ поръ много сторонниковъ; на долгосрочный кредитъ продолжаютъ смотрѣть, какъ на весьма удобное средство, могущее вывести крестьянъ изъ тяжелаго положенія, въ которое его поставило малоземелье. Еще до основанія Крестьянскаго банка въ земскихъ кругахъ возникли проекты воспользоваться кредитомъ для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, и нѣкоторыя земства ассигновали для этой цѣли особые капиталы. При отсутствіи правильно организованнаго долгосрочнаго земельнаго кредита операція эта не могла, конечно, получить развитія, — земствамъ не удалось поставить дѣло снабженія крестьянъ землею на правильную почву. Необходимость государственнаго учрежденія, построеннаго на выпускѣ долгосрочныхъ займовъ, не подлежала сомнѣнію, и въ 1883 г. при министерствѣ Бунге открылась дѣятельность Крестьянскаго поземельнаго банка. Я не имѣю въ виду останавливаться здѣсь на исторіи банка; мнѣ приходилось въ теченіе 20 лѣтъ высказывать свои взгляды на дѣятельность этого учрежденія въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; я хочу только привести нѣкоторые наиболѣе характерные факты, которые встрѣчали не всегда правильную оцѣнку, отмѣтить основныя черты его организаціи и показать, почему я не раздѣляю оптимистическихъ взглядовъ на роль банка, почему я не думаю, чтобы на этомъ пути чрезъ посредство банковаго кредита можно было правильно разрѣшить вопросъ о малоземельѣ.

Правда, внѣшнія данныя говорятъ какъ будто въ пользу Крестьянскаго банка. Въ теченіе 20-лѣтняго періода банку удалось выдать крестьянамъ свыше 400 милл. руб. и содѣйствовать переходу къ нимъ свыше 7 милл. дес. земли; въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, начиная съ 1898 г. вплоть до начала войны, банкъ ежегодно выдавалъ отъ 50 до 64 милл. рублей, и въ руки крестьянъ ежегодно переходила обширная площадь земли—отъ 771,000 до 851,000 дес. Благодаря этому ежегодно отъ 120 до 132 тысячъ домохозяевъ получали возможность увеличивать свою надѣльную землю. Къ тому слѣдуетъ прибавить, что крестьяне, повидимому, дорожатъ пока купленною землею, въ общемъ вносятъ платежи банку довольно исправно и не оставляютъ за банкомъ боль-

шого числа участковъ. Благодаря этому къ началу 1904 года за банкомъ оставалось только 37,672 дес., съ долгомъ въ 2.317,750 руб.; все это, за небольшими исключеніями, еще наслѣдіе отдаленнаго прошлаго, а не результатъ операцій послѣднихъ лѣтъ. Къ этому же слѣдуетъ принять во вниманіе и то въ высшей степени важное обстоятельство, что продажа ихъ не связана во многихъ случаяхъ съ убытками. Въ финансовомъ отношеніи банкъ поставленъ совершенно прочно, онъ располагаетъ обильными рессурами. Все это, казалось бы, должно приводить къ заключенію, что банкъ съ успѣхомъ выполняетъ свое назначеніе.

Я нисколько не склоненъ умалять значеніе банка и не отношусь безразлично къ факту увеличенія площади крестьянскихъ земель на 7 милл. дес. Мало того, я прекрасно знаю, что ни въ одной странѣ, гдѣ правительство принимаетъ мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, не достигнуты такіе результаты; что по объему дѣятельности нашъ Крестьянскій банкъ занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Тѣмъ не менѣе, если вникнуть въ условія, на которыхъ крестьяне пріобрѣтаютъ земли, и обратить вниманіе на вліяніе, которое онъ оказываетъ на цѣны и на мобилизацію земли, то придется придти къ заключенію, что банкъ не въ силахъ вывести крестьянство изъ нужды, что для этого необходимы другія учрежденія, построенныя на иныхъ началахъ.

Съ самаго начала всѣ заботы были направлены къ тому, чтобы банкъ не прибѣгалъ къ правительственной помощи; чтобы ссуда, выданная на первоначальные расходы банка, была скоро покрыта, и въ дальнѣйшемъ банкъ обходился собственными средствами. Въ виду этого банкъ началъ выпускать $5^1/_2\%$ свидѣтельства и установилъ на расходы по управленію, сверхъ процентовъ роста и погашенія, сборъ въ размѣрѣ 1%. Такъ какъ для скорѣйшаго погашенія долга крестьянами были установлены короткіе сроки ($24^1/_2$ и $34^1/_2$ г.), то на погашеніе взималось отъ 1 до 2% въ годъ. Благодаря этому ежегодные платежи составляли $7^1/_2\%$ при ссудѣ на $34^1/_2$ года и $8^1/_2\%$ при ссудѣ на $24^1/_2$ года. Несмотря на эту дороговизну кредита, крестьяне начали жадно накидываться на землю. Въ 1884 году они купили при посредствѣ банка 210,047 дес. земли, за которыя уплатили 11,02 милл. руб. съ ссудой въ 9,5 милл.; въ 1885 г. они купили уже 318,092 дес. за 16,5 милл. съ ссудою въ 13,7 милл.; въ 1886 г. 294,688 дес. за 13,4 милл. съ ссудою въ 11,1 милл. Однако, очень скоро выяснились неблагопріятныя послѣдствія дорогого кредита и неразборчивой покупки земли. Многія изъ сдѣлокъ оказались крайне невыгодными, вслѣдствіе чего до 15% всѣхъ покупокъ разстроилось; крестьяне начали забрасывать земли, несмотря на доплаты, которыя они дѣлали при покупкѣ. Платежи вносились неисправно; банкъ встрѣчалъ большія затрудненія при продажѣ оставшихся

за нимъ земель. Подъ вліяніемъ этихъ неблагопріятныхъ послѣдствій, главнымъ образомъ вслѣдствіе оставленія за банкомъ большого числа имуществъ, начали измѣняться взгляды на крестьянскій кредитъ. Вмѣсто того, чтобы тщательно изучить причины массоваго забрасыванія земель, купленныхъ при посредствѣ банка, и приступить немедленно къ пониженію платежей, банкъ сталъ на другой путь, путь сокращенія своей дѣятельности. Кромѣ того, начали раздаваться голоса въ пользу того, чтобы отъ крестьянъ требовались большія доплаты, чтобы такимъ путемъ уменьшить рискъ, падавшій на банкъ; наконецъ, предлагали, чтобы банкъ отдавалъ предпочтеніе товариществамъ передъ сельскими обществами.

Мѣры, принятыя банкомъ, ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которыя практикуются въ такихъ случаяхъ акціонерными банками, а между тѣмъ Крестьянскій банкъ въ качествѣ государственнаго учрежденія, созданнаго для расширенія площади крестьянскихъ земель, не долженъ былъ бы, какъ мнѣ кажется, становиться на коммерческую точку зрѣнія. Съ 1887 года дѣятельность банка начала сокращаться, изъ года въ годъ банкъ выдавалъ все меньше и меньше ссудъ. Это длилось до 1895 г., когда послѣдовала реорганизація банка. Общая сумма ссудъ, выданныхъ до 1895 г., не превышала 70 милл., а количество купленной крестьянами земли не превышало 2 милл. дес. При 110 милл. надѣльной земли, при сильномъ распространеніи краткосрочной аренды и 5,25 милл. дес., купленныхъ крестьянами безъ содѣйствія банка, покупка 2 милл. дес. не могла, конечно, свидѣтельствовать объ успѣшномъ развитіи операцій. Къ тому же крестьяне вносили крайне неисправно свои платежи. Такъ, въ 1885 г. внесено только 78,6% оклада, въ 1886 г. 73,2%, въ 1887 г.— 78,9%, въ 1890 г.—85,1%, въ 1892 г.—82,7%. Съ другой стороны при изслѣдованіи причинъ, которыя приводили къ оставленію купленныхъ крестьянами земель за банкомъ, не обращали достаточно вниманія на тотъ фактъ, что банкъ очень долго поддерживалъ платежи на непомѣрной высотѣ. Несмотря на то, что $5^1/_2$% свидѣтельства были конвертированы въ 1893 году, платежи крестьянъ не были немедленно тогда же понижены. Это мотивировалось тѣмъ, что банкъ владѣетъ большимъ количествомъ участковъ земли, продажа которыхъ связана съ убытками. Для покрытія послѣднихъ представлялось возможнымъ возложить на исправныхъ заемщиковъ обязательство вносить платежи въ болѣе высокомъ размѣрѣ, чѣмъ тѣ, которые соотвѣтствовали обязательствамъ банка по выпущеннымъ имъ свидѣтельствамъ. Благодаря этому получилось что-то, напоминающее круговую поруку, при которой заемщики, дорожившіе купленною землею, должны были вносить платежи не только за свою землю, но и вносить нѣкоторую приплату, которая могла бы служить для банка источникомъ для покрытія убытковъ. Внося платежи

въ прежнемъ размѣрѣ, соотвѣтствовавшемъ $5^1/_2\%$ свидѣтельствамъ, заемщики, имѣвшіе право на пониженіе платежей вслѣдствіе замѣны $5^1/_2\%$ свидѣтельствъ $4^1/_2\%$-ными, очутились въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся члены обществъ, основанныхъ на круговой порукѣ, а между тѣмъ Крестьянскій банкъ въ качествѣ государственнаго кредитнаго учрежденія не имѣлъ права нормировать платежи на началахъ, пригодныхъ въ Обществахъ взаимнаго кредита.

Такое состояніе длилось, правда, недолго, тѣмъ не менѣе пришлось наблюдать совершенно непостижимое явленіе, а именно, что платежи Крестьянскаго банка были выше не только Дворянскаго, но и акціонерныхъ банковъ. Въ то время какъ въ Дворянскомъ банкѣ заемщики платили съ 1889 г. на ростъ $4^1/_2\%$ и на расходы по управленію $^1/_4\%$, а всего (безъ погашенія) $4^3/_4\%$, заемщики Крестьянскаго банка продолжали платить на ростъ $5^1/_2\%$ и на расходы по управленію 1%, всего $6^1/_2\%$. Одновременно съ этимъ акціонерные банки взимали по ссудамъ на расходы по управленію только $^1/_2\%$. Если даже принять во вниманіе убытки по реализаціи закладныхъ листовъ, падавшіе въ акціонерныхъ банкахъ на заемщиковъ, то все же кредитъ обходился не дороже кредита Крестьянскаго банка, временами даже дешевле, а между тѣмъ акціонерные банки умудрялись при $^1/_2\%$ сборѣ на расходы по управленію, составленію запаснаго капитала и дивиденда (сверхъ роста и погашенія) выдавать изъ года въ годъ дивидендъ, доходившій для нѣкоторыхъ изъ нихъ до 18%, выдавать министерскіе оклады и не менѣе щедрыя кантьемы.

Пониженіе платежей примѣнено въ Крестьянскомъ банкѣ впервые по Высочайшему манифесту 14 ноября 1894 г. Платежи на ростъ были тогда понижены на 1% и были такимъ образомъ доведены до $6^1/_2\%$—$7^1/_2\%$, а за исключеніемъ погашенія—$5^1/_2\%$. Пониженіе безспорно значительное, но не слѣдуетъ при оцѣнкѣ политики Министерства Финансовъ по отношенію къ крестьянскому кредиту забывать, что въ силу того же манифеста платежи заемщиковъ Дворянскаго банка были понижены (безъ погашенія) до $4^1/_4\%$. Если къ этому прибавить, что для заемщиковъ Дворянскаго банка допущены были также и весьма продолжительные сроки, при которыхъ на погашеніе требовалось только $^1/_4\%$, тогда какъ минимальный взносъ на погашеніе въ Крестьянскомъ банкѣ составлялъ 1%, то разница въ платежахъ будетъ еще значительнѣе: въ то время какъ дворяне могли пользоваться кредитомъ изъ $4^1/_2\%$, для крестьянъ самый льготный кредитъ обходился въ $6^1/_2\%$. Правда, по этому манифесту банку было ассигновано отчисленіе отъ выкупныхъ платежей въ размѣрѣ 1% съ суммы дѣйствительнаго поступленія, если оно не превышало 90% оклада, и $^1/_3$ съ остальной части оклада, а при превышеніи оклада половину избытка (впредь до накопленія 50 милл.); но эта

мѣра имѣла своимъ послѣдствіемъ упроченіе банка въ финансовомъ отношеніи, но не оказала непосредственнаго вліянія на платежи заемщиковъ.

Реформа 1895 г. въ общемъ должна быть признана совершенно раціональною; она была сочувственно встрѣчена прогрессивною печатью и вполнѣ заслуживала благопріятныхъ отзывовъ. По новому положенію банку предоставлена покупка имѣній за свой счетъ для дальнѣйшей распродажи частями; пріемъ въ залогъ крестьянскихъ имѣній, пріобрѣтенныхъ безъ содѣйствія банка; выдача ссудъ до 90% оцѣнки, въ крайнемъ случаѣ даже до полной оцѣнки; банку предоставлено право принимать въ залогъ имѣнія по спеціальной оцѣнкѣ, наконецъ, предоставлено при разсчетѣ количества земли, принимаемой въ залогъ, исходить отъ того количества, которое можетъ быть обработано силами покупщика и его семьи.

Если разсматривать эту реформу съ точки зрѣнія коммерческаго предпріятія, то каждый изъ этихъ пунктовъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Реформа банка вполнѣ отвѣчала назрѣвшей потребности: и дѣйствительно, какъ это показываетъ нижепомѣщенная таблица, операціи банка съ тѣхъ поръ начали быстро разрастаться.

Годы.	Куплено земли.	Покупная сумма въ тыс. руб.	Ссуда въ тыс. руб.	Стоимость дес. земли.
1897	356,314	25,443	20,895	71
1898	590,229	44,775	36,473	76
1899	717,382	55,682	44,569	78
1900	817,365	67,592	53,515	83
1901	774,251	70,681	54,270	90
1902	695,514	74,804	55,738	108

Совсѣмъ не то представляетъ періодъ, предшествовавшій реформѣ банка.

Годы.	Куплено земли.	Покупная сумма въ тыс. руб.	Ссуда въ тыс. руб.	Стоимость дес. земли.
1891	162,840	6,338	4,439	39
1892	148,018	6,631	4,555	45
1893	157,298	7,887	5,176	50
1894	180,965	8,828	5,744	49
1895	183,242	9,541	6,305	52

Платежи крестьянъ начали поступать гораздо исправнѣе. Думаю, что въ этомъ отношеніи крестьяне не только не уступаютъ другимъ разрядамъ заемщиковъ, но должны быть признаны образцовыми плательщиками.

Въ 1897 г. внесено 105,2% оклада, въ 1898 г.—95,6%, въ 1899 г.—95,8%, въ 1900 г.—94,2%, въ 1901 г.—92,6%, въ 1902 г.—96,2%.

Развились и операціи за счетъ собственнаго капитала. До 1897 г. банкомъ пріобрѣтено было для распродажи 64,594 дес. за 5,4 милл., въ 1897 г. куплено 91,481 дес. за 5,3 милл., въ 1898 г. 175,527 д. за 6,2 милл., въ 1899 г. 72,348 д. за 4,3 милл., въ 1900 г. 94,527 д. за 6 милл., въ 1901 г. 151,885 дес. за 12,3 милл. и въ 1902 г. 90,776 дес. за 7,3 милл., а всего къ 1 января 1903 г. банкомъ куплено за счетъ собственнаго капитала для дальнѣйшей продажи частями 741,138 дес. за 46,9 милл. руб.

Словомъ, съ внѣшней стороны все говоритъ въ пользу банка и какъ будто свидѣтельствуетъ о плодотворной его дѣятельности. Такое же впечатлѣніе могутъ производить и дальнѣйшія мѣропріятія, направленныя къ пониженію платежей. Послѣ пониженія, произведеннаго въ 1894 г. по Высочайшему указу 6 декабря 1898 г., было произведено новое пониженіе. Проценты по ссудамъ были тогда понижены до 4, сборъ на расходы по управленію пониженъ до $^3/_4\,^0/_0$, допущено продленіе срока до $55^1/_2$ лѣтъ съ уменьшеніемъ погасительнаго взноса до $^1/_2\,^0/_0$. Благодаря этому платежи доведены до $4^3/_4\,^0/_0$, а съ присоединеніемъ погасительнаго взноса составляютъ $5^1/_4\,^0/_0$.

Съ финансовой стороны банкъ также не внушаетъ никакихъ опасеній. Благодаря превышенію доходовъ надъ расходами, банкъ имѣетъ возможность покрывать разницу на курсѣ при продажѣ $4^0/_0$ свидѣтельствъ ниже нарицательной цѣны, не требуя никакихъ доплатъ отъ заемщиковъ. По крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени убытки по реализаціи не накоплялись и не переносились изъ года въ годъ. Сумѣлъ ли банкъ справиться съ этимъ въ 1904 г., этого за отсутствіемъ отчета сказать нельзя, но сокращеніе операцій, начавшееся еще до войны, вѣроятно избавитъ банкъ отъ большихъ убытковъ по реализаціи. Судя по отчетамъ, крестьяне дорожатъ землею, не бросаютъ купленныхъ при посредствѣ банка участковъ, исправно вносятъ платежи; по крайней мѣрѣ, до самаго послѣдняго времени не замѣчается того, что наступило въ первые годы послѣ основанія банка: крестьяне послѣ тщетныхъ попытокъ удержать за собою купленную при посредствѣ банка землю вынуждены были бросать ее.

Однимъ словомъ, банкъ при полной финансовой прочности, не требуя отъ государства никакихъ субсидій, открываетъ крестьянамъ кредитъ, который не можетъ въ настоящее время считаться дорогимъ, хотя для плательщиковъ, въ виду дороговизны самихъ покупокъ, онъ, можетъ быть, и обременителенъ. Защитники банка отмѣчаютъ также и то, что банкъ открываетъ кредитъ не только зажиточнымъ крестьянамъ. Въ подтвержденіе этого они приводятъ слѣдующее: во-первыхъ, покупки отдѣльныхъ домохозяевъ занимаютъ совершенно второстепенное мѣсто, сумма выданныхъ имъ ссудъ крайне незначительна; во-вторыхъ, какъ

видно изъ отчетовъ, банкъ не отказываетъ въ кредитѣ безземельнымъ; въ-третьихъ, банкъ допускаетъ сдѣлки, въ которыхъ доплаты незначительны. Такъ, изъ отчета за 1902 г. видно, что изъ общаго числа покупщиковъ безземельныхъ было 10%, съ одною надѣльною землею 59%, съ одною собственною 8%, съ надѣльною и собственною 23%. Покупщики владѣли 828,484 дес., или въ среднемъ 6,8 дес. на домохозяина; при содѣйствіи банка пріобрѣтено было въ 1902 г. 695,514 дес., или 5,7 дес. на домохозяина, т. е. площадь владѣнія увеличилась на 84%— почти вдвое.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти благопріятныя данныя, говорящія какъ будто въ пользу банка, я не могу признать, чтобы на банкъ можно было возлагать тѣ надежды, какія на него возлагаютъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на значеніе доплатъ. То, что необходимо для частнаго кредитнаго учрежденія, не можетъ признаваться обязательнымъ для государственнаго учрежденія, преслѣдующаго другія цѣли. Коммерческая точка зрѣнія безспорно требуетъ, чтобы банкъ отдавалъ предпочтеніе зажиточнымъ покупщикамъ, такъ какъ затрата собственныхъ средствъ до нѣкоторой степени гарантируетъ прочность сдѣлки. Затративъ собственныя средства, покупщикъ не такъ легко разстанется съ землею и употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить ее за собой. Не то представляетъ заемщикъ, который полностью переводитъ на себя всю покупную сумму въ видѣ долга. Какъ только покупка оказывается невыгодною, онъ бросаетъ землю. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и банкъ, а между тѣмъ это приводитъ къ тому, что наиболѣе нуждающіеся въ землѣ, но не располагающіе достаточными наличными средствами, не имѣютъ шансовъ воспользоваться кредитомъ банка. Странно было бы оспаривать съ коммерческой точки зрѣнія политику кредитнаго учрежденія, стремящагося къ тому, чтобы по возможности предупредить убытки, съ которыми связана его дѣятельность; но по отношенію къ той высокой и важной съ общегосударственной точки зрѣнія задачѣ, которую, по моему мнѣнію, долженъ преслѣдовать Крестьянскій банкъ, эта точка зрѣнія не должна быть преобладающею. Къ тому же необходимо принять во вниманіе и особенное положеніе тѣхъ разрядовъ крестьянъ, которые становятся заемщиками банка: земля для нихъ до такой степени необходима, что они дорожатъ ею, независимо отъ того, внесена ли ими при покупкѣ доплата изъ собственныхъ средствъ. Съ другой стороны, если покупка имъ не подъ силу, если она невыгодна, то они бросаютъ землю, хотя при покупкѣ и могли быть затрачены значительныя средства: по крайней мѣрѣ, исторія многихъ участковъ, поступившихъ въ собственность банка, показываетъ, что доплата сама по себѣ еще не гарантируетъ прочности сдѣлки.

Могу въ этомъ случаѣ сослаться на то, что высказано нѣкоторыми комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Система доплатъ вызвала въ комитетахъ особенно рѣзкое осужденіе*). «Крестьянскій банкъ,—говорилъ въ гродненскомъ комитетѣ г. Семеновъ,—преслѣдуя цѣль воспособленія крестьянамъ по покупкѣ земли, тѣмъ способствуетъ государственной задачѣ устраненія кризиса, происходящаго отъ крестьянскаго малоземелья; но эта ясно опредѣленная тенденція Крестьянскаго банка недостаточно достигаетъ своей цѣли, такъ какъ на практикѣ, благодаря необходимости доплатъ изъ личныхъ средствъ покупщиковъ земли сверхъ опредѣляемой банкомъ ссуды, участниками земельныхъ сдѣлокъ при покупкѣ земли съ содѣйствіемъ банка являются болѣе зажиточные крестьяне, а бѣдняки, не имѣя средствъ къ доплатѣ, остаются въ пассивномъ состояніи по отношенію къ дѣятельности и помощи Крестьянскаго банка, которая ихъ почти не задѣваетъ». Другіе указывали на то, что крестьяне, вынужденные добывать деньги для доплатъ, часто ухудшаютъ свое хозяйство. По мнѣнію ярославской губернской земской управы, требованіе доплатъ идетъ въ разрѣзъ съ интересами самого банка, потому что для того, чтобы собрать необходимыя для доплаты средства, крестьяне продаютъ скотъ и инвентарь и тѣмъ лишаются оборотнаго капитала, безъ котораго нѣтъ рѣшительно никакой возможности вести хозяйство. Поэтому крестьяне легко могутъ оказаться несостоятельными плательщиками. Въ запискѣ предсѣдателя борисоглѣбской земской управы приведены еще нѣкоторыя другія возраженія противъ доплатъ. «Во-первыхъ, доплаты эти ведутъ къ значительному неравенству въ распредѣленіи между крестьянами, участвующими въ покупкѣ купленной при помощи банка земли; при различной степени зажиточности покупщиковъ одинъ вноситъ на эту доплату больше, другой меньше. Кто внесъ больше, тотъ считаетъ за собою право на большее количество земли, и дѣйствительно въ виду трудности для крестьянъ внести требуемую банкомъ доплату, купленная земля распредѣляется между домохозяевами не поровну, а именно въ соотвѣтствіи съ величиною взноса каждаго домохозяина наличными для доплаты. Во-вторыхъ, очень часто крестьяне, не имѣя собственныхъ средствъ для покрытія требуемой банкомъ доплаты, вынуждены добывать для нея деньги такими способами, при которыхъ купленная земля не только не можетъ поднять благосостояніе покупщиковъ банка, а, напротивъ, ведетъ ихъ къ неизбѣжному разоренію. Такъ, они продаютъ скотъ, лишая себя необходимаго орудія обработки земли; другіе дѣлаютъ займы у частныхъ лицъ, обыкновенно у мѣстныхъ деревенскихъ кулаковъ, на самыхъ отяготительныхъ, а иногда прямо разорительныхъ условіяхъ. Въ-третьихъ, въ

*) Нужды деревни, т. II, стр. 96—97.

первое время по пріобрѣтеніи земли крестьяне принуждены дѣлать истощающіе землю каждогодные посѣвы, отступая даже отъ общепринятой трехпольной системы, все же представляющей извѣстную правильность и обезпечивающей естественное возстановленіе плодородія почвы, съ цѣлью возможно скорѣйшаго и возможно большаго извлеченія изъ купленной земли денежныхъ средствъ на покрытіе произведенной доплаты».

За отмѣну доплатъ высказался цѣлый рядъ другихъ дѣятелей и комитетовъ.

«Требованіе доплаты, затрудняя покупку земли для безземельныхъ и малоземельныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обезсиливаетъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ-покупателей, вынуждая ихъ распродавать скотъ или залѣзать въ долги *)... Благодаря требованію доплатъ отъ крестьянъ, банкъ помогаетъ расширенію землевладѣнія, главнымъ образомъ, состоятельныхъ крестьянъ, имѣющихъ свободныя средства для доплатъ; между тѣмъ польза, приносимая банкомъ, была бы несравненно серьезнѣе, если бы онъ стремился къ расширенію землевладѣнія не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, конечно малоземельныхъ, чего онъ могъ бы легко достигнуть выдачею ссудъ подобнымъ обществамъ въ размѣрѣ полной стоимости покупаемой земли, безъ всякой доплаты отъ крестьянъ. Разумѣется, такія ссуды должны быть выдаваемы только цѣлымъ обществамъ, а не отдѣльнымъ домохозяевамъ или товариществамъ»...

Въ комитетахъ встрѣчается также указаніе на то значеніе, которое получило чисто коммерческое направленіе дѣятельности Крестьянскаго банка. Когда банкъ ставитъ главною своею цѣлью не борьбу съ малоземельемъ, а обезпеченіе себя отъ возможныхъ убытковъ, покупка земли цѣлыми обществами поневолѣ должна отступать на задній планъ. Во всякомъ обществѣ найдутся малоимущія лица, которымъ трудно уплатить верхи. Отсюда чрезвычайное развитіе покупокъ товариществами состоятельныхъ крестьянъ, съ исключеніемъ бѣднѣйшихъ, наиболѣе нуждающихся въ землѣ. Нежеланіе Крестьянскаго банка имѣть дѣло съ обществами объясняется отчасти непрочностью общественныхъ покупокъ земли... Въ Орловской губ., какъ указывалось въ мѣстномъ комитетѣ, «крестьянами куплено при содѣйствіи Крестьянскаго банка 900 имѣній, изъ нихъ обществами 172 имѣнія, товариществами 727 и одиночками 101. Лохвицкій комитетъ указываетъ, что въ первые годы дѣятельности банка значительную часть его сдѣлокъ составляли покупки земли всѣмъ крестьянскимъ обществомъ; теперь же общественныя покупки почти отсутствуютъ: земля пріобрѣтается или отдѣльными крестьянами, или товариществами изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Въ дѣятельности Крестьянскаго банка замѣчаются частные случаи обратнаго отобранія

*) *Прокоповичъ*. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. С.-П.-Б. 1904, стр. 198—201.

у крестьянъ земли вслѣдствіе неисправнаго взноса крестьянами годовыхъ платежей банку. Это имѣло мѣсто въ особенно широкихъ размѣрахъ по отношенію къ общественнымъ покупкамъ: почти 70% земли, пріобрѣтенной отъ банка крестьянскими обществами, отобрано банкомъ отъ нихъ обратно за невзносъ платежей»...

Съ другой стороны встрѣчаются указанія и на неблагопріятное вліяніе товарищескихъ покупокъ. Такъ, въ сарапульскомъ комитетѣ указывалось, что состоятельныя крестьянскія товарищества нерѣдко пріобрѣтаютъ земли черезъ банкъ про запасъ, а иногда и для эксплоатаціи малоземельныхъ крестьянъ; слѣдовательно, легко доступное пріобрѣтеніе земли состоятельнымъ товариществомъ идетъ въ ущербъ малоземельнымъ неимущимъ. Въ елецкомъ комитетѣ отмѣчалось, что нынѣшняя политика банка даже вредитъ малоземельнымъ крестьянамъ: способствуя переходу изъ рукъ владѣльцевъ земли, не обрабатывающихъ ея личнымъ трудомъ, и уменьшая, такимъ образомъ, поле приложенія въ такихъ земляхъ наемнаго труда сосѣднихъ крестьянъ, подобная мобилизація земельной собственности отнюдь не удовлетворяетъ интересамъ малоземельныхъ крестьянъ. Въ харьковскомъ губернскомъ комитетѣ докладывалось, что всѣ жертвы государства, всѣ жертвы крестьянъ, выселяющихся на вновь пріобрѣтенныя земли, нисколько не улучшаютъ положенія малоземельной части населенія, а, напротивъ того, ухудшаютъ его, такъ какъ съ пріобрѣтеніемъ извѣстной части владѣльческихъ земель крестьянскими товариществами (составленными изъ наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ) поднимается сейчасъ же арендная плата на остальныя земли, которыя, такимъ образомъ, дѣлаются еще болѣе недоступными для бѣднѣйшихъ элементовъ.

Изъ вышеприведеннаго видно, какое значеніе имѣютъ доплаты, и какое вліяніе онѣ оказываютъ на все направленіе дѣятельности банка. А между тѣмъ, если смотрѣть на Крестьянскій банкъ, какъ на кредитное учрежденіе, то требованіе доплатъ не должно было бы встрѣчать возраженій. Для банка, не преслѣдующаго общегосударственныхъ задачъ, коммерческая точка зрѣнія, стремленіе во что бы то ни стало уменьшить рискъ, связанный съ операціями, вполнѣ понятны; но весь вопросъ въ томъ, правильно ли примѣнять къ Крестьянскому банку критерій, который обязателенъ для другихъ банковъ.

Я не имѣю въ виду останавливаться здѣсь на исторіи банка, на измѣненіи взглядовъ на его задачи и т. д. Напомню только, что вскорѣ послѣ того, какъ выяснились результаты операцій перваго періода дѣятельности банка, Государственный Совѣтъ высказалъ свой взглядъ на задачи банка, оказавшій сильное вліяніе на дальнѣйшее направленіе его дѣятельности *). По мнѣнію Государственнаго Совѣта, «содѣйствіе

*) *Скалонъ.* Крестьянскій банкъ и его недоимщики въ вып. II Очерковъ по крестьянскому вопросу подъ ред. проф. Мануилова. Москва, 1905, стр. 68.

поземельному устройству цѣлыхъ сельскихъ обществъ и многолюдныхъ переселенческихъ товариществъ составляетъ задачу, не свойственную Крестьянскому банку». Такое заключеніе мотивировано между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

Дѣйствуя на началахъ частнаго кредитнаго установленія, банкъ долженъ прибѣгать къ продажѣ купленной при его содѣйствіи земли въ случаѣ неисправности въ платежахъ, а между тѣмъ такая продажа представляется нерѣдко крайне нежелательною и трудною въ тѣхъ случаяхъ, когда земля куплена сельскимъ обществомъ или переселенческимъ товариществомъ. Въ виду этого банку должна принадлежать болѣе скромная, но не менѣе важная задача—содѣйствовать развитію мелкой частной поземельной собственности. Выдавая ссуды наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія, банкъ оказалъ бы несомнѣнную услугу государству образованіемъ класса мелкихъ собственниковъ, который повсемѣстно служитъ источникомъ экономическаго процвѣтанія страны и вѣрною опорою гражданскаго порядка.

Эта попытка создать при посредствѣ Крестьянскаго банка мелкое частное землевладѣніе, то, что въ Германіи извѣстно подъ названіемъ der kräftliche deutsche Bauernstand, не имѣла успѣха; банку не удалось осуществить эту идею, представлявшуюся и представляющуюся и въ настоящее время нѣкоторымъ идеаломъ поземельнаго устройства. Политика банка часто измѣнялась; далеко не всегда выдѣленіе изъ крестьянской массы немногихъ избранниковъ въ ущербъ остальнымъ встрѣчало симпатіи. Точно также водвореніе въ нашей деревнѣ сильныхъ крестьянъ, напоминающихъ зажиточныхъ крестьянъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, представлялось близко стоявшимъ къ деревнѣ слишкомъ искусственнымъ.

Безспорно, однако, то, что Крестьянскій банкъ уподоблялся частнымъ банкамъ. Думаю, что если бъ такая точка зрѣнія и признавалась правильною, то на-ряду съ Крестьянскимъ банкомъ необходимо было бы создать другія учрежденія, на которыя должны быть возложены задачи, которыя первоначально связывались съ банкомъ.

Итакъ, требованіе доплатъ и предпочтеніе, оказываемое товарищескимъ покупкамъ предъ покупками сельскихъ обществъ, въ связи съ преобладаніемъ болѣе зажиточныхъ слоевъ крестьянскаго населенія, приводятъ къ тому, что банкъ не въ состояніи съ успѣхомъ бороться съ малоземельемъ и не можетъ содѣйствовать прочному улучшенію положенія крестьянской массы.

Въ нынѣшней организаціи банка имѣется еще другая сторона, получившая, можетъ быть, еще болѣе важное значеніе: я имѣю въ виду безостановочное повышеніе цѣнъ на землю, усилившееся одновременно съ расширеніемъ дѣятельности банка. Благодаря этому крестьянамъ съ каждымъ годомъ приходится платить за землю все дороже и дороже.

Это возвышеніе шло такъ стремительно, что парализовало пониженіе платежей по ссудамъ. Поэтому крестьянамъ, несмотря на значительное пониженіе платежей, приходилось съ каждымъ годомъ платить все дороже и дороже; на десятину пріобрѣтенной чрезъ посредство банка земли падали все болѣе и болѣе высокіе платежи.

Если мы возьмемъ среднія цѣны за періодъ 1891—1896 г., то получимъ слѣдующее:

1891 г.	. . . . .	39 руб.
1892 »	. . . . .	45 »
1893 »	. . . . .	50 »
1894 »	. . . . .	49 »
1895 »	. . . . .	52 »
1896 »	. . . . .	49 »

Совсѣмъ не то представляетъ позднѣйшій періодъ, послѣ реформы банка.

1897 г.	. . . . .	71 руб.
1898 »	. . . . .	76 »
1899 »	. . . . .	78 »
1900 »	. . . . .	83 »
1901 »	. . . . .	91 »
1902 »	. . . . .	108 »

Мало того, когда съ 1888 г. дѣятельность банка начала замѣтно сокращаться, цѣны, достигавшія въ 1884 и 1885 гг.—52 руб., въ 1886—45 р., въ 1887 г.—42 р., стали понижаться и въ 1888 г. составляли въ среднемъ—34 р., въ 1889 г.—31 р. и въ 1890 г.—36 р.

Трудно допустить, чтобы это движеніе цѣнъ носило случайный характеръ. Если бы колебанія цѣнъ относились къ небольшому періоду, можно было бы объяснить его случайнымъ составомъ залоговъ; но когда предъ нами продолжительный періодъ послѣдовательнаго возвышенія цѣнъ, нѣтъ никакихъ основаній приписывать его случайному стеченію обстоятельствъ.

Къ такому же выводу мы придемъ, если обратимся къ покупнымъ цѣнамъ, по которымъ пріобрѣтали землю отдѣльные разряды крестьянъ.

Годы.	Сельскія общества.	Товарищества.	Отдѣльные крестьяне.
1896	38 руб.	52 руб.	56 руб.
1897	56 »	77 »	69 »
1898	70 »	78 »	86 »
1899	72 »	79 »	77 »
1900	82 »	82 »	90 »
1901	88 »	91 »	130 »
1902	101 »	107 »	134 »

Изъ этого видно, что не только отдѣльные крестьяне, пріобрѣтающіе небольшіе участки сравнительно хорошаго качества или удобно расположенные, не только товарищества, но и сельскія общества изъ года въ годъ платятъ за землю все дороже и дороже.

Мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, что крестьяне начали въ послѣдніе годы пріобрѣтать земли лучшаго качества; напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемъ крестьяне получаютъ по болѣе дорогой цѣнѣ такія же земли, за которыя они прежде платили много дешевле. Поэтому возвышеніе цѣнъ нельзя приписывать стремленію крестьянъ пріобрѣтать земли лучшаго качества.

Одновременно съ этимъ и банкъ возвышалъ свои оцѣнки. Такъ, въ 1899 г. средняя подесятинная оцѣнка составляла 72 руб., въ 1900 г.— 76 руб., въ 1901 г.—81 руб. и въ 1902 г.—93 руб.

Ясно, что чѣмъ шире банкъ развивалъ свою дѣятельность, чѣмъ больше выдавалъ ссудъ, чѣмъ больше крестьяне покупали земли, тѣмъ дороже приходилось за нее платить, тѣмъ выше были покупныя цѣны.

Среднія цѣны для всего района дѣятельности банка, конечно, не столь убѣдительны, какъ движеніе цѣнъ по губерніямъ и уѣздамъ, но съ другой стороны нельзя принять во вниманіе и того, что при столь широкихъ операціяхъ случайныя уклоненія сглаживаются. Поэтому если цѣны возвышаются систематически изъ года въ годъ, и возвышеніе это безпрерывно продолжется, то и среднія цѣны пріобрѣтаютъ уже извѣстное значеніе.

Кто же въ такомъ случаѣ остается въ выигрышѣ отъ расширенія дѣятельности банка? Кому достается тотъ избытокъ въ цѣнѣ, который съ каждымъ годомъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры? Не выигрываютъ ли отъ расширенія операцій банка гораздо больше продавцы, чѣмъ покупатели? Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе, что условія хозяйства не измѣнились въ благопріятномъ для увеличенія доходности смыслѣ, то землевладѣлецъ, имѣющій возможность выручить за свою землю вдвое или втрое больше, чѣмъ онъ могъ бы выручить 10—15 лѣтъ тому назадъ, несомнѣнно находится въ выигрышѣ.

Все это подтверждается данными, касающимися отдѣльныхъ губерній. Такъ, въ Саратовской губерніи средняя цѣна десятины, купленной при посредствѣ банка земли, возвышалась слѣдующимъ образомъ:

1883—1886	гг.	41,8 руб.
1887—1889	»	41,1 »
1890—1892	»	40 »
1891—1895	»	50,2 »

Средняя цѣна за первыя 13 лѣтъ до новаго устава составляла 41,6 руб. Съ 1896 г. начинается возвышеніе цѣнъ.

1896 г. . . .	54,6 руб.	
1897 » . . .	69,9 »	средняя цѣна 68 р.
1898 » . . .	68,9 »	
1899 » . . .	77,9 »	
1900 » . . .	80,6 »	» » 81,2 »
1903 » . . .	87,7 »	

То же наблюдается въ отдѣльныхъ уѣздахъ.

	1883—1895 гг.	1896—1898 гг.	1899—1901 гг.
Сердобскій. .	58,2	76,8	100,2
Балашовскій .	52,7	72,1	93,3
Вольскій. . .	34,9	82,5	81,9
Саратовскій .	46,9	62,3	81,1
Петровскій .	44,9	76,9	78
Камышенскій.	28,7	71,3	75,5
Аткарскій . .	41,7	63,2	75,3
Кузнецкій . .	35,4	68	68
Хвалынскій .	30,3	52,9	59

Нерѣдко приходится слышать, что все зло заключается въ томъ, что банкъ является слишкомъ поздно; что, будучи по существу посредникомъ между помѣщиками, продающими землю, и крестьянами, пріобрѣтающими ее, банкъ является на помощь крестьянамъ слишкомъ поздно, такъ какъ земля попадаетъ отъ помѣщиковъ прежде всего въ руки скупщиковъ, пріобрѣтающихъ ее исключительно для перепродажи частями. Операція эта встрѣчаетъ большую поддержку со стороны частныхъ банковъ, для которыхъ совершенно безразлично, въ чьи руки попадаетъ земля, по какой цѣнѣ, какимъ путемъ эта земля въ окончательномъ итогѣ попадаетъ въ руки крестьянъ. Акціонерные банки не останавливаются въ размѣрѣ ссудъ, охотно и легко возвышаютъ оцѣнки, особенно съ тѣхъ поръ, какъ по закону сокращены операціи городского кредита, и между отдѣльными банками началась усиленная конкуренція для пріобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ залоговъ. Особенно замѣтно это на имѣніяхъ, предназначенныхъ для парцелляціи, гдѣ основаніемъ для оцѣнки служитъ не дѣйствительный доходъ, который земля приноситъ въ настоящее время, а вѣроятная цѣна, по которой она можетъ быть продана крестьянамъ при содѣйствіи Крестьянскаго банка. Не будь послѣдняго, акціонерные банки не рѣшались бы идти такъ далеко въ опредѣленіи размѣра ссудъ. Въ виду этого раздаются голоса въ пользу измѣненія характера дѣятельности банка въ томъ смыслѣ, чтобы онъ самостоятельно покупалъ большія имѣнія съ цѣлью распродажи ихъ частями, чѣмъ съ такимъ успѣхомъ пользуются частныя лица, далеко не располагающія такими обильными средствами, какими располагаетъ

банкъ. Такъ, ему было бы нетрудно пріобрѣсти имѣнія кн. Витгенштейна, попавшія въ руки различныхъ спекулянтовъ, а чрезъ ихъ посредство въ руки крестьянъ; онъ могъ бы пріобрѣсти имѣнія Платицыныхъ, продававшіяся съ торговъ въ банкахъ; цѣлый рядъ другихъ крупныхъ имуществъ, подлежавшихъ принудительной ликвидаціи. Пріобрѣтая большія площади, банкъ несомнѣнно могъ бы получать землю по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ ее получаютъ теперь крестьяне, получающіе ее теперь изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Банкъ могъ бы выступать активнымъ покупателемъ на рынкѣ и пріобрѣтать земли тамъ, гдѣ крестьянами предъявленъ спросъ и имѣется потребность въ расширеніи крестьянской площади.

Теоретически всѣ эти соображенія вѣрны, банкъ дѣйствительно могъ бы пріобрѣтать землю дешевле другихъ, а на практикѣ получается совершенно не то. Располагая значительными собственными капиталами, банкъ нерѣдко покупаетъ не тѣ имѣнія, которыя нужны крестьянамъ, а тѣ, въ продажѣ которыхъ продавцы гораздо больше заинтересованы, чѣмъ крестьяне. Благодаря этому операція, по существу правильная, заслуживающая полнаго сочувствія, не приводитъ къ благодѣльнымъ результатамъ. Несмотря на жадность крестьянъ къ землѣ, распродажа имѣній, пріобрѣтенныхъ банкомъ на счетъ собственнаго капитала, не идетъ такъ быстро и легко, какъ это имѣло бы мѣсто, если бъ при покупкѣ банкъ больше руководился интересами крестьянъ, чѣмъ продавцовъ.

Чтобы показать, какъ поставлено дѣло покупки земли на счетъ собственнаго капитала, я приведу нѣкоторыя свѣдѣнія, недавно сообщенныя бывшимъ членомъ совѣта банка, Воропоновымъ.

Одною изъ первыхъ и самою крупною покупкою, говоритъ онъ, явилось саратовское имѣніе въ 41,894 десятины, проданное гр. Воронцовымъ-Дашковымъ за 3.500,252 руб.; обращаетъ на себя вниманіе также продажа бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Дурново черниговскаго имѣнія въ 3,850 десятинъ за 525,629 руб. Не вся даже эта земля досталась крестьянамъ, и значительная часть ея продавалась лицамъ разныхъ сословій и учрежденіямъ. Одно вѣдомство государственныхъ имуществъ пріобрѣло изъ бывшаго воронцовскаго имѣнія больше десяти тысячъ десятинъ слишкомъ за милліонъ рублей.

Какъ туго идутъ подобныя земли съ рукъ банка, показываютъ отдѣльные примѣры. Для ликвидаціи воронцовской покупки банкъ нѣсколько лѣтъ подыскивалъ покупщиковъ-крестьянъ, продавалъ по частямъ, большими и небольшими кусками, и еле-еле въ этомъ успѣвалъ. Отчего это происходило? Оттого ли, что покупки сдѣланы были неподходящія для крестьянъ, отъ высокихъ ли цѣнъ, при которыхъ пріобрѣтеніе не представляло для крестьянъ интереса, или по инымъ причинамъ—можетъ быть разъяснится уже впослѣдствіи.

На этомъ основаніи Воропоновъ приходитъ къ заключенію, что мотивированная участіемъ къ крестьянскому земельному интересу операція принесла полную выгоду только кружку продавцовъ земли, которымъ удалось сбыть ее подороже. Затѣмъ почти половина цѣнности, пожертвованной крестьянству, до него не дошла, оставшись въ рукахъ банка. Изъ остальной же части купленной земельной массы нѣкоторая доля попала не въ крестьянскія руки, а прочее хотя и въ крестьянскія, но преимущественно по высокимъ цѣнамъ, парализующимъ выгодность покупки. Въ одно и то же время крестьяне ищутъ землю, а банкъ съ трудомъ разыскиваетъ, кому бы сбыть имѣющіяся земли.

Изъ отчетовъ видно, что въ числѣ непроданныхъ имѣній находятся покупки 1898, 1897 и даже 1896 годовъ. Изъ саратовскаго воронцовскаго имѣнія, купленнаго въ 1896 году, земли сбывались въ 1902 году, т. е. шесть лѣтъ спустя.

Такимъ образомъ, и самостоятельная покупка земли, къ которой банкъ прибѣгаетъ со времени измѣненія устава, затрачивая на это собственный капиталъ, не приводитъ къ благопріятнымъ результатамъ. Мы имѣемъ не увеличеніе фонда государственныхъ земель по опредѣленному плану, а случайныя покупки имѣній, при чемъ выборъ послѣднихъ опредѣляется трудно уловимыми, подчасъ мало понятными, съ точки зрѣнія непосредственныхъ задачъ банка, моментами. Хотя земли, купленныя банкомъ на счетъ собственнаго капитала, обходятся ему дешевле, чѣмъ крестьянамъ, покупающимъ ихъ у помѣщиковъ, но если эти болѣе дешевыя земли не находятся именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянами предъявляется большой спросъ, то они все-таки будутъ предпочитать самостоятельную покупку болѣе дорогихъ, но необходимыхъ для нихъ земель. Въ виду этого правильная по своей основной идеѣ операція на практикѣ не получила того значенія, которое она должна была получить—она не предупредила роста цѣнъ.

На систематическое возвышеніе цѣнъ обращаютъ вниманіе и комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Такъ, въ запискѣ, представленной въ московскій губернскій комитетъ, мы читаемъ слѣдующее:

«Въ настоящее время нужда крестьянъ въ землѣ сильно подняла цѣны на землю, не оправдываемыя ея доходностью, и вызвала спекулятивныя покупки ея съ цѣлью дальнѣйшей перепродажи ея крестьянамъ. Возможность такихъ спекулятивныхъ покупокъ, въ свою очередь, облегчается практикой поземельныхъ банковъ, не всегда, можетъ быть, достаточно строго оцѣнивающихъ землю. Та же нужда крестьянъ въ землѣ поднимаетъ арендную плату за землю, а это опять отражается на цѣнѣ ея и въ частности на той цѣнѣ, по которой продавцы склонны продать ее Крестьянскому банку. Отсюда сама собой вытекаетъ необходимость

принять мѣры противъ искусственнаго подъема цѣнъ на землю и тѣмъ болѣе не обременять крестьянское населеніе излишними платежами за нее».

На это же обращено вниманіе въ елецкомъ комитетѣ. Въ запискѣ о малоземельѣ, переселеніи и Крестьянскомъ банкѣ выяснена роль, которую суждено было сыграть Крестьянскому банку въ бѣшеномъ ажіотажѣ земельной спекуляціи. Чрезвычайная нужда въ землѣ, ощущаемая за послѣднее время крестьянами, особенно южной части черноземной полосы, и отсутствіе у крестьянъ способности перспективнаго разсчета, заставляютъ крестьянъ соглашаться на всякія нисколько не оправдываемыя доходностью земли цѣны, лишь бы только имъ не приходилось много доплачивать наличными деньгами. Органы Крестьянскаго банка часто предупредительно соглашаются въ такихъ случаяхъ на самыя высокія оцѣнки и выдаютъ ссуды въ высшемъ установленномъ закономъ размѣрѣ по отношенію къ покупной цѣнѣ. Этою ролью банка пользуются весьма часто ловкіе спекулянты, скупающіе землю у частныхъ владѣльцевъ и затѣмъ перепродающіе ее крестьянамъ по возвышенной цѣнѣ. Пользуются этимъ и частные ипотечные банки, которые, вслѣдствіе ограниченія закономъ ссудныхъ операцій подъ городскія имущества, обратили усиленное вниманіе на негородскія земли и выдаютъ весьма высокія ссуды такимъ спекулянтамъ въ успокоительной увѣренности, что ссуды будутъ исправно и скоро погашены при посредствѣ государственнаго Крестьянскаго банка. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствуй Крестьянскій банкъ осторожнѣе при установленіи оцѣнокъ, — расположеніе частныхъ банковъ къ выдачѣ крупныхъ ссудъ спекулянтамъ-скупщикамъ упало бы весьма быстро, разумѣется понизивъ и весь этотъ покупательскій азартъ, т. е. цѣны на землю. Ибо странно было бы считать нормальнымъ сказочное возрастаніе цѣнъ на землю въ то время, когда со всѣхъ сторонъ только и слышны вполнѣ справедливыя жалобы на бездоходность сельскаго хозяйства, составляющія, видимо, главную причину созыва особаго совѣщанія. Нечего и говорить, что непомѣрно дорогая земля становится вскорѣ для крестьянъ не помощью, а разореніемъ (однихъ % банку приходится платить больше, чѣмъ за арендуемую также по высокой цѣнѣ землю).

Такимъ образомъ, по мнѣнію комитета, Крестьянскій банкъ изъ учрежденія, призваннаго приходить на помощь малоземельнымъ крестьянамъ, превращается часто въ пособника биржевой спекуляціи; нежелательность такого превращенія очевидна внѣ спора.

Все вышесказанное не можетъ не приводить къ заключенію, что операція покупки земель на счетъ капиталовъ банка не въ состояніи измѣнить кореннымъ образомъ направленіе его дѣятельности. Опредѣляющимъ моментомъ является то, что крестьяне жадно набрасываются

на землю, когда представляется возможность ее купить; при этомъ они не дѣлаютъ точнаго разсчета выгодности покупки, а покупаютъ землю, хотя бы платежи по ней превышали арендную плату, которую они сами за нее вносили прежнему владѣльцу. Отсюда—постоянное повышеніе цѣнъ, которое вводитъ въ заблужденіе не только крестьянъ, но и Крестьянскій банкъ. Ссуды банка ежегодно возвышаются, на землю съ каждымъ годомъ ложится все болѣе и болѣе тяжелое бремя, а между тѣмъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что доходность земли увеличивается, и что условія веденія хозяйства улучшаются. Можетъ быть, съ точки зрѣнія современныхъ цѣнъ на землю Крестьянскій банкъ и не погрѣшаетъ, но цѣны эти не могутъ считаться нормальными. Во многихъ случаяхъ цѣна не имѣетъ никакихъ иныхъ реальныхъ основаній, кромѣ надежды продавцовъ и покупщиковъ, что банкомъ будетъ произведена высокая оцѣнка и выдана широкая ссуда. Благодаря этому, то или иное состояніе цѣнъ, по крайней мѣрѣ, на имѣнія, предназначенныя для парцелляціи, зависитъ отъ политики мѣстнаго отдѣленія Крестьянскаго банка. Стоитъ только банку воздержаться отъ искусственнаго поддержанія высокихъ цѣнъ, какъ измѣнятся и продажныя цѣны, потому что онѣ основывались не на доходности, а на возможности продать ихъ крестьянамъ. По самому характеру своему многія изъ продаваемыхъ черезъ посредство Крестьянскаго банка земель пригодны только для крестьянъ, потому что никто кромѣ крестьянъ, ни во что не оцѣнивающихъ свой собственный трудъ, не въ состояніи, напримѣръ, выкорчевывать пни и вести хозяйство на площадяхъ изъ-подъ вырубленнаго лѣса.

Въ дѣйствительности покупка земель черезъ посредство Крестьянскаго банка во многихъ мѣстностяхъ производится слѣдующимъ образомъ: спекулянты скупаютъ имѣнія, вырубаютъ лѣса, выдѣляютъ для себя или для дальнѣйшей перепродажи центральныя части имѣнія съ усадебными постройками и лучшими угодьями, а оголенныя площади земли разбиваютъ на участки и продаютъ ихъ крестьянамъ по цѣнамъ, превышающимъ среднюю подесятинную покупную цѣну всего имѣнія. Одинъ лѣсъ часто съ лихвой окупаетъ всѣ затраты, а между тѣмъ, благодаря Крестьянскому банку, неудобныя требующія еще большихъ затратъ земли сбываются крестьянамъ. Въ чьихъ бы рукахъ ни оставались суммы, выдаваемыя изъ банка и уплачиваемыя крестьянами изъ собственныхъ средствъ,—въ рукахъ посредниковъ или въ рукахъ помѣщиковъ,—на крестьянъ, пріобрѣтающихъ землю, ложится часто непосильное бремя. На парцелляціи черезъ посредство Крестьянскаго банка теперь нерѣдко наживаютъ колоссальныя состоянія, такъ какъ ссуда банка съ избыткомъ покрываетъ всю стоимость земли и даетъ огромные барыши безчисленнымъ посредникамъ, черезъ руки которыхъ проходятъ земли до продажи ихъ крестьянамъ.

Мало того, неминуемые убытки акціонерныхъ банковъ, производящихъ въ высшей степени рискованныя операціи, дѣйствующихъ нерѣдко крайне безразсудно, во многихъ случаяхъ были предотвращены, только благодаря выкупу участковъ при содѣйствіи Крестьянскаго банка. Какъ ни стремятся теперь земельные банки къ привлеченію сельскохозяйственныхъ залоговъ, они все же дѣйствовали бы осторожнѣе, если бы не возлагали надежды на то, что имѣніе или часть его въ скоромъ времени будетъ выкуплена крестьянами, получающими высокія ссуды изъ Крестьянскаго банка. Преувеличенныя оцѣнки частныхъ банковъ не встрѣчаютъ никакихъ препятствій со стороны контролирующихъ органовъ. Это объясняется характеромъ продаваемыхъ имѣній; большею частью въ залогъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ не устроенныя имѣнія съ хорошимъ хозяйствомъ, съ постройками, а имѣнія разоренныя, въ которыхъ значительная часть площади представляетъ вырубку. Какъ бы ни были низки предѣльныя оцѣнки, установленныя министерствомъ финансовъ для частныхъ банковъ по отношенію къ имѣніямъ, предназначеннымъ для парцелляціи, эти оцѣнки еще очень высоки и открываютъ для спекулятивныхъ залоговъ очень широкій просторъ.

Во многихъ мѣстностяхъ идетъ бѣшеная игра, цѣны на землю поднимаются, какъ поднимаются спекулятивныя бумаги въ эпоху оживленія биржи. Можетъ быть, на первый взглядъ это представляется парадоксальнымъ, но во главѣ этого спекулятивнаго движенія стояли не акціонерные банки, а Крестьянскій банкъ.

Ненормальное положеніе земельнаго рынка констатируютъ и комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности *). На земельномъ рынкѣ появились «хищники эксплоататоры-промышленники, пріобрѣтающіе земли не для собственной обработки и пользованія, а съ исключительною цѣлью эксплоатировать ихъ посредствомъ сдачи мѣстнымъ крестьянамъ въ аренду по страшно высокой цѣнѣ». Эти господа, говоритъ въ своей запискѣ членъ суджанскаго комитета Н. Т. Волковъ, всѣми силами стремились и стремятся скупить или снять возможно большее количество земель, расположенныхъ вокругъ крестьянскихъ надѣловъ, не останавливаясь въ цѣнѣ. Такихъ владѣній цѣлая сѣть чуть ли не при каждомъ селеніи. Всѣ крестьяне находятся въ разставленныхъ сѣтяхъ, не зная, какъ изъ нихъ выбраться. Скупщики, пользуясь своею силою давленія на крестьянъ въ видѣ назначенія непосильной арендной платы, лишенія водопоя или прогона для скота, проѣзда на поле и т. п., назначаютъ невольнымъ покупщикамъ—крестьянамъ, желающимъ во что бы то ни стало избавиться отъ вѣчной кабалы, пріобрѣтая въ собственность необходимыя имъ земли, произвольныя продажныя цѣны, ипотечные же банки являются пособниками этой биржевой спекуляціи.

*) «Нужды деревни» по трудамъ комитетовъ. Т. II, стр. 93—94.

Облегченіе формальныхъ условій пользованія банковымъ кредитомъ, отмѣна доплатъ и пониженіе процентовъ по займамъ—таковы наиболѣе часто предлагавшіяся въ комитетахъ и почти не встрѣчавшія въ нихъ возраженій мѣры въ интересахъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ частновладѣльческой земли. Въ случаѣ ихъ осуществленія размѣры и условія движенія поземельной собственности по прежнему опредѣлялись бы «добровольнымъ» соглашеніемъ далеко неравносильныхъ въ соціальномъ отношеніи сторонъ. Мѣры эти не только безсильны улучшить положеніе крестьянъ на земельномъ рынкѣ, но и могутъ значительно ухудшить его. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что болѣе льготныя условія выдачи ссуды, установленныя новымъ уставомъ Крестьянскаго банка, сопровождались замѣтнымъ усиленіемъ земельной спекуляціи (стр. 98). Въ пирятинскомъ комитетѣ было констатировано, что крестьяне сами, будучи очень признательны Крестьянскому банку за содѣйствіе его при покупкѣ ими земель, тѣмъ не менѣе находятъ, что слишкомъ высокая оцѣнка, допускаемая банками, и соотвѣтственная ссуда ведетъ только къ ихъ разоренію. Крестьяне, увлекаемые жадностью къ землѣ, не обращаютъ вниманія на чрезмѣрно высокую цѣну, а затѣмъ оказываются не въ состояніи платить процентовъ. Крестьяне утверждали, что идетъ сильнѣйшая спекуляція на цѣну земли и на нужду въ ней. Съ искусственнымъ же увеличеніемъ продажной цѣнности возвышается и арендная плата, что также крестьянамъ невыгодно, такъ какъ они являются и покупателями и арендаторами... Само собою понятно, что кредитныя льготы, которыя были предоставлены крестьянамъ, легко могутъ сказаться новымъ подъемомъ цѣны на землю. Чѣмъ больше будутъ выдаваемыя банкомъ ссуды, тѣмъ шире для частныхъ землевладѣльцевъ будетъ возможность учитывать въ свою пользу не только настоящіе, но и будущіе доходы крестьянскаго хозяйства (99).

Что же дѣлало министерство финансовъ для противодѣйствія этому направленію дѣятельности банковъ? Единственное, что оно могло придумать, это предупрежденіе, что спекуляція на землю связана съ опасными послѣдствіями; очевидно, министерство, такъ часто прибѣгавшее къ этому средству въ разгарѣ биржевой игры, забыло, что въ борьбѣ съ ажіотажемъ никакія воззванія къ благоразумію не могутъ дѣйствовать отрезвляющимъ образомъ и противодѣйствовать стремленію къ легкой наживѣ, пустившему такіе глубокіе корни въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія. Что широко разросшаяся въ послѣдніе годы спекуляція на землю—явленіе несомнѣнно гораздо болѣе опасное, чѣмъ спекуляція на акціи банковъ или промышленныхъ и горныхъ Обществъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но развѣ съ такимъ явленіемъ можно бороться циркулярами? Нѣсколько странно звучитъ заявленіе, «что въ послѣднее время обнаруживается усиленное стремленіе къ поль-

зованію земельнымъ кредитомъ для цѣлей, связанныхъ не съ упроченіемъ владѣнія поземельною собственностью, а съ ея мобилизаціей путемъ пріобрѣтенія и отчужденія земель ради выгодъ, получаемыхъ отъ разницы между цѣнами, по которымъ земля покупается и продается», когда вся организація Крестьянскаго банка неминуемо должна привести къ спекуляціи, когда пользованіе кредитомъ въ широкихъ размѣрахъ обязательно должно было привести именно къ тѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ оно должно было привести.

Правильнѣе было бы сдѣлать другой выводъ изъ фактовъ, а именно слѣдовало бы поставить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли расширеніе крестьянскаго землевладѣнія должно совершиться такимъ путемъ, какимъ оно совершилось; является ли Крестьянскій банкъ и дѣйствующіе въ томъ же направленіи частные банки тѣми учрежденіями, которыя могутъ вывести страну изъ аграрныхъ затрудненій; можно ли чрезъ посредство кредита, организованнаго на частноправныхъ началахъ, выполнить ту грандіозную задачу, которая выдвинута самою жизнью. Если бъ вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, пришлось бы вмѣсто циркуляровъ выступить съ проектомъ аграрной реформы.

Спекуляція на землю, принявшая у насъ въ послѣдніе годы такіе размѣры, представляетъ, по моему мнѣнію, большую опасность главнымъ образомъ потому, что всѣ разсчеты направлены въ конечномъ итогѣ на крестьянъ, не останавливающихся ни предъ какими жертвами, когда рѣчь идетъ объ увеличеніи земельной площади. Тутъ повторяется то, что имѣетъ мѣсто при всякой спекуляціи: въ барышахъ остается не тотъ, кто владѣетъ объектомъ биржевой игры, а тотъ, кому удалось его продать. Какъ это было съ спекулятивными бумагами, поднятыми биржею до неслыханной высоты, всѣ убытки легли на тѣхъ, у кого онѣ оказались на рукахъ, а счастливые продавцы только потирали руки отъ удовольствія. Разница между спекуляціею на бумаги и спекуляціею на землю заключается въ томъ, что дѣйствительный спросъ на землю, вызываемый глубокими, вытекающими изъ всего строя экономическихъ отношеній, причинами, предъявляютъ во многихъ мѣстностяхъ исключительно крестьяне. Сколько бы рукъ ни перемѣнила земля, какая бы масса посредниковъ ни обогатилась отъ перепродажи, сколько бы ни было фиктивныхъ сдѣлокъ, никто изъ участниковъ этихъ сдѣлокъ ни на минуту не думалъ сдѣлаться землевладѣльцемъ и прочно связать свои интересы съ землею. Все это — временные собственники, которые никогда не сѣютъ, а всегда пожинаютъ плоды чужого труда. Отнимите мужика съ его вѣчною погоней за землею, и все это зданіе рухнетъ, потому что земля, не приносящая и не могущая безъ затраты большого капитала приносить дохода, не можетъ изъ года въ годъ подниматься въ цѣнѣ, какъ поднимаются при благопріятномъ настроеніи на фондовой биржѣ спекулятив-

ныя бумаги. Отнимите крестьянина, какъ конечный пунктъ всего движенія, какъ цѣль, къ которой стремятся всѣ, принимающіе участіе въ спекуляціи на землю, и сократите кредитъ, какъ средство, безъ котораго мобилизація никогда не могла бы принять такихъ размѣровъ, и все это опасное повышательное движеніе должно будетъ остановиться, цѣны станутъ понижаться, бѣшеная спекуляція сдѣлается невозможною. Безъ преувеличенія можно поэтому сказать, что размѣрами кредита опредѣляются размѣры мобилизаціи, что безъ извращенія кредита земля не могла бы сдѣлаться товаромъ, такъ быстро и легко мѣняющимъ владѣльцевъ, какъ всякіе рыночные товары.

Министерство финансовъ нашло виновниковъ этой мобилизаціи: это посредники по покупкѣ и продажѣ. Упорядоченіе сдѣлокъ по покупкѣ и продажѣ земли безусловно желательно, посредники нерѣдко дѣйствительно вводятъ въ заблужденіе крестьянъ, но не слѣдуетъ все-таки забывать, что кромѣ посредниковъ имѣется еще разрядъ лицъ, дѣятельность которыхъ гораздо болѣе опасна: это — огромный контингентъ лицъ, интересамъ и аппетитамъ которыхъ главнымъ образомъ служатъ посредники. Если послѣдніе могли получить такое большое значеніе, то лишь потому, что у насъ народился разрядъ случайныхъ землевладѣльцевъ, покупающихъ землю исключительно для перепродажи при посредствѣ Крестьянскаго банка. Въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ всего сильнѣе сказалась спекуляція, огромное значеніе имѣло нашествіе лицъ изъ столицъ, охотно вступающихъ въ фиктивныя сдѣлки, обдѣлывающихъ подъ видомъ усиленія русскаго землевладѣнія свои дѣла, пользующихся особенными условіями данныхъ мѣстностей для того, чтобы путемъ парцелляціи наживать колоссальныя состоянія. Огромныя площади въ десятки тысячъ десятинъ попадали въ руки любителей вѣрной и быстрой наживы, единственное достояніе которыхъ заключалось въ правѣ пріобрѣтать землю. Если рѣчь идетъ объ упорядоченіи сдѣлокъ съ землею, то слѣдуетъ начинать съ тѣхъ, которымъ необходимы услуги посредниковъ, той стаи хищниковъ, которая, пользуясь услугами банковъ и не затрачивая ни копѣйки своихъ денегъ, не неся, слѣдовательно, никакого риска, скупаетъ землю для перепродажи.

Въ виду этого нельзя, какъ мнѣ кажется, преувеличивать того значенія, какое Крестьянскій банкъ получилъ для нашего землевладѣнія, а тѣмъ менѣе возлагать на него тѣ надежды, которыя были связаны съ его основаніемъ. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, будемъ ли послѣднее понимать въ смыслѣ исправленія недочетовъ реформы 1861 года, или же, какъ нѣчто совершенно самостоятельное, какъ положительную задачу законодательства, не можетъ, по моему мнѣнію, быть осуществленно чрезъ посредство кредитнаго учрежденія, хотя и созданнаго государствомъ, но ничѣмъ не отличающагося по своему частно-

правному характеру отъ всякаго рода земельныхъ банковъ. Банкъ приходитъ на помощь крестьянамъ, когда они хотятъ купить, а помѣщики продать землю,—таковъ основной принципъ банка; но на такомъ же принципѣ построено посредничество любого земельнаго банка. Если Крестьянскій банкъ взимаетъ платежи въ размѣрѣ болѣе низкомъ, чѣмъ акціонерные банки, то обстоятельство это еще не имѣетъ большого значенія не только потому, что разница въ платежахъ крайне незначительна, но и потому, что размѣромъ платежей еще не опредѣляется характеръ того или другого учрежденія. Къ тому же банкъ взималъ очень долго ничуть не меньше акціонерныхъ банковъ, а принимая во вниманіе сроки ссудъ, кредитъ Крестьянскаго банка временами оказывался даже дороже акціонернаго. Во всякомъ случаѣ стоимость кредита Крестьянскаго банка нормирована такимъ образомъ, что государство не дѣлаетъ никакихъ приплатъ, не несетъ никакихъ жертвъ. Правда, въ пользу банка дѣлаются отчисленія изъ выкупныхъ платежей, но эти отчисленія имѣютъ особое назначеніе: они поступаютъ на образованіе собственнаго капитала, а не на пониженіе платежей. Только доходы отъ имѣній, пріобрѣтаемыхъ на собственный капиталъ, поступаютъ отчасти на покрытіе убытковъ по реализаціи свидѣтельствъ и, такимъ образомъ, косвенно идутъ на пользу заемщикамъ банка, но это представляетъ слишкомъ незначительную величину, чтобы оказывать вліяніе на размѣръ платежей. Чтобы нагляднѣе пояснить мою мысль, я укажу на организацію, принятую въ колонизаціонной комиссіи въ Пруссіи, гдѣ нѣтъ однообразной нормы платежей, опредѣляемой по стоимости кредита, а назначаются платежи въ зависимости отъ имущественнаго положенія колонистовъ, цѣны, по которой имъ продана земля, и цѣлаго ряда другихъ условій. Комиссія имѣетъ передъ собою опредѣленную цѣль, заключающуюся въ томъ, чтобы колонисты имѣли возможность вести хозяйство и упрочить свое благосостояніе. Если это возможно только подъ условіемъ установленія низкаго уровня платежей, комиссія не останавливается передъ этимъ и назначаетъ платежи, далеко не достигающіе обычнаго уровня; вмѣсто 4% она довольствуется 3, $2^1/_2$ и даже еще болѣе низкимъ процентомъ. Ничего подобнаго не знаетъ нашъ Крестьянскій банкъ, и я не усматриваю никакихъ основаній отдавать предпочтеніе въ этомъ отношеніи Крестьянскому банку предъ акціонерными.

Можетъ быть, отличительною чертою Крестьянскаго банка является право доводить ссуду до 90%, иногда даже до полной стоимости. Съ этимъ я тоже не могу согласиться, потому что частные банки фактически выдаютъ ссуды въ гораздо болѣе высокомъ размѣрѣ, чѣмъ это имъ предоставлено уставомъ. Стоитъ для этого возвысить оцѣнку, къ чему они въ дѣйствительности часто прибѣгаютъ, чтобъ 60% оцѣночной суммы приближались къ полной стоимости имущества. Такимъ образомъ,

и съ этой стороны Крестьянскій банкъ находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся частные банки.

Нельзя также сказать, чтобъ Крестьянскій банкъ входилъ въ положеніе своихъ заемщиковъ и взвѣшивалъ всѣ условія сдѣлокъ, принималъ во вниманіе ихъ платежныя силы, или чтобы онъ оказывалъ имъ поддержку при первоначальномъ устройствѣ, выдавалъ ссуды на возведеніе построекъ, на покупку инвентаря, содѣйствовалъ имъ организаціею сельско-хозяйственнаго кредита и различныхъ видовъ кооперації, вообще чтобы банкъ выполнялъ то, что входитъ въ кругъ обязанностей колонизаціонной комиссіи.

Однимъ словомъ, банкъ отъ начала до конца остается по своей организаціи кредитнымъ установленіемъ и въ качествѣ такового соблюдаетъ обычныя правила, обязательныя для банковъ долгосрочнаго кредита. Но если бъ банкъ и измѣнилъ свою организацію и приблизился къ тому, что представляетъ прусская колонизаціонная комиссія, все же я не могу признать, чтобъ на этомъ пути можно было искать выхода изъ аграрныхъ затрудненій. При полномъ признаніи хорошихъ сторонъ организаціи колонизаціонной комиссіи и генеральныхъ комиссій, все же дѣятельность ихъ не можетъ замѣнить мѣропріятій, необходимыхъ для аграрной реформы въ широкомъ масштабѣ. Объясняется это тѣмъ, что объемъ ихъ операцій крайне незначителенъ въ сравненіи съ потребностью, и, что еще важнѣе, подъ ихъ вліяніемъ цѣны на землю сильно возвышаются. Ознакомленіе съ этими учрежденіями въ высшей степени желательно, такъ какъ при переселеніи и разселеніи устройство переселенческихъ банковъ безусловно необходимо, и въ прусскихъ комиссіяхъ можно найти много достойнаго подраженія; но когда рѣчь идетъ о такихъ важныхъ государственныхъ задачахъ, какъ расширеніе площади крестьянскихъ земель или надѣленіе безземельныхъ арендаторовъ землею, необходимо отрѣшиться отъ частноправнаго принципа, положеннаго въ основу всякаго рода банковъ, и создать учрежденія, построенныя на началахъ принудительныхъ, аналогичныхъ крестьянской реформѣ 1861 г. Къ основнымъ чертамъ выкупной операціи, которая одна, по моему мнѣнію, можетъ вывести насъ изъ аграрныхъ затрудненій, я перейду въ слѣдующей главѣ, здѣсь же попытаюсь формулировать заключенія, относящіяся къ дѣятельности Крестьянскаго банка.

При частноправной организаціи, когда цѣны на землю опредѣляются на свободномъ рынкѣ подъ давленіемъ соперничества, покупка земли превращается въ дѣйствительности въ покупку права на приложеніе труда. При отсутствіи развитой промышленности, которая предъявляла бъ спросъ на рабочія руки, сельское населеніе обречено на сельско-хозяйственный промыселъ и вынуждено прилагать свой трудъ только въ землѣ. Съ другой стороны, благодаря экстенсивному хозяй-

ству, благодаря тому, что во многихъ мѣстностяхъ хозяйство ведется такъ, какъ велось нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, увеличивающееся съ каждымъ годомъ населеніе предъявляетъ постоянно спросъ на землю. Эта погоня за землею приводитъ къ тому, что подъ давленіемъ острой нужды, трудности переселенія на новыя мѣста, стремленія по возможности найти приложеніе для своего труда въ опредѣленной мѣстности, устанавливается фактическая монополія, при которой цѣны диктуются одною стороною. Получаются крестьянскія или, какъ ихъ иногда называютъ, «голодныя» цѣны, значительно превышающія тѣ, которыя могъ бы уплатить землевладѣлецъ, ведущій хозяйство наемнымъ трудомъ. Не чистый доходъ, приносимый землею, а необходимость имѣть кусокъ земли для приложенія труда; не правильный экономическій разсчетъ, а тяжелая необходимость являются опредѣляющимъ моментомъ при покупкѣ. Поэтому цѣна устанавливается въ прямой зависимости отъ интенсивности потребности населенія въ землѣ. Довольствуясь самымъ скромнымъ вознагражденіемъ за свой трудъ, крестьяне могутъ предлагать такія высокія цѣны, какихъ никогда не можетъ предложить землевладѣлецъ, потому что крестьяне ничего больше не ищутъ, какъ возможности кое-какъ прокормиться собственнымъ трудомъ.

На этой почвѣ возникаетъ спекуляція, которая учитываетъ предстоящій спросъ и гонитъ цѣны вверхъ. Тому же не мало содѣйствуетъ отсутствіе правильнаго посредничества въ лицѣ общественныхъ учрежденій и недостаточное развитіе покупокъ за счетъ собственнаго капитала. Но если бъ и послѣдовала реорганизація банка въ смыслѣ замѣны содѣйствія при покупкѣ крестьянами самостоятельною покупкою большихъ имѣній на счетъ банка для дальнѣйшей распродажи частями, то все же нельзя разсчитывать на то, что исчезнутъ темныя стороны дѣятельности банка, въ частности возвышеніе цѣнъ. Пока цѣны будутъ опредѣляться соперничествомъ, онѣ неминуемо должны будутъ возвышаться, независимо отъ того, будутъ ли покупать крестьяне, или это будетъ дѣлать банкъ. Думаю, что при сохраненіи частноправнаго принципа попытки прекратить спекуляцію на землю будутъ безуспѣшны. Единственнымъ рѣшительнымъ средствомъ было бы сокращеніе операцій, уменьшеніе объема дѣятельности, вообще мѣры, которыя будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе спроса на землю. Но тогда не будетъ достигнута цѣль, для которой учрежденъ банкъ. Чѣмъ шире операціи, тѣмъ большая площадь земель переходитъ въ руки крестьянъ, но именно тогда-то поднимаются цѣны, и земли достаются крестьянамъ каждый разъ по болѣе и болѣе дорогой цѣнѣ. Возвышеніе цѣны могло бы быть парализовано полнымъ закрытіемъ кредита, но послѣдствія такой политики были бы безусловно нежелательны, потому что тогда исчезло бы

единственное при современныхъ условіяхъ средство, ведущее къ удовлетворенію крестьянъ въ землѣ.

Не спасаетъ отъ возвышенія цѣнъ и пониженіе платежей, потому что оно ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, къ какимъ приводитъ расширеніе дѣятельности банка. Чѣмъ ниже платежи, тѣмъ меньше крестьяне останавливаются предъ высокими цѣнами. Въ окончательномъ итогѣ всѣ мѣры, направленныя къ доставленію Крестьянскому банку средствъ для расширенія операцій и къ удешевленію кредита путемъ выпуска бумагъ съ пониженнымъ процентомъ, продленія срока или уменьшенія сбора на расходы по управленію, приносятъ въ гораздо большей степени пользу продавцамъ, чѣмъ покупателямъ.

Немаловажное значеніе имѣетъ также необходимость дѣлать затраты изъ собственныхъ средствъ для доплатъ къ ссудѣ банка. За отсутствіемъ свободныхъ средствъ крестьяне вынуждены продавать часть необходимаго инвентаря и приступаютъ къ хозяйству на увеличенной площади при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. При отсутствіи правильной помощи въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и кооперації они часто вынуждены на новыхъ мѣстахъ дѣлать непосильныя затраты, что не даетъ имъ возможности упрочить свое благосостояніе.

Наконецъ, самый объемъ дѣятельности банка даже въ послѣдніе годы, когда операціи его расширились, далеко не соотвѣтствуетъ потребности населенія.

Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ къ заключенію, что Крестьянскій банкъ не принадлежитъ къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя могутъ вывести наше сельское населеніе изъ бѣдственнаго положенія, въ которое его ставитъ малоземелье.

Къ вышеприведеннымъ недостаткамъ присоединяется еще не мало недостатковъ второстепеннаго характера, неоднократно подвергавшихся обсужденію въ земскихъ собраніяхъ; но если бъ банку удалось избавиться отъ этихъ недостатковъ, все же частноправный характеръ, который положенъ въ основаніе кредитныхъ установленій, будетъ ли то государственный банкъ или частные банки, служитъ, по моему мнѣнію, непреодолимымъ препятствіемъ къ выполненію тѣхъ задачъ, продиктованныхъ самою жизнью.

Послѣднее возможно только тогда, когда вмѣсто частноправнаго начала въ основу аграрной политики будетъ положенъ принципъ государственной необходимости, и вмѣсто банковъ будутъ созданы выкупныя учрежденія. Къ разсмотрѣнію послѣднихъ я обращусь въ слѣдующей главѣ.

М. Герценштейнъ.

ВЫКУПНАЯ ОПЕРАЦІЯ.

Изъ предыдущаго изложенія въ достаточной мѣрѣ выяснилось, что покупка земли чрезъ посредство Крестьянскаго и другихъ банковъ не въ состояніи удовлетворить настоятельной нужды крестьянъ въ землѣ; что на почвѣ частныхъ соглашеній между землевладѣльцами, желающими продать, и крестьянами, желающими пріобрѣсти землю, возникаетъ крайне опасная спекуляція, которая гонитъ цѣны вверхъ; что объемъ дѣятельности кредитныхъ учрежденій крайне недостаточенъ. Весьма естественно, что первый вопросъ, который самъ собою напрашивается, это вопросъ о томъ, нельзя ли для надѣленія крестьянъ землею воспользоваться государственнымъ земельнымъ фондомъ. Если бъ государство располагало достаточнымъ количествомъ земель, пригодныхъ для сельскаго хозяйства, то аграрная реформа могла бы быть произведена безъ всякихъ осложненій, безъ нарушенія интересовъ частнаго землевладѣнія.

Площадь государственныхъ земель дѣйствительно велика и составляетъ въ Европейской Россіи 124 милліона десятинъ. Однако, изъ этой обширной площади 120 милл. десят. составляютъ лѣсныя пространства, расположенныя къ тому же преимущественно въ Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской губерніяхъ. Если исключить шесть сѣверныхъ губерній, въ которыхъ 107 милл. дес. лѣсной площади, мало пригодной для культуры по климатическимъ условіямъ и по качеству почвы, особенно для населенія земледѣльческихъ районовъ, то въ остальныхъ губерніяхъ имѣется всего нѣсколько болѣе 17 милл. дес., изъ которыхъ на лѣса падаетъ 13 милл. Такимъ образомъ, площадь оброчныхъ статей составляетъ 4.176,000 д. Уничтоженіе лѣсовъ и замѣна ихъ другими угодьями далеко не всегда представляется желательными, если бъ даже земля изъ-подъ лѣса и была вполнѣ пригодна для культуры. Сохраненіе лѣсовъ, особенно въ мѣстностяхъ, въ которыхъ частные владѣльцы свели свои лѣса, или въ которыхъ вообще имѣется мало лѣсной площади, должно быть признано дѣломъ величайшей госу-

дарственной важности, и если возможно воспользоваться этою частью государственнаго фонда, то лишь въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Остаются такимъ образомъ, главнымъ образомъ, если не исключительно, оброчныя статьи; но если принять во вниманіе, что уже въ настоящее время большая часть ихъ находится въ арендѣ у крестьянъ, то нѣтъ никакихъ основаній разсчитывать на то, что государственный земельный фондъ можетъ служить обильнымъ источникомъ для расширенія крестьянскаго землепользованія. Кромѣ того, земли эти не расположены въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ потребность въ землѣ всего настоятельнѣе сказывается.

Но если государственный земельный фондъ оказывается, несмотря на абсолютную величину, мало пригоднымъ для увеличенія площади крестьянскаго землепользованія, то, можетъ быть, для этого окажутся пригодными удѣльныя земли. Изъ 7.367,000 десятинъ, принадлежащихъ удѣламъ, 4½ милл. находятся въ семи сѣверныхъ губерніяхъ, преимущественно въ Архангельской, Вологодской и Новгородской, а изъ остальныхъ трехъ милліоновъ въ Самарской нѣсколько болѣе 1 м. дес., въ Симбирской 816,000 д., въ пяти губерніяхъ отъ 60 до 137 т. десятинъ, а въ остальныхъ губерніяхъ весьма незначительныя площади. Относительно удѣльныхъ земель, расположенныхъ въ мѣстностяхъ, пригодныхъ для земледѣлія, можно сказать то же, что выше сказано относительно государственныхъ земель: значительная часть ихъ покрыта лѣсомъ, а оброчныя статьи большею частью находятся въ арендѣ у крестьянъ. Нѣтъ поэтому никакихъ основаній возлагать большія надежды и на удѣльныя земли, какъ на источникъ для надѣленія крестьянъ.

Если же государственныхъ и удѣльныхъ земель оказывается недостаточно, то неизбѣжно обратиться къ частновладѣльческимъ землямъ. Исходнымъ моментомъ, по моему мнѣнію, должна служить государственная необходимость; мотивы такого же порядка, которые даютъ государству право при проведеніи желѣзныхъ дорогъ отчуждать необходимыя земли, даютъ такое же право городамъ или предоставляютъ всякаго рода союзамъ и товариществамъ общественно принудительнаго характера проводить по чужимъ землямъ канавы для отвода воды, государству принудительнымъ путемъ уничтожать сервитуты, разверстывать угодья, а въ новѣйшее время регулировать арендныя отношенія государственнымъ путемъ. Все это такіе случаи, когда свобода договора и право распоряженія земельною собственностью подвергаются многочисленнымъ и весьма сильнымъ ограниченіямъ въ общегосударственныхъ интересахъ. То же мы наблюдаемъ и въ сферѣ промышленности. Развѣ фабричное законодательство, въ частности страхованіе рабочихъ, не является весьма сильнымъ вторженіемъ въ право свободнаго договора, въ право частной собственности? Развѣ обязательство вносить извѣстные взносы, независимо

отъ воли сторонъ, воспрещеніе всякаго рода соглашеній съ рабочими для противодѣйствія цѣлямъ, указаннымъ въ законѣ, вообще все новѣйшее соціальное законодательство не служатъ самымъ яснымъ доказательствомъ, что право свободнаго договора и священное, ничѣмъ нестѣсняемое и нерегулируемое право собственности существуетъ въ гораздо большей степени въ воображеніи собственниковъ и ихъ защитниковъ, чѣмъ въ дѣйствительной жизни? Если поземельныя отношенія принимаютъ такое опасное для всего государства и, можетъ быть, для всей культуры направленіе; если правильному теченію государственной и общественной жизни грозитъ опасность; если восемь или девять десятыхъ населенія лишено всякихъ средствъ, всякой возможности существованія и не имѣетъ другого исхода, какъ земледѣльческій трудъ; если это населеніе не удовлетворяется больше своимъ положеніемъ и не останавливается ни предъ какими препятствіями, чтобы улучшить его; если появились уже грозные симптомы, свидѣтельствующіе о серьезномъ броженіи массъ населенія, — то наступила именно та крайность, во имя которой государство обязано принять самыя рѣшительныя мѣры для предотвращенія надвигающагося бѣдствія.

Не подавленіемъ крестьянскихъ волненій, а активными мѣропріятіями на пользу сельскаго населенія можетъ быть положенъ конецъ броженію, грозящему всей нашей культурѣ. И среди активныхъ мѣропріятій первое мѣсто, по моему мнѣнію, должно занимать увеличеніе площади земель, находящихся въ пользованіи сельскаго населенія. Было бы величайшимъ заблужденіемъ думать, что одною нарѣзкою земли можно на долгое время устранить всѣ бѣдствія; наряду съ этимъ должны быть приняты и другія мѣры, притомъ не только въ сферѣ аграрныхъ отношеній, но и финансоваго и экономическаго характера. Однако, необходимымъ условіемъ, предпосылкою, безъ которой невозможно примѣненіе другихъ мѣръ, хотя бы такихъ, какъ возвышеніе интенсивности хозяйства, является все-таки увеличеніе площади крестьянской земли.

Такой же взглядъ на малоземелье находимъ мы и въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ. Принудительное отчужденіе представляется нѣкоторымъ изъ нихъ неизбѣжнымъ, такъ какъ для борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ невозможно довольствоваться тѣми землями, которыя добровольно продаются собственниками. Наряду съ комитетами, которые полагаютъ, что *) принудительному отчужденію должны подлежать только отдѣльные участки частновладѣльческой земли, имѣющіе спеціальное назначеніе, имѣются и такіе, которые идутъ дальше въ этомъ направленіи. Такъ, елецкій комитетъ высказался за принудительный выкупъ тѣхъ земель, которыя безусловно необходимы крестьянамъ въ ихъ

*) *Прокоповичъ.* Мѣстные люди о нуждахъ Россіи, стр. 204—205.

хозяйствѣ и въ то же время не имѣютъ никакого хозяйственнаго значенія для землевладѣльца, каковы такъ называемыя отрѣзныя земли, прогоны, разные клинья и т. п. участки и клочки, безъ арендованія которыхъ крестьяне не въ состояніи обойтись. Судогодскій, юрьевскій и владимірскій губ. комитеты высказались за экспропріацію полосъ частновладѣльческой земли, необходимой крестьянамъ для прогона скота на свой надѣльный участокъ; ардатовскій комитетъ призналъ необходимымъ обязательный выкупъ полосъ земли, служащихъ прогономъ къ водопою или кратчайшимъ путемъ на чрезполосныя крестьянскія земли; пермскій губ. комитетъ высказался за отводъ черезполосныхъ участковъ крестьянамъ въ дополнительный надѣлъ. То же находимъ и въ другихъ комитетахъ *).

Шире поставленъ вопросъ въ рузскомъ комитетѣ, гдѣ предсѣдатель уѣздной управы г. Цыбульскій находилъ безусловно необходимымъ произвести дополнительную нарѣзку земли путемъ обязательнаго государственнаго выкупа. Г. Зарембо въ запискѣ, внесенной въ опочецкій комитетъ, рекомендовалъ надѣленіе при посредствѣ «обязательнаго выкупа у мѣстныхъ владѣльцевъ» для тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ быть удовлетворены путемъ переселенія или нарѣзки земли изъ казенныхъ дачъ. Камышинскій комитетъ также находилъ «возможнымъ, чтобы для исключительныхъ случаевъ закономъ была допущена возможность экспропріаціи земли отдѣльными участками съ особаго на каждый разъ разрѣшенія высшей власти и при полномъ возмѣщеніи покупателями денежной стоимости земли, на подобіе того, какъ это установлено въ нашемъ законодательствѣ относительно земель, отходящихъ въ пользу предпріятій, имѣющихъ общегосударственное значеніе».

Такимъ образомъ, примѣненіе принципа экспропріаціи къ частновладѣльческимъ землямъ находило уже сторонниковъ въ комитетахъ, далеко не обнаруживавшихъ склонности къ крайнимъ мѣрамъ. Очевидно, мѣстные дѣятели, хорошо знающіе условія крестьянскаго хозяйства, самою жизнью были приведены къ сознанію, что другого выхода изъ переживаемыхъ затрудненій придумать невозможно, что уже наступила пора, когда государство въ силу крайней необходимости должно прибѣгнуть къ экспропріаціи части земель.

Нерѣдко приходится встрѣчать возраженіе противъ необходимости расширенія площади крестьянскаго владѣнія, основанное на томъ, что прирѣзка земли не можетъ считаться радикальнымъ средствомъ для улучшенія положенія крестьянъ, такъ какъ при сохраненіи экстенсивнаго хозяйства приростъ населенія очень скоро приведетъ къ необходимости опять стремиться къ увеличенію площади. При ограниченномъ количе-

*) Нужды деревни, II, 107.

ствѣ частновладѣльческихъ земель такой способъ не можетъ часто примѣняться, потому что черезъ два — три поколѣнія вся частновладѣльческая земля можетъ быть поглощена увеличеніемъ крестьянскаго населенія, и придется уже думать о другихъ средствахъ. Въ виду этого сторонники интенсификаціи хозяйства настаиваютъ на необходимости теперь же перейти къ болѣе интенсивному хозяйству. Опытъ западноевропейскихъ странъ наглядно показалъ, что при самыхъ разнообразныхъ качествахъ почвы и разнообразныхъ климатическихъ условіяхъ достигаются блестящіе результаты на гораздо меньшихъ площадяхъ, чѣмъ наши крестьянскіе надѣлы.

Такова аргументація сторонниковъ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства.

Все это совершенно вѣрно, и было бы странно отрицать очевидный фактъ; но съ другой стороны не менѣе вѣрно и то, что къ болѣе интенсивному хозяйству можно перейти лишь при извѣстныхъ условіяхъ, что для этого необходимъ извѣстный культурный уровень населенія, наличность извѣстнаго капитала, а, главное, необходимо довести площадь владѣнія до опредѣленнаго размѣра, ниже котораго примѣненіе интенсивнаго хозяйства невозможно. И на этотъ вопросъ мы находимъ интересныя указанія въ мѣропріятіяхъ земствъ, въ которыхъ дѣлаются попытки распространенія травосѣянія и улучшенія хозяйства вообще. Какъ это свидѣтельствуютъ комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, интенсификація, являясь болѣе надежнымъ средствомъ для возвышенія благосостоянія, встрѣчаетъ препятствія именно въ недостаточномъ надѣленіи крестьянъ землею. По мнѣнію епифанскаго комитета, вопросъ о малоземельѣ можетъ быть разрѣшенъ только двоякимъ путемъ: въ ближайшемъ будущемъ непосредственнымъ восполненіемъ недостатка въ землѣ, какъ мѣрой временной, и, съ другой стороны, поднятіемъ уровня производительныхъ силъ хозяйства, какъ мѣрой радикальной и коренной. Къ аналогичному заключенію пришелъ боровичскій комитетъ, признавшій, что безъ увеличенія площади крестьянскихъ земель невозможенъ подъемъ сельско-хозяйственной промышленности. Расширеніе крестьянскаго землепользованія необходимо не только потому, что, повышая крестьянское благосостояніе, оно даетъ средства на техническія улучшенія, но и потому, что на мелкихъ надѣлахъ вообще невозможны сельско-хозяйственныя меліораціи. Приглашенные въ комиссію слецкаго комитета крестьяне почти единогласно заявили, что никакія показательныя и опытныя учрежденія не принесутъ существенной пользы крестьянскому хозяйству за невозможностью примѣнять улучшенные способы при нынѣшней дробности надѣловъ, обусловленной отчасти формою землепользованія. При экономической истощенности крестьянъ невозможно унаваживать, когда нечѣмъ протопиться; невозможно заводить травосѣя-

ніе на $^1/_2$ десятины въ трехъ клинахъ. Комиссія высказала тотъ взглядъ, что переходъ къ такимъ формамъ сельскаго хозяйства совершенно недоступенъ для нищенскихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Поэтому до введенія улучшенныхъ формъ земледѣлія, по меньшей мѣрѣ, попутно съ нимъ должно быть осуществлено для настоящаго времени увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ до извѣстнаго установленнаго наукою и наблюденіями minimum'а *).

Въ рузскомъ комитетѣ указывалось на то, что нерѣдко многія агрономическія начинанія съ цѣлью поднятія продуктивности земли разбиваются по той причинѣ, что негдѣ проводить эти улучшенія. Можно ли серьезно говорить объ измѣненіи системы полеводства съ переходомъ отъ традиціоннаго трехполья къ многопольнымъ сѣвооборотамъ, если всю систему приходится вводить на одной десятинѣ? Агрономъ Брюнъ указывалъ въ серпуховскомъ комитетѣ, что нерѣдко въ уѣздѣ малоземелье является непреодолимымъ препятствіемъ къ введенію правильнаго травосѣянія. Въ запискѣ 19 членовъ московскаго губернскаго комитета мы читаемъ: при переходѣ, напримѣръ, къ травосѣянію, чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ труднѣе, конечно, справиться съ распредѣленіемъ земли такъ, чтобы не лишить скота пастбища. И не чѣмъ другимъ, какъ именно этими болѣе сложными затрудненіями, можно объяснить то явленіе, что въ Московской губерніи, какъ это замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ, переходъ къ травосѣянію первоначально возникъ въ тѣхъ селеніяхъ и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ средній размѣръ надѣла на душу выше, тогда какъ необходимость такого перехода, ведущаго къ увеличенію кормовыхъ средствъ для скота, должна, конечно, чувствоваться сильнѣе для тѣхъ, гдѣ размѣръ надѣла ниже. Та же причина вліяетъ и на такія улучшенія, какъ распространеніе плуговъ.

На это указывалось и въ борисоглѣбскомъ комитетѣ. Для борьбы со зломъ необходимы немедленныя, энергичныя мѣры вплоть до дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею. Чтобы вывести изъ сельскохозяйственнаго кризиса крестьянское населеніе, нужна такая энергичная мѣра, какъ дополнительное надѣленіе; она положитъ на будущее время прочное основаніе развитію правильно устроеннаго класса землевладѣльцевъ.

Раздѣляя высказанное комитетами воззрѣніе о необходимости выкупа части помѣщичьихъ земель, я считалъ бы необходимымъ обставить эту операцію нѣкоторыми гарантіями. Мнѣ нечего и говорить, что отчужденіе земель должно быть произведено на началахъ выкупа съ уплатою землевладѣльцамъ стоимости отчуждаемыхъ земель по справедливой оцѣнкѣ. Другого пути я не могу себѣ представить, потому что экспро-

*) Прокоповичъ, стр. 182—185.

пріація безъ вознагражденія была бы совершенно немотивированнымъ актомъ несправедливости. Въ главѣ о націонализаціи я уже указалъ, почему я считаю нежелательнымъ установленіе единаго налога въ размѣрѣ чистаго дохода, приносимаго землею. Если бъ налогъ этотъ выполнялъ то назначеніе, какое ему приписываютъ его сторонники, то онъ произвелъ бы такое же дѣйствіе, какъ конфискація.

Принимая во вниманіе конкретныя условія нашей государственной и общественной жизни, роль самоуправленія, положеніе частнаго землевладѣнія, я считалъ бы цѣлесообразнымъ установить нѣкоторыя начала, соблюденіе которыхъ необходимо какъ въ интересахъ частнаго землевладѣнія, такъ и въ интересахъ скорѣйшаго проведенія реформы.

Никто не будетъ оспаривать, что выкупъ тѣхъ незначительныхъ по площади земель, которыя служатъ источникомъ эксплоатаціи населенія, но не имѣютъ большого значенія для хозяйства владѣльцевъ, какъ-то: выгоны, чрезполосные участки, прилегающія къ крестьянскимъ усадьбамъ полосы земли, другія аналогичныя угодья и сервитуты, водопои и проч., не можетъ не быть признанъ дѣломъ первостепенной важности и простой справедливости. Такія угодья являются лишь средствомъ для эксплоатаціи населенія; во многихъ случаяхъ такое положеніе вытекаетъ изъ неправильной постановки крестьянской реформы 1861 года. Сохраненіе такого состоянія безусловно нежелательно; оно порождаетъ постоянныя столкновенія. Съ другой стороны, никто не можетъ въ данномъ случаѣ ссылаться на ущербъ, который ликвидація такихъ отношеній наноситъ частному землевладѣнію. На такихъ клочкахъ землевладѣльцы не ведутъ хозяйства, они служатъ только средствомъ для сохраненія подчиненнаго положенія крестьянъ, напоминающаго крѣпостное право.

Выкупъ такихъ угодій долженъ быть поставленъ въ первую очередь. Ни по площади земли, ни по выкупной суммѣ это не представляетъ большой величины, но оно имѣетъ огромное значеніе для урегулированія отношеній между крестьянами и землевладѣльцами.

Что касается разрядовъ крестьянъ, по отношенію къ которымъ прежде всего слѣдуетъ примѣнить дополнительную нарѣзку земли, то на первый планъ должны быть поставлены крестьяне, получившіе четвертной или нищенскій надѣлъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что они являются наиболѣе обиженными при крестьянской реформѣ, а мѣстности, въ которыхъ всего больше практиковался такой способъ надѣленія землею, являются постояннымъ очагомъ для аграрныхъ неурядицъ, принимающихъ подчасъ острую форму. Въ такомъ же положеніи находятся безземельные арендаторы, исключительное занятіе которыхъ составляетъ земледѣліе. На югѣ это явленіе хорошо извѣстно; надѣленіе такихъ арендаторовъ землею было бы актомъ справедливости. И въ этомъ случаѣ выкупъ земли не можетъ нанести ущерба землевладѣльцамъ, такъ

какъ земля служитъ не для собственнаго хозяйства, а является только рентнымъ фондомъ.

Какіе затѣмъ разряды крестьянъ должны быть надѣлены землею и въ какомъ размѣрѣ, какой критерій долженъ быть принятъ въ основаніе при опредѣленіи правъ того или другого разряда сельскаго населенія на государственное содѣйствіе, это должно опредѣляться, по моему мнѣнію, не по какой-нибудь общей и однообразной нормѣ, а въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Съ этой точки зрѣнія я считалъ бы невозможнымъ остановиться на какой-нибудь схемѣ, будетъ ли она выражаться въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ на душу, какъ это иногда предлагаютъ, или въ нарѣзкѣ земли по нормѣ высшаго надѣла, опредѣленнаго при освобожденіи крестьянъ въ 1861 г. Норма высшаго надѣла, распространенная на увеличившееся населеніе, можетъ, по моему мнѣнію, служить лишь схемою для примѣрнаго разсчета; она даетъ возможность подвести итоги и опредѣлить, въ какой мѣрѣ государственный земельный фондъ въ данной мѣстности можетъ быть признанъ достаточнымъ для надѣленія крестьянъ; придется ли прибѣгнуть къ частновладѣльческимъ землямъ и въ какихъ размѣрахъ. Но было бы, какъ мнѣ кажется, неправильно считать эту норму больше, чѣмъ схемою. Для примѣрнаго разсчета надо имѣть какую-нибудь точку отправленія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эта условная норма должна быть положена въ основу реформы. Послѣднее было бы неправильно и потому, что во многихъ мѣстностяхъ измѣнились условія хозяйства, и то количество земли, которое прежде было необходимо, нерѣдко можетъ быть замѣнено и уменьшенною площадью. Тамъ, гдѣ вмѣсто хлѣбовъ распространяются посѣвы свекловицы, можно довольствоваться меньшею площадью.

Недостаточною прочностью и опредѣленностью обладаетъ и другой критерій, предлагаемый въ интересахъ сельскаго населенія, заключающійся въ учетѣ потребностей населенія и исчисленіи того количества земли, которое необходимо при данныхъ условіяхъ хозяйства. Предлагая такую норму, какъ основаніе реформы, мы напередъ должны считаться съ послѣдствіями, вытекающими изъ такой постановки дѣла, а именно съ необходимостью совершенно уничтожить частную собственность, передать всѣ частновладѣльческія земли въ руки крестьянъ. Мало того, можно напередъ сказать, что частновладѣльческихъ земель можетъ не хватить для надѣленія крестьянъ по такой нормѣ, слѣдовательно, норма эта будетъ носить чисто теоретическій характеръ. Съ другой стороны, если не останавливаться при принудительномъ выкупѣ предъ полнымъ устраненіемъ частной поземельной собственности; если признавать за сельскимъ населеніемъ право на опредѣленное количество земли, необходимое для удовлетворенія потребностей,—то праву этому

должно было соотвѣтствовать право рабочаго на опредѣленное вознагражденіе, право на трудъ, вообще цѣлый рядъ правъ, не мирящихся съ современнымъ правосознаніемъ. Мы тогда переносимся на совершенно другую стадію развитія, въ экономическую конструкцію другого порядка, не знающую права частной собственности ни на землю, ни на другія орудія производства. Можно, конечно, провозгласить права личности и гражданина, и на ряду съ политическими правами поставить и экономическія права; но отъ одной постановки такихъ правъ до проведенія ихъ въ жизнь еще очень далеко, и было бы, какъ мнѣ кажется, большою иллюзіею думать, что осуществленіе права каждаго на землю или на трудъ, или на извѣстное вознагражденіе мирится съ такою конструкціею общества, которая основана на частной собственности на землю и капиталъ.

Исходя отъ этой точки зрѣнія и принимая во вниманіе, что одни кредитныя учрежденія не могутъ удовлетворить потребности; что на этой почвѣ возникаетъ спекуляція, которая сильно возвышаетъ цѣны на землю, я считаю необходимымъ, чтобы эта задача была возложена на выкупныя учрежденія. Съ другой стороны, принимая во вниманіе, что основаніемъ для выкупа служитъ только государственная необходимость, крайняя нужда, я считалъ бы нежелательнымъ распространять его на мелкія владѣнія; во-вторыхъ, необходимо принимать во вниманіе, какое вліяніе могло бы оказать на частновладѣльческое хозяйство принудительное отчужденіе части земли, можно ли продолжать хозяйство на уменьшенной площади, не будутъ ли при измѣнившейся площади постройки слишкомъ обременительны и т. д.; въ-третьихъ, при проведеніи выкупной операціи желательно по возможности стремиться къ сохраненію цѣльности хозяйственной единицы, чтобы не нарушать хозяйства и связанныхъ съ нимъ производствъ.

Я далеко не исчерпалъ тѣхъ условій, соблюденіе которыхъ желательно въ интересахъ частнаго землевладѣнія, основаннаго на собственномъ хозяйствѣ; я хотѣлъ только показать, что при осуществленіи плана необходимо считаться съ самыми разнообразными мотивами. Изъ этого въ то же время вытекаетъ, что земли, сдающіяся въ аренду, являются прежде всего фондомъ, изъ котораго должно быть произведено увеличеніе площади крестьянскихъ земель. Разъ земля сдается въ аренду, а не эксплоатируется владѣльцемъ; разъ она служитъ рентнымъ фондомъ и фактически находится въ рукахъ крестьянъ; разъ имѣніе не является хозяйственнымъ центромъ, а служитъ лишь источникомъ дохода, и владѣлецъ не связанъ съ имѣніемъ тѣсными узами,—выкупъ его или части его не можетъ уже вызвать такихъ возраженій, какія вызываетъ выкупъ частновладѣльческихъ земель вообще.

Спрашивается теперь, на какихъ началахъ будетъ производиться

оцѣнка подлежащихъ выкупу земель. Разъ мы отрѣшаемся отъ принципа, положеннаго въ основу Крестьянскаго банка, и признаемъ необходимость опредѣленія выкупной суммы не на основаніи соглашенія между землевладѣльцами и крестьянами, а на такихъ же началахъ, на которыхъ производится выкупъ земли для государственныхъ и общественныхъ нуждъ, то надо, по крайней мѣрѣ, отмѣтить хотя бы въ общихъ чертахъ, какія данныя должны служить для установленія оцѣнки подлежащихъ выкупу земель.

Мнѣ представляется, что для этого должны быть приняты во вниманіе слѣдующія данныя:

1) Покупныя цѣны данной мѣстности на земли такого же качества за цѣлый рядъ лѣтъ.

2) Арендныя цѣны за такой же періодъ.

3) Земскія оцѣнки земель, произведенныя на основаніи закона 1893 г., тамъ, гдѣ оцѣночныя работы уже закончены и оцѣнки положены уже въ основу для обложенія.

4) Доходность подлежащей выкупу земли.

5) Оцѣнка земельныхъ банковъ.

Заложенныя въ банкахъ имѣнія оцѣнены къ 1 январю 1903 г. слѣдующимъ образомъ *):

	Оцѣнка десятины.	Ссуда.
Дворянскій банкъ	72 р.	41 р.
Особый отдѣлъ Дворянскаго банка	54 »	34 »
Земскій банкъ Херсонской губ.	97 »	49 »
Акціонерные банки:		
Харьковскій банкъ	80 »	45 »
Полтавскій банкъ	79 »	43 »
С.-Петербургско-Тульскій банкъ	51 »	30 »
Московскій	47 »	26 »
Бессарабско-Таврическій	104 »	58 »
Нижегородско-Самарскій.	27 »	14 »
Кіевскій	80 »	46 »
Виленскій	41 »	22 »
Ярославско-Костромской	15 »	8 »
Донской	53 »	30 »
Средняя оцѣнка и ссуда для всѣхъ акціонерныхъ банковъ	50 »	28 »
Для всѣхъ банковъ вообще	63 »	37 »
Въ томъ числѣ и для Крестьянскаго, въ которомъ подесятинная оцѣнка и ссуда составляютъ .	71 »	54 »

*) Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1904 г. Выпускъ II, Спб., 1904 г.

По отдѣльнымъ губерніямъ цѣны подвергаются большимъ колебаніямъ, но зато въ каждомъ банкѣ имѣется обильный матеріалъ, основанный на большомъ числѣ спеціальныхъ оцѣнокъ въ различное время. Чѣмъ позже началъ функціонировать банкъ, тѣмъ оцѣнки выше; поэтому оцѣнки Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ, независимо отъ другихъ причинъ, выше оцѣнокъ другихъ банковъ, дѣйствующихъ въ томъ же районѣ. Къ тому же въ виду задолженности частнаго землевладѣнія имѣются оцѣнки именно тѣхъ имѣній, изъ которыхъ будетъ производиться выкупъ, а нерѣдко можно будетъ получить и оцѣнки того же имѣнія, сдѣланныя въ различныхъ банкахъ. Я не хочу этимъ сказать, что оцѣнка банка, въ которомъ заложено имѣніе по спеціальной оцѣнкѣ, можетъ безъ всякихъ оговорокъ быть принята въ основаніе при выкупѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что она можетъ служить матеріаломъ, которымъ можно воспользоваться.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ должна быть выработана «справедливая» или совѣстливая цѣна, не совпадающая, конечно, съ непомѣрно высокими цѣнами послѣднихъ лѣтъ, не основанная на безвыходномъ положеніи крестьянъ; не та цѣна, которая искусственно создана политикою Крестьянскаго и другихъ земельныхъ банковъ, а по возможности приближающаяся къ стоимости, какъ она опредѣлялась до спекулятивной горячки.

Перехожу теперь къ финансовой сторонѣ выкупа. Мнѣ не приходится останавливаться на выкупѣ удѣльныхъ и государственныхъ земель, такъ какъ онъ былъ произведенъ безъ выпуска бумагъ. Изъ общей суммы выкупного долга въ 2.000,766,174 р., переведеннаго согласно отчету по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ, изданному департаментомъ окладныхъ сборовъ, на крестьянъ по 1 января 1902 г., на долю государственныхъ крестьянъ падаетъ 1.052,688.711 р., на долю удѣльныхъ 51.231,277 р. и на долю помѣщичьихъ 896.846.235 р. Такъ какъ только послѣдняя сумма была уплачена прежнимъ владѣльцамъ, а государство и удѣлы перевели на крестьянъ выкупной долгъ, разсрочивъ его на 44 и 45-лѣтній срокъ, то къ выпуску бумагъ пришлось прибѣгнуть только для разсчета съ помѣщиками. Ни государство, ни удѣлы не реализовали выкупной суммы и потому не прибѣгали для полученія капитала ни къ какимъ финансовымъ операціямъ. Въ виду этого финансовая сторона выкупной операціи представляетъ интересъ только по отношенію къ помѣщичьимъ крестьянамъ.

Тотъ же принципъ долженъ быть положенъ и теперь въ основу предлагаемой мною новой или второй выкупной операціи. Пока рѣчь идетъ о надѣленіи крестьянъ изъ государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ земель или земель другихъ учрежденій, ни въ какомъ выпускѣ бумагъ не представляется надобности. Если земли

эти будутъ передаваться въ пользованіе на болѣе или менѣе продолжительные сроки или въ безсрочное пользованіе, единственный вопросъ, который можетъ возникнуть, это вопросъ о платежахъ крестьянъ за землю, но этотъ вопросъ не имѣетъ никакого отношенія къ денежному рынку, къ биржѣ, тутъ не приходится задумываться надъ финансовою стороною дѣла. Дѣло нисколько не мѣняется, если, вмѣсто пользованія, земли эти будутъ передаваться въ собственность, потому что къ платежамъ крестьянъ присоединится только небольшой взносъ на погашеніе; это повліяетъ, конечно, на размѣръ платежей, но опять таки не потребуетъ выпуска бумагъ. Государство могло бы, конечно, если бы пожелало или нашло для себя выгоднымъ, выпустить бумаги на сумму выкупного долга съ тѣмъ, чтобы погашать ихъ частями по мѣрѣ погашенія долга, но въ этомъ не представляется прямой нужды; къ этому можно прибѣгнуть только при благопріятныхъ условіяхъ рынка, притомъ это будетъ уже самостоятельною операціею, не связанною неразрывно съ выкупомъ.

Не такъ поставлено дѣло при выкупѣ частновладѣльческихъ земель. Помѣщикамъ надо уплатить сразу всю капитальную сумму стоимости отчуждаемой земли; они не могутъ довольствоваться ежегодными платежами уже потому, что на отчуждаемой землѣ очень часто имѣются долги банкамъ и частнымъ лицамъ. Вотъ почему финансовая сторона дѣла пріобрѣтаетъ огромное значеніе. Какъ бы ни было важно произвести выкупъ, все же операція эта должна была бы быть отсрочена, если бъ вслѣдствіе тяжелыхъ условій денежнаго рынка, невозможности выпускать въ большомъ количествѣ бумаги нельзя было бы ее финансировать. Бумаги, которыя основаны на выкупной операціи, правда, отличаются отъ всякаго рода государственныхъ займовъ тѣмъ, что онѣ основаны на существующемъ уже доходѣ и не должны покрываться бюджетомъ; отличаются и отъ желѣзнодорожныхъ облигацій тѣмъ, что доходность ихъ не подлежитъ сомнѣнію, тогда какъ доходность строящихся желѣзныхъ дорогъ крайне проблематична,—тѣмъ не менѣе выпускъ всякой бумаги, хотя бы и вполнѣ обезпеченной, консолидирующей существующій уже доходъ, все же представляетъ затрудненія. При неблагопріятныхъ условіяхъ рынка,—а именно такое время мы переживаемъ,—даже самыя обезпеченныя бумаги съ трудомъ размѣщаются, съ каждымъ новымъ выпускомъ курсъ понижается; приходится возвышать процентъ безъ увѣренности въ успѣхѣ займа. Поэтому о выкупѣ, какъ о мѣропріятіи, которое можно считать ближайшей задачею нашего времени, можно говорить только тогда, когда его можно произвести, не прибѣгая къ выпуску бумагъ на большія суммы.

Разсматривая выкупную операцію съ этой стороны, я долженъ признать, что она въ значительной степени облегчается существованіемъ

огромнаго долга, лежащаго на частномъ землевладѣніи. А задолженность нашего землевладѣнія дѣйствительно очень велика и возростала чрезвычайно быстро. Со времени возникновенія перваго частнаго банка,— Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, съ 1864 года вплоть до открытія дѣйствій акціонерныхъ банковъ, сумма долговъ, числившихся на частномъ землевладѣніи, не исключая Прибалтійскихъ губерній и Царства Польскаго, равна была 211 милл. Первый толчекъ къ усиленію задолженности былъ данъ акціонерными банками: въ первый же годъ своего существованія они выдали 63,6 милл., а къ 1874 г. общая сумма ссудъ по всѣмъ банкамъ возросла до 295 милл. Однако, какъ ни стремились къ расширенію своихъ операцій, все же въ теченіе 14 лѣтъ имъ удалось выдать всего 259,3 милл., что даетъ въ среднемъ увеличеніе на $18^1/_2$ милл. въ годъ. Что касается Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, операціи котораго распространялись на всю Россію, и Херсонскаго земскаго банка, то въ теченіе двадцатилѣтняго періода ими выдано менѣе 200 милл., въ среднемъ для обоихъ около 10 милл. въ годъ. Гораздо быстрѣе начали возрастать долги послѣ учрежденія Дворянскаго банка. Сумма долговъ, обременявшихъ частное землевладѣніе ко времени учрежденія Дворянскаго банка, составляла 647,7 милл., изъ которыхъ на Прибалтійскія губерніи и Царство Польское падало 163,5 милл. Средній годовой приростъ долговъ составляетъ для всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда учрежденій долгосрочнаго кредита около 29 милл. Оцѣнки банковъ были еще не высоки, условія кредита соотвѣтствовали условіямъ денежнаго рынка, и министерство финансовъ не принимало тогда никакихъ мѣръ къ тому, чтобы создать для землевладѣльцевъ исключительно благопріятныя условія, которыя служили бы стимуломъ для залога. Оцѣнки производились безъ разсчета на то, что наступитъ время, когда будетъ признано необходимымъ спасать задолженныхъ землевладѣльцевъ, и ссуды погашены, какъ бы онѣ ни были высоки. Къ 1885 г. средняя оцѣнка заложенныхъ въ акціонерныхъ банкахъ имѣній составляла на десятину 40 р. 44 к., а ссуда—21 р. 71 к.; въ земскомъ банкѣ Херсонской губерніи подесятинная оцѣнка составляла только 34 р. 76 к., а ссуда—20 р. 92 к.

Совсѣмъ другую картину мы видимъ со второй половины 80-хъ годовъ. Не прошло и шести лѣтъ послѣ открытія дѣйствій Дворянскаго банка, какъ сумма выданныхъ имъ ссудъ превысила то, что выдано было всѣми акціонерными банками, вмѣстѣ взятыми, въ теченіе двадцатилѣтняго періода. Къ началу 1892 года однимъ Дворянскимъ банкомъ выдано было уже 310,6 милл., всѣми акціонерными—305,9 милл. Долги начали съ тѣхъ поръ возрастать гораздо быстрѣе, а общая сумма ихъ за эти шесть лѣтъ увеличилась больше, чѣмъ на 400 милл, и составляла уже 1,058 милл. Мало того, акціонерные банки подъ вліяніемъ конку-

ренціи начали возвышать оцѣнки. Въ виду этого, несмотря на переходъ заложенныхъ въ нихъ имѣній въ Дворянскій банкъ, общая сумма ссудъ частныхъ банковъ продолжала увеличиваться. Къ 1-му января 1897 года задолженность землевладѣнія выразилась въ суммѣ 1,359 милл., къ 1-му января 1904 г. она возросла до 2,074 милл., т. е. увеличилась снова болѣе, чѣмъ на 700 милл.; ежегодное увеличеніе колебалось между 75 и 125 милл. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ суммы ссудъ увеличивались и ихъ размѣры. Средняя подесятинная ссуда акціонерныхъ банковъ составляла къ 1885 г., какъ выше указано, 21 руб. 71 к., тогда какъ средняя оцѣнка Дворянскаго банка въ 1903 г. достигла уже 72 руб., а ссуда 41 руб. Оцѣнки акціонерныхъ банковъ, несмотря на послѣдовательное возвышеніе, не превышали въ 1903 г. въ среднемъ 50 руб., а ссуды 28 р. Такимъ образомъ, оцѣнки Дворянскаго банка на 40% выше оцѣнокъ акціонерныхъ банковъ, а ссуды почти въ полтора раза превышаютъ ссуды, которыя акціонерные банки рискуютъ выдавать подъ давленіемъ конкуренціи. Если мы остановимся на пятилѣтнемъ періодѣ отъ 1898 до 1902 г., то увидимъ, что оцѣнки возвышались, и въ залогъ поступало все большее и большее количество земли.

Годы.	Число залож. въ Двор. б. имущ.	Количество заложенн. земли въ десятинахъ.
Къ 1899	18.605	15.326.781
„ 1900	20.092	15.970.114
„ 1901	21.179	16.709.463
„ 1902	22.182	16.860.698
„ 1903	22.956	16.940.489

Оцѣнка за этотъ періодъ возвысилась отъ 63 р. до 72 р., а подесятинная ссуда отъ 37 р. до 41 р. Общая оцѣнка всей заложенной въ въ Дворянскомъ банкѣ земли составляла 1.215.575.305 руб., ссуда 704 милл., а остатокъ долга 684 милл.

Эти среднія цифры недостаточно освѣщаютъ дѣйствительное положеніе дѣла, потому что онѣ относятся ко всѣмъ заложеннымъ имѣніямъ, а не къ имѣніямъ, принятымъ въ залогъ въ каждомъ отдѣльномъ году. Въ виду этого возвышеніе оцѣнокъ позднѣйшихъ лѣтъ, распространяясь на предшествующіе годы, оказывается гораздо болѣе слабымъ, чѣмъ это имѣетъ въ дѣйствительности мѣсто. При неизбѣжности колебаній по годамъ въ зависимости отъ случайнаго характера имѣній, поступающихъ въ залогъ въ каждомъ банкѣ, общее послѣдовательное возвышеніе оцѣнокъ и ссудъ не можетъ не служить доказательствомъ опредѣленной тенденціи. Если среднія оцѣнки и ссуды такъ систематически возвышаются, и возвышеніе настолько сильно, что оказываетъ замѣтное вліяніе на оцѣнку всѣхъ раньше заложенныхъ имѣній, то не подлежитъ сомнѣнію, что

предъ нами совершенно опредѣленное явленіе, вліяніе котораго сказывается на всемъ частномъ землевладѣніи.

Росту задолженности содѣйствовала самая постановка вопроса о кредитѣ въ Дворянскомъ банкѣ. Съ первыхъ шаговъ платежи по ссудамъ начали опредѣляться независимо отъ условій денежнаго рынка, и заемщики скоро свыклись съ представленіемъ, что условія денежнаго рынка для нихъ необязательны. Если прослѣдить всѣ измѣненія въ платежахъ со времени основанія банка, то увидимъ, что всѣ заботы направлялись къ тому, чтобы систематически понижать платежи до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Приступая къ операціямъ, банкъ въ 1885 г. сталъ выпускать 5% закладные листы и соотвѣтственно этому взималъ съ заемщиковъ на ростъ 5%, что вмѣстѣ съ сборомъ на расходы по управленію и погашеніемъ доводило платежи по ссудамъ на 48 л. 8 мѣсяцевъ до $5^3/_4$%. Такія условія кредита должны быть признаны для середины 80 годовъ въ высшей степени льготными, особенно если принять во вниманіе, что курсъ 5% листовъ былъ въ дѣйствительности ниже, чѣмъ принималъ Дворянскій банкъ въ разсчетахъ съ заемщиками. Опредѣливъ однообразный курсъ въ 98 за 100, Дворянскій банкъ ставилъ своихъ заемщиковъ въ высшей степени привилегированное положеніе: онъ избавлялъ ихъ отъ заботъ по реализаціи листовъ и давалъ имъ безусловно больше, чѣмъ они могли бы разсчитывать получить при продажѣ листовъ на биржѣ. Такая низкая норма платежей являлась побужденіемъ для увеличенія задолженности землевладѣнія, такъ какъ залогъ самъ по себѣ могъ доставлять заемщикамъ нѣкоторыя выгоды. Когда курсъ 6% закладныхъ листовъ частныхъ банковъ былъ ниже 100, а срочные платежи, не считая погашенія, обходились, принимая во вниманіе курсъ, по которому Дворянскій банкъ учинялъ разсчетъ по ссудамъ, не дороже 5,36%, тогда покупка 6% бумагъ на полученныя отъ залога имѣній деньги представляла уже нѣкоторыя выгоды.

Одинъ этотъ фактъ въ достаточной мѣрѣ иллюстрируетъ условія кредита, принятыя въ Дворянскомъ банкѣ. Такъ какъ, однако, процентъ роста по ссудамъ былъ равенъ проценту по купонамъ отъ закладныхъ листовъ, то посредническій характеръ банка, какъ ипотечнаго кредитнаго учрежденія, сохранялся въ полной мѣрѣ: банкъ бралъ съ своихъ кліентовъ столько, сколько самъ долженъ былъ платить своимъ кредиторамъ. Единственное отступленіе отъ этого начала заключалось въ фиксаціи курса, въ томъ, что банкъ принималъ за свой счетъ листы по курсу, по которому ихъ нельзя было бы размѣстить. Передавая Государственному банку листы для реализаціи, Дворянскій банкъ избавлялся отъ необходимости прибѣгать къ биржѣ и избавлялся вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ убытковъ, которые цѣликомъ ложились на Государственный

банкъ. Мало того, Дворянскій банкъ предъявлялъ всегда большія требованія на деньги и отвлекалъ десятки милліоновъ рублей отъ торговли и промышленности, которымъ по уставу долженъ былъ служить Государственный банкъ.

Однако, это положеніе длилось недолго. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться ролью посредника и нормировать срочные платежи въ зависимости отъ общихъ условій денежнаго рынка, банкъ сталъ стремиться къ тому, чтобы удешевить платежи независимо отъ процента, платимаго по закладнымъ листамъ. Какіе бы листы ни выпускалъ банкъ, по какому бы курсу онъ ни реализовалъ ихъ, это отступало на задній планъ; главное, что имѣлось въ виду, это—пониженіе платежей; но такъ какъ условія денежнаго рынка не допускали дальнѣйшаго удешевленія кредита, то пришлось прибѣгнуть къ средству, которое было отвергнуто финансовымъ вѣдомствомъ, когда его предлагали для другой цѣли. Какъ извѣстно, однимъ изъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ еще въ 1886 г. былъ при Бунге предложенъ проектъ регулированія дѣлъ такъ называемаго золотого банка посредствомъ выпуска выигрышнаго займа. Проектъ этотъ не былъ тогда принятъ министерствомъ финансовъ въ виду соображеній принципіальнаго характера, въ виду нежеланія переносить убытки извѣстной группы землевладѣльцевъ на широкіе слои населенія, пріобрѣтающіе выигрышные займы. Но прошло не болѣе трехъ лѣтъ, какъ тотъ же проектъ былъ выдвинутъ министерствомъ Вышнеградскаго для пониженія платежей заемщиковъ Дворянскаго банка. Получивъ въ свое распоряженіе огромный капиталъ почти въ 90 милл. отъ выпуска выигрышныхъ закладныхъ листовъ по курсу 215 за 100, Дворянскій банкъ сталъ въ совершенно исключительное положеніе: безъ всякаго для себя ущерба онъ могъ приступить къ пониженію платежей. Вѣра въ спасительное дѣйствіе дешеваго кредита была такъ велика, что министерство финансовъ сочло возможнымъ въ видахъ поддержанія дворянскаго землевладѣнія выпустить въ обращеніе третій выигрышный заемъ, размѣщеніе котораго потребовало отъ Государственнаго банка не мало новыхъ жертвъ и вовлекло многіе частные банки и публику въ большіе убытки.

Выпускъ выигрышнаго займа далъ возможность понизить платежи на ростъ до $4^1/_2\%$, что въ 1889 г. совершенно не соотвѣтствовало стоимости денегъ; во-вторыхъ, заемщикамъ были дарованы нѣкоторыя другія льготы, и, что еще важнѣе, въ основаніе разсчетовъ съ заемщиками введенъ новый принципъ: вмѣсто выдачи ссудъ закладными листами введена выдача ссудъ наличными деньгами полнымъ рублемъ. Именно это послѣднее нововведеніе привело къ весьма важнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ съ того времени счета между банкомъ и владѣльцами выпускаемыхъ имъ бумагъ совершенно отдѣлились отъ счетовъ между бан-

комъ и землевладѣльцами. Заемщики отнынѣ знали только, что банкъ взимаетъ на ростъ $4^1/_2{}^0/_0$, и совершенно перестали интересоваться тѣмъ, откуда банкъ добываетъ средства для выдачи ссудъ, какіе листы онъ для этого выпускаетъ и по какой цѣнѣ продаетъ ихъ.

Въ 1894 году платежи на ростъ были снова понижены уже до $4^0/_0$, а въ 1897 году процентъ роста по раньше выданнымъ ссудамъ до $3^1/_2{}^0/_0$. Казалось бы, что для заемщиковъ банка было сдѣлано все, что только можно было придумать. Поэтому сторонниковъ удешевленія кредита нельзя упрекнуть въ томъ, что они не воспользовались всѣми средствами, какія только были для нихъ доступны. Они не остановились предъ тѣмъ, чтобы освободить выпускаемые банкомъ $3^1/_2{}^0/_0$-ные листы отъ купоннаго налога, и тѣмъ лишить казну весьма опредѣленнаго ежегоднаго дохода; не остановились предъ тѣмъ, чтобы нарушить интересы владѣльцевъ вторыхъ закладныхъ, присоединяя недоимки къ капитальному долгу; наконецъ, они прибѣгли и къ размѣщенію листовъ за границей, вопреки неоднократно выраженному стремленію не закабалять нашего землевладѣнія иностраннымъ капиталистамъ; къ этому прибавимъ, что банкъ очень снисходительно относился къ выполненію заемщиками ихъ обязательствъ и допускалъ накопленіе недоимокъ, вынуждавшее его затѣмъ давать заемщикамъ все большія и большія льготы во взносѣ платежей, предоставлять каждый разъ новыя отсрочки и переотсрочки.

Что путь, по которому банкъ неуклонно шелъ въ теченіе 15-ти лѣтъ, не привелъ къ желаннымъ результатамъ; что погоня за удешевленіемъ кредита не оправдала возложенныхъ на дешевый кредитъ надеждъ; что пониженіе платежей и чрезвычайныя льготы не предупредили усиленнаго перехода дворянскихъ земель въ руки другихъ сословій, а облегчили только мобилизацію земельной собственности,—это, я думаю, настолько извѣстно, что мнѣ незачѣмъ на этомъ останавливаться.

Чѣмъ ниже были платежи, тѣмъ больше закабалялись землевладѣльцы, тѣмъ быстрѣе шла мобилизація.

Какъ, однако, ни высоки были оцѣнки и ссуды Дворянскаго банка, все же никогда еще цѣны на землю не достигали такой высоты, какъ во второй половинѣ прошлаго десятилѣтія, когда произведена была реформа Крестьянскаго банка. Усиленная дѣятельность послѣдняго, связанная съ небывалымъ подъемомъ цѣнъ на землю, не могла не повліять заразительно и на акціонерные ипотечные банки.

Имѣнія переходили изъ банка въ банкъ, изъ одного акціонернаго банка въ другой, изъ акціонерныхъ въ Дворянскій, потомъ подвергались дробленію, переводились въ Крестьянскій банкъ и нагружались все большими и большими долгами. Чѣмъ ниже были платежи, чѣмъ шире были льготы, тѣмъ легче имѣнія подвергались залогу и каждый разъ все въ большей и большей суммѣ. Мало того, систематическое пониженіе пла-

тежей въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ привело многихъ къ заключенію, что размѣръ срочныхъ платежей опредѣляется исключительно по усмотрѣнію финансоваго вѣдомства и находится внѣ всякой зависимости отъ общихъ условій денежнаго рынка и кредита.

Когда поднимался вопросъ объ ограниченіяхъ въ залогѣ земли, объ установленіи нормы для залога, землевладѣльцы относились къ такимъ проектамъ съ крайнимъ недоброжелательствомъ. Совершенно иначе относились они къ проектамъ, которые обѣщали спасти ихъ отъ бремени задолженности, будетъ ли это страхованіе жизни землевладѣльцевъ, или переходъ къ серебряной валютѣ, или что-нибудь еще болѣе фантастическое. Землевладѣльцы никакъ не могли освоиться съ мыслью, что министръ финансовъ не въ силахъ измѣнить общія зависящія иногда отъ міровыхъ событій условія денежнаго рынка; что срочные платежи должны быть нормированы съ такимъ разсчетомъ, чтобы они обходились землевладѣльцамъ не дешевле, чѣмъ банку самому приходится платить за деньги. Предъявлялъ ли какой-нибудь другой классъ требованіе, чтобы ему былъ открытъ кредитъ изъ низкаго процента, когда учетный процентъ стоитъ на высокой нормѣ? Можетъ ли кто-нибудь претендовать на то, что по учету векселей или по ссудамъ подъ залогъ бумагъ или хлѣба приходится иногда платить 7—8%, послѣ $4^1/_2$—5%? Казалось бы, что не нужно большихъ познаній въ финансахъ, чтобы знать, что учетный процентъ не устанавливается по декрету министра, а между тѣмъ землевладѣльцы-дворяне были убѣждены въ томъ, что для нихъ и для нихъ однихъ можетъ быть сдѣлано изъятіе.

Въ погонѣ за льготными платежами и широкимъ кредитомъ они совершенно не замѣчали, что чѣмъ больше они нагружаютъ свои имѣнія долгами, тѣмъ легче они уходятъ изъ ихъ рукъ и переходятъ къ другимъ классамъ; что дворянское землевладѣніе таетъ, какъ не таяло ни въ одной странѣ, и каждая сотня милліоновъ, полученная изъ банковъ, отрываетъ отъ нихъ часть ихъ наслѣдія. Ни въ одной странѣ дворянское землевладѣніе не потерпѣло такой убыли, какую оно потерпѣло у насъ, и не маловажное значеніе въ этомъ процессѣ имѣла задолженность.

Но именно эта задолженность, такъ гибельно отражающаяся на частномъ землевладѣніи вообще и дворянскомъ въ частности, въ значительной мѣрѣ можетъ облегчить выкупную операцію. Не будь наше землевладѣніе обременено долгами, переходъ земли въ руки крестьянъ связанъ былъ бы съ большими финансовыми затрудненіями и привелъ бы къ необходимости отложить выкупъ до улучшенія условій денежнаго рынка.

Попытаюсь подвести итоги задолженности частнаго землевладѣнія. Къ 1 іюля 1904 года она выражается въ слѣдующихъ цифрахъ*):

*) Статистика долгоср. кредита въ Россіи. Вып. III, С.-Петербургъ, 1905 г.

Дворянскій банкъ	716.069,570 р.
Особый Отдѣлъ Дворянск. банка . .	47.625,917 »
Крестьянскій банкъ	405.083,272 »
Земскій банкъ Херсон. губ. . . .	152.803,632 »
Тифлисскій и Михайловскій Дворянскіе банки.	6.561,201 »
Акціонерные земельные банки . . .	574.943,001 »
Дворянскіе банки въ Прибалтійскихъ губерніяхъ	86.281,000 »
Зем. Кред. Общ. Ц. П.	138.732,450 »
а всего	2.128.100,043 »

Если отсюда исключить Крестьянскій банкъ, то задолженность выражается въ суммѣ 1.723,017,000 р.

Что касается числа заложенныхъ имѣній и площади входящей въ ихъ составъ земли, то къ 1 января 1903 г. въ залогѣ состояло:

	Имѣній.	Въ составѣ.
Въ Дворянскомъ банкѣ. . . .	22,956	16.940,489 дес.
» Особомъ Отд. Двор. банка. .	5,002	2.582,687 »
» Акціон. зем. банкахъ . . .	43,103	20.486,214 »
» Херсон. зем. банкѣ. . . .	4,277	3.257,371 »
» Зем. Кред. Общ. Ц. П. . .	9,521	3.483,082 »
» Двор. банкѣ Приб. губ. . .	40,465	5.118,694 »
» Тифл. и Мих. Двор. банкѣ .	1,787	671,152 »
» Нижегор. Александр. банкѣ .	309	50,237 »

а всего въ дѣйствующихъ у насъ учрежденіяхъ долгосрочнаго кредита заложено 127,420 имѣній площадью въ 52.589,926 дес. Изъ числа заложенныхъ имуществъ исключены участки, заложенные въ Крестьянскомъ банкѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе задолженность только частнаго землевладѣнія.

Не лишено интереса остановиться и на задолженности по губерніямъ въ процентномъ отношеніи ко всей частновладѣльческой землѣ.

Въ 7-ми губерніяхъ заложено свыше 70% всей частновладѣльческой земли, въ томъ числѣ въ Херсонской 79%, а въ Екатеринославской, Минской и Подольской 72%; въ 14 губерніяхъ отъ 60 до 67%, въ 10 губерніяхъ отъ 50 до 58%, въ 11 губерніяхъ отъ 41 до 49%, въ 11 губерніяхъ отъ 33 до 39% и въ 15 губерніяхъ менѣе 30%. Распредѣляя 587 уѣздовъ, числящихся въ 65 губерніяхъ и областяхъ, по степени задолженности частнаго землевладѣнія, мы получимъ слѣдующее:

3	уѣзда,	въ котор.	заложено	96%	всей	частновладѣльч.	земли
23	»	»	»	отъ 80 до 90%	»	»	»
55	»	»	»	» 70 » 79%	»	»	»
85	»	»	»	» 60 » 69%	»	»	»
98	»	»	»	» 50 » 59%	»	»	»
90	»	»	»	» 40 » 49%	»	»	»
78	»	»	»	» 30 » 39%	»	»	»
54	»	»	»	» 20 » 29%	»	»	»
100	»	»	»	менѣе 20%	»	»	»

Ясно, что чѣмъ выше задолженность, тѣмъ легче можетъ совершиться выкупная операція, потому что тѣмъ большая часть долга можетъ быть переведена на подлежащую выкупу землю. Какъ въ 1861 году существованіе ипотечнаго долга облегчило выкупную операцію и уменьшило сумму подлежащихъ выпуску выкупныхъ свидѣтельствъ, такъ и теперь финансированіе представитъ еще меньше затрудненій, такъ какъ задолженность приняла съ тѣхъ поръ болѣе крупные размѣры.

У насъ нѣтъ точныхъ счетовъ по выкупной операціи, поэтому мы не можемъ категорически высказаться по вопросу о томъ, сколько въ дѣйствительности внесено помѣщичьими крестьянами въ уплату долга, соотвѣтствуютъ ли ихъ платежи обязательствамъ государства по выпущеннымъ для выкупа бумагамъ, какое вліяніе должна была оказать на платежи конверсія выкупныхъ бумагъ, какъ долженъ былъ отразиться на покупательномъ долгѣ крестьянъ зачетъ запаснаго капитала по выкупной операціи; точно также трудно сказать, имѣются ли достаточныя данныя, чтобы утверждать, какъ это теперь нерѣдко дѣлается, что крестьяне погасили уже весь свой выкупной долгъ.

Къ 1 января 1903 г. счета по выкупной операціи представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Съ 1861 по 1893 г. (по цѣлому ряду закон. актовъ) выкуплено бывшими помѣщичьими крестьянами земли . . . . . 33.193,773 дес.
Выкупная ссуда составляла . . . . . 897.263,747 р.,
а вмѣстѣ съ дополнительными ссудами . . . . . 903,3 милл.

Сумма эта была получена слѣдующимъ образомъ:

1.	Переведены долги помѣщиковъ бывшимъ казеннымъ кредитнымъ установленіямъ въ суммѣ	315,8 милл.
2.	Уплач. помѣщ. $5^1/_2$% обязательствами	82,6 »
	» » 5% выкупными свидѣт	191,4 »
	» » 5% банк. билет. 2 вып.	300 »
	» » наличными деньгами.	9,6 »

Такимъ образомъ, вся эта операція потребовала выпуска бумагъ на сумму менѣе 600 милл. рублей. За срочнымъ и сверхсрочнымъ погашеніемъ и за уменьшеніемъ долга вслѣдствіе общаго пониженія платежей при Бунге остатокъ долга къ 1 января 1903 г. составлялъ 406,5 милл., изъ которыхъ 369,6 милл. на прежнихъ основаніяхъ и 36,9 м., пересроченныхъ на новые сроки. Счета крестьянъ по выкупу не представляются въ ясномъ свѣтѣ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что посредническій характеръ государства былъ нарушенъ, и платежи крестьянъ, вопреки первоначальному плану, начали измѣняться независимо отъ процента по выкупнымъ бумагамъ. Конверсія бумагъ и замѣна срочно погашаемыхъ бумагъ безсрочною рентою окончательно отдѣлила долги крестьянъ отъ государственныхъ долговъ, вызванныхъ выкупною операціею. Уплатили ли крестьяне весь свой долгъ, или же долгъ ихъ еще не погашенъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что государство не понесло на выкупной операціи никакихъ жертвъ.

Если приступить къ выкупу части частновладѣльческихъ земель, то теперь потребуется сравнительно меньше выпустить бумагъ, чѣмъ это имѣло мѣсто въ 1861 г. Продажныя цѣны, какъ извѣстно, значительно выше, чѣмъ подесятинная ссуда; во всякомъ случаѣ послѣдняя не достигаетъ оцѣночной суммы и не превышаетъ 50—60% оцѣнки. Такимъ образомъ, при переводѣ на крестьянъ пропорціональной части долга государству, которое будетъ пріобрѣтать землю для увеличенія фонда государственныхъ земель, придётся дѣлать приплату, почти равную лежащему на выкупаемой землѣ долгу, что при большомъ объемѣ выкупной операціи потребовало бы затраты большого капитала. Если же выкупная цѣна будетъ превышать оцѣночную сумму банка, что нерѣдко будетъ имѣть мѣсто, особенно по имѣніямъ, заложеннымъ до наступившаго въ послѣдніе годы возвышенія цѣнъ, то приплата будетъ даже превышать сумму переводимаго долга.

Однако, это затрудненіе не трудно обойти. Дѣло въ томъ, что если банки при отчужденіи частей имѣнія переводятъ на покупщиковъ не болѣе средней подесятинной ссуды, иногда и меньше или даже требуютъ досрочнаго погашенія части долга, то при выкупѣ за счетъ государства, когда по переводимымъ ссудамъ можетъ быть предоставлена правительственная гарантія, банки охотно будутъ переводить на выкупаемыя земли значительно больше средней подесятинной ссуды. Можно даже думать, что они не будутъ встрѣчать препятствій къ тому, чтобы переводить на нихъ всю стоимость. Если имѣніе въ 1,000 десятинъ заложено, допустимъ, въ банкѣ въ 60,000 р. при оцѣнкѣ въ 100,000 р., и изъ него подлежитъ выкупу 200 или 300 десятинъ, за которыя опредѣлена выкупная цѣна въ 20 или 30 тысячъ, то вмѣсто перевода на отходящую отъ помѣщика землю 12 и 18 тысячъ можно полностью перевести всѣ

20 или 30 тысячъ, потому что при правительственной гарантіи размѣръ переводимой ссуды не имѣетъ для банка никакого значенія. Обезпеченіемъ переводимаго долга будетъ служить не только отходящая отъ помѣщика въ пользу крестьянъ земля, но и вся правительственная гарантія, а въ такомъ случаѣ выкупная сумма можетъ быть переведена въ видѣ долга, и въ доплатѣ не представляется никакой нужды. Если выкупъ будетъ произведенъ въ большомъ масштабѣ, то именно вслѣдствіе задолженности частнаго землевладѣнія финансированіе выкупа не будетъ встрѣчать затрудненій. На каждый милліонъ десятинъ, заложенный въ банкахъ и выкупаемый, допустимъ, по средней оцѣнкѣ Дворянскаго банка, требовалось бы 72 милл. рублей, но при существованіи ипотечнаго долга вся эта сумма цѣликомъ можетъ быть переведена на подлежащую отчужденію землю. Для банковъ такая операція, какъ выше указано, не будетъ представлять никакого риска, потому что проценты по переводимымъ ссудамъ будутъ гарантированы правительствомъ; для землевладѣльцевъ, у которыхъ будетъ выкуплена часть земли, откроется кредитъ, и они могутъ въ случаѣ желанія прибѣгнуть къ дополнительному залогу оставшейся у нихъ земли; что касается государства, то такая операція представляетъ для него большія выгоды потому, что даетъ возможность совершить крупную аграрную реформу безъ всякихъ финансовыхъ затрудненій. Правда, условія кредита въ частныхъ банкахъ не столь благопріятны, какъ въ Государственномъ, но при невозможности выпускать займы, при низкомъ курсѣ бумагъ выгоднѣе переплатить въ процентахъ, чѣмъ потерять крупныя суммы на реализаціи. Какъ только условія рынка измѣнятся, государство можетъ выкупить долги банкамъ и замѣнить ихъ собственными займами.

Какъ же поступить съ имѣніями, на которыхъ не имѣется долговъ? Къ нимъ, очевидно, нельзя примѣнить того средства, которое примѣнимо къ заложеннымъ имѣніямъ. Съ такими владѣльцами приходится учинить разсчетъ, для чего необходимо выпускать бумаги. Однако, принимая во вниманіе, во-первыхъ, то, что задолженность у насъ велика, во-вторыхъ, то, что владѣльцы незаложенныхъ имѣній могли бы получать выкупныя бумаги вмѣсто наличныхъ денегъ, я не думаю, чтобы съ этой стороны могли возникнуть какія-нибудь затрудненія. Можно было бы, наконецъ, въ такихъ случаяхъ уплачивать часть выкупной суммы наличными деньгами, а остальную сумму выкупными бумагами. Во всякомъ случаѣ, если для удовлетворенія такого рода владѣльцевъ или для разсчета съ частными кредиторами по закладнымъ и другимъ долговымъ обязательствамъ и потребуются нѣкоторыя суммы, то суммы эти будутъ настолько незначительны, что полученіе ихъ не представитъ затрудненія даже въ такое неблагопріятное для выпуска бумагъ время, какъ переживаемое настоящее время.

Къ тому же такая аграрная реформа, требующая тщательнаго изученія на мѣстахъ положенія крестьянскаго землевладѣнія, не можетъ совершиться быстро, а съ теченіемъ времени могутъ измѣниться условія рынка, и то, что теперь могло бы служить препятствіемъ, потеряетъ всякое значеніе. Ясно во всякомъ случаѣ, что съ финансовой стороны выкупная операція можетъ теперь быть проведена еще легче, чѣмъ это было въ 1861 г.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ финансовую сторону выкупной операціи и указавъ, что благодаря большой задолженности осуществленіе реформы не потребуетъ выпуска займовъ на значительныя суммы, я считаю необходимымъ хотя бы въ немногихъ словахъ коснуться нѣкоторыхъ связанныхъ съ выкупомъ вопросовъ.

Въ высшей степени важно выяснить, на кого должна быть возложена выкупная операція; какія учрежденія могли бы справиться съ такою серьезною задачею. Въ самомъ дѣлѣ, учрежденія, на которыя возложится опредѣленіе правъ сельскаго населенія на правительственное содѣйствіе, оцѣнка подлежащихъ выкупу земель, нормированіе платежей за отведенную крестьянамъ землю, удовлетвореніе прежнихъ владѣльцевъ и цѣлый рядъ другихъ дѣйствій, связанныхъ съ выкупною операціей, должны быть организованы съ большою осмотрительностью. Это сложное дѣло не можетъ быть возложено на органы самоуправленія, потому что оно связано очень сильно матеріальными интересами именно того класса, который имѣетъ преобладающее значеніе въ земскихъ учрежденіяхъ. Возложить оцѣнку подлежащихъ выкупу земель или опредѣленіе того количества земли, которое должно быть отчуждено изъ имѣній даннаго района, на учрежденіе, въ которомъ землевладѣльцы являются полными хозяевами, значило бы поставить его на неправильную почву и вызвать полное недовѣріе къ аграрнымъ реформамъ со стороны сельскаго населенія. Мѣстные дѣятели должны, конечно, принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, но крестьянамъ должно быть предоставлено такое же право, какъ и землевладѣльцамъ. Однако, вся организація должна все-таки быть разсчитана такимъ образомъ, чтобы государственный элементъ былъ преобладающимъ. Западно-европейская практика могла бы въ данномъ случаѣ служить образцомъ. Въ прусскихъ генеральныхъ комиссіяхъ, въ учрежденіяхъ, на которыя въ Германіи и въ Австріи былъ возложенъ выкупъ барщины и сервитутовъ, въ практикѣ англійскаго и ирландскаго законодательствъ объ арендѣ, въ цѣломъ рядѣ аналогичныхъ учрежденій мы имѣемъ образцы, которые можно было бы приспособить къ нашимъ условіямъ. Во всякомъ случаѣ учрежденія на мѣстахъ должны функціонировать, какъ учрежденія государственныя, въ

которыхъ точка зрѣнія класса землевладѣльцевъ должна уступать общегосударственнымъ интересамъ.

Я хотѣлъ бы коснуться еще нѣкоторыхъ вопросовъ, которые тѣсно связаны съ предлагаемой мною выкупной операціей и требуютъ большого вниманія. Такъ, въ высшей степени важно выяснить, слѣдуетъ ли при обсужденіи вопроса объ увеличеніи площади крестьянскихъ земель исходить отъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, какъ это было при реформѣ 1861 г., т. е. признавать ли за крестьянами права на землю изъ опредѣленнаго имѣнія и за помѣщиками обязанность дѣлать отрѣзку въ пользу опредѣленныхъ крестьянъ, или же исходить при проведеніи выкупной операціи отъ другого начала. Мнѣ представляется, что отношенія, которыя существовали при крѣпостномъ правѣ и служили основаніемъ для извѣстныхъ правъ и обязанностей, давно прекратились. Отношенія, которыя устанавливаются въ настоящее время, построены на другихъ началахъ, а самыя имѣнія во многихъ случаяхъ многократно мѣняли владѣльцевъ. Какъ бы ни были крестьяне надѣлены землею въ 1861 г., это имѣетъ только историческое значеніе и не можетъ служить почвою для новыхъ отношеній. Возстановленіе, можетъ быть, и нарушенныхъ интересовъ невозможно уже потому, что нынѣшніе владѣльцы не находятся въ такихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, которые создавали бы для нихъ обязанности, особенно когда имѣнія дробились, переходили изъ рукъ въ руки. Исходнымъ моментомъ, по моему мнѣнію, долженъ служить не тотъ фактъ, что крестьяне 40 лѣтъ тому назадъ чего-то не дополучили, что они были обижены, что помѣщики надѣлили ихъ не всѣмъ тѣмъ количествомъ земли, которымъ они фактически владѣли до освобожденія.

Возстановленіе нарушенныхъ правъ, если бы оно и было возможно, не соотвѣтствовало бы, по моему мнѣнію, современной задачѣ. Если настаивать на возстановленіи стараго правонарушенія, то, независимо отъ шаткости такого принципа и невозможности практически его осуществить, сильнѣйшимъ образомъ пострадали бы во многихъ случаяхъ интересы именно того сельскаго населенія, во имя котораго предлагается реформа. Такая постановка вопроса вела бы къ тому, что въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне получили все, что имъ слѣдовало бы получить, и гдѣ вслѣдствіе прироста населенія потребность въ землѣ ощущается въ самой сильной степени, пришлось бы оставить всякую мысль о дополнительномъ надѣлѣ. Равнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ за помѣщиками осталось мало земель, крестьяне должны были бы оставаться въ прежнемъ положеніи. Совсѣмъ другое дѣло, когда устанавливается принципъ, что забота о благосостояніи сельскаго населенія составляетъ обязанность государства, а не сосѣдняго помѣщика. Только на этой почвѣ можно обосновать принудительное отчужденіе части частно-

владѣльческихъ земель. Стоитъ только перенести центръ тяжести на отношенія между крестьянами и сосѣднимъ помѣщикомъ, чтобы самое право принудительнаго отчужденія сдѣлалось спорнымъ. Не сосѣдній помѣщикъ, который, можетъ быть, только недавно пріобрѣлъ имѣніе и не принялъ и не могъ принять на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ бывшимъ крѣпостнымъ своего предшественника, а государство должно принять мѣры къ улучшенію положенія крестьянъ; для помѣщика это только сосѣди, и съ этой точки зрѣнія возможны лишь частныя соглашенія, а не принудительное отчужденіе. Съ этимъ связаны и другіе вопросы, какъ-то: вопросъ о томъ, на какихъ началахъ государство будетъ распоряжаться этими землями, будетъ ли оно передавать ее въ собственность или только въ пользованіе. Я не имѣю въ виду здѣсь на этомъ останавливаться; для меня важно только отмѣтить, что то или иное разрѣшеніе не измѣняетъ характера выкупа. Будетъ ли земля передаваться въ собственность, какъ это, напримѣръ, практикуется при покупкахъ чрезъ посредство Крестьянскаго и другихъ банковъ, или же она будетъ отдаваться въ пользованіе крестьянъ безсрочно или на болѣе или менѣе продолжительный срокъ съ сохраненіемъ за государствомъ верховныхъ правъ собственности,—вопросы эти имѣютъ безспорно огромное значеніе, но имъ должно предшествовать принципіальное признаніе необходимости выкупа государствомъ.

Я не могу не указать еще и на вопросъ о размѣрѣ платежей за землю, отводимую крестьянамъ. Если исходить отъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, то платежи должны будутъ находиться въ прямой зависимости отъ цѣны отчужденной земли. Такая постановка вопроса представляется мнѣ неправильною. Исходя отъ государственной необходимости, а не отъ давно забытыхъ отношеній между помѣщиками и бывшими крѣпостными, мы должны отрѣшиться отъ точки зрѣнія кредитной сдѣлки, для которой необходимо, чтобы платежи нормировались по стоимости кредита. Болѣе правильнымъ мнѣ представляется путь, которому слѣдуетъ колонизаціонная комиссія въ Пруссіи. Покупая земли для распродажи частями, она устанавливаетъ платежи не въ соотвѣтствіи съ стоимостью денегъ, а въ соотвѣтствіи съ платежными силами тѣхъ, къ кому переходитъ земля. И на этомъ вопросѣ я сейчасъ останавливаться не буду; я хотѣлъ только отмѣтить, что здѣсь открывается поле для самостоятельной планомѣрной работы, основанной на другихъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыми руководился Крестьянскій банкъ.

Я далеко не исчерпалъ той массы важныхъ и сложныхъ вопросовъ, регулированіе которыхъ необходимо для успѣха предлагаемой мною реформы, но это и не входило въ мою задачу. Я считалъ настоятельно

необходимымъ установить принципъ принудительнаго отчужденія части частновладѣльческихъ земель и показать, что съ финансовой стороны осуществленіе выкупной операціи не встрѣчаетъ затрудненій.

Въ заключеніе я считаю необходимымъ еще разъ подчеркнуть, во-первыхъ, что увеличеніемъ площади крестьянскихъ земель далеко не исчерпывается программа аграрныхъ реформъ, что одновременно съ этимъ должна идти большая культурная работа, направленная къ увеличенію производительности и доходности хозяйства; во-вторыхъ, и что еще важнѣе, аграрныя реформы должны идти рука объ руку съ экономическими и финансовыми реформами, проникнутыми тѣмъ же духомъ, которымъ проникнута предлагаемая мною выкупная операція. Только при такихъ условіяхъ удастся прочно устроить экономическій бытъ нашего крестьянства.

М. Герценштейнъ.

КЪ ВОПРОСУ О ДОПОЛНИТЕЛЬНОМЪ НАДѢЛЕНІИ МАЛОЗЕМЕЛЬНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

(Статистическая справка).

Въ послѣднее время у насъ много говорятъ объ отводѣ дополнительныхъ надѣловъ малоземельнымъ крестьянамъ. Мысль эта имѣетъ горячихъ сторонниковъ, но имѣетъ и рѣшительныхъ противниковъ. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ доводовъ противъ нея является указаніе, что на отводъ земли всѣмъ нуждающимся землевладѣльцамъ не хватитъ земель въ предѣлахъ Европейской Россіи: если даже сверхъ земель государственныхъ, удѣльныхъ и т. д. привлечь всю удобную частновладѣльческую землю, и то сомнительно,—утверждаютъ противники реформы,—сойдутся ли концы съ концами.

Въ виду громадной важности поднятаго вопроса на русскихъ статистиковъ ложится долгъ попытаться разсѣять недоумѣнія, поскольку позволяетъ состояніе статистическихъ матеріаловъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи. Задача—надо оговориться—крайне неблагодарная, такъ какъ неполнота и малая точность данныхъ дѣлаютъ всѣ вычисленія весьма шаткими и заставляютъ съ крайней осторожностью относиться къ выводамъ.

Для того чтобы произвести статистическій подсчетъ, необходимо исходить изъ какой-нибудь опредѣленной схемы реформы. Сказать, хватитъ земли или нѣтъ, можно лишь, зная кого и за чей счетъ предполагается надѣлять, и сколько земли будетъ отводиться на душу. Примемъ, какъ основаніе для разсчетовъ, что земля будетъ отводиться всѣмъ землевладѣльцамъ до нормъ высшихъ или указныхъ надѣловъ Положеній 19 февраля 1861 г.; допустимъ сверхъ того, что, какъ и въ 1861 году, у частныхъ собственниковъ можетъ быть отчуждаемо не болѣе двухъ третей принадлежащей имъ земли. Если мы убѣдимся, что земельнаго фонда при этихъ предположеніяхъ не хватитъ, то придется признать, что дополнительное надѣленіе въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ неосуществимо. Напротивъ, если окажется, что земли хватаетъ съ избыткомъ, то ясно, что въ основаніе реформы можно положить и болѣе щедрыя нормы надѣленія крестьянъ землею.

Въ доказательство мнѣнія, что реформа неосуществима за недостаткомъ земель, обычно приводятъ разсчеты, опирающіеся на сопоставленіи прироста земледѣльческаго населенія за время послѣ крестьянской реформы 1861 года съ относительной долей надѣльныхъ и внѣнадѣльныхъ земель въ Европейской Россіи. Смотря по тому, какъ высоко оцѣнить приростъ земледѣльческаго населенія,—разсчеты колеблются между 50% и 70% съ небольшимъ,—размѣры прирѣзки, потребной для того, чтобы покрыть уменьшеніе душевого надѣла, устанавливаются въ 60—85 милліоновъ десятинъ. На первый взглядъ даже высшая изъ этихъ цифръ не внушаетъ особыхъ опасеній за осуществимость реформы, такъ какъ внѣнадѣльной удобной земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи (по даннымъ 1881 г.) имѣется двѣсти милліоновъ десятинъ съ небольшимъ, и площадь прирѣзки, даже если брать ея наиболѣе высокій размѣръ, составитъ лишь около двухъ пятыхъ всего запаса внѣнадѣльныхъ земель. Но необходимо принять во вниманіе, что три четверти удобной внѣнадѣльной земли находится подъ лѣсомъ, и лишь 46 съ небольшимъ милліоновъ десятинъ заняты культурными угодьями.

Надѣлять крестьянъ лѣсомъ, воспрещая его сводить, не отвѣчало бы цѣлямъ реформы, несмотря на всю нужду крестьянскаго населенія въ лѣсныхъ матеріалахъ. Между тѣмъ, большая часть лѣсныхъ площадей, которыя можно было бы обречь на расчистку, лежитъ въ безлюдныхъ сѣверныхъ губерніяхъ; не говоря уже о малой доступности этихъ мѣстностей для заселенія выходцами изъ наиболѣе малоземельныхъ, преимущественно степныхъ районовъ Россіи (ср. докладъ А. А. Кауфмана), врядъ ли представлялось бы цѣлесообразнымъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія перемѣщать рабочія силы съ южнаго чернозема въ тундры и лѣса крайняго сѣвера и сѣверо-востока. Лѣса же, находящіеся въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ съ точки зрѣнія интересовъ крестьянства, приходится щадить въ интересахъ страны. Прирѣзка земли, слѣдовательно, чтобы удовлетворять цѣлямъ реформы, должна быть произведена преимущественно за счетъ площади, лѣсомъ не занятой. Но запаса удобной внѣнадѣльной земли, не находящейся подъ лѣсомъ, едва хватитъ на прирѣзку, даже если принять наименьшій изъ выше указанныхъ размѣровъ прироста земледѣльческаго населенія, и внести всевозможныя поправки, направленныя къ уменьшенію площади, потребной для прирѣзки. Если же исходить изъ прироста населенія въ 70—75%, то для покрытія нужды въ землѣ пришлось бы употребить не только всю площадь внѣнадѣльныхъ удобныхъ земель, не занятыхъ лѣсомъ, кому бы онѣ ни принадлежали, но и добавить еще на добрую треть лѣсовъ; пришлось бы, слѣдовательно, лишить частное землевладѣніе всей площади входящихъ въ составъ его нелѣсныхъ угодій и оставить во владѣніи земельныхъ собственниковъ повсемѣстно одни лѣса.

Дополнительное надѣленіе теряетъ въ такихъ условіяхъ смыслъ: переворотъ въ соціальномъ и экономическомъ строѣ народной жизни оказывается настолько близкимъ къ полной экспропріаціи частной земельной собственности, что становится безцѣльнымъ удерживать жалкіе остатки института частной собственности на землю, нарушающіе цѣльность новой системы земельныхъ отношеній.

Не трудно, однако, убѣдиться, что приведенный выше подсчетъ отвѣчаетъ совсѣмъ не тому плану преобразованія, осуществимость котораго требуется провѣрить. Разсчетъ прирѣзки по вопросу населенія предполагаетъ, что цѣль реформы возстановить средніе размѣры *фактической* обезпеченности крестьянъ землей, понизившіеся за время съ 1861 года въ силу быстраго размноженія земледѣльческаго населенія. Что касается того плана, который насъ интересуетъ, то въ его основаніи лежатъ *нормы* надѣленія въ 1861 году. Этотъ планъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шире: онъ стремится не только внести поправку на приростъ населенія, но исправляетъ также уклоненія отъ нормъ, допущенныя въ 1861 году. Въ то же время размахъ его менѣе значителенъ, такъ какъ часть крестьянъ остается незатронутою. Деревня, получившая въ свое время надѣлъ, въ два раза большій противъ высшаго, но съ тѣхъ поръ удвоившая населеніе, по этому плану не получитъ земли, такъ какъ она въ настоящее время владѣетъ тѣмъ именно количествомъ земли на душу, которое отвѣчаетъ принятой нормѣ. Но зато деревнѣ, получившей въ 1861 году дарственный надѣлъ, будетъ дана прирѣзка до высшаго надѣла Положенія 19 февраля 1861 г. по разсчету на наличное число душъ мужского пола, хотя бы даже размѣры душевого надѣла въ этой деревнѣ, въ силу малаго естественнаго прироста и эмиграціи, успѣли нѣсколько подняться; между тѣмъ для возстановленія прежнихъ размѣровъ душевого надѣла приходилось бы въ такихъ случаяхъ землю отрѣзать. Разница въ размѣрахъ прирѣзки, обусловливаемая перемѣной плана реформы, не можетъ быть безъ предварительныхъ разсчетовъ оцѣнена хотя бы приблизительно, но, несомнѣнно, должна быть велика. Земельная обезпеченность крестьянъ всѣхъ разрядовъ установилась въ среднемъ выше нормъ Положеній 19 февраля 1861 г. въ силу большихъ надѣловъ, доставшихся государственнымъ крестьянамъ; въ то же время приростъ населенія стоитъ у насъ въ самой тѣсной связи съ земельной обезпеченностью: чѣмъ больше надѣлъ, тѣмъ выше и приростъ. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, при надѣленіи до нормъ 1861 года значительная часть избыточнаго населенія, появившагося на свѣтъ послѣ 1861 года, не получитъ дополнительныхъ надѣловъ, такъ какъ приходится на долю общинъ, и сейчасъ еще обезпеченныхъ землею выше той нормы, до которой предполагается доводить надѣлъ путемъ прирѣзокъ. Мы въ правѣ, слѣдовательно, категорически

уже утверждать, что процентъ прироста населенія ни въ какомъ простомъ отношеніи къ площади земельнаго фонда, необходимаго для проведенія реформы, не стоитъ, и всякая попытка провѣрить практическую осуществимость того или иного плана преобразованія, опираясь на данныя о ростѣ населенія, объ измельчаніи надѣловъ и т. п., должна быть признаваема въ корнѣ безнадежной. Чтобы рѣшить, хватитъ земли или не хватитъ, нѣтъ иного пути, кромѣ прямого учета числа лицъ, нуждающихся въ надѣленіи, и земельнаго фонда, могущаго служить для этой цѣли. Всѣ вычисленія должны при этомъ пріурочиваться къ мелкимъ территоріальнымъ единицамъ, отвѣчающимъ «мѣстностямъ» Положеній 19 февраля 1861 г., если имѣть въ виду планъ прирѣзки до высшихъ или указныхъ надѣловъ Положеній 19 февраля, такъ какъ лишь для такихъ «мѣстностей» Положенія устанавливаютъ опредѣленныя нормы. Общее же рѣшеніе вопроса, осуществима реформа или нѣтъ, и сколько для проведенія ея потребно земли, можетъ быть получено лишь послѣ такого предварительнаго учета по «мѣстностямъ» путемъ подведенія итоговъ по уѣздамъ, по губерніямъ и по всей Европейской Россіи, или по той ея части, примѣнительно къ которой развивается планъ преобразованія.

Исходя отъ мелкихъ территоріальныхъ единицъ («мѣстностей»), на вопросъ, сойдутся ли при реформѣ концы съ концами, можно было бы дать теоретически вполнѣ точный отвѣтъ. Къ сожалѣнію, состояніе статистическихъ матеріаловъ допускаетъ лишь самое скромное приближеніе къ интересующимъ насъ цифровымъ соотношеніямъ между площадью необходимой прирѣзки и запасомъ земель, которыя можно было бы употребить на отводъ дополнительныхъ надѣловъ.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется двѣ категоріи статистическихъ матеріаловъ: сборники статистическихъ свѣдѣній по отдѣльнымъ уѣздамъ, изданные земствами, и охватывающія всю Россію правительственныя статистическія изслѣдованія. Данныя земской статистики по своей полнотѣ, детальности и относительной точности во многихъ случаяхъ вполнѣ удовлетворяли бы требованіямъ; но земскія переписи не охватываютъ даже всей земской Россіи; въ силу своей разновременности онѣ не могутъ служить для сравненія различныхъ районовъ между собою; данныя ихъ не могутъ быть безъ оговорокъ и поправокъ суммируемы. Притомъ значительнѣйшая часть земскихъ сборниковъ относится ко времени настолько далекому, что нельзя не признать ихъ, въ особенности въ томъ, что касается численности населенія, сильно устарѣвшими и малопригодными для обоснованія практическихъ мѣропріятій въ родѣ интересующаго насъ отвода дополнительныхъ надѣловъ. Тѣ же земскія изслѣдованія, которыя приходятся на сравнительно близкую къ намъ эпоху, на девяностые годы, часто совсѣмъ не могутъ быть использованы для нашихъ цѣлей, потому что «по независящимъ обстоятельствамъ» не

содержатъ данныхъ о населеніи—основномъ элементѣ всѣхъ новыхъ выкладокъ: въ теченіе долгаго промежутка времени около 1897 года земскимъ статистикамъ въ виду всеобщей переписи населенія почти не удавалось собирать свѣдѣнія о населеніи. Въ цѣломъ, на основаніи матеріаловъ земскихъ сборниковъ не представляется возможнымъ рѣшить поставленную задачу. Но не могутъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшить ее и данныя правительственной статистики. Правда, изъ поземельной статистики 1887 года и всеобщей переписи населенія 1897 года мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія о населеніи и землевладѣніи для всей Россіи, и свѣдѣнія эти пріурочены къ опредѣленному моменту времени, такъ что могутъ быть съ большимъ правомъ складываемы въ итоги для крупныхъ районовъ. Но если бы даже на достовѣрность чиселъ, стоящихъ въ этихъ статистическихъ изданіяхъ, можно было въ достаточной мѣрѣ полагаться, мы все же не въ состояніи были бы извлечь изъ этихъ трудовъ центральнаго статистическаго комитета того, что намъ собственно нужно.

Мы исходимъ изъ предположенія, что землею въ размѣрахъ, установленныхъ Положеніями 19 февраля 1861 года, должны быть надѣлены всѣ обыватели деревень, занимающіеся земледѣліемъ. Всеобщая перепись населенія даетъ намъ наличное крестьянское населеніе уѣзда, исключая, слѣдовательно, всѣхъ крестьянъ, отлучившихся 27 января 1897 года изъ своей деревни за предѣлы уѣзда или хотя бы даже въ уѣздный городъ, но включая зато временно присутствовавшихъ крестьянъ другихъ уѣздовъ, и не выдѣляя лицъ крестьянскаго сословія, земледѣліемъ не занимающихся. Путемъ болѣе или менѣе сложныхъ комбинацій, покоящихся на порою довольно произвольныхъ допущеніяхъ, можно, правда, внести въ эти данныя нѣкоторыя поправки. Для нѣкоторыхъ губерній можно вычесть временно присутствующихъ; но такъ какъ нельзя въ то же время включить временно отсутствующихъ, то такая поправка не достигаетъ цѣли. Можно, съ другой стороны, учесть долю какъ временно присутствующихъ, такъ и временно отсутствующихъ, но не для крестьянъ, а для всѣхъ обывателей уѣзда, безъ подраздѣленія на сословія. Можно также, пользуясь данными о «распредѣленіи населенія по мѣсту рожденія и сословнымъ группамъ», подсчитать число лицъ сельскаго состоянія, «уроженцевъ того же уѣзда, гдѣ живутъ», захваченныхъ переписью въ городскихъ поселеніяхъ даннаго уѣзда; но сколько изъ нихъ лишь на время полуслучайно попало въ городъ, а какая часть пустила уже въ городѣ корни и фактически порвала съ деревней, остается неизвѣстнымъ. Еще болѣе трудно, чтобы не сказать невозможно, сколько-нибудь точно высчитать число крестьянъ даннаго уѣзда, захваченныхъ переписью за предѣлами уѣзда. Въ цѣломъ, всѣ подобныя поправки не столько приближаютъ цифру къ той, которая

намъ собственно нужна, сколько дѣлаютъ ее еще болѣе расплывчатой и гадательной. Единственно удобнымъ основаніемъ для нашихъ выкладокъ приходится, со всѣми сдѣланными оговорками, все же признать число крестьянъ мужского пола въ уѣздѣ безъ городовъ, извлекаемое изъ таблицы «распредѣленіе населенія по сословіямъ и состояніямъ».

Что касается данныхъ поземельной статистики 1887 года, то и онѣ не лучше отвѣчаютъ нашимъ цѣлямъ. Прежде всего, данныя устарѣли; это, впрочемъ, не очень существенно, такъ какъ распредѣленіе земельной собственности по тѣмъ категоріямъ, которыя важны для нашихъ цѣлей—землевладѣніе надѣльное, внѣнадѣльное частное и внѣнадѣльное прочее, мало измѣнчиво; рѣзкія перемѣны вносятся мобилизаціей земельной собственности лишь въ распредѣленіе частнаго землевладѣнія по сословнымъ и инымъ категоріямъ владѣльцевъ; площадь же крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія Европейской Россіи не подвергалась за время съ 1887 по 1897 годъ значительнымъ колебаніямъ. Съ этой стороны не грозитъ, слѣдовательно, большихъ ошибокъ. Гораздо существеннѣе то обстоятельство, что для надѣльнаго землевладѣнія мы имѣемъ въ данныхъ поземельной статистики 1887 года лишь одну общую цифру, въ которой смѣшаны всѣ группы крестьянъ. Не трудно убѣдиться, что если мы будемъ опираться при разсчетахъ на эту общую цифру, то въ наши выкладки привзойдетъ весьма крупная ошибка. Сливая вмѣстѣ многоземельныхъ крестьянъ, имѣющихъ на душу болѣе того, что предположено отводить, и крестьянъ малоземельныхъ, нуждающихся въ прирѣзкѣ, мы какъ бы возмещаемъ нехватку земли у однихъ избыткомъ ея у другихъ, какъ бы производимъ передѣлъ земли между всѣми крестьянами уѣзда, чего, конечно, никакой планъ реформы не предполагаетъ. Въ силу этого прирѣзка, необходимая для отвода дополнительныхъ надѣловъ малоземельнымъ крестьянамъ, получается при такомъ способѣ подсчета меньше того, что въ дѣйствительности потребовалось бы, и разница для уѣздовъ, гдѣ много хорошо обезпеченныхъ землею крестьянъ, можетъ быть довольно значительною.

Наконецъ, весьма существеннымъ, съ нашей точки зрѣнія, недостаткомъ какъ поземельной статистики 1887 года, такъ и всеобщей переписи населенія 1897 года является то обстоятельство, что въ обоихъ изданіяхъ наиболѣе мелкимъ территоріальнымъ подраздѣленіемъ, по которому приводятся данныя, служитъ уѣздъ. Между тѣмъ многіе уѣзды по Положеніямъ 1861 года распадаются на двѣ и болѣе частей, отнесенныхъ къ разнымъ мѣстностямъ, съ высшими надѣлами, сильно другъ отъ друга отличающимися.

Въ силу приведенныхъ соображеній не представляется возможнымъ получить точный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ и изъ данныхъ правительственной статистики. Единственный способъ приблизиться къ

рѣшенію задачи: соединить оба источника свѣдѣній, положить въ основу вычисленій данныя правительственной статистики, охватывающія всю Россію, и намѣтить на основаніи детальныхъ свѣдѣній земскихъ сборниковъ размѣры тѣхъ поправокъ, которыя обусловливаются указанными выше причинами.

Наиболѣе существенною представляется та ошибка, которая получается отъ смѣшенія въ одномъ итогѣ малоземельныхъ и многоземельныхъ крестьянъ. О размѣрахъ ея можно судить по тому, что въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ, если брать все крестьянское населеніе уѣзда и всю площадь надѣла, надѣльной земли не только хватаетъ на обезпеченіе крестьянъ до нормы высшаго надѣла мѣстности, но даже остается излишекъ. Въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, числится, напримѣръ, по земской переписи 1883 года 61,643 души мужескаго пола; высшій надѣлъ по Положенію 19 февраля 1861 г. для Липецкаго уѣзда равенъ 3 десятинамъ. Для надѣленія всѣхъ крестьянъ по этой нормѣ требуется 184,929 десятинъ; между тѣмъ по земско-статистическимъ даннымъ надѣльной земли у крестьянъ Липецкаго уѣзда значится 186,824,6 десятинъ, т. е. на двѣ тысячи десятинъ болѣе. Въ Курской губерніи (по даннымъ всеобщей переписи населенія 1897 года и поземельной статистики 1887 года) оказываются въ цѣломъ достаточно обезпеченными надѣльной землей крестьяне уѣздовъ: Курскаго, Обоянскаго, Тимскаго, Фатежскаго. Въ Воронежской губерніи также имѣется четыре уѣзда, въ которыхъ (по даннымъ правительственныхъ источниковъ) малоземельные крестьяне могли бы быть надѣлены до нормы высшаго надѣла за счетъ крестьянъ многоземельныхъ; это—уѣзды Богучарскій, Коротоякскій, Нижнедѣвицкій и Павловскій. При этомъ въ Богучарскомъ уѣздѣ остался бы еще излишекъ надѣльной земли въ 169,000 десятинъ. Между тѣмъ, эти высокія среднія, несомнѣнно, не свидѣтельствуютъ о томъ, что въ уѣздѣ нѣтъ малоземельныхъ крестьянъ, нуждающихся въ отводѣ дополнительнаго надѣла. Чтобы опредѣлить, какъ велика ошибка, вносимая въ итогъ такимъ способомъ вычисленія, необходимо обратиться къ болѣе детальнымъ даннымъ земской статистики. Пользуясь ея матеріалами, мы можемъ точно подсчитать, какое количество земли потребовалось бы для дополнительнаго надѣленія тѣхъ изъ крестьянъ, у которыхъ земли не хватаетъ до нормы. По Липецкому уѣзду оказывается, напримѣръ, что малоземельнымъ крестьянамъ необходимо въ дѣйствительности прирѣзать около 17 тысячъ десятинъ. Размѣры надбавки, которую надо сдѣлать къ площади дополнительнаго надѣла, вычисляемой по общему итогу, колеблются по отдѣльнымъ мѣстностямъ довольно значительно. Въ Орловскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, надбавка спускается, напримѣръ, до 1% той площади, которую мы получаемъ путемъ помноженія числа душъ на размѣры высшаго надѣла. Въ Липецкомъ уѣздѣ надбавка составляетъ

9%. Въ Саратовской губерніи (по даннымъ, заимствованнымъ изъ работы г. Серебрякова «Землевладѣніе въ Саратовской губерніи и степень обезпеченности крестьянъ землей», по разсчету на среднюю для губерніи норму въ 4,5 дес.) надбавка равняется 10%. По Курскому уѣзду (на основаніи данныхъ земско-статистическаго сборника, относящихся къ 1882 году) размѣры надбавки доходятъ до 13%. Принимая во вниманіе, что разсматриваемая ошибка съ теченіемъ времени по мѣрѣ дробленія надѣловъ у многоземельныхъ крестьянъ неминуемо должна уменьшаться, и уменьшаться съ тѣмъ большей быстротой, что въ многоземельныхъ общинахъ ростъ населенія особенно силенъ, мы можемъ для настоящаго времени принять размѣры поправки равными 10% валовой площади земли, необходимой для надѣленія всего населенія по принятой нормѣ; мы рискуемъ при этомъ скорѣе преувеличить размѣры потребной въ дѣйствительности площади, нежели преуменьшить ихъ.

Что касается необходимости выдѣлять въ составѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ различныя «мѣстности» съ разными нормами высшихъ надѣловъ, то при помощи сельско-статистическихъ сборниковъ для нѣкоторыхъ уѣздовъ можно было бы справиться и съ этимъ затрудненіемъ. Но для этого потребовалась бы чрезвычайно сложная счетная работа; между тѣмъ результаты подсчетовъ были бы крайне неточны въ виду необходимости пользоваться данными земской статистики все же лишь для пропорціональнаго распредѣленія по уѣздныхъ итоговъ статистики правительственной. Въ виду указанныхъ соображеній я отказался отъ внесенія этой поправки и полагалъ въ основаніе выкладокъ наивысшій размѣръ высшаго надѣла, какой встрѣчается въ предѣлахъ даннаго уѣзда. При такомъ способѣ подсчета размѣры прирѣзки, несомнѣнно, по нѣкоторымъ уѣздамъ и губерніямъ получаются значительно преувеличенные. Такъ, по Камышинскому уѣзду, Саратовской губерніи, распадающемуся на двѣ мѣстности— съ нормою въ 4,5 дес. и въ 6 дес., при разсчетѣ на норму въ 4,5 дес. прирѣзка составитъ лишь 73 тысячи десятинъ, при разсчетѣ на норму въ 6 десятинъ прирѣзка составитъ около 225 тысячъ десятинъ; въ первомъ случаѣ прирѣзка свободно покрывается внѣнадѣльными землями, не принадлежащими частнымъ лицамъ; во второмъ случаѣ приходится захватить одну треть частнаго землевладѣнія. Еще рѣзче разница по Васильевскому уѣзду, Нижегородской губерніи, распадающемуся на три мѣстности—съ нормами высшаго надѣла въ 3,5 дес., 4 дес. и 5 дес. Если принять здѣсь для всего уѣзда норму въ 5 десятинъ, то потребуется для дополнительнаго надѣленія 156 съ небольшимъ тысячъ десятинъ, и обнаружится недостача земли; 156 тысячъ десятинъ не наберется, если даже экспропріировать всю частную собственность въ уѣздѣ. Если же ограничиться низшей нормой въ 3,5 десятины, то на прирѣзку потребуется лишь 65 тысячъ десятинъ, и можно будетъ оставить не-

тронутыми двѣ трети частнаго землевладѣнія. Я, тѣмъ не менѣе, рѣшился этимъ источникомъ ошибокъ пренебречь, имѣя въ виду, что при столь неточныхъ выкладкахъ, какъ тѣ, къ которымъ приходится прибѣгать, возможны вообще лишь выводы a fortiore, и доказательство имѣетъ силу лишь, если вкрадывающіяся въ число ошибки измѣняютъ входящія въ разсужденіе числа въ смыслѣ неблагопріятномъ для конечнаго вывода. Распространяя на весь уѣздъ наиболѣе высокую норму, я сознательно преувеличиваю затрудненія, которыя отводъ дополнительныхъ надѣловъ могъ бы встрѣтить на практикѣ. Такимъ образомъ, при оцѣнкѣ приводимыхъ ниже данныхъ не слѣдуетъ забывать, что размѣры прирѣзки, мною полученные, скорѣе выше чѣмъ ниже тѣхъ, какіе установились бы въ дѣйствительности.

Описанные пріемы вычисленія были примѣнены къ даннымъ по десяти губерніямъ Европейской Россіи (см. приложеніе), именно къ губерніямъ Воронежской, Калужской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской (примѣнительно къ даннымъ, приводимымъ въ цитированной выше статьѣ г. Серебрякова), Тульской. Лишь въ одной изъ этихъ десяти губерній, Полтавской, обнаружилось, что для надѣленія земледѣльческаго населенія до нормъ высшаго надѣла 19 февраля 1861 г. потребовалось бы сверхъ внѣнадѣльныхъ земель, не принадлежащихъ частнымъ собственникамъ, привлечь болѣе двухъ третей, именно 76%, площади частновладѣльческихъ земель. Здѣсь, слѣдовательно, реформа примѣнительно къ схемѣ, положенной въ основу выкладокъ, могла бы быть проведена не иначе, какъ подъ условіемъ эмиграціи нѣкоторой доли земледѣльческаго населенія за черту губерніи. Въ остальныхъ десяти губерніяхъ недостатка земель не встрѣтилось бы. Сравнительно мало благопріятно положеніе губерній Орловской, Курской, и Рязанской, въ которыхъ пришлось бы привлечь къ надѣленію малоземельныхъ отъ двухъ пятыхъ до половины частновладѣльческихъ земель. Въ губерніяхъ Тульской, Воронежской, Нижегородской, Орловской на долю частнаго землевладѣнія могло бы быть оставлено отъ двухъ третей до четырехъ пятыхъ его настоящей площади; въ губерніи Калужской пришлось бы отчуждать менѣе одной шестой части земель, принадлежащихъ частнымъ собственникамъ; въ губерніи Новгородской весь спросъ могъ бы быть покрытъ за счетъ казенныхъ лѣсовъ. Безъ отвода въ значительныхъ размѣрахъ лѣсныхъ площадей нельзя было бы обойтись въ губерніяхъ Нижегородской и Новгородской; но въ этихъ мѣстностяхъ отводъ лѣса въ надѣлъ врядъ ли могъ бы встрѣтить возраженія. Что касается губерній черноземныхъ, то въ нихъ можно было бы лѣсовъ почти и не затрагивать.

Если отъ погубернскихъ итоговъ обратиться къ даннымъ по отдѣльнымъ уѣздамъ, то картина получается, разумѣется, болѣе отчетливая.

Въ четырехъ уѣздахъ, оказывается, не хватило бы площади всей удобной внѣнадѣльной земли для того, чтобы произвести отводъ дополнительныхъ надѣловъ до нормы высшаго надѣла 1861 года: это уѣзды Васильевскій и Сергачскій, Нижегородской губерніи, Роменскій Полтавской губерніи и Скопинскій Рязанской губерніи. Въ 26 уѣздахъ всей земли хватило бы, но пришлось бы отчуждать болѣе двухъ третей площади частнаго землевладѣнія. Изъ этихъ 30 уѣздовъ часть населенія, слѣдовательно, пришлось бы выселять, если придерживаться той схемы, которая положена въ основаніе вычисленій. Но въ большинствѣ случаевъ дальнихъ переселеній не потребовалось бы, и достаточно было бы перемѣщенія въ предѣлахъ губерніи. Изъ числа остальныхъ 91 уѣздовъ, въ которыхъ дополнительное надѣленіе не встрѣтило бы препятствія въ недостаткѣ земель, въ 80 уѣздахъ не потребовалось бы для этой цѣли привлекать болѣе половины частновладѣльческой площади, а въ 50 уѣздахъ, т. е. въ 38% всего числа разсмотрѣнныхъ уѣздовъ, было бы возможно оставить въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ даже болѣе трехъ четвертей принадлежащей имъ въ настоящее время земли. Одними прирѣзками безъ переселеній нельзя было бы, конечно, обойтись и въ этихъ уѣздахъ; но здѣсь все сводилось бы къ разселенію въ предѣлахъ довольно тѣсныхъ районовъ. Установить точнѣе, въ какой мѣрѣ неизбѣженъ былъ бы переносъ хозяйства на новыя мѣста, могли бы лишь разсчеты, пріуроченные къ болѣе мелкимъ территоріальнымъ единицамъ— къ волостямъ и группамъ волостей. Для полнаго же разрѣшенія вопроса необходимъ былъ бы конкретный планъ распредѣленія надѣльнаго и внѣнадѣльнаго землевладѣнія по районамъ въ связи съ учетомъ возможныхъ отрѣзокъ и необходимыхъ прирѣзокъ по опредѣленнымъ владѣніямъ и поселкамъ.

Приведенныя данныя не могутъ, разумѣется, претендовать на точность. Было бы весьма желательно, чтобы лица и учрежденія, располагающія болѣе свѣжими, детальными и точными матеріалами, произвели болѣе тонкіе разсчеты и дали намъ менѣе гадательную картину тѣхъ перемѣнъ въ распредѣленіи земельной собственности, которыя были бы вызваны отводомъ дополнительныхъ надѣловъ нуждающимся земледѣльцамъ до той или иной нормы *). Тѣмъ не менѣе, результаты произведен-

*) Въ предположеніи, что надѣлъ отводится цѣлому обществу, было бы достаточно для этой цѣли подсчитать отдѣльно для обществъ съ надѣломъ ниже нормы число душъ мужского пола (или ѣдоковъ, при разсчетѣ надѣла на ѣдока) и площадь удобной надѣльной земли; вычитая площадь надѣла изъ произведенія числа душъ на принятую норму, можно было бы вполнѣ точно опредѣлить площадь земли, которая потребовалась бы для отвода дополнительныхъ надѣловъ. Чѣмъ мельче брать при этомъ территоріальныя единицы, тѣмъ, конечно, богаче содержаніемъ выводъ. Весьма существенно было бы принять въ соображеніе количество купчихъ земель, въ осо-

ныхъ мною вычисленій, несмотря на всю ихъ неполноту и приблизительность, позволяютъ сдѣлать выводъ, что для надѣленія нуждающихся земледѣльцевъ до нормъ высшихъ и указныхъ надѣловъ Положеній 19 февраля 1861 г. земли въ Европейской Россіи хватитъ и останется еще не мало на долю частныхъ собственниковъ. Принимая во вниманіе, что примѣненными мною пріемами вычисленія площадь прирѣзки во многихъ случаяхъ преувеличена, и иногда весьма значительно, я рѣшаюсь даже утверждать, что нормы могли бы быть замѣтно повышены, а недостатка земли все же не обнаружилось бы, тѣмъ болѣе, что признаніе неприкосновенною одной трети частновладѣльческихъ земель, независимо отъ размѣровъ владѣнія, не имѣя за себя никакихъ раціональныхъ основаній даже съ точки зрѣнія охраны частнаго землевладѣнія, совершенно произвольно сократило въ нашихъ выкладкахъ размѣры земельнаго фонда, за счетъ котораго могъ бы быть произведенъ отводъ дополнительныхъ надѣловъ.

А. А. Чупровъ.

бенности тѣхъ изъ нихъ, которыя пріобрѣтены обществами и товариществами. Земли эти уже перешли въ руки мелкихъ земледѣльцевъ, и наличность ихъ можетъ сильно измѣнить картину предстоящихъ перемѣнъ; исходя изъ цѣлей реформы, мы собственно должны были бы совсѣмъ не принимать во вниманіе тѣ дворы, которые владѣютъ большимъ противъ нормы количествомъ купчей земли, но, конечно, въ то же время не считать и ихъ землю. Насколько это обстоятельство существенно, видно изъ данныхъ по Саратовской губерніи, приводимыхъ г. Серебряковымъ: въ Саратовской губерніи площадь земель, купленныхъ крестьянскими обществами и товариществами, составляетъ $^2/_3$ той доли прирѣзки, которая падаетъ при произведенныхъ мною подсчетахъ на внѣнадѣльныя частновладѣльческія земли. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что учесть вліяніе наличности купчихъ земель на размѣры перемѣнъ въ распредѣленіи земельной собственности можно съ полной точностью лишь на основаніи подворныхъ данныхъ; простое же причисленіе къ надѣлу площади земель, купленныхъ даже товариществами, не говоря уже объ единоличныхъ покупкахъ, неизбѣжно повело бы къ значительному преуменьшенію количества земли, дѣйствительно потребнаго для прирѣзки, такъ какъ купчая земля распредѣляется крайне неравномѣрно. Равнымъ образомъ, необходимо было бы отправляться отъ подворныхъ данныхъ и при всякомъ болѣе точномъ разсчетѣ площади прирѣзки, опирающемся на предположеніе, что субъектомъ надѣленія является отдѣльное хозяйство: вмѣсто группы обществъ съ недостаточнымъ надѣломъ надо было бы выдѣлить группу дворовъ, обезпеченныхъ землею ниже принятой нормы, и для нихъ подсчитать какъ число душъ, такъ и количество принадлежащей земли.

Таблицы къ статьѣ А. А. Чупрова.

Объясненія къ таблицамъ.

Столбецъ I. Число наличныхъ душъ мужского пола крестьянъ въ уѣздѣ безъ городовъ по всеобщей переписи населенія 1897 г.

» II. Высшій надѣлъ по Положенію 19 февраля 1861 г.

» III. Произведеніе I на II.

» IV. Площадь удобныхъ надѣльныхъ земель.

» V. Площадь удобныхъ внѣнадѣльныхъ частновладѣльческихъ земель по земельной статистикѣ 1887 г.

» VI. Площадь прочихъ удобныхъ внѣнадѣльныхъ земель.

» IV, V, VI подъ чертой—площадь подъ лѣсомъ.

» VII. Разность III и IV.

» VIII. VII съ надбавкой 10% отъ III, площадь, потребная для отвода дополнительныхъ надѣловъ.

» IX. Разность VIII и VI въ процентномъ отношеніи къ V, процентъ частновладѣльческой удобной земли, отходящей къ крестьянамъ въ предположеніи, что все населеніе мѣстности получаетъ дополнительные надѣлы за счетъ земель, лежащихъ въ предѣлахъ данной территоріальной единицы.

(См. на оборотѣ).

ВОРОНЕЖСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Воронежскій.	91463	3,25	297255	288305	126411	42042	8950	38675	0
				14409	17012	31064			
Бирюченскій.	91997	3	275991	234709	110520	12214	41282	68881	51
				14476	16559	8690			
Бобровскій.	135711	3,5	474988	353118	365563	40057	121870	169369	35
				9932	20580	13961			
Богучарскій.	148944	3,5	521304	690256	123939	17790	—	52130	28
				27041	5559	268			
Валуйскій.	89141	3,25	289708	240967	120556	12564	48741	77711	54
				14241	6182	4794			
Задонскій.	53999	3	161997	145640	52417	10683	16357	32557	41
				16001	8476	5210			
Землянскій.	92754	3	278262	246264	114140	4351	31998	59824	49
				13588	4226	109			
Коротоякскій.	71963	3	215839	273504	26912	1122	—	21589	38
				23215	985	6491			
Нижнедѣвицкій.	79462	3	238386	249759	47573	7070	—	23839	35
				19339	2679	3804			
Новохоперскій.	90481	4	361924	303266	148841	64969	58658	94850	13
				23716	15035	23116			
Острогожскій.	124703	3,5	436460	411173	237208	23562	25287	68933	19
				13869	16136	13169			
Павловскій.	72116	3	216348	235414	79917	36470	—	21635	0
				12781	7922	25896			
Итого.	1142764	—	3768512	3672365	1553697	283014	353143	729993	28,8
				202858	121352	137372			

КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Калужскій.	27202	3 1/4	88407	80349	89909	11092	8058	16899	6
				9888	28670	1242			
Боровскій.	16714	3 1/4	54321	83051	50412	3134	—	5432	5
				14680	29570	1032			
Жиздринскій.	102087	4	408348	282055	191084	167808	126293	167128	0
				35100	120944	54651			
Козельскій.	50236	3 1/4	163267	121355	83317	26110	41912	58239	39
				12811	37801	21143			
Лихвинскій.	38126	3 1/4	123910	86902	71016	23401	37008	49399	37
				8593	38528	16241			
Малоярославскій.	13005	3 1/4	43266	68664	43370	3548	—	4327	2
				16196	25625	1560			
Медынскій.	38047	4	152188	167600	138407	5978	—	15219	7
				16953	70530	1687			
Мещовскій.	37179	3 1/4	120832	129167	97225	5639	—	12083	7
				10420	31172	570			
Масальскій.	63628	4	254512	212115	132521	14738	42397	67848	40
				21971	72643	9753			
Перемышльскій.	24425	3 1/4	79381	66877	66250	8718	12504	20442	18
				4592	26317	2846			
Гарусскій.	21536	3 1/4	69992	73634	56167	2510	—	6999	8
				9326	29750	453			
Итого.	432185	—	1558424	1371769	1019678	272676	268172	424015	14,8
				162173	537354	114087			

КУРСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Курскій.	68514	2,75	188414	191264	92646	10836	—	18841	9
				12578	8227	2124			
Бѣлгородскій.	70972	2,75	195173	161453	78523	12902	33720	53287	51
				11562	9735	6976			
Грайворонскій.	82051	2,75	225640	182068	81040	5522	43572	66136	75
				11675	17629	895			
Дмитріевскій.	56757	3,5	198649	137232	125650	8201	61417	81282	58
				4705	26014	4000			
Корочанскій.	72726	2,75	199997	194153	43417	29124	5844	25844	0
				9710	3181	18143			
Льговскій.	59832	2,75	164538	106871	113907	6280	57667	74121	60
				3894	21748	2900			
Новооскольскій.	74619	2,75	205202	178941	89215	7595	26261	46781	44
				14123	10103	4745			
Обоянскій.	81349	3	244047	257148	63792	7035	—	24405	27
				22923	9780	2821			
Путивльскій.	74106	2,75	203792	110282	113097	6228	93510	113839	95
				3081	16095	2089			
Рыльскій.	72124	2,75	198341	107753	127350	5568	90538	110422	82
				3127	14547	702			
Старооскольскій.	62225	2,75	171119	166417	85656	7889	4702	21814	16
				9391	7250	5835			
Суджанскій.	63599	2,75	174897	163515	70522	6665	11382	28872	31
				14651	9769	2231			
Тимскій.	63157	2,75	205260	207933	91051	4272	—	20526	18
				8615	5109	2057			
Фатежскій.	56494	2,75	155359	16488	66771	4932	—	15536	16
				6433	5443	982			
Щигровскій.	67152	2,75	184668	163734	123599	4484	20934	39401	28
				2588	6802	453			
Итого.	1025677	—	2915096	2493452	1366236	127533	449597	741107	44,9
				139036	171432	56913			

НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Нижегородскій	57318	4,5	257931	187914 13254	103802 52693	6381 1761	70017	95810	86
Ардатовскій	61769	3,5—4,5	277960	150287 9169	238744 160582	123407 109854	127673	155469	19
Арзамасскій	56110	3,5—5	234440	188454 13559	88407 28035	44661 36322	35986	58430	15
Балахнинскій	63058	3,5—4,5	283761	128709 13912	128771 108224	69607 66109	155052	183428	88
Васильскій	55415	3,5—4—5	277075	148181 10154	116246 76955	28425 13370	128861	156599	110
Горбатовскій	58667	4	234668	136395 10065	137925 76955	15955 13370	98273	121740	79
Княгининскій	45265	4	181060	143761 6728	101168 20733	8244 1323	37299	55405	47
Лукояновскій	93859	3,25	305042	284044 37651	109677 34850	105617 83564	20998	51502	0
Макарьевскій	54683	4—5	273415	155032 18813	173768 146030	269357 258176	118383	145724	0
Семеновскій	53886	5	269439	234677 35294	78822 71664	226020 199489	34753	61696	0
Сергачскій	82242	3,25	267286	163281 7146	102429 20817	16709 9962	104005	130734	111
Итого	651533	—	2852038	1920738 175775	1379759 768592	913373 799132	931330	1216537	22,0

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Новгородскій	75487	5,5	415178	305468 58992	207971 154905	201272 172766	109710	151228	0
Боровичскій	61180	5,5	336490	215838 51540	428064 297585	41463 33314	120652	154301	26
Бѣловерскій	35999	7	251993	150542 78254	598015 568390	303748 293957	101451	126650	0
Валдайскій	39910	5,5	219505	196219 70132	179639 116136	49217 42142	23286	45237	0
Демянскій	35395	6	212370	171063 23795	174851 136562	30508 22888	41307	62544	18
Кирилловскій	52115	7	364805	248079 72386	165308 155691	60740 592931	116726	163207	0
Крестецкій	44224	5,5	243232	197426 45100	246048 207720	183037 166100	45806	70129	0
Старорусскій	80617	5,5	443393	401188 33366	112914 73657	180798 150351	42205	86544	0
Тихвинскій	41605	5,5	228827	286212 85716	727197 645461	173789 154985	42615	65498	0
Устюженскій	43671	6	262026	145300 52514	550493 485533	112848 104887	116726	142929	5
Череповецкій	68648	5,5	377564	259857 66619	280972 217076	115257 111388	117707	155463	14
Итого	578851	—	3355383	2477192 638415	3671475 3058716	1994277 1845509	878191	1213730	—

ОРЛОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Орловскій	62652	3	187956	152571	94779	11514	35385	54181	45
				3484	7546	2310			
Болховскій	52708	3—3½	184478	112543	98985	6748	71935	90383	84
				2045	14023	574			
Брянскій	81658	4½	367461	163369	196856	228538	204092	240838	6
				20867	130797	212823			
Дмитровскій	45927	3—4	183708	100979	102205	2552	82729	101100	96
				4912	32293	364			
Елецкій	109233	3	327699	260538	155978	13715	67161	99931	55
				12169	15649	2550			
Карачевскій	56066	3—4	224264	136461	110840	24394	86803	110229	77
				5579	33944	17869			
Кромскій	47078	3—3½	164773	120035	64464	4859	44738	61215	87
				3080	8314	122			
Ливенскій	126542	3	379626	321486	156871	7887	58140	96102	56
				5928	10516	507			
Малоархангельскій	77317	3	231951	192811	118880	4380	39140	62335	49
				2062	7652	210			
Мценскій	42165	3—3½	147578	92309	102973	5071	55269	70027	63
				3358	12708	786			
Сѣвскій	66494	4	265976	170520	120322	30764	95456	122054	76
				8387	48582	17833			
Трубчевскій	58545	4	234180	152268	151684	147302	81912	105330	0
				12345	92897	121210			
Итого	826385	—	2899650	1975890	1474857	487724	923760	1213725	49,3
				84216	414921	377238			

ПОЛТАВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Полтавскій	80814	2³/₄	222239	127684 4230	143723 14760	6776 3009	94555	116779	77
Гадячскій	62930	2³/₄	173058	112346 5742	82023 8371	3826 1690	60712	78018	90
Зенковскій	61198	2³/₄	168295	103774 10170	85623 11747	3614 863	65521	82350	92
Золотоношскій	100465	2³/₄	276279	166929 5276	162049 10755	18702 2057	108250	135878	77
Кобелякскій	96273	2³/₄	264751	182020 7655	118671 4675	3548 118	82731	109206	89
Константиновскій	109256	3,5	382396	186727 3914	323880 5628	11390 480	195669	233909	69
Кременчугскій	80846	2³/₄	222327	141846 4363	221664 3752	4210 1704	80481	102714	81
Лохвицкій	66210	2³/₄	182078	121226 5833	89128 9014	5488 1614	60852	79060	88
Лубенскій	59726	2³/₄	164247	111231 4549	75769 4077	7218 3135	53016	69441	82
Миргородскій	68474	2³/₄	188304	113574 5690	98277 8716	2777 141	74730	93560	92
Переяславскій	76375	2³/₄	210031	188658 9847	131094 25010	14183 8284	21373	42376	22
Пирятинскій	72364	2³/₄	199001	119585 2453	146001 4013	2587 87	79416	99316	66
Прилуцкій	80723	2³/₄	221988	138795 6421	117383 14074	6977 2217	83193	105392	84
Роменскій	76746	2³/₄	211052	128280 6085	87077 11888	4159 670	82792	103897	115
Хорольскій	77950	2³/₄	214363	126654 1978	148276 2986	2332 17	87709	109145	72
Итого	1170350	—	3300409	2069409 84106	1920638 139466	97787 26086	1231000	1561041	76,2

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Рязанскій	73780	$2^3/_4$—$3^1/_2$	258230	159129 20137	164471 77938	34814 27745	99101	124924	55
Данковскій	43748	$2^3/_4$	120307	127350 4119	89156 4990	4661 413	—	12031	8
Егорьевскій	58305	$3^1/_4$	189501	144261 28167	93292 65835	55281 46685	45240	64190	10
Зарайскій	44776	$2^3/_4$—3	134328	125253 20332	77012 21756	8094 3135	9075	22508	19
Касимовскій	66493	4	265972	224795 31222	195955 96010	53435 43475	41177	67774	7
Михайловскій	63320	$2^3/_4$	174130	156337 1437	93363 6651	3624 51	17793	35206	34
Пронскій	44828	$3^3/_4$	168105	111934 4746	100495 6812	3227 32	56171	72981	69
Ранненбургскій	64159	$2^3/_4$	176437	165252 6021	100282 5727	8123 2581	11185	28829	21
Ряжскій	56777	$2^3/_4$	131137	121296 3430	129638 19503	4868 877	9841	22955	14
Сапожковскій	70454	$3^1/_4$—$3^3/_4$	269203	176978 12121	169208 41756	16497 7844	87225	113645	57
Скопинскій	75388	$3^3/_4$	282705	170192 4873	63960 4266	6235 783	112513	140783	210
Спасскій	67743	$3^1/_2$—$3^3/_4$—4	270972	175360 23920	123311 58653	26043 18076	95612	122709	77
Итого	729771	—	2436027	1858137 160325	1400143 409900	226908 151697	584933	828535	43,0

ТУЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
Тульскій	43326	2 3/4	119147	86644 5044	86663 27099	33963 25876	32503	94418	12
Алексинскій	27201	3 1/4	88403	86230 7676	75327 25076	5028 1130	2173	11013	8
Богородицкій	68241	2 3/4	187663	150796 1967	112280 8083	5149 496	36867	55633	45
Бѣлевскій	30053	3—3 1/4	97672	75627 4042	71653 20835	6272 1349	22046	31813	36
Веневскій	43033	3	129099	109055 1590	95007 11126	6684 365	20044	32954	28
Епифанскій	50118	2 3/4	137825	101596 383	103676 5003	2256 1	36228	50010	46
Ефремовскій	74700	2 3/4	205425	185604 5965	162621 9146	6555 270	19821	40364	21
Каширскій	25206	3	75618	80209 2376	82690 14095	5642 379	—	7562	2
Крапивенскій	43255	3	129765	94167 898	87653 5613	4737 150	35598	48575	50
Новосильскій	64713	3	194139	170330 5872	115085 11727	3734 262	23309	42723	34
Одоевскій	37614	3—3 1/4	122246	87692 4457	92401 23002	15458 10308	34554	46779	34
Чернскій	46698	3	140094	109950 1844	142444 13332	3598 243	30144	44153	28
Итого	554158	—	1627097	1338400 42144	1227500 174135	99076 40829	293287	455997	29,7

САРАТОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

По даннымъ изъ статьи г. Серебрякова „Землевладѣніе въ Саратовской губерніи и степень обезпеченности крестьянъ землей".

УѢЗДЫ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
	въ 1901 г.			въ тысячахъ десятинъ.					
Саратовскій	88306	4	353224	256,0	310,4	141,9	97,2	132,5	0
Аткарскій	135204	4,5	608418	476,3	556,3	112,0	132,1	192,9	15
Балашевскій	140211	4,5	630949	457,0	513,5	69,8	173,9	237,0	32
Вольскій	77296	4,5	347832	247,5	191,9	61,0	100,3	135,1	39
Камышинскій	162052	4,5—6	972312	844,1	93,8	194,0	128,2	225,4	33
Кузнецкій	76104	4	304416	222,9	161,2	86,6	81,5	111,9	16
Петровскій	106989	4,5	481450	350,6	269,4	43,7	130,8	178,9	50
Сердобскій	101215	4,5	455467	279,4	350,7	25,3	176,1	221,6	56
Хвалынскій	92467	4,5	416101	349,1	108,4	91,7	67,0	108,6	16
Царицынскій	35974	7	251818	325,5	102,9	217,4	—	25,2	0
Итого	1015818	—	4821987	3808,5	2658,5	1043,6	1087,1	1567,3	19,7

ПОЗЕМЕЛЬНО-УСТРОИТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И ИХЪ ЗАДАЧИ ПРИ ПРОВЕДЕНІИ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ ВЪ РОССІИ *).

Аграрная реформа, потребность въ которой въ настоящее время столь неотложно у насъ ощущается, должна заключать въ себѣ сложный комплексъ разнообразныхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью улучшеніе юридическаго и хозяйственнаго положенія нашего сельскаго населенія. Для того, чтобы послужить дѣйствительнымъ средствомъ излѣченія нашихъ аграрныхъ недуговъ, эти мѣропріятія должны будутъ внести коренныя измѣненія въ установившіяся отношенія, затрогивая при этомъ многіе важные интересы. Ясно, что для успѣшнаго ихъ проведенія необходимы будутъ особыя поземельно-устроительныя учрежденія, доста-

*) Литература по вопросамъ, разсматриваемымъ въ настоящей статьѣ, весьма обширна. Мы укажемъ здѣсь лишь на нѣкоторыя важнѣйшія сочиненія, которыми намъ пришлось воспользоваться при ея составленіи. Организаціи прусскихъ генеральныхъ комиссій посвящена часть книжки *Glatzel*, Die Preussische Agrargesetzgebung, Rückblick und Ausblick. Berlin 1895. Болѣе подробныя данныя читатель найдетъ въ классическомъ сочиненіи *Lette und Sönne*, Die Landeskulturgesetzgebung des Preussischen Staates, три тома. Berlin, 1853; къ сожалѣнію, свѣдѣнія здѣсь доведены только до начала 1850-хъ годовъ. О прусскихъ рентныхъ имѣніяхъ см. *Sering*, Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland, Leipzig, 1893 (Schriften des Vereins für Socialpolitik, LVI); *Martineit*, Das preussische Rentengutsgesetz vom 7 Juli 1891, als Mittel zur Besserung der landwirtschaftlichen Bezitz—und Arbeitsverhältnisse, Berlin, 1893; *Соболевъ*, Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи, Москва, 1898, гл. VIII (Поселенческія и рентныя имѣнія, стр. 249—302), а также статьи „Preussisches Ansiedelungsgesetz für Posen und Westpreussen", Innere Kolonisation" и „Rentengüter" въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (всѣ эти три статьи принадлежатъ перу проф. *Зеринга*). Объ арендномъ законодательствѣ въ Англіи и Шотландіи см. *Chavée*, Proprietaires et fermiers en Angleterre, Louvain 1903 (Bibliothèque de l'École des sciences politiques et sociales de Louvain). Объ аграрномъ законодательствѣ Ирландіи см. *Macdevitt*, A manual of the irish land acts of 1870 and 1881, Dublin, 1881; *Мануиловъ*, Аренда земли въ Ирландіи. Москва, 1895, стр. 232—309; статья *Bonn*, Die irische Agrarfrage въ Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik, XX Band, 3 Heft, Tübingen 1905, стр. 554—610; оффиціальное изданіе ирландскаго закона 1903 г. (Irish Land Act., 1903, 3 Edw. 7. Ch. 37).

точно авторитетныя и подготовленныя для такой отвѣтственной задачи. Поэтому вопросъ объ этихъ учрежденіяхъ, о ихъ возможномъ составѣ и о характерѣ ихъ дѣятельности пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе. Разсмотрѣніе этого предмета и составляетъ задачу настоящей статьи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы остановимся на вопросѣ о томъ, желательно ли у насъ учрежденіе особыхъ органовъ для проведенія аграрной реформы на основаніи тѣхъ принциповъ, которые были высказаны въ предыдущихъ статьяхъ настоящаго сборника, и каковы должны быть устройство и функціи этихъ органовъ. При этомъ мы постараемся воспользоваться опытомъ нѣкоторыхъ другихъ государствъ, главнымъ образомъ Пруссіи и Ирландіи *). Мы начнемъ наше изложеніе съ разсмотрѣнія прусскихъ «генеральныхъ комиссій». Изучивъ ихъ функціи, мы постараемся выяснить, насколько эти или подобныя имъ функціи должны будутъ осуществляться при проведеніи аграрной реформы у насъ; далѣе мы разсмотримъ тѣ добавочныя функціи, которыя должны будутъ быть выполнены у насъ въ сравненіи съ Пруссіей, при чемъ попутно будемъ имѣть случай коснуться аграрныхъ учрежденій Ирландіи, а отчасти и Великобританіи. Наконецъ, въ заключеніе мы постараемся набросать общую картину дѣятельности, предстоящей подобнымъ органамъ у насъ, и сдѣлаемъ нѣсколько предположеній относительно ихъ возможной организаціи.

Учрежденіями для осуществленія задачъ поземельнаго устройства въ Пруссіи являются такъ называемыя *генеральныя комиссіи* (Generalkommissionen), возникшія въ началѣ XIX в. въ связи съ освободительными реформами Штейнъ-Гарденбергской эпохи. Первоначально эти комиссіи были введены въ качествѣ учрежденій временныхъ, имѣвшихъ цѣлью регулированіе отношеній между помѣщиками и крестьянами; но постепенно на нихъ стали возлагаться все новыя и новыя задачи, кругъ ихъ вѣдомства все болѣе и болѣе расширялся, и такимъ образомъ, изъ учрежденій временныхъ онѣ мало-по-малу превратились въ постоянныя.

Генеральныя комиссіи—учрежденія коллегіальныя: каждая изъ нихъ состоитъ изъ предсѣдателя и не менѣе четырехъ членовъ, среди которыхъ большая половина должна состоять изъ юристовъ, имѣющихъ право на занятіе судейскихъ должностей (zum Richteramte qualificirte Rechtskundige), но обладающихъ въ то же время и свѣдѣніями по сельскому хозяйству; остальные члены должны быть спеціалистами въ области теоріи и практики сельскаго хозяйства, имѣющими, однако, тѣ юридическія свѣдѣнія, которыя необходимы для производства подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ.

*) Краткость имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи времени, въ связи съ отсутствіемъ достаточно подробныхъ источниковъ, побудили насъ совершенно исключить изъ нашего изложенія Австралію.

Мѣстными органами генеральныхъ комиссій, подготовляющими рѣшенія послѣднихъ на мѣстахъ и приводящими ихъ въ исполненіе, являются такъ называемые *спеціальные комиссары*. Эти лица набираются частью изъ судебныхъ асессоровъ, соотвѣтствующихъ нашимъ старшимъ кандидатамъ на судебную должность, частью изъ агрономовъ. Однако, и здѣсь проводится тотъ принципъ, на который мы указали выше по отношенію къ членамъ генеральныхъ комиссій: чтобы получить право самостоятельно исполнять обязанности спеціальныхъ комиссаровъ, асессоры должны пріобрѣсти необходимыя сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, а агрономы путемъ особой подготовительной службы — необходимыя юридическія познанія.

Для объединенія дѣятельности всѣхъ генеральныхъ комиссій существуетъ *„высшій судъ по дѣламъ земельной культуры“* (Ober-Landeskulturgericht) въ Берлинѣ, распространяющій свою дѣятельность на всю Пруссію. Это учрежденіе состоитъ изъ одного предсѣдателя и не менѣе восьми членовъ, при чемъ всѣ эти лица должны быть знакомы съ сельско-хозяйственною наукою, а большая ихъ половина должны имѣть право на занятіе высшихъ судейскихъ должностей (zum höheren Richteramte qualificirt). Кромѣ того, правительство придерживается правила замѣщать должности членовъ высшаго суда наиболѣе опытными и свѣдущими членами генеральныхъ комиссій, и при томъ по возможности такими, которые служили въ разныхъ частяхъ Пруссіи. Этимъ стараются обезпечить правильный составъ коллегіи.

Важнѣйшимъ предметомъ вѣдомства генеральныхъ комиссій является то, что въ Пруссіи принято называть Auseinandersetzung. Въ переводѣ на русскій языкъ этотъ терминъ означаетъ разверстаніе интересовъ, сталкивающихся при проведеніи правительственныхъ мѣропріятій въ области аграрнаго законодательства, и установленіе размѣровъ и способа удовлетворенія сторонъ.

Прусское законодательство уже задолго до эпохи Штейнъ-Гарденбергскихъ реформъ принимало разнообразныя мѣры, относящіяся къ области «разверстанія интересовъ». Однако, эти мѣры носили болѣе или менѣе разрозненный характеръ, и поэтому для приведенія ихъ въ исполненіе не существовало спеціальныхъ органовъ: всякій разъ, когда было нужно (какъ, напр., при производствѣ раздѣловъ общинныхъ земель и т. д.), это дѣло возлагалось на особыхъ «экономическихъ комиссаровъ», подчиненныхъ надзору обыкновенныхъ судовъ. Изданные въ 1811 году эдикты (Regulirungsedikt, ликвидировавшій отношенія между помѣщиками и крестьянами, и Landeskulturedikt, предписывавшій рядъ мѣропріятій въ области земельной культуры) ставили передъ государственной властью цѣлый рядъ новыхъ весьма важныхъ задачъ, внося въ то же время систему и послѣдовательность въ осуществленіе тѣхъ функцій, которыя до

эдиктовъ носили болѣе или менѣе случайный характеръ. Для всего этого необходимы были особые органы съ спеціальной подготовкой не только въ области юридическихъ и административныхъ знаній, но и въ области сельскаго хозяйства. Такіе органы и предусматривались эдиктами. Съ одной стороны въ § 59 Regulirungsedikt'a для регулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами предписывалось во всѣхъ провинціяхъ учредить генеральныя комиссіи, составъ и порядокъ дѣятельности которыхъ былъ опредѣленъ инструкціей 17 октября 1811 г. Такъ какъ регулированіе отношеній между помѣщиками и крестьянами предполагалось закончить весьма быстро, то генеральныя комиссіи, какъ разсчитывали тогда, должны были просуществовать лишь недолгое время. Совершенно иной характеръ должны были носить тѣ органы, на которые предполагалось возложить проведеніе въ жизнь остальныхъ частей реформы. Согласно Landeskulturedikt'у, въ каждой губерніи (Regierungsbezirk) *), въ качествѣ органовъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго управленія, должны были быть учреждены особыя коллегіи сельской экономіи (Landesökonomiekollegien) съ весьма широкой компетенціей. На нихъ предполагалось возложить мѣры по содѣйствію земельной культурѣ, производство раздѣловъ общинныхъ земель, управленіе государственными доменами и лѣсами и ихъ отчужденіе и, наконецъ, сельско-хозяйственную и лѣсную полицію, съ изъятіемъ всѣхъ этихъ дѣлъ изъ круга вѣдѣнія губернскихъ правленій (Regierungen). Въ противоположность генеральнымъ комиссіямъ эти коллегіи должны были быть учрежденіями постоянными, дѣятельность которыхъ также регламентировалась упомянутой выше инструкціей.

Однако этотъ планъ осуществился лишь отчасти. Коллегіи сельской экономіи были учреждены въ одной только Восточной Пруссіи, послѣ чего мысль о ихъ созданіи была оставлена, и, согласно инструкціи губернскимъ правленіямъ 1817 г., всѣ возложенные на коллегіи предметы вѣдомства были вновь переданы губернскимъ правленіямъ. Между тѣмъ этотъ порядокъ вскорѣ оказался неудобнымъ, и отъ него пришлось отказаться, когда выяснилось, что проведеніе дальнѣйшихъ важныхъ аграрныхъ мѣропріятій потребовало иныхъ силъ, чѣмъ тѣ, которыми располагали губернскія правленія. Но гдѣ же было найти эти силы, и кому было передать эти отвѣтственныя функціи? Наиболѣе подготовленными и компетентными для того органами были генеральныя комиссіи. Послѣднія обладали всѣми нужными для правильнаго разверстанія интересовъ свѣдѣніями какъ юридическими и административными, такъ и сельско-хозяйственными; кромѣ того, у нихъ долженъ былъ накопиться тотъ пра-

*) Прусскія провинціи дѣлятся на Regierungsbezirke, близко подходящіе къ нашимъ губерніямъ. Общее число ихъ для всей Пруссіи составляетъ 35. Мѣстнымъ органомъ правительства въ губерніи является губернское правленіе (Regierung).

ктическій опытъ, безъ котораго трудная задача проведенія аграрныхъ мѣропріятій не могла бы быть успѣшно проведена. Наконецъ, въ распоряженіи генеральныхъ комиссій находился цѣлый штатъ землемѣровъ и спеціалистовъ по меліораціямъ, а равно и персоналъ опытныхъ, хорошо подготовленныхъ топографовъ. Вполнѣ понятно поэтому, что по мѣрѣ появленія новыхъ задачъ, и при томъ не только въ той области, которую мы назвали разверстаніемъ интересовъ, эти задачи стали возлагаться на генеральныя комиссіи. Такъ, законами 1821 и 1850 гг. на генеральныя комиссіи были возложены всѣ дѣла по раздѣлу общинныхъ земель и отмѣнѣ полевыхъ и иныхъ сервитутовъ, съ изъятіемъ этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія губернскихъ правленій; закономъ 1872 г. на нихъ было возложено приведеніе въ исполненіе мѣръ, направленныхъ противъ чрезполосности; законами 1890 и 1891 гг. имъ былъ порученъ надзоръ по учрежденію такъ называемыхъ рентныхъ имѣній и т. д. Такимъ образомъ, кругъ вѣдомства генеральныхъ комиссій все болѣе расширялся, и въ настоящее время предметы вѣдомства ихъ весьма многочисленны и разнообразны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссіи вполнѣ вошли въ составъ постоянныхъ административныхъ учрежденій Пруссіи *).

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ функціяхъ, когда-либо возлагавшихся на генеральныя комиссіи, и разсмотримъ только тѣ изъ нихъ, которыя представляются наиболѣе интересными и важными для задачъ настоящей статьи. Сюда относятся: 1) регулированіе отношеній между помѣщиками и крестьянами; 2) раздѣлъ общинныхъ земель и отмѣна сервитутовъ; 3) устраненіе чрезполосности путемъ соединенія мелкихъ полосъ въ болѣе крупные участки, и 4) образованіе рентныхъ имѣній.

Мы остановимся на каждой изъ этихъ функцій въ отдѣльности.

1) Отмѣна крѣпостного права и установленіе личной свободы для крестьянскаго населенія были провозглашены въ Пруссіи эдиктомъ 1807 года. Въ дополненіе къ нему въ 1811 году были изданы упомянутые уже выше два эдикта: Regulirungsedikt и Landeskulturedikt. Согласно первому изъ нихъ всѣ крестьянскія земли, не находившіяся въ собственности крестьянъ, за немногими лишь исключеніями, должны были перейти въ ихъ собственность съ взаимнымъ справедливымъ награжденіемъ за всѣ лежавшія на этихъ земляхъ права и обязанности. Однако вскорѣ послѣ того приведенное постановленіе подверглось су-

*) Первоначально, какъ мы видѣли, генеральныя комиссіи должны были быть введены въ каждой провинціи, но фактически это не было выполнено, и въ настоящее время на 12 прусскихъ провинцій учреждено всего 8 комиссій, изъ которыхъ двѣ имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи по двѣ провинціи (Ганноверъ и Шлезвигъ-Голштинія, Бранденбургъ и Померанія), а одна даже цѣлыхъ три провинціи (Восточная Пруссія, Западная Пруссія и Познань).

щественнымъ ограниченіямъ: декларація 1816 г. значительно сузила кругъ подлежавшихъ регулированію крестьянъ, исключивъ изъ ихъ числа обширную массу мелкихъ такъ называемыхъ ласситовъ, исполнявшихъ въ пользу помѣщиковъ только пѣшія работы, а равно и нѣкоторыя другія категоріи крестьянскаго населенія. Что касается тѣхъ крестьянскихъ земель, которыми крестьяне владѣли на правѣ собственности, то отмѣна лежавшихъ на этихъ земляхъ реальныхъ повинностей какъ барщинныхъ, такъ и денежныхъ и иныхъ, была проведена лишь закономъ 1821 г. о раздѣлѣ общинныхъ земель и отмѣнѣ полевыхъ сервитутовъ. Однако и на этотъ разъ реформа коснулась не всѣхъ крестьянъ, обладавшихъ правами собственниковъ, но лишь тѣхъ изъ нихъ, которые производили въ пользу помѣщика конныя работы: мелкіе крестьяне, исполнявшіе только пѣшія работы, остались и здѣсь внѣ круга подлежавшихъ регулированію крестьянъ.

Такъ обстояло дѣло до 1850 г., когда послѣ революціи 1848 г. освободительное законодательство Пруссіи получило свое окончательное завершеніе. Изданные въ 1850 г. законы имѣли важное значеніе въ трехъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, они значительно раздвинули кругъ крестьянскихъ земель, подлежавшихъ передачѣ крестьянамъ въ собственность: къ числу этихъ земель были вновь отнесены исключенныя изъ нихъ въ 1816 г. категоріи, главнымъ образомъ земли мелкихъ ласситовъ*). Съ другой стороны, законы 1850 г. заполнили тотъ пробѣлъ, который оставался послѣ закона 1821 г., и распространили отмѣну реальныхъ повинностей и на тѣ мелкіе пѣшіе дворы, которые до того были отъ нея изъяты. Наконецъ, законодательствомъ 1850 года была принята еще одна важная мѣра въ пользу крестьянъ, а именно для облегченія выкупа реальныхъ повинностей были учреждены особыя выкупныя учрежденія, такъ называемые рентные банки (Rentenbanken), которые въ формѣ особыхъ цѣнныхъ бумагъ (Rentenbriefe) выплачивали помѣщикамъ капитальную цѣнность отмѣняемыхъ повинностей, за что въ теченіе ряда лѣтъ должны были получать отъ крестьянъ выкупные платежи, т. е. проценты и погашеніе.

Итакъ, мы видимъ, что регулированіе отношеній между помѣщиками и крестьянами, которое сначала думали закончить въ короткій срокъ, затянулось на многіе годы. Уже по этой причинѣ генеральныя комиссіи должны были просуществовать гораздо дольше, чѣмъ первоначально ду-

*) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что эта часть законодательства 1850 г. пришла слишкомъ поздно: значительное число крестьянскихъ дворовъ, подлежавшихъ регулированію согласно новому постановленію, за время съ 1816 г. по 1855 гг. успѣло исчезнуть, такъ какъ декларацією 1816 г. въ широкой мѣрѣ было допущено присоединеніе этихъ дворовъ къ господской землѣ. Шмоллеръ полагаетъ, что этимъ путемъ погибло болѣе 100.000 дворовъ.

мали. Въ настоящее время эта задача комиссій можетъ считаться почти исчерпанной, и если теперь у нихъ остается еще небольшое число незаконченныхъ дѣлъ, то это не болѣе какъ единичные остатки старыхъ отношеній, сохранившіеся по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ.

2) Второй функціей генеральныхъ комиссій являются работы по раздѣлу общинныхъ земель и по отмѣнѣ или ограниченію вредныхъ культурѣ сервитутовъ.

Раздѣлъ общинныхъ земель и отмѣна сервитутовъ были произведены на территоріи прусскаго государства въ весьма широкихъ размѣрахъ и составили одну изъ важнѣйшихъ функцій генеральныхъ комиссій. Дѣятельность послѣднихъ на этомъ поприщѣ принесла значительную пользу и, нѣтъ сомнѣнія, явилась одной изъ причинъ наблюдавшагося въ теченіе XIX в. подъема сельскаго хозяйства въ Пруссіи. Эта польза, признаваемая всѣми авторитетами въ области сельско-хозяйственной экономіи, обусловливалась прежде всего устраненіемъ многихъ путъ, сильно стѣснявшихъ сельскаго хозяина и не давшихъ ему достаточной самостоятельности при веденіи хозяйства. Съ другой стороны, работы по раздѣлу общинныхъ земель и отмѣнѣ сервитутовъ были полезны и въ томъ отношеніи, что связывались съ мѣрами противъ чрезполосности и съ производствомъ разныхъ улучшеній, какъ-то: регулированія дорогъ и прогоновъ для скота, устройства водопоевъ, проведенія осушительныхъ канавъ, постройки плотинъ и т. д., при чемъ всѣ эти улучшенія, по желанію сторонъ, могли оставаться въ вѣдѣніи генеральныхъ комиссій и послѣ окончанія раздѣла*).

3) Дальнѣйшею функціей генеральныхъ комиссій является приведеніе въ исполненіе мѣръ противъ чрезполосности. Какъ извѣстно, чрезполосность на извѣстной ступени развитія сельскаго хозяйства представляетъ изъ себя крупное зло, почему, напр., въ Германіи для борьбы съ нею признается необходимымъ государственное вмѣшательство. Вызываемыя послѣднимъ мѣропріятія, носящія общее названіе Flurbereinigung, можно раздѣлить на двѣ группы. Болѣе радикальныя ставятъ себѣ цѣлью соединеніе мелкихъ полевыхъ полосъ въ болѣе крупные участки: это

*) Впрочемъ, за послѣднее время все болѣе раздается одно возраженіе, носящее, однако, не экономическій, но соціало-политическій характеръ: а именно указываютъ, что при проведеніи раздѣла общинныхъ земель и отмѣны сервитутовъ въ недостаточной мѣрѣ были приняты во вниманіе интересы мелкихъ владѣльцевъ (Häusler) и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ (Einlieger). Послѣдніе нерѣдко участвовали въ общинномъ пользованіи, не имѣя на то права, и поэтому при раздѣлѣ не получили ничего; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда они получали извѣстное количество земли или денегъ, это не могло служить имъ полнымъ эквивалентомъ за потерянныя ими права. Вотъ почему, напр., въ настоящее время въ Пруссіи стараются не только не уничтожать, но поддерживать и даже вновь создавать нѣкоторые виды общинныхъ угодій.

есть такъ называемое Zusammenlegung (соединеніе полосъ). Понятно, что при проведеніи этой мѣры стремятся одновременно достигнуть такого положенія полевыхъ дорогъ, при которомъ каждый участокъ становился бы доступнымъ его хозяину безъ права проѣзда черезъ сосѣдніе участки. Менѣе радикальныя мѣропріятія задаются только проведеніемъ полевыхъ дорогъ, какъ самостоятельнымъ мѣропріятіемъ, безъ уменьшенія самой чрезполосицы.

Мѣры, принятыя въ Пруссіи, относятся къ первой категоріи. Идеалъ, къ которому стремится соединеніе полосъ, состоитъ въ полномъ округленіи владѣній, носящемъ въ Германіи названіе Vereinödung или Abbauten, т. е. въ достиженіи такого состоянія, при которомъ вся принадлежащая къ данному владѣнію земля сосредоточивалась бы въ одномъ участкѣ вокругъ двора. Этотъ путь ведетъ къ замѣнѣ деревенской формы разселенія системой одиночныхъ дворовъ. Однако, для такой замѣны требуется не только обмѣнъ полосъ между владѣльцами, но и снесеніе всѣхъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ и возведеніе ихъ на новомъ мѣстѣ: поэтому проведеніе этой мѣры связано съ большими затрудненіями и встрѣчается лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія (она была примѣнена въ Шлезвигъ-Голштиніи, Даніи, Швеціи, въ нѣкоторыхъ южногерманскихъ общинахъ, а также въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Пруссіи). По общему правилу законодательство ставило и ставитъ себѣ болѣе скромную задачу, а именно способствовать соединенію полосъ въ одинъ или нѣсколько участковъ безъ перенесенія построекъ и безъ уничтоженія прежней формы разселенія, тѣмъ болѣе что этой мѣры вполнѣ достаточно для устраненія главныхъ неудобствъ, вытекающихъ изъ чрезполосности. Въ этой же формѣ мы встрѣчаемъ соединеніе полосъ (Zusammenlegung) и въ Пруссіи.

Соединеніе полосъ въ болѣе крупные участки, какъ мѣра борьбы съ чрезполосностью, предусматривалась въ законѣ 1821 г. о раздѣлѣ общинныхъ земель и отмѣнѣ сервитутовъ. Однако, она здѣсь разсматривалась не какъ самостоятельная операція, но допускалась лишь въ связи съ отмѣной какого-либо совмѣстнаго пользованія. Между тѣмъ, начиная съ середины XIX вѣка, она стала производиться настолько регулярно при всякомъ раздѣлѣ общинныхъ земель, что въ концѣ-концовъ сдѣлалась какъ бы главною цѣлью, съ какою стороны принимались за раздѣлъ или за отмѣну сервитутовъ. Такимъ образомъ было ясно, что потребность въ соединеніи полосъ и убѣжденіе въ цѣлесообразности этой мѣры получили широкое распространеніе. Поэтому въ 1872 году былъ изданъ законъ, коимъ соединеніе полосъ было допущено и въ качествѣ совершенно самостоятельнаго мѣропріятія, служащаго средствомъ борьбы съ чрезполосностью. Этотъ законъ имѣлъ особенно важное значеніе для Силезіи и Вестфаліи, гдѣ во многихъ мѣстахъ либо вовсе не

было совмѣстнаго пользованія угодьями, либо въ свое время былъ произведенъ раздѣлъ общинныхъ земель безъ одновременнаго соединенія полосъ. Дѣятельность генеральныхъ комиссій въ борьбѣ ихъ съ чрезполосностью была не менѣе полезною, чѣмъ дѣятельность ихъ въ области раздѣла общинныхъ земель и устраненіе вредныхъ сервитутовъ. Въ обоихъ случаяхъ генеральныя комиссіи оказали одинаково важное вліяніе на подъемъ прусскаго сельскаго хозяйства.

Вся совокупность операцій, разсмотрѣнныхъ нами подъ пп. 2 и 3, согласно терминологіи старо-прусскаго права, соединяется подъ однимъ общимъ терминомъ Gemeinheitsteilung (что въ точномъ переводѣ значитъ раздѣлъ общинныхъ земель). Въ противоположность регулированію отношеній между помѣщиками и крестьянами, которое, какъ мы видѣли, уже почти закончено, работы по производству Gemeinheitsteilungen находятся въ Пруссіи еще въ полномъ разгарѣ, хотя это имѣетъ мѣсто въ неодинаковой степени въ различныхъ частяхъ страны. Такъ, къ концу 1893 г. во всѣхъ 8-ми генеральныхъ комиссіяхъ производилось около 2,000 дѣлъ, относившихся къ этой категоріи, при чемъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ число такихъ дѣлъ даже росло. Но эти дѣла касались въ большинствѣ случаевъ уже не раздѣла общинныхъ земель, но имѣли цѣлью соединеніе полосъ въ болѣе крупные участки для устраненія чрезполосности.

4. Въ 1870 годахъ въ Пруссіи начало пробивать себѣ путь стремленіе къ насажденію мелкаго крестьянскаго сельскаго хозяйства. Въ 1880-хъ и 1890-хъ годахъ это стремленіе нашло и практическое осуществленіе, выразившееся въ изданіи нѣсколькихъ посвященныхъ этому вопросу законовъ. Мы разумѣемъ законъ 1886 г. о поселенческихъ имѣніяхъ и законы 1890 и 1891 гг. о рентныхъ имѣніяхъ.

Первый изъ этихъ законовъ, хотя и не чуждый соціально-политическихъ замысловъ, преслѣдовалъ, однако, по преимуществу національно-политическія цѣли. Для противодѣйствія преобладанію польской національности въ восточныхъ частяхъ Пруссіи и для усиленія въ нихъ нѣмецкаго вліянія, законъ предписывалъ принять мѣры для поселенія нѣмецкихъ крестьянъ и рабочихъ въ двухъ прусскихъ провинціяхъ: Западной Пруссіи и Познани. Эти мѣры должны состоять въ покупкѣ имѣній правительствомъ, главнымъ образомъ, изъ рукъ польскихъ землевладѣльцевъ; купленныя имѣнія разбиваются на мелкіе участки (въ среднемъ въ 10—15 гект.), которые затѣмъ либо сдаются нѣмецкимъ уроженцамъ въ аренду, либо перепродаются имъ въ качествѣ рентныхъ имѣній или въ полную собственность. Въ распоряженіе правительства для цѣлей указанной колонизаціи была предоставлена, и при томъ безъ процентовъ, сумма въ 100 милл. марокъ; когда затѣмъ въ концѣ 1890-хъ

гг. эта сумма оказалась исчерпанной, то въ 1898 г. къ ней были прибавлены новые 100 милл. марокъ.

Если законъ 1886 г. преслѣдовалъ главнымъ образомъ національно-политическія цѣли, то законы 1890 и 1891 гг. ставили себѣ уже только соціально-политическія задачи. Закономъ 1890 г. для *всей* Пруссіи былъ введенъ новый видъ поземельной собственности, впервые введенный, но только для двухъ восточныхъ провинцій, закономъ 1886 г., а именно такъ называемыя рентныя имѣнія. Подъ рентными имѣніями разумѣются такія поземельныя владѣнія, предназначенныя для сельско-хозяйственнаго пользованія, при пріобрѣтеніи которыхъ въ собственность покупатель обязуется ежегодно уплачивать опредѣленную денежную ренту, которая, однако, по желанію каждой изъ сторонъ или обѣихъ сторонъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть выкуплена. Законъ 1890 г. предоставлялъ основаніе рентныхъ имѣній добровольному соглашенію частныхъ лицъ, и едва ли получилъ бы сколько-нибудь значительное примѣненіе, если бы вслѣдъ за нимъ не былъ изданъ законъ 1891 г. о содѣйствіи учрежденію рентныхъ имѣній со стороны государства. Сущность новаго закона заключалась въ томъ, что правительство чрезъ посредство рентныхъ банковъ приходило на помощь своимъ кредитомъ тѣмъ изъ собственниковъ рентныхъ имѣній, которые хотѣли выкупить послѣднія. Рентный банкъ удовлетворялъ прежняго собственника рентными листами (Rentenbriefe), взамѣнъ чего новый собственникъ долженъ былъ ежегодно уплачивать рентному банку ренту, заключающую въ себѣ какъ процентъ, такъ и погашеніе. Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго собственника, кредиторомъ новаго собственника становилось государство.

Для осуществленія приведенныхъ законовъ правительству необходимо было имѣть соотвѣтствующіе органы. Что касается насажденія нѣмецкаго землевладѣнія въ двухъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, то для цѣлей этой колонизаціи была учреждена особая «поселенческая комиссія для Западной Пруссіи и Познани» (Ansiedelungskommission für Westpreussen und Posen) въ гор. Познани. Эта комиссія состоитъ изъ оберъ-президента соотвѣтствующей провинціи, изъ комиссаровъ, назначенныхъ (по одному) министромъ-президентомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, министромъ финансовъ, министромъ сельскаго хозяйства, государственныхъ имуществъ и лѣсовъ и министромъ духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и народнаго здравія, и, наконецъ, изъ другихъ членовъ, назначаемыхъ королемъ на три года. Комиссія пріобрѣтаетъ имѣнія, разбиваетъ ихъ на участки (при чемъ часть земли оставляетъ подъ школы, церкви, дома для бѣдныхъ и т. д.) и затѣмъ либо распродаетъ эти участки, либо раздаетъ ихъ въ аренду. Но этимъ дѣятельность комиссіи не ограничивается. Давая свой кредитъ для учрежденія мелкихъ поселенческихъ имѣній, правительство въ то же время налагаетъ извѣст-

ныя ограниченія на ихъ владѣльцевъ: послѣдніе не могутъ, напр., безконтрольно дѣлить имѣніе или отчуждать части его; они должны заботиться о сохраненіи хозяйственной самостоятельности имѣнія путемъ поддержанія находящихся на немъ построекъ въ хорошемъ состояніи, сохраненія инвентаря на извѣстномъ уровнѣ и т. д. Надзоръ за соблюденіемъ всѣхъ этихъ ограниченій и обязанностей также лежитъ на комиссіи.

Между тѣмъ учрежденіе рентныхъ имѣній по законамъ 1890 и 1891 гг. распространялось на всю Пруссію. Создавать для этой цѣли новые органы представлялось неудобнымъ, и поэтому необходимо было среди существующихъ учрежденій найти такія, которымъ это дѣло могло бы быть поручено. Наиболѣе пригодными для этой цѣли были, конечно, генеральныя комиссіи; на нихъ законъ и остановилъ свое вниманіе. При этомъ на генеральныя комиссіи были возложены двоякаго рода функціи. Во-первыхъ, согласно § 12 закона 1891 г., по ходатайству одной изъ участвующихъ сторонъ, самое основаніе рентнаго имѣнія можетъ быть произведено при посредничествѣ генеральной комиссіи. Въ этомъ случаѣ комиссія принимаетъ всѣ тѣ мѣропріятія, которыя необходимы для основанія имѣнія: она производитъ межеваніе, опредѣляетъ выкупную сумму, величину ежегодныхъ рентъ и всѣ прочія условія договора, принимая въ соображеніе желанія сторонъ; затѣмъ, по заключеніи и утвержденіи договора, она препровождаетъ его въ управленіе ипотечныхъ книгъ для внесенія въ эти книги, дѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ рентныхъ листовъ продавцу и т. д. Далѣе, отъ генеральной комиссіи зависитъ въ этомъ случаѣ рѣшеніе вопроса о необходимости постройки жилого дома для рентнаго имѣнія и о мѣстѣ этой постройки.

Во-вторыхъ, генеральная комиссія выступаетъ въ качествѣ посредствующей инстанціи и въ тѣхъ случаяхъ, когда собственникъ уже существующаго рентнаго имѣнія хочетъ приступить къ выкупу его съ помощью рентнаго банка. Въ этомъ случаѣ комиссія изслѣдуетъ представляемыя ей просьбы о выкупѣ, заботится о томъ, чтобы выкупная сумма была достаточно обезпечена и т. д. Далѣе, въ этомъ случаѣ на комиссію ложится наблюденіе за тѣмъ, чтобы собственникъ имѣнія, впредь до окончанія срока выкупа, соблюдалъ всѣ тѣ обязанности и ограниченія, которыя на него возлагаются закономъ, какъ поддержаніе хозяйственной самостоятельности имѣнія, сохраненіе его площади, поддержаніе построекъ и инвентаря въ извѣстномъ видѣ и т. д.

Генеральныя комиссіи сыграли очень важную роль въ дѣлѣ насажденія рентныхъ имѣній. Хотя, какъ мы видѣли, онѣ только въ тѣхъ случаяхъ участвуютъ при самомъ учрежденіи имѣній, когда о томъ поступаетъ къ нимъ просьба отъ одной изъ сторонъ, на практикѣ почти всѣ основанныя до настоящаго времени рентныя имѣнія возникли при

посредничествѣ генеральныхъ комиссій; по словамъ профессора Соболева, это объясняется тѣмъ, что «для землевладѣльцевъ удобнѣе и выгоднѣе всего предоставить веденіе дѣла генеральной комиссіи и получить за отчуждаемую землю не право на ежегодную ренту, а наличный капиталъ».

Приведемъ въ заключеніе еще нѣсколько статистическихъ данныхъ о поселенческихъ и рентныхъ имѣніяхъ. На основаніи законовъ 1886, 1890 и 1891 гг. къ концу 1899 г. всего было учреждено 12,700 рентныхъ имѣній съ площадью въ 180,000 гектаровъ. Изъ этого общаго числа согласно закону 1886 г. было основано 3616 имѣній съ площадью въ 80,000 гектаровъ, а согласно законамъ 1890—1891 гг.—9078 имѣній съ площадью въ 101,000 гектаровъ. Изъ послѣдняго числа (9078) безъ участія рентныхъ банковъ возникло всего только 603 имѣнія съ площадью въ 6838 гектаровъ. Эти цифры не поражаютъ своими размѣрами; но здѣсь имѣетъ значеніе не только количественная, но и качественная сторона дѣла, а въ этомъ отношеніи дѣятельность прусскихъ генеральныхъ комиссій можетъ считаться организованной превосходно. Мало того, чтобы нарѣзать извѣстное количество земли и образовать изъ него крестьянскій дворъ, необходимо, чтобы этотъ вновь созданный дворъ былъ жизнеспособенъ и съ самаго начала былъ поставленъ въ благопріятныя условія съ точки зрѣнія хозяйства и техники; а для этого необходимы многія подготовительныя работы, требующія значительнаго опыта, вниманія и сноровки. Въ этомъ отношеніи дѣятельность генеральныхъ комиссій и должна быть признана образцовою и могла бы послужить хорошимъ примѣромъ для нашего крестьянскаго банка, обращающаго на указанную сторону далеко слишкомъ мало вниманія. Что же касается размѣровъ работы, то нѣкоторые нѣмецкіе ученые высказываютъ увѣренность, что сдѣланное до настоящаго времени представляетъ изъ себя только начало обширной преобразовательной работы, которой еще принадлежитъ крупное будущее.

Разсмотрѣвъ главныя функціи генеральныхъ комиссій, мы сдѣлаемъ теперь краткій очеркъ того порядка производства дѣлъ, который въ нихъ принятъ.

Первоначально порядокъ производства былъ предоставленъ усмотрѣнію самихъ комиссій. Затѣмъ въ 1817 г. была издана инструкція, опредѣлившая порядокъ производства спеціально для дѣлъ, касающихся регулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами. Инструкція эта, въ основныхъ ея чертахъ, дѣйствуетъ и донынѣ, при чемъ постановленія ея постепенно были распространены и на другіе предметы вѣдомства комиссій. Послѣднее обстоятельство имѣло очень важное и благотворное значеніе: регулированіе отношеній между помѣщиками и крестьянами желали по возможности ускорить, а поэтому и введенный въ

1817 г. порядокъ производства отличался отсутствіемъ формальностей, быстротой и дешевизной. Этими чертами порядокъ производства дѣлъ въ генеральныхъ комиссіяхъ характеризуется и до настоящаго времени.

Дѣла въ генеральныхъ комиссіяхъ начинаются лишь по ходатайству сторонъ; но разъ дѣло начато, комиссія ex officio должна продолжать его веденіе до конца. Производство каждаго изъ подлежащихъ разсмотрѣнію комиссій дѣлъ поручается одному изъ комиссаровъ. Послѣдній на мѣстѣ входитъ въ переговоры съ заинтересованными лицами, принимаетъ мѣры для выясненія фактическихъ и юридическихъ условій даннаго дѣла, производитъ необходимыя подготовительныя работы, какъ-то: разнаго рода осмотры, оцѣнки и т. д., и на основаніи всѣхъ собранныхъ матеріаловъ составляетъ планъ разверстанія интересовъ. Этотъ планъ, по утвержденіи со стороны генеральной комиссіи, представляется сторонамъ. Если послѣднія его принимаютъ, комиссаръ приводитъ его въ исполненіе, а затѣмъ составляетъ особый документъ, такъ называемый Recess, который заключаетъ въ себѣ подробныя данныя о ходѣ дѣла и его результатахъ. Этотъ документъ также утверждается генеральной комиссіей. Возникающіе при производствѣ дѣла споры, отъ того или другого разрѣшенія которыхъ зависитъ дальнѣйшій ходъ дѣла, разсматриваются генеральной комиссіей, которая при этомъ выступаетъ въ качествѣ судебной инстанціи; въ этомъ случаѣ комиссаръ долженъ подготовить судебное рѣшеніе посредствомъ переговоровъ со сторонами и собиранія доказательствъ. То же самое комиссаръ долженъ сдѣлать, если постановленіе генеральной комиссіи будетъ обжаловано въ высшій судъ по дѣламъ земельной культуры въ Берлинѣ *).

Хотя комиссаръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ находится подъ постояннымъ наблюденіемъ со стороны комиссіи, ему предоставлена весьма значительная свобода и самостоятельность. Большое значеніе придается тому, чтобы дѣла рѣшались по возможности полюбовнымъ соглашеніемъ сторонъ. На это и должны быть направлены всѣ старанія комиссаровъ: ведя непосредственныя сношенія съ сторонами, выступая передъ послѣдними съ хорошо обдуманными предложеніями, соотвѣтствующими какъ мѣстнымъ условіямъ, такъ и взаимнымъ отношеніямъ сторонъ, давая сторонамъ всѣ нужныя фактическія и юридическія разъясненія и не будучи въ то же время связаны излишними формальностями, комиссары многое могутъ сдѣлать для приведенія дѣла къ справедливому и разум-

*) Для всѣхъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства генеральныхъ комиссій, Oberlandeskulturgericht является послѣдней инстанціей, рѣшенія которой окончательны. Только по такимъ дѣламъ, которыя могли бы служить предметомъ спора и безъ „разверстанія интересовъ“ и которыя въ этомъ случаѣ подлежали бы разсмотрѣнію въ обычномъ судебномъ порядкѣ, рѣшенія Oberlandeskulturgericht могутъ быть обжалованы въ высшій имперскій судъ (Reichsgericht).

ному исходу. Лишь при отсутствіи полюбовнаго соглашенія между сторонами комиссаръ самъ вырабатываетъ планъ, который онъ и представляетъ сторонамъ. Если планъ принимается послѣднимъ, и дѣло обходится просто; если же нѣтъ — оно переходитъ на судебное разсмотрѣніе генеральной комиссіи.

Описанный порядокъ успѣшно примѣняется и при производствѣ дѣлъ, касающихся рентныхъ имѣній, хотя эти дѣла имѣютъ мало общаго съ «разверстаніемъ интересовъ». Однако, и здѣсь требуется авторитетное содѣйствіе со стороны компетентнаго, незаинтересованнаго учрежденія, стремящагося примирить коллизирующіе интересы, устранить возникающіе споры и въ то же время руководящагося въ своей дѣятельности общественнымъ интересомъ. Описанный порядокъ, лишенный ненужныхъ формальностей, быстрый и дешевый, оказался для этого въ высшей степени пригоднымъ.

Заканчивая нашъ обзоръ прусскихъ генеральныхъ комиссій, укажемъ въ заключеніе, что эти учрежденія, какъ показываетъ болѣе чѣмъ 80-лѣтній опытъ ихъ дѣятельности, блестяще сумѣли справиться со всѣми возлагавшимися на нихъ дѣлами и сумѣли заслужить всеобщее признаніе, несмотря на всю сложность этихъ дѣлъ и на ту массу серьезныхъ и при томъ часто противоположныхъ интересовъ. Впрочемъ, и до настоящаго времени не всѣ дѣла, касающіяся земельной культуры, возложены на генеральныя комиссіи, и въ этомъ нѣкоторые видятъ важный недостатокъ прусской системы правительственныхъ учрежденій: въ то время какъ министерство сельскаго хозяйства существуетъ въ Пруссіи уже съ 1848 г., до сихъ поръ въ ней нѣтъ такихъ мѣстныхъ органовъ, которымъ была бы поручена забота о всей совокупности касающихся сельскаго хозяйства дѣлъ. Вотъ почему нѣкоторые (какъ, напримѣръ, Глатцель) и считали бы желательнымъ такое расширеніе функцій генеральныхъ комиссій, при которомъ онѣ дѣйствительно сдѣлались бы мѣстными органами сельско-хозяйственнаго управленія.

Обратимся теперь къ изученію тѣхъ предметовъ вѣдомства генеральныхъ комиссій, которые могли были бы быть возложены на подобныя учрежденія у насъ. При этомъ въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться того порядка, въ которомъ мы только что разсмотрѣли функціи генеральныхъ комиссій. Мы постараемся выяснить: 1) насколько эти или подобныя имъ функціи должны будутъ войти въ кругъ дѣлъ нашихъ поземельно-устроительныхъ учрежденій, и 2) какія добавочныя функціи должны будутъ быть возложены на эти учрежденія при проведеніи у насъ аграрной реформы.

1) Обращаясь прежде всего къ первой изъ функцій генеральныхъ комиссій—регулированію отношеній между помѣщиками и крестьянами, мы должны замѣтить, что эта функція у насъ также отпадаетъ, какъ

она и для Пруссіи можетъ считаться почти исчерпанной. Правда, у насъ и въ настоящее время имѣется еще одно остающееся отъ временъ крѣпостного права наслѣдіе—выкупные платежи. Однако, мы думаемъ, что отмѣна этихъ платежей является неотложной необходимостью, а вмѣстѣ съ ними падетъ и послѣдній остатокъ крѣпостного права. Если же, напротивъ того, выкупные платежи не будутъ отмѣнены, то съ ними придется считаться какъ нашему аграрному законодательству, такъ и тѣмъ учрежденіямъ, которыя будутъ приводить его въ исполненіе.

2) Что касается второй функціи генеральныхъ комиссій — раздѣла общинныхъ земель и отмѣны сервитутовъ, то въ томъ видѣ, какъ эта функція существуетъ въ Пруссіи, она у насъ, поскольку дѣло идетъ объ общинной Россіи, не могла бы, конечно, найти мѣста. Тѣмъ не менѣе, однако, и при наличности общиннаго владѣнія раздѣлъ общинныхъ земель представлялся бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимымъ. Прежде всего онъ необходимъ въ случаѣ такъ называемыхъ *сложныхъ общинъ*, т. е. когда нѣсколько общинъ совмѣстно владѣютъ нѣкоторыми угодьями, какъ-то: лѣсами, сѣнокосами и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что разверстаніе между этими общинами представляется весьма желательнымъ, такъ какъ совмѣстное владѣніе ведетъ къ многимъ спорамъ. Далѣе, раздѣлъ общинныхъ земель представляется необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда совершается *переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному*. Но здѣсь раздѣлъ будетъ носить совершенно особый характеръ. Относительно тѣхъ угодій, для которыхъ и при подворномъ владѣніи будетъ сохранено совмѣстное пользованіе (какъ-то: лѣса, выгоны и т. д.), необходимъ не раздѣлъ въ натурѣ, но только установленіе долей участія каждаго изъ членовъ общины; лишь относительно угодій, находящихся въ раздѣльномъ пользованіи, потребуется также и отводъ въ натурѣ. Дѣломъ законодательства будетъ точно установить порядокъ, въ которомъ всѣ связанныя съ переходомъ къ подворному владѣнію дѣйствія должны будутъ производиться; весьма возможно, что они будутъ предоставлены самой общинѣ, и что на поземельно-устроительное учрежденіе будетъ возложенъ лишь общій надзоръ, а равно и разрѣшеніе тѣхъ разногласій, которыя при производствѣ дѣла возникнутъ въ средѣ самой общины.

Понятно, что въ обоихъ случаяхъ,—какъ при разверстаніи сложныхъ общинъ, такъ и при переходѣ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному,—съ указанными дѣйствіями могутъ быть связаны мѣропріятія по проведенію сельско-хозяйственныхъ улучшеній, а равно и регулированіе разныхъ сервитутовъ, какъ-то: прогона скота, водопоя и т. д.

Все сказанное до сихъ поръ касается общинной Россіи. Если мы затѣмъ обратимся къ подворной Россіи, то въ нѣкоторыхъ частяхъ ея, какъ, напр., въ западномъ краѣ, для поземельно-устроительныхъ учре-

жденій открывается обширное поприще, при чемъ здѣсь ихъ дѣятельность въ осуществленіи разсматриваемой функціи была бы весьма близка къ аналогической дѣятельности прусскихъ генеральныхъ комиссій. Въ особенности поземельно-устроительныя учрежденія могли бы сыграть здѣсь важную роль въ области отмѣны сервитутовъ, нерѣдко составляющихъ въ разсматриваемой части Россіи крупное сельско-хозяйственное зло.

3) Что касается третьей функціи генеральныхъ комиссій—борьбы съ чрезполосностью, то при общинномъ владѣніи распредѣленіе полосъ въ полѣ зависитъ отъ общины, которая при каждомъ передѣлѣ можетъ вводить новое распредѣленіе и по своему усмотрѣнію принимать мѣры противъ чрезполосности. Поэтому для общинной Россіи эта функція генеральныхъ комиссій отпадаетъ; но зато въ тѣхъ частяхъ подворной Россіи, въ которыхъ сохранилась чрезполосность, какъ, напримѣръ, въ западномъ краѣ, эта функція могла бы быть съ успѣхомъ возложена на поземельно-устроительныя учрежденія и у насъ. Что потребность въ мѣрахъ противъ чрезполосности существуетъ и въ нашемъ западномъ краѣ, показываютъ многочисленныя попытки, произведенныя тамъ за послѣднее время въ этомъ направленіи по частной иниціативѣ *).

Однако въ общинной Россіи на поземельно-устроительныя учрежденія должны будутъ быть возложены функціи, хотя и не совпадающія съ прусскими Zusammenlegungen, но все же по задачамъ и цѣли близкія къ нимъ. Изъ такихъ функцій мы укажемъ на двѣ.

Однимъ изъ обстоятельствъ, часто вредящихъ нашему сельскому хозяйству, является *крупный размѣръ поселеній и связанная съ нимъ отдаленность полей отъ усадебъ*. Извѣстно, какое важное значеніе для доходности сельскаго хозяйства имѣетъ разстояніе полей отъ центра хозяйства. По разсчетамъ извѣстнаго экономиста Тюнена, поземельная рента имѣнія, расположеннаго въ Мекленбургѣ и обладающаго пашней въ 200 дес., при предположеніи урожая самъ-десять составляла 964 талера при среднемъ разстояніи полей отъ усадьбы въ 550 саженъ; при разстояніи 1100 саж. она падала до 721 талера, при разстояніи въ 2200 саж.—до 255 талеровъ, а при разстояніи въ 2800 саж. она превращалась въ 0 **). Поэтому, чѣмъ многолюднѣе поселеніе, чѣмъ

---

*) См. объ этомъ любопытную брошюру *А. А. Кофодъ*. „Опыты самостоятельнаго перехода крестьянъ къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ надѣльной земли". СПБ., 1904 г. (отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Имп. Русскаго Географическаго Общества", томъ XL, вып. I), а также работу того же автора „Крестьянскіе хутора" (СПБ., 1905 г.), изданную Выс. Утв. Особымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

*) I. H. von Thünen, Der isolirte Staat, 3 Auflage, Berlin, 1875 г., т. I, стр. 92 и слѣд.

больше пространство принадлежащей ему земли, и чѣмъ дальше поля расположены отъ усадебъ, тѣмъ невыгоднѣе это для сельскаго хозяйства. Между тѣмъ въ нашей черноземной полосѣ случаи, когда разстояніе полей вредно отражается на сельскомъ хозяйствѣ, встрѣчаются довольно часто. Въ особенности на югѣ и юго-востокѣ у насъ встрѣчаются громадныя селенія съ многими сотнями, а иногда и съ нѣсколькими тысячами дворовъ, въ которыхъ пашня даннаго крестьянина отстоитъ отъ его усадьбы на нѣсколько десятковъ верстъ. При такихъ условіяхъ и правильное веденіе хозяйства становится невозможнымъ: нельзя, напримѣръ, удобрять землю, когда приходится возить навозъ на такое разстояніе. Единственнымъ средствомъ противъ этого зла представляется разселеніе крестьянъ: необходимо, чтобы часть жителей крупныхъ поселеній выселилась и образовала новыя поселенія въ разныхъ частяхъ принадлежащей такимъ крупнымъ поселеніямъ земли. Между тѣмъ подобное разселеніе всегда наталкивается на большія трудности и поэтому не такъ легко. Для его осуществленія необходима съ одной стороны ломка существующихъ поземельныхъ отношеній; далѣе, необходимо перенесеніе на новыя мѣста всѣхъ принадлежащихъ выселяющимся жителямъ построекъ, что связано съ большими расходами; наконецъ, выселенію на югѣ, гдѣ оно наиболѣе необходимо, часто препятствуютъ и чисто естественныя препятствія (какъ, напримѣръ, неблагопріятныя условія орошенія и недостатокъ воды), заставляющія населеніе селиться по берегамъ рѣкъ и т. д. Вотъ здѣсь поземельно-устроительныя учрежденія могутъ оказать населенію весьма важное содѣйствіе и притомъ въ разныхъ формахъ. Съ одной стороны, уже самое распространеніе мысли о пользѣ разселенія могло бы быть полезнымъ. Поземельно-устроительныя учрежденія могли бы помочь разработкой плановъ разселенія, составленныхъ на основаніи изученія земель даннаго поселенія въ гидрографическомъ и иныхъ отношеніяхъ. Далѣе, при ихъ участіи поселеніямъ, рѣшившимся на разселеніе, могли бы выдаваться ссуды для перенесенія построекъ и обзаведенія на новыхъ мѣстахъ; такія ссуды могли бы выдаваться и на рытье колодцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ силу мѣстныхъ условій таковое связано съ особыми затрудненіями и расходами и т. д.

Не менѣе важное значеніе имѣла бы и другая функція поземельно-устроительныхъ комиссій, о которой мы здѣсь хотимъ упомянуть, а именно *разграниченіе помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель*. Какъ это ни странно, но въ силу неудовлетворительности нашего межевого законодательства, формальное отмежеваніе помѣщичьихъ земель отъ тѣхъ, которыя въ силу Положеній 1861 г. были переданы крестьянамъ, еще едва только начато и произведено до настоящаго времени лишь въ небольшомъ числѣ случаевъ. Это необходимо теперь наверстать, и, нѣтъ

сомнѣнія, поземельно-устроительныя учрежденія могутъ считаться органами, вполнѣ компетентными для этой цѣли. Но желательно, чтобы они при осуществленіи послѣдней не ограничились формальной стороной дѣла, т. е. формальнымъ утвержденіемъ существующихъ границъ, но вошли бы въ разсмотрѣніе этихъ границъ по существу, въ цѣляхъ ихъ исправленія и улучшенія. Такое исправленіе представляется у насъ въ высшей степени необходимымъ въ *трехъ* отношеніяхъ. *Во-первыхъ*, необходимо устраненіе чрезполосности, иногда наблюдаемой у насъ между землями помѣщиковъ и крестьянъ, такъ какъ эта чрезполосность сильно вредитъ хозяйству какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и ведетъ къ спорамъ, недоразумѣніямъ и т. д. *Во-вторыхъ*, самая форма отведенныхъ крестьянамъ надѣльныхъ земель часто весьма неудобна. Наиболѣе желательной представляется такая форма, при которой деревня расположена въ центрѣ деревенской территоріи, а послѣдняя имѣетъ форму, возможно больше приближающуюся къ правильному кругу. Этотъ идеалъ, конечно, лишь рѣдко встрѣчается на практикѣ, и съ отступленіями отъ него приходится мириться. Однако, бываютъ такія отступленія, которыя связаны съ громадными затрудненіями для правильнаго веденія хозяйства. Такъ, напримѣръ, бываетъ, что общинная территорія представляетъ изъ себя узкую длинную ленту, тянущуюся на много верстъ, при чемъ вдобавокъ ко всему и самая деревня расположена на одномъ изъ концовъ этой ленты. Здѣсь зло становится уже настолько ощутительнымъ, что противъ него, если только къ тому представляется хоть какая-нибудь возможность, необходимы мѣры. Такими мѣрами могутъ служить либо разселеніе, о которомъ рѣчь шла уже выше, либо приданіе надѣльной землѣ новой, болѣе удобной формы путемъ обмѣна земли съ сосѣдними владѣльцами. *Въ-третьихъ*, наконецъ, необходимо устраненіе всѣхъ тѣхъ неудобствъ въ расположеніи надѣльной земли, введеніемъ которыхъ многіе помѣщики при отводѣ крестьянамъ земель по Положеніямъ 1861 г. пытались и притомъ, къ сожалѣнію, часто съ большимъ успѣхомъ обезпечить за собой экономическое господство надъ крестьянами. Земля отводилась крестьянамъ такъ, что, напримѣръ, крестьянскій скотъ не можетъ быть прогнанъ съ одной части надѣльной земли на другую безъ того, чтобы не пройти по помѣщичьей землѣ, или что крестьянская усадебная осѣдлость непосредственно окружена землей помѣщика, такъ что потравы на послѣдней становятся неизбѣжными и т. п. Трудно представить себѣ всѣ тѣ причудливыя очертанія, которыя подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ иногда принимали надѣльныя земли, и ту изобрѣтательность, которая при этомъ была проявлена. Для сельскаго хозяйства такое положеніе представляетъ собою истинный бичъ, не говоря о томъ, что оно порою совершенно отдаетъ крестьянъ въ руки ихъ бывшихъ собственниковъ. Единственнымъ выходомъ изъ такого положе-

нія является исправить то, что было изъ потворства помѣщикамъ допущено въ 1860-хъ гг. съ явнымъ вредомъ для интересовъ земельной культуры. А для этого необходимо измѣненіе очертаній надѣльной земли путемъ обмѣна съ сосѣдними владѣльцами, а, быть можетъ, и путемъ выкупа изъ рукъ послѣднихъ тѣхъ угодій, безъ которыхъ границы крестьянскихъ земель не могутъ быть исправлены.

Всѣ описанныя мѣры должны войти въ кругъ вѣдомства поземельно-устроительныхъ учрежденій. Для того чтобы послѣднія могли успѣшно ихъ выполнить, необходимо, чтобы они были снабжены извѣстною принудительною властью и были надѣлены правомъ производить экспропріацію и принудительный обмѣнъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые необходимы для достиженія указанныхъ цѣлей.

4) Что касается четвертаго предмета вѣдомства генеральныхъ комиссій—участія въ учрежденіи рентныхъ имѣній, то очень близкія къ тому функціи исполняются у насъ Крестьянскимъ банкомъ. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на дѣятельности послѣдняго, такъ какъ этотъ вопросъ подробно разсмотрѣнъ въ одной изъ предыдущихъ статей; укажемъ только, что дѣятельность банка не можетъ считаться достаточнымъ средствомъ для борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ. Для устраненія послѣдняго необходимы мѣры болѣе радикальныя; вмѣсто болѣе или менѣе случайныхъ покупокъ съ помощью банка необходимы мѣры, направленныя на планомѣрное расширеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ отвода дополнительныхъ надѣловъ, а равно и путемъ поземельнаго устройства всѣхъ разрядовъ безземельнаго населенія, ведущихъ самостоятельное земледѣльческое хозяйство. Земельнымъ фондомъ для такой реформы должны служить государственныя, удѣльныя, а отчасти и частновладѣльческія земли, которыя и должны быть отведены крестьянскому населенію. Этотъ отводъ отнюдь не долженъ быть предоставленъ добровольному почину и добровольному соглашенію, но долженъ носить характеръ принудительнаго отчужденія или экспропріаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что проведеніе этой части реформы составитъ для нашихъ поземельно-устроительныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, главную и наиболѣе отвѣтственную часть ихъ работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ задачей значительно болѣе сложной, чѣмъ та, которая въ области учрежденія рентныхъ имѣній лежитъ на прусскихъ генеральныхъ комиссіяхъ. Къ этой предстоящей намъ задачѣ, съ точки зрѣнія широты ея замысловъ, гораздо ближе подходятъ тѣ мѣры, которыя за послѣднее время были приняты для разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Ирландіи. На этихъ мѣрахъ мы поэтому считаемъ необходимымъ вкратцѣ здѣсь остановиться.

Если оставить въ сторонѣ Россію, то едва ли какая-либо другая

европейская страна по бѣдности и приниженности своего населенія пріобрѣла болѣе печальную извѣстность, чѣмъ Ирландія, какою она была въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ вплоть до самаго послѣдняго времени. Хозяйственная отсталость страны, поддерживаемая экономическою политикою Англіи, крупная форма землевладѣнія въ связи съ абсентеизмомъ земельныхъ собственниковъ, быстрый ростъ населенія и громадный спросъ на землю, высокія арендныя цѣны при полной неурегулированности арендныхъ отношеній—все это привело къ такимъ аграрнымъ условіямъ, при которыхъ населеніе могло влачить лишь самое жалкое существованіе. Хроническая нищета ирландскаго народа превратилась въ острый кризисъ, когда въ 1847 г. вслѣдъ за неурожаемъ картофеля, служившаго главнымъ предметомъ пропитанія ирландскаго народа, наступилъ повсемѣстный голодъ. Кризисъ 1847 г. явился поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Ирландіи. Такъ, напримѣръ, населеніе Ирландіи, быстро росшее до этого, съ 1847 года начинаетъ падать съ невѣроятной быстротой. За 50 л. съ 1841 по 1891 г. оно упало съ 8,2 милл. до 4,7 милл. жителей, т. е. на 3,5 милл., или 42,5%.

Между тѣмъ въ послѣдней части XIX в. экономическое положеніе ирландскаго народа начинаетъ постепенно улучшаться. Однимъ изъ условій этого улучшенія были тѣ аграрно-политическія мѣропріятія, которыя были приняты за послѣднія 25 лѣтъ и которыми Англія хоть отчасти загладила свою тяжелую вину передъ этой несчастной страной. Эти мѣропріятія были направлены 1) на урегулированіе аренды и 2) на насажденіе мелкаго землевладѣнія. На мѣрахъ первой категоріи мы остановимся ниже; здѣсь же мы разсмотримъ тѣ мѣры, которыя имѣли цѣлью развитіе мелкаго землевладѣнія.

Мѣры такого рода стали приниматься въ Ирландіи уже съ 1868 г., когда, согласно изданному въ этомъ году закону, арендаторамъ церковныхъ земель было предложено пріобрѣсти эти земли въ собственность съ ссудой изъ государственныхъ средствъ въ размѣрѣ $^3/_4$ покупной цѣны. Затѣмъ въ арендные законы 1870 и 1881 гг. вошли постановленія, въ силу которыхъ государство шло на помощь фермерамъ, желавшимъ пріобрѣсти свои участки въ собственность, предлагая имъ для этой цѣли свой кредитъ въ размѣрѣ $^2/_3$ (1870) и даже $^3/_4$ (1881) покупной цѣны. Однако, всѣ эти законы, по цѣлому ряду причинъ, имѣли лишь очень незначительный успѣхъ, и съ ихъ помощью лишь 7665 фермеровъ превратились въ собственниковъ. Вскорѣ однако законодательство принялось за болѣе энергичныя мѣры. Въ 1885 году былъ изданъ такъ называемый законъ Ашборна, которымъ была назначена сумма въ 5 милліоновъ ф. ст. (около 50 милл. руб.) для выдачи фермерамъ въ видѣ ссудъ съ цѣлью превращенія ихъ въ собственниковъ. Ссуды должны были выдаваться изъ 3% годовыхъ съ прибавкою 1% на амортизацію,

при чемъ срокомъ послѣдней было назначено 49 лѣтъ. Исполненіе закона 1885 г. пошло настолько успѣшно, что въ 1888 году 5-милліонный фондъ былъ увеличенъ до 10 милл. ф. ст., а въ 1891 г.—до 33 милл. ф. ст., при чемъ были внесены и нѣкоторыя измѣненія въ организацію дѣла. Результаты видны изъ того, что къ 1902 г. число фермерскихъ участковъ, воспользовавшихся закономъ 1885 г. и послѣдующихъ годовъ, составляло болѣе 60,000 съ площадью земли въ 2 милл. акровъ (около 750,000 дес.).

Тѣмъ не менѣе приведенные результаты не могли удовлетворить ирландцевъ, которые требовали дальнѣйшихъ мѣропріятій. Во исполненіе этихъ требованій и былъ изданъ законъ 1903 г., возникшій слѣдующимъ образомъ. Въ концѣ 1902 г. въ Дублинѣ состоялось совѣщаніе между представителями ирландскихъ землевладѣльцевъ и фермеровъ для выясненія дальнѣйшей аграрной программы. Это совѣщаніе пришло къ соглашенію, содержаніе котораго было изложено въ особой запискѣ и сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ. Широкое насажденіе мелкаго землевладѣнія путемъ продажи фермерамъ ихъ участковъ представляетъ собою единственное средство разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Ирландіи. Эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ нѣкоторыхъ жертвъ со стороны государства. Для того чтобы продажа фермерскихъ участковъ могла осуществиться въ широкихъ размѣрахъ, необходимо, чтобы годичные платежи фермеровъ (т. е. процентъ на капиталъ и погашеніе) на 15—25% были ниже ихъ арендныхъ платъ. Съ другой стороны желательно, чтобы потери лэндлордовъ составляли не болѣе 10% этихъ платъ. Получающуюся такимъ путемъ разницу должно уплатить государство, которое должно ассигновать нужную для этого сумму въ видѣ безвозвратнаго расхода.

Всѣ эти постановленія дублинскаго совѣщанія и вошли въ законъ 1903 г. Послѣдній назначаетъ сумму въ 100 милл. ф. ст. (около 1000 милл. руб.) для содѣйствія покупкѣ земли со стороны фермеровъ. Изъ этой суммы фермерамъ должны выдаваться ссуды изъ $2^3/_4$% съ присоединеніемъ $^1/_2$% погашенія, при чемъ срокъ погашенія опредѣляется $68^1/_2$-лѣтній. Ссуды выдаются въ размѣрѣ всей покупной суммы; послѣдняя устанавливается соглашеніемъ сторонъ, однако, съ тѣмъ весьма существеннымъ ограниченіемъ, что приходящіеся на нее платежи должны составлять не менѣе 60% и не болѣе 90% опредѣленной судомъ арендной платы. Кромѣ того, для уменьшенія потерь лэндлордовъ законъ 1903 г., сверхъ суммы въ 100 милл. ф. ст., устанавливаетъ особый фондъ въ 12 милл. ф., изъ котораго лэндлорду на каждые 100 ф. покупной суммы доплачиваются 12 ф. ст., при чемъ эти 12 милл. ф. ст. подлежатъ расходованію въ видѣ безвозвратной затраты государственнаго казначейства.

Нельзя не признать, что законъ 1903 г. даетъ возможность фермерамъ пріобрѣтать землю на весьма выгодныхъ условіяхъ: фермеръ можетъ сдѣлаться собственникомъ своего участка, ежегодно внося за него въ теченіе 68 лѣтъ платежи на 10—40% меньше, чѣмъ уплачиваемыя имъ теперь арендныя платы, при чемъ государство ссужаетъ его деньгами на условіяхъ даже болѣе выгодныхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ оно само вынуждено занимать. Вдобавокъ ко всему этому государство, чтобы облегчить переходъ земли въ руки фермеровъ, часть покупной суммы выплачиваетъ изъ своихъ собственныхъ средствъ *). Когда противъ этой жертвы со стороны англійскаго государственнаго казначейства въ парламентѣ раздались возраженія, секретарь по ирландскимъ дѣламъ Уиндгэмъ съ успѣхомъ отразилъ эти возраженія указаніемъ, что для умиротворенія Ирландіи никакая цѣна не можетъ считаться слишкомъ дорогою, и что эта жертва скоро будетъ возмѣщена значительнымъ сокращеніемъ издержекъ на ирландскую полицію.

Эти законодательные акты требовали особаго органа для своего осуществленія. Въ качествѣ такового въ 1881 г. была учреждена такъ называемая „Ирландская земельная комиссія“ (The Iris Land Commission). На комиссію было возложено приведеніе въ исполненіе постановленій закона 1881 г., регулировавшихъ арендныя отношенія; ей же было поручено приведеніе въ исполненіе тѣхъ нормъ закона 1881 г. и позднѣйшихъ годовъ, которыя имѣли цѣлью насажденіе мелкаго землевладѣнія. Остановимся вкратцѣ на организаціи комиссіи.

Ирландская земельная комиссія составляется изъ трехъ членовъ (commissioners). Первый изъ нихъ, такъ наз. judicial commissioner, назначается королемъ изъ практикующихъ въ Ирландіи адвокатовъ, состоящихъ въ этомъ званіи не менѣе 10 лѣтъ (a practising barrister at the Irish bar of not less than ten years standing); остальные два члена назначаются королемъ на 7 лѣтъ **). Кромѣ этихъ трехъ членовъ лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи могутъ назначаться «члены-помощники» (assistant-commissioners) въ такомъ числѣ, какое понадобится въ помощь членамъ при осуществленіи ихъ функцій. Мѣстопребываніе комиссіи находится

---

*) Насколько эта помощь, оказываемая государствомъ ирландскимъ фермерамъ безвозвратнымъ ассигнованіемъ 120 милл. руб., значительна, видно изъ слѣдующихъ соображеній. Населеніе Ирландіи въ 1901 г. составляло 4,5 милл. челов.: если бы у насъ государство рѣшилось принести подобную жертву для подъема мелкаго крестьянскаго зевлевладѣнія, то оно должно было бы на 94 милл. жителей одной Европейской Россіи (по переписи 1897 г.) ассигновать сумму въ 21 разъ большую, т. е. около 2500 милл. руб.

**) Члены комиссіи получаютъ весьма высокое вознагражденіе: членъ-юристъ получаетъ столько же, сколько члены высшаго ирландскаго суда (Supreme Court of Judicature in Ireland), а остальные два члена получаютъ по 3000 ф. ст. въ годъ.

въ Дублинѣ, но она можетъ, если признаетъ это нужнымъ, засѣдать и въ любомъ другомъ мѣстѣ Ирландіи. Кромѣ того, комиссія, по мѣрѣ надобности, можетъ для отдѣльныхъ частей Ирландіи учреждать подкомиссіи, состоящія изъ извѣстнаго числа членовъ-помощниковъ или изъ одного члена и нѣсколькихъ членовъ-помощниковъ, по опредѣленію самой комиссіи. Земельная комиссія можетъ передавать подкомиссіямъ тѣ изъ предоставленныхъ ей правомочій, какія она признаетъ необходимыми, за исключеніемъ лишь права выступать въ качествѣ апелляціонной инстанціи. Каждый изъ членовъ комиссіи можетъ единолично осуществлять всѣ тѣ функціи, которыя возложены на комиссію. Однако всѣ постановленія какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и отдѣльныхъ подкомиссій могутъ быть обжалованы въ комиссію; въ послѣднемъ случаѣ они должны быть пересмотрѣны въ полномъ составѣ комиссіи. При комиссіи состоитъ цѣлый штатъ служащихъ (одинъ sollicitor, одинъ secretary и необходимое число actuaries, surveyors, officers, agents, clerks и messengers).

Комиссія можетъ издавать правила, касающіяся порядка производства входящихъ въ кругъ ея вѣдомства дѣлъ. Всякія подобныя правила въ теченіе трехъ недѣль по ихъ изданіи должны быть представлены парламенту (а если парламентъ не засѣдаетъ, то въ теченіе трехъ недѣль съ начала сессіи), каждая изъ палатъ въ теченіе ста дней послѣ этого имѣетъ право просить короля объ отмѣнѣ этихъ правилъ. Ежегодно земельная комиссія должна представлять свои отчеты.

Одною изъ функцій комиссіи является вся работа, связанная съ посредничествомъ между лэндлордомъ и фермеромъ по покупкѣ земли. При исполненіи этой функціи на комиссіи лежитъ отвѣтственная задача: хотя цѣна земли устанавливается добровольнымъ соглашеніемъ между лэндлордомъ и фермеромъ, тѣмъ не менѣе каждая сдѣлка должна быть утверждена комиссіей, которая предварительно должна убѣдиться въ томъ, что продавецъ имѣетъ право продать свою землю, и что послѣдняя можетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ выдаваемой подъ нее ссуды. Первоначально посредничество по покупкѣ земли фермерами играло для комиссіи второстепенную роль, такъ какъ покупки шли весьма медленно. Лишь начиная со второй половины 1880 гг., а особенно съ начала 1890 гг., эти операціи стали пріобрѣтать для комиссіи болѣе важное значеніе и стали поглощать болѣе значительную часть ея силъ. Законъ 1903 года еще болѣе расширилъ всю постановку продажи земли, поэтому составъ земельной комиссіи былъ усиленъ: въ нее былъ назначенъ добавочный членъ-юристъ (additional judicial commissioner) изъ числа членовъ высшаго ирландскаго суда; далѣе, при земельной комиссіи была образована особая «комиссія по продажѣ имѣній» (the Estates Commissioners), состоящая изъ трехъ членовъ. Однимъ изъ ея членовъ долженъ быть одинъ изъ членовъ земельной комиссіи по назначенію

лорда-намѣстника; остальные два назначаются королемъ въ качествѣ добавочныхъ членовъ (additional members) земельной комиссіи. Комиссія по продажѣ имѣній состоитъ подъ общимъ наблюденіемъ лорда-намѣстника, который можетъ издавать правила, опредѣляющія ея дѣятельность. При комиссіи состоитъ особый штатъ служащихъ.

Въ заключеніе необходимо указать, что уже согласно закону 1881 г. земельная комиссія имѣетъ право не только выдавать ссуды фермерамъ для покупки ихъ участковъ, но и за свой счетъ покупать имѣнія, съ тѣмъ чтобы перепродать входящіе въ ихъ составъ участки арендующимъ ихъ фермерамъ, а отдѣльныя парцеллы и другимъ лицамъ. Это постановленіе вошло и въ законъ 1903 г. съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобы цѣнность имѣющейся въ рукахъ комиссіи непроданной земли никогда не превышала 5 милліоновъ ф. ст.

Слѣдуетъ еще прибавить, что комиссія можетъ выдавать ссуды и на покупку несдаваемыхъ въ аренду земель, каковыя земли нерѣдко составляютъ лучшія части имѣній. Безъ этой мѣры комиссія была бы лишена возможности помочь въ пріобрѣтеніи собственности на землю такимъ лицамъ, которыя имѣютъ на это права, какъ, напримѣръ, изгнаннымъ фермерамъ, а также не могла бы содѣйствовать увеличенію размѣровъ наиболѣе мелкихъ фермъ, чему дублинское совѣщаніе придавало большое значеніе.

Кромѣ описанныхъ мѣропріятій, принятыхъ по отношенію ко всей Ирландіи, нѣкоторыя особыя мѣры приняты закономъ 1891 г. по отношенію къ такъ называемымъ «бѣдствующимъ дистриктамъ» (congested districts), расположеннымъ въ южной и западной части страны. Для облегченія положенія этихъ дистриктовъ было образовано особое учрежденіе, такъ называемое Congested Districts Board, состоящее, подъ предсѣдательствомъ секретаря по ирландскимъ дѣламъ, изъ одного члена земельной комиссіи и пяти безплатныхъ комиссаровъ. На это учрежденіе были возложены весьма разнообразныя функціи, для осуществленія которыхъ оно было снабжено широкими полномочіями и значительными средствами (около 900.000 р. въ годъ). Между прочимъ ему была поручена забота объ увеличеніи размѣровъ слишкомъ мелкихъ фермерскихъ участковъ, для каковой цѣли оно получило право пріобрѣтать имѣнія, чтобы затѣмъ перепродавать ихъ мелкимъ фермерамъ, хотя бы и съ убыткомъ. За истекшее съ 1891 г. время Congested Districts Board пріобрѣло 44 имѣнія, и при перепродажѣ земли фермерамъ въ среднемъ несло убытокъ въ 10%. Закономъ 1903 г. право перепродавать купленныя имѣнія съ убыткомъ было дано и «комиссіи по покупкѣ имѣній», и притомъ уже не только для отдѣльныхъ частей Ирландіи, но по отношенію ко всей странѣ. При этомъ въ законъ была внесена лишь оговорка, чтобы убытокъ отъ этой операціи не превышалъ 10%.

Предыдущее изложеніе показало намъ организацію и дѣятельность ирландской земельной комиссіи и состоящей при ней комиссіи по покупкѣ имѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что задачи и функціи этихъ учрежденій въ области расширенія мелкаго землевладѣнія, при нѣкоторомъ сходствѣ, обнаруживаютъ и важныя различія отъ тѣхъ функцій и задачъ, которыя въ этой области будутъ лежать на нашихъ поземельно-устроительныхъ учрежденіяхъ. Въ Ирландіи нужно было еще только создавать мелкое землевладѣніе, тогда какъ у насъ крестьяне уже являются собственниками значительной части обрабатываемыхъ ими земель. Поэтому въ Ирландіи главною цѣлью служитъ превращеніе мелкихъ фермеровъ въ собственниковъ земли; у насъ же такою цѣлью является нарѣзка дополнительныхъ надѣловъ. Впрочемъ, въ двухъ случаяхъ дѣятельность нашихъ и ирландскихъ поземельно-устроительныхъ учрежденій будетъ совпадать: съ одной стороны, и наши учрежденія, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, должны будутъ принять мѣры къ поземельному устройству той части нашего безземельнаго населенія, которая ведетъ самостоятельное земледѣльческое хозяйство; съ другой стороны, и ирландская комиссія покупаетъ земли, находящіяся въ арендѣ, чтобы съ ихъ помощью увеличивать размѣры существующихъ земледѣльческихъ хозяйствъ.

И въ другомъ отношеніи между дѣятельностью нашихъ и ирландскихъ поземельно-устроительныхъ учрежденій будетъ существовать значительное различіе. Согласно изложеннымъ въ предыдущихъ статьяхъ принципамъ, имѣющая быть переданной крестьянамъ доля частновладѣльческихъ земель будетъ подлежать у насъ обязательному выкупу. Совершенно иначе дѣло обстоитъ въ Ирландіи: здѣсь, съ одной стороны, покупка земли можетъ состояться лишь при согласіи лэндлорда, а съ другой стороны, продажная цѣна земли устанавливается по добровольному соглашенію сторонъ. Однако, не слѣдуетъ забывать, что и въ Ирландіи эта цѣна не должна выходить за извѣстные предѣлы какъ сверху, такъ и снизу и, кромѣ того, подлежитъ утвержденію со стороны комиссіи по продажѣ имѣній. Прибавимъ, что и въ Ирландіи вслѣдствіе нежеланія части лэндлордовъ продать свои земли все болѣе ведется агитація въ пользу принудительнаго отчужденія непроданныхъ земель въ пользу мелкихъ фермеровъ.

Расчленяя тѣ работы, которыя наши поземельно-устроительныя учрежденія должны будутъ осуществлять при дополнительной нарѣзкѣ земли крестьянамъ и при надѣленіи землею безземельныхъ крестьянъ, мы можемъ свести эти работы къ нѣсколькимъ основнымъ пунктамъ, а именно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ этимъ учрежденіямъ придется рѣшать: 1) какимъ крестьянамъ должны быть сдѣланы новые отводы земли; 2) изъ какихъ земель эти отводы должны быть сдѣланы; 3) за

какую цѣну эти земли должны быть переданы крестьянамъ; 4) каково должно быть внутреннее устройство этихъ земель. Мы не будемъ входить здѣсь въ болѣе подробный анализъ этихъ пунктовъ и скажемъ лишь нѣсколько словъ въ поясненіе п. 4. Не достаточно дать малоземельнымъ крестьянамъ извѣстное добавочное количество земли: необходимо озаботиться и о томъ, чтобы послѣ этой добавочной нарѣзки у крестьянъ не образовалось тѣхъ золъ, объ устраненіи которыхъ мы говорили въ предыдущемъ изложеніи. Необходимо, чтобы послѣ нарѣзки крестьянская земля не получила такихъ очертаній, которыя были бы для населенія неудобны. Если вновь нарѣзаемыя земли будутъ находиться чрезполосно по отношенію къ прежнимъ землямъ, то желательно, чтобы часть крестьянъ на эти земли выселилась; послѣднее желательно и въ томъ случаѣ, если послѣ нарѣзки часть земель данной деревни будетъ находиться далеко отъ усадьбъ. Все это мы и имѣемъ въ виду, говоря о необходимости «внутренняго устройства» земель. Желательно, однимъ словомъ, чтобы вновь нарѣзаемыя земли составили одно органическое цѣлое съ старыми землями, и чтобы тамъ, гдѣ это невозможно, были устранены вредныя послѣдствія, вытекающія изъ современнаго поземельнаго устройства. Быть можетъ, представлялось бы также желательнымъ, чтобы, по примѣру Пруссіи, съ производствомъ добавочной нарѣзки земли были соединены и нужныя культурныя мѣропріятія и меліораціи.

Мы разсмотрѣли цѣлый рядъ дѣлъ, которыя должны будутъ быть возложены на наши поземельно-устроительныя учрежденія при проведеніи аграрной реформы. Однако, приведеннымъ перечнемъ дѣятельность этихъ учрежденій еще вполнѣ не исчерпывается, и на нихъ необходимо будетъ возложить и нѣкоторыя другія функціи, не затронутыя еще въ предыдущемъ изложеніи. На двухъ изъ этихъ функцій мы здѣсь вкратцѣ остановимся.

5) Прежде всего къ этимъ функціямъ должна быть отнесена забота объ организаціи *переселенія*. Хотя, какъ указано въ статьѣ А. А. Кауфмана, переселеніе и не можетъ считаться панацеей противъ малоземелья, нельзя все же не признать за нимъ нѣкотораго значенія. Необходимо только, чтобы оно получило правильное устройство и чтобы его организація была довѣрена компетентнымъ органамъ. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи поземельно-устроительныя учрежденія явятся органами наиболѣе подходящими. Вслѣдствіе своего близкаго знакомства съ мѣстными земельными условіями, онѣ лучше всякаго другого учрежденія будутъ въ состояніи опредѣлить, какія группы населенія наиболѣе нуждаются въ выселеніи, должны ли онѣ и въ какомъ размѣрѣ получить

для этого помощь и т. д. И въ другихъ государствахъ подобныя задачи возлагаются на поземельно-устроительныя учрежденія: такъ, ирландская земельная комиссія, на основаніи закона 1881 г., можетъ путемъ выдачи ссудъ оказывать содѣйствіе выселенію изъ наиболѣе бѣдныхъ и густо населенныхъ частей Ирландіи. Для выдачи этихъ ссудъ въ 1881 была ассигнована сумма въ 200,000 ф. ст. съ тѣмъ, чтобы въ одинъ годъ тратилось не болѣе одной трети ея. Когда затѣмъ въ 1891 г. для поднятія экономическаго положенія наиболѣе бѣдныхъ частей Ирландіи было создано упомянутое уже выше Congested Districts Board, то на него среди другихъ обязанностей было возложено также принятіе мѣръ для содѣйствія внутренней колонизаціи и переселенію за предѣлы Ирландіи.

Если на наши поземельно-устроительныя учрежденія будутъ возложены подобныя функціи, то имъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ придется устанавливать, какія группы населенія и изъ какихъ мѣстъ болѣе другихъ нуждаются въ выселеніи; содѣйствовать этимъ лицамъ въ отысканіи подходящихъ новыхъ мѣстъ для поселенія и вести о томъ сношенія съ мѣстными властями этихъ мѣстъ и оказывать лицамъ, желающимъ выселиться, матеріальное содѣйствіе путемъ выдачи ссудъ, безвозвратныхъ пособій и т. д.

6) Дальнѣйшей функціей поземельно-устроительныхъ комиссій должно быть *регулированіе арендныхъ отношеній*. Что наше арендное законодательство нуждается въ основательной реформѣ, было показано въ статьѣ А. А. Мануилова, и мы не будемъ здѣсь углубляться въ этотъ вопросъ. Мы остановимся лишь на тѣхъ органахъ, созданіе которыхъ будетъ необходимо, если эта реформа найдетъ свое осуществленіе.

Подобные органы существуютъ, напримѣръ, въ Великобританіи и въ Ирландіи. Если мы обратимся сначала къ Великобританіи, то въ Англіи арендныя отношенія регулируются законами, изданными въ 1875, 1883 и 1900 гг., а для Шотландіи въ 1883 г. былъ изданъ законъ, весьма близкій англійскому закону того же года, а законъ 1900 г. распространялся одновременно и на Англію, и на Шотландію. Сущность закона 1900 г. состоитъ въ томъ, что фермеръ, покидающій свой участокъ, имѣетъ право на вознагражденіе за произведенныя имъ, но неиспользованныя еще затраты на улучшенія. Если относительно размѣровъ этого вознагражденія стороны не придутъ къ соглашенію, онѣ должны избрать третейскаго судью, который разрѣшаетъ ихъ споръ. При несогласіи сторонъ относительно подлежащаго избранію лица, онѣ должны обратиться въ министерство земледѣлія, которое назначаетъ третейскаго судью. Рѣшенія третейскаго суда не подлежатъ обжалованію, хотя какъ самъ судья, такъ и стороны могутъ передавать встрѣчающіеся при разбирательствѣ дѣла юридическіе вопросы на разрѣшеніе суда графства. Кромѣ того судъ графства можетъ смѣщать третейскихъ судей, не исполняющихъ добросовѣстно своихъ обязанностей, а также

отмѣнять рѣшенія ихъ, принятыя незаконно. Въ интересахъ быстроты и дешевизны вся процедура носитъ крайне упрощенный характеръ, и формальности сведены къ минимуму. Слѣдуетъ еще прибавить, что стороны въ арендномъ договорѣ могутъ предусматривать и другія системы посредничества, и приведенныя постановленія носятъ лишь субсидіарный характеръ.

Гораздо дальше пошло законодательство въ Ирландіи. Здѣсь еще въ серединѣ XIX в. защитниками интересовъ фермеровъ были выставлены тѣ требованія, осуществленіе которыхъ необходимо для улучшенія положенія фермеровъ. Эти требованія сводились къ тремъ пунктамъ, которые получили названіе трехъ F-s: справедливой арендной платѣ, обезпеченному держанію и свободѣ передачи арендnаго права (fair rent, fixity of tenure, free sale). Эти три пункта и вошли теперь въ ирландское арендное право, но это произошло не сразу: изданные въ 1860 и 1870 гг. законы дѣлали лишь робкіе шаги въ этомъ направленіи, и только въ 1881 г. былъ изданъ законъ, осуществившій вышеуказанныя требованія. Этимъ закономъ, какъ мы уже знаемъ, была создана «Ирландская земельная комиссія», для которой приведеніе въ исполненіе новыхъ нормъ арендnаго законодательства являлось главной задачей. Какова же роль комиссіи въ этомъ дѣлѣ? Какъ фермеръ, такъ и лэндлордъ могутъ обратиться къ комиссіи съ просьбой о назначеніи имъ «справедливой» арендной платы (fair rent). Опредѣленная комиссіей плата носитъ названіе «судебной платы» (judicial rent) и превращаетъ данное арендное отношеніе въ регулированное или узаконенное (statutory tenure), подчиняя его въ то же время особымъ установленнымъ въ законѣ условіямъ. Впрочемъ, стороны могутъ обратиться не только въ комиссію, но и въ судъ графства, рѣшенія котораго, однако, могутъ быть обжалованы въ комиссію. Рѣшенія послѣдней окончательны (по другимъ вопросамъ арендnаго права они могутъ быть обжалованы въ ирландскій апелляціонный судъ— Court of appeal in Ireland). Кромѣ того, по желанію, стороны могутъ передать рѣшеніе вопроса о высотѣ арендной платы третейскому суду. Установленная комиссіей, судомъ или третейскимъ судомъ арендная плата обязательна на 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ фермеръ не можетъ быть удаленъ съ занимаемаго имъ участка. Наконецъ, фермеръ можетъ продать свое фермерское право, т. е. передать его другому лицу, за извѣстное вознагражденіе. Всѣ возникающіе по поводу приведенныхъ постановленій споры подлежатъ разсмотрѣнію земельной комиссіи, хотя, по желанію сторонъ, они могутъ быть переданы и на разсмотрѣніе обыкновенныхъ судовъ графства.

Слѣдуетъ еще указать, что въ Шотландіи, кромѣ названныхъ выше законовъ, въ 1886 г. былъ изданъ еще одинъ законъ, касающійся спеціально такъ называемыхъ crofters и cotters, т. е. мелкихъ земледѣльцевъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, живущихъ въ сѣверной Шот-

ландіи и на сосѣднихъ островахъ въ числѣ около 200,000 чел. (включая ихъ семьи). Созданныя этимъ закономъ нормы близки къ нормамъ ирландскаго аренднаго права; онѣ включаютъ въ себѣ и «справедливую» арендную плату, и обезпеченность держанія, и право уходящаго фермера на вознагражденіе за длительныя улучшенія. Отличіе шотландскаго закона 1886 г. отъ ирландскаго права заключается лишь въ томъ, что первый не дозволяетъ фермеру продавать свое фермерское право. Закономъ 1886 г. была создана особая аграрная комиссія (Crofters Commission), права которой даже шире правъ ирландской земельной комиссіи. Такъ, она можетъ производить пониженіе арендной платы въ видѣ общей мѣры; далѣе, она можетъ принудить лэндлорда сдать на справедливыхъ условіяхъ живущимъ на его земляхъ крофтерамъ тѣ земли, которыя близки къ ихъ фермамъ и нужны или полезны имъ для веденія хозяйства.

И у насъ съ реформою аренднаго законодательства понадобится учрежденіе, которое подобно ирландской земельной комиссіи и шотландской Crofters Commission проводило бы нормы этого законодательства на практикѣ. Несомнѣнно, что и здѣсь наиболѣе компетентнымъ органомъ явятся поземельно-устроительныя учрежденія. Знакомыя съ мѣстными условіями землевладѣнія, съ цѣнами на землю и т. д., онѣ болѣе всякаго другого учрежденія будутъ пригодны для разсмотрѣнія такихъ вопросовъ, какъ установленіе «справедливой» арендной платы, и для разрѣшенія всякихъ споровъ между землевладѣльцами и арендаторами.

Мы разсмотрѣли главныя функціи, которыя должны будутъ быть возложены у насъ на поземельно-устроительныя учрежденія при проведеніи аграрной реформы. Быть можетъ, найдутся еще какіе-нибудь предметы вѣдомства, которые было бы желательно имъ передать; однако, если мы не ошибаемся, мы отмѣтили все важнѣйшее изъ того, что должно будетъ войти въ ихъ задачу. Для большей наглядности мы позволимъ себѣ еще разъ рекапитулировать разсмотрѣнныя нами функціи, при чемъ перечислимъ ихъ только въ нѣсколько иномъ порядкѣ, чѣмъ тотъ, котораго мы держались въ предыдущемъ изложеніи.

1) Мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія путемъ отвода дополнительныхъ надѣловъ и поземельнаго устройства той части безземельнаго населенія, которая ведетъ самостоятельное земледѣльческое хозяйство.

2) Мѣры къ отграниченію крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ и къ исправленію ихъ границъ.

3) Мѣры къ разселенію крестьянъ въ предѣлахъ принадлежащихъ имъ земель.

4) Разграниченіе между сложными общинами.

5) Участіе при раздѣлахъ, связанныхъ съ переходомъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному.

6) Организація переселенія.

7) Регулированіе арендныхъ отношеній.

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ этихъ функцій, остановимся теперь на вопросѣ о томъ, каковъ долженъ быть составъ тѣхъ учрежденій, которымъ можно будетъ довѣрить ихъ осуществленіе. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вопроса, мы должны сначала сдѣлать оговорку, что всѣ эти функціи не могутъ быть приведены въ исполненіе нашей современной бюрократіей. Аграрная реформа, затрогивающая массу важныхъ интересовъ какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, можетъ быть осуществлена лишь при наличности твердо обезпеченнаго правового порядка, ставящаго дѣятельность всѣхъ органовъ общественной власти въ строгія рамки закона и дающаго каждому гражданину возможность отстаивать свои покоящіяся на законѣ права. Эта цѣль можетъ быть достигнута только при представительномъ образѣ правленія. Безъ предварительнаго введенія послѣдняго аграрная реформа у насъ немыслима.

Но лишь только представительный образъ правленія у насъ будетъ введенъ, одною изъ первыхъ задачъ будетъ аграрная реформа. Тогда немедленно возникнетъ вопросъ о составѣ тѣхъ органовъ, которые будутъ призваны эту реформу осуществить. Какія пожеланія должны быть выставлены въ этомъ отношеніи?

Сдѣлать какія-нибудь точно опредѣленныя, конкретныя предложенія относительно желательнаго состава нашихъ поземельно-устроительныхъ учрежденій представляется намъ дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Съ одной стороны, задача этихъ учрежденій будетъ весьма сложная, почему и вопросъ о составѣ ихъ долженъ быть рѣшаемъ съ большою осмотрительностью. Съ другой стороны, съ введеніемъ представительнаго образа правленія у насъ измѣнится устройство органовъ мѣстнаго управленія какъ государственнаго, такъ и земскаго. Точно предусмотрѣть детали этой реформы не представляется, конечно, возможнымъ; а между тѣмъ, не зная ихъ, мы не можемъ воплотить наши пожеланія относительно состава поземельно-устроительныхъ учрежденій въ сколько-нибудь конкретную форму.

Въ виду изложеннаго мы никакихъ конкретныхъ предложеній не дѣлаемъ, и если въ дальнѣйшемъ изложеніи мы все же высказываемъ кое-какія пожеланія, то лишь съ цѣлью дать нѣкоторую канву для дальнѣйшаго обсужденія. Пожеланія наши сводятся къ слѣдующему:

1) Желательно, чтобы въ качествѣ органовъ поземельнаго устройства въ каждой губерніи были учреждены особыя губернскія поземельно-устроительныя комиссіи. Такъ какъ этимъ комиссіямъ придется разрѣшать сложные вопросы, затрогивающіе многіе важные интересы, то необходимо, чтобы члены ихъ имѣли нужную для того подготовку: въ особенности они должны быть хорошо знакомы съ сельскимъ хозяйствомъ и съ аграрнымъ правомъ; поэтому желательно, чтобы часть членовъ состояла изъ

юристовъ, имѣющихъ извѣстное число лѣтъ судебной практики, а другая — изъ агрономовъ. Быть можетъ, представлялось бы желательнымъ, чтобы по примѣру Пруссіи отъ членовъ-юристовъ требовались и извѣстныя сельско-хозяйственныя знанія, а отъ членовъ-агрономовъ — извѣстныя познанія въ области права. На-ряду съ этими членами, являющимися носителями спеціальныхъ знаній, необходимы и такіе, которые служили бы представителями мѣстныхъ интересовъ и были бы знакомы съ мѣстными условіями. Въ качествѣ таковыхъ могли бы выступить лица, избранныя изъ представителей мѣстнаго землевладѣнія какъ крупнаго, такъ и мелкаго.

Намъ представляется дальше совершенно необходимымъ, чтобы для членовъ-спеціалистовъ участіе въ комиссіи было главнымъ занятіемъ, а не побочнымъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ многочисленныхъ современныхъ правительственныхъ комиссіяхъ, состоящихъ изъ лицъ, и безъ того уже обремененныхъ другими служебными обязанностями.

2) Другой важный вопросъ — это вопросъ о способѣ избранія или назначенія членовъ комиссій. Члены, являющіеся представителями мѣстныхъ интересовъ, могли бы избираться губернскими земскими собраніями. Что же касается членовъ-спеціалистовъ, то и въ Пруссіи, и въ Ирландіи, какъ мы видѣли, они назначаются правительствомъ. Такой порядокъ, быть можетъ, былъ бы наиболѣе цѣлесообразнымъ и у насъ.

3) Желательно, чтобы для объединенія дѣятельности губернскихъ комиссій было создано для всей Россіи одно центральное поземельно-устроительное учрежденіе (по примѣру прусскаго высшаго суда по дѣламъ земельной культуры), которое для губернскихъ комиссій служило бы высшей инстанціей. Кромѣ того на сенатъ могли бы быть возложены функціи высшей кассаціонной инстанціи.

4) Въ качествѣ исполнительныхъ органовъ губернскихъ комиссій въ каждомъ уѣздѣ должны быть учреждены особые комиссары, подчиненные комиссіямъ. Число этихъ комиссаровъ должно быть устанавливаемо самими комиссіями въ зависимости отъ количества дѣлъ.

Таковы тѣ общія начала, которыя, быть можетъ, могли бы лечь въ основу организаціи проектируемыхъ нами поземельно-устроительныхъ учрежденій. Мы на этихъ началахъ не настаиваемъ, но только предлагаемъ ихъ какъ матеріалъ для дальнѣйшаго обсужденія.

Въ заключеніе мы хотѣли бы еще разъ указать, что поземельно-устроительнымъ учрежденіямъ придется нести большую и притомъ часто кропотливую работу, но что, при правильной организаціи, они пріобрѣтутъ огромное значеніе не только въ дѣлѣ расширенія нашего мелкаго землевладѣнія, но и въ дѣлѣ созданія многихъ важнѣйшихъ условій успѣшности нашего сельскаго хозяйства.

В. Э. Денъ.

МЕЖЕВОЕ ДѢЛО и ЕГО СОВРЕМЕННЫЯ НУЖДЫ.

Настоящая статья написана мною въ виду предложенія, сдѣланнаго мнѣ нѣкоторыми членами аграрнаго съѣзда, развить для доклада совѣщанія по аграрному вопросу съ большею подробностью соображенія по одному изъ пунктовъ принятой февральскимъ аграрнымъ съѣздомъ программы, именно по пункту, которымъ признавались для упорядоченія аграрныхъ отношеній необходимыми: „коренной пересмотръ межевого законодательства въ видахъ облегченія, ускоренія и удешевленія размежеванія земель, уничтоженіе чрезполосицы частновладѣльческихъ земель, обмѣнъ участковъ и т. д.“.

1.

Неустройство межевого дѣла уже давно является однимъ изъ больныхъ мѣстъ въ русской сельско-хозяйственной жизни.

Комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности посвятили повсюду не мало вниманія недостаткамъ межевого дѣла и подвергли самой рѣзкой критикѣ его современное положеніе.

Въ особенности много комитеты удѣлили вниманія вопросу объ отсутствіи надлежащихъ средствъ для урегулированія межевыхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. То обстоятельство, что уѣздные комитеты состояли преимущественно изъ землевладѣльцевъ, отразилось между прочимъ и въ многочисленныхъ жалобахъ комитетовъ на земельные захваты крестьянъ, съ которыми очень трудно бороться при отсутствіи законнымъ образомъ установленныхъ межъ между помѣщичьими и крестьянскими землями.

Межеваніе въ Россіи происходило такимъ образомъ, что территорія Европейской Россіи (кромѣ губерній западнаго края) разбилась на отдѣльныя межевыя единицы—генеральныя дачи *); эти единицы въ

*) Необмежеванными по правиламъ генеральнаго межеванія остались губерніи: Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Кіевская, Волынская, Подольская, Лепельскій уѣздъ Витебской губерніи и Архангельская губернія, кромѣ Шенкурскаго уѣзда.

свою очередь впослѣдствіи путемъ сплошного спеціальнаго межеванія *) разбились на болѣе мелкія части: участки или дачи спеціальнаго межеванія.

Наши межевые законы исходятъ изъ происшедшихъ такимъ путемъ межевыхъ подраздѣленій и знаютъ только одинъ порядокъ полюбовнаго размежеванія ихъ на основаніи предварительно составленнаго раздѣльнаго акта, называющагося полюбовною сказкою.

Между тѣмъ со времени сплошного межеванія въ распредѣленіи поземельной собственности, въ особенности въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, произошли огромныя перемѣны. Въ предѣлахъ межевыхъ дачъ образовались путемъ всякаго рода гражданскихъ актовъ владѣнія, вполнѣ обособленныя одно отъ другого, отдѣлились крестьянскія надѣльныя земли и проч.

Между владѣльцами, числящимися въ составѣ одной и той же межевой дачи, на самомъ дѣлѣ никакой юридической связи нѣтъ, и тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ владѣльцевъ не можетъ отграничиться отъ смежныхъ формальными границами, не привлекая къ дѣлу размежеванія всѣхъ состоящихъ въ одной и той же межевой чертѣ владѣльцевъ. Очевидно, что чѣмъ крупнѣе въ свое время была межевая дача, и чѣмъ мельче она раздробилась, тѣмъ недоступнѣе для всѣхъ входящихъ въ ея черту владѣльцевъ является формальное размежеваніе съ сосѣдями.

Еще сложнѣе дѣло стоитъ въ тѣхъ межевыхъ дачахъ, которыя остались неразмежеванными при сплошномъ спеціальномъ межеваніи генеральныхъ дачъ. По большей части невозможно достигнуть соглашенія всѣхъ владѣльцевъ земель въ предѣлахъ такой дачи на составленіе полюбовной сказки; часто весьма трудно даже выяснить всѣхъ совладѣльцевъ, и не существуетъ такихъ органовъ, которые могли бы собрать владѣльцевъ и помочь имъ въ составленіи полюбовной сказки (при сплошномъ спеціальномъ межеваніи эту роль играли посредническія комиссіи). Нуждающійся въ опредѣленіи своихъ границъ владѣлецъ можетъ добиваться лишь признанія генеральной дачи подлежащею судебно-межевому разбирательству и свое дѣло потомъ передать въ руки суда.

Однако же судъ до сего времени долженъ руководиться законами, изданными въ 1853 году, по которымъ совладѣльцами генеральной дачи считаются лишь лица, записанныя таковыми при генеральномъ межеваніи, или же ихъ правопреемники; давностное же владѣніе вовсе не считается, при наличности чьихъ-либо документальныхъ правъ, доказательствомъ права собственности. Эти постановленія дѣйствующаго закона

*) Сплошное спеціальное межеваніе не открывалось въ губерніяхъ изъ числа генерально обмежеванныхъ: Астраханской, Пермской и Таврической.

ставятъ въ безвыходное положеніе огромное большинство владѣльцевъ земель въ предѣлахъ одной и той же генеральной дачи, ибо у однихъ вовсе нѣтъ крѣпостныхъ документовъ, а другіе не могутъ подтвердить своихъ правъ документальными доказательствами полученія ихъ отъ переводчиковъ.

Такихъ спеціально неразмежеванныхъ генеральныхъ дачъ въ общемъ сохранилось не мало.

2.

Отводъ крестьянскихъ надѣловъ по положенію 19 февраля 1861 г. могъ быть сдѣланъ мировымъ посредникомъ безъ непремѣннаго участія землемѣра. При первоначальномъ отводѣ количество надѣльной земли разрѣшалось показывать на основаніи домашняго измѣренія; въ натурѣ же надѣлъ отдѣлялся межами, просѣками и другими весьма непрочными признаками. Владѣльцу и крестьянамъ, правда, предоставлялось въ теченіе шести лѣтъ по утвержденіи уставной грамоты просить о точномъ измѣреніи крестьянскаго надѣла. Этимъ правомъ, однако, почти никто не пользовался, да практически и не могъ бы воспользоваться за крайнимъ недостаткомъ землемѣровъ.

Для окончательнаго размежеванія земель владѣльцевъ и крестьянъ представлялись два пути: первый путь—межеванія на основаніи общихъ узаконеній о полюбовномъ спеціальномъ межеваніи, второй путь—на основаніи краткихъ правилъ 27 іюля 1861 года объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ.

Къ первому пути за его неудобствомъ и сложностью почти не прибѣгали. Второй путь имѣлъ немногимъ большій успѣхъ, такъ что къ настоящему времени окончательно отграничено лишь 20% всей площади крестьянскихъ надѣловъ.

Правила 27 іюля 1861 года устанавливали упрощенный порядокъ межевыхъ дѣйствій, но совершенно не предусматривали, какимъ путемъ должны были разбираться возникавшіе въ связи съ межеваніемъ споры.

Между тѣмъ поводовъ для спора всегда могло быть достаточно: планы, составленные при первоначальномъ отводѣ надѣла, какъ общее правило, оказывались невѣрными технически, не соотвѣтствующими ни другимъ документамъ, ни фактическому владѣнію крестьянъ; кромѣ того, всегда оказывалась разница между количествомъ земли въ фактическомъ владѣніи крестьянъ и показаннымъ въ данной. Въ случаѣ споровъ межевыя дѣйствія прекращались, и для крестьянъ и владѣльца оставался одинъ дорогой и сложный путь обращенія къ судебному разбирательству.

3.

Такимъ образомъ, потребности русскаго землевладѣнія въ чисто юридическомъ межеваніи, въ укрѣпленіи на мѣстности и съемкѣ на

планъ границъ, отдѣляющихъ данное владѣніе отъ смежныхъ, не находятъ въ нашихъ законахъ соотвѣтственнаго удобнаго порядка.

Но землевладѣніе нуждается не только въ юридическомъ укрѣпленіи границъ. Послѣ него или одновременно съ нимъ возникаетъ надобность въ хозяйственномъ упорядоченіи смежныхъ владѣній, иногда цѣлыхъ группъ ихъ.

Выгоднѣйшему использованію земельныхъ владѣній часто мѣшаетъ черезполосица, въ которой владѣнія одного находятся съ владѣніями другихъ, неправильное и неудобное очертаніе земельныхъ участковъ, отсутствіе прогоновъ для скота, водопоевъ, общее владѣніе тѣми или иными угодьями и проч.

Въ особенности острою является нужда въ такомъ поземельно-устроительномъ межеваніи у крестьянъ въ виду тѣхъ особенностей, которыя были допущены при отводѣ надѣловъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Крестьянскіе надѣлы сплошь и рядомъ узкими лентами тянутся между владѣльческими землями; въ нихъ вкраплены участки владѣльческой земли и при томъ такъ, что приходится или арендовать эти участки по дорогой цѣнѣ, или платить штрафы за неизбѣжныя потравы; мѣстами же встрѣчается самая мелкая и сложная черезполосица.

Для хозяйственнаго урегулированія землевладѣнія нашъ законъ не знаетъ вовсе ни какихъ бы то ни было правилъ, ни учрежденій. Правда, если черезполосные владѣльцы принадлежатъ къ составу одной и той же межевой дачи, то путемъ полюбовнаго спеціальнаго межеванія они могутъ развестись къ однимъ мѣстамъ; и судъ, если дѣло достигнетъ судебно-межевого разбирательства, долженъ при проектированіи нарѣзокъ считаться съ хозяйственными требованіями отдѣльныхъ владѣній, но, очевидно, для суда эта задача непосильная: для этой цѣли онъ не имѣетъ ни силъ, ни средствъ, ни соотвѣтственнаго навыка.

Если же въ поземельно-устроительномъ межеваніи нуждаются владѣльцы земель, состоящихъ въ разныхъ межевыхъ дачахъ, то и этотъ единственный пунктъ полюбовнаго развода для нихъ оказывается закрытымъ.

4.

Устраненіе всякаго рода земельныхъ недоразумѣній требуетъ помощи землемѣровъ.

Между тѣмъ съ этой стороны положеніе также является довольно безотраднымъ.

Межевыя учрежденія въ губерніяхъ—губернскія чертежныя, имѣютъ самый ограниченный составъ землемѣровъ. Обращаться къ услугамъ этихъ казенныхъ землемѣровъ землевладѣльцу можно лишь въ строго опредѣленныхъ случаяхъ: для возобновленія межевыхъ признаковъ, для

отграниченія крестьянскаго надѣла по правиламъ 1861 года и, наконецъ, для осуществленія на мѣстности спеціальнаго межеванія по полюбовной сказкѣ.

Во всѣхъ прочихъ случаяхъ нужно обращаться къ какому-либо частному землемѣру. Но этотъ частный землемѣрный трудъ совершенно не урегулированъ. Частнымъ землемѣрнымъ трудомъ можетъ заниматься каждый, кто себя считаетъ къ нему способнымъ, при этомъ онъ не подлежитъ никакой профессіональной отвѣтственности и дѣйствуетъ внѣ спеціальнаго контроля.

При такихъ условіяхъ дѣятельность частнаго землемѣра попала повсюду въ руки людей неподготовленныхъ, невѣжественныхъ и часто самой сомнительной репутаціи.

Что же касается до юридическаго межеванія, производящагося казенными землемѣрами, то владѣльцу приходится считаться съ тѣмъ, что его удобства и интересы будутъ имѣть всегда не первое значеніе. Землемѣра придется иногда не дождаться въ тотъ годъ, когда владѣлецъ возбудилъ дѣло; во всякомъ же случаѣ землемѣръ пріѣдетъ не въ тотъ срокъ, который будетъ удобенъ владѣльцу, но когда дойдетъ очередь до его дѣла по расписанію, заранѣе предписанному начальствомъ землемѣра.

5.

Такимъ образомъ, современная постановка межевого дѣла заключаетъ слѣдующіе недостатки съ точки зрѣнія интересовъ русскаго землевладѣнія.

1) Землевладѣльцу не предоставлено никакихъ средствъ для юридическаго отмежеванія отъ сосѣдей внѣ сложнаго пути спеціальнаго межеванія.

2) Порядокъ размежеванія общихъ дачъ, оставшихся неразмежеванными отъ генеральнаго межеванія, фактически лишаетъ владѣльцевъ земельныхъ участковъ въ такой дачѣ какой бы то ни было возможности отмежеванія отъ сосѣдей.

3) Не существуетъ вовсе средствъ для поземельнаго устройства территорій, страдающихъ отъ неудобнаго расположенія владѣній, путемъ отвода удобныхъ для сельско-хозяйственнаго пользованія участковъ.

4) Межевыя учрежденія организованы такъ, что не могутъ обслуживать съ надлежащею полнотою и гибкостью нуждъ землевладѣнія даже по юридическому укрѣпленію границъ и имѣютъ крайне малый составъ землемѣровъ.

5) Частный землемѣрный трудъ совершенно не организованъ.

Всѣ эти недостатки межевого дѣла уже давно признаны и съ оффиціальной стороны. Еще въ 1888 году въ межевомъ управленіи мини-

стерства юстиціи былъ составленъ проектъ межевого устава, который долженъ былъ замѣнить цѣликомъ упразднявшуюся при этомъ 2-ю часть X тома, содержащую въ настоящее время сводъ законовъ межевыхъ. Этотъ проектъ поступилъ сперва на разсмотрѣніе спеціальной сенаторской комиссіи, потомъ государственнаго совѣта, въ которомъ находится и по сіе время. Послѣднимъ по времени актомъ, указывающимъ на теченіе дѣла по обсужденію проекта межевого устава, было образованіе въ началѣ 1905 года въ составѣ государственнаго совѣта новой комиссіи подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Сабурова, которой поручено разсмотрѣніе и внесеніе въ государственный совѣтъ отдѣльныхъ новеллъ по межевому праву.

Проектъ межевого устава пытается устранить недостатки современнаго межевого строя.

Вмѣсто теперешнихъ порядковъ спеціальнаго межеванія образовавшихся межевыхъ дачъ онъ вводитъ: а) обмежеваніе земель отдѣльнаго владѣнія, б) размежеваніе земель, подлежавшихъ раздѣлу, в) размежеваніе общихъ дачъ.

Далѣе онъ стремится удовлетворить наиболѣе важнымъ потребностямъ въ поземельно-устроительныхъ работахъ и намѣчаетъ порядокъ: а) размежеванія для прекращенія права угодій въ чужихъ имуществахъ, б) приведенія въ извѣстность угодій, в) размежеванія для уничтоженія черезполосицы, г) размѣна земель при межеваніи. Проектъ межевого устава перестраиваетъ существующія межевыя учрежденія, увеличиваетъ штатное число въ нихъ землемѣровъ и оклады ихъ жалованья и, наконецъ, стремится пріобщить къ дѣятельности казенныхъ землемѣровъ частныя землемѣрныя работы, которыя, по мысли проекта, могутъ приниматься къ производству межевыми учрежденіями.

6. $\frac{a}{x}$

Проектъ межевого устава составленъ 17 лѣтъ тому назадъ; за все это время русское землевладѣніе попрежнему оставалось безъ надлежащимъ образомъ организованной межевой помощи и лишь все острѣе чувствовало ея недостатокъ.

Спрашивается, гдѣ же причины этого удручающаго положенія? Почему понадобилось 17 лѣтъ на разсмотрѣніе проекта переустройства межевой части, и конца этого положенія все еще не видно.

Намъ представляется, что судьба проекта межевого устава даетъ отличную иллюстрацію къ тѣмъ недостаткамъ нашего законодательнаго механизма, которые одинаково чувствуются во всѣхъ другихъ областяхъ русскаго законодательства.

Проектъ межевого устава—плодъ весьма добросовѣстной, но чисто канцелярской работы центральнаго управленія межевою частью. При

разработкѣ проекта засѣдало очень много разныхъ комиссій и совѣщаній изъ тѣхъ или иныхъ группъ чиновниковъ, но самые нужные и самые заинтересованные въ дѣлахъ межеванія и землеустройства голоса выслушаны не были. Проектъ не передавался на обсужденіе земствъ и не распубликовывался въ видахъ возможной свободной критической оцѣнки его путемъ печати.

Будь эти условія въ свое время использованы, быть можетъ этотъ проектъ уже давно былъ бы снятъ съ очереди во всей своей совокупности, и уже давно начали бы осуществляться частями необходимыя улучшенія въ постановкѣ межевой части. Впрочемъ, и въ предѣлахъ того обсужденія, которому подвергался проектъ межевого устава, онъ встрѣтилъ разнообразныя и сильныя возраженія. Возраженія касались какъ намѣченныхъ проектомъ способовъ юридическаго межеванія, такъ и въ особенности—межеванія землеустроительнаго.

По отношенію къ послѣднему критики проекта совершенно справедливо указывали, что для межевыхъ учрежденій производство землеустроительныхъ работъ представляетъ совершенно непосильную задачу, и что заботы о землеустройствѣ разныхъ группъ населенія должны лежать не на межевыхъ учрежденіяхъ съ ихъ узко техническимъ составомъ, а на какихъ-либо спеціальныхъ комиссіяхъ, дѣйствующихъ въ связи съ учрежденіями общественными, комиссіяхъ, въ которыхъ существенную роль кромѣ юристовъ и техниковъ должны также играть лица, близко знакомыя съ мѣстными сельско-хозяйственными условіями.

Проектъ межевого устава не нашелъ нужнымъ выдѣлять отграниченіе крестьянскихъ надѣловъ въ особый видъ межеванія, полагая, что поземельныя юридическія и хозяйственныя отношенія крестьянъ по сравненію съ владѣльцами изъ иныхъ сословій не представляютъ какихъ-либо особыхъ имъ только свойственныхъ условій, вызывающихъ необходимость въ особомъ порядкѣ межеванія.

Вопросъ о разрѣшеніи возникающихъ при межеваніи споровъ вовсе не былъ включенъ въ проектъ межевого устава, и составители проекта предусматривали возможность разрѣшенія этихъ дѣлъ какъ общими судебными учрежденіями, такъ и крестьянскими. Во всякомъ случаѣ, межевыя учрежденія и правила межеванія предполагались общими для всѣхъ землевладѣльцевъ, къ какимъ бы сословіямъ они ни принадлежали и по какому бы титулу не владѣли землей.

7.

Независимо отъ разработки проектовъ усовершенствованія межевой части, которая велась министерствомъ юстиціи, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ разработанъ особый проектъ правилъ межеванія крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

Этотъ проектъ составилъ томъ VI Трудовъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

Въ проектѣ проведенъ принципъ, который красною нитью прошелъ чрезъ предположенія той же комиссіи по всѣмъ прочимъ вопросамъ крестьянскаго права: полная обособленность межевыхъ дѣлъ по крестьянскимъ надѣльнымъ землямъ и сосредоточеніе ихъ въ вѣдѣніи крестьянскихъ учрежденій. По этому проекту на-ряду съ общими межевыми учрежденіями, предназначенными обслуживать нужды всѣхъ землевладѣльцевъ, строятся совершенно особыя и распорядительныя и судебныя учрежденія, которымъ должны быть подвѣдомственны дѣла: по отграниченію крестьянскихъ надѣловъ и возобновленію ихъ границъ; разверстанію угодій и раздѣлу общихъ выгоновъ и водопоевъ крестьянъ и частныхъ землевладѣльцевъ. По проекту редакціонной комиссіи производство межевыхъ дѣлъ возлагается: 1) на земскихъ начальниковъ и особыя мѣстныя комиссіи и 2) на губернскія присутствія.

Мѣстныя комиссіи образуются въ каждомъ земскомъ участкѣ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника при участіи податного инспектора изъ двухъ представителей отъ землевладѣльцевъ и двухъ отъ крестьянъ, назначающихся губернаторомъ; при этомъ члены отъ крестьянъ назначаются по представленіямъ земскихъ начальниковъ изъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ или предсѣдателей волостныхъ судовъ. Мѣстныя комиссіи составляютъ первую ступень суда по земельнымъ дѣламъ, возникшимъ при межеваніи.

Вторую инстанцію составляетъ губернское присутствіе и третью— второй департаментъ сената.

Мы не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ разсмотрѣніе главныхъ положеній проекта редакціонной комиссіи; этому проекту, надѣемся, не суждено найти осуществленіе въ жизни, и мы отмѣчаемъ его только для характеристики тѣхъ направленій, по которымъ могло бы направиться межевое дѣло, если бы русская жизнь не выбросила за бортъ всѣхъ плановъ «особливаго» устройства крестьянской массы.

Во всякомъ случаѣ можно сказать слѣдующее: если современная постановка межевого дѣла не удовлетворяетъ предъявляемымъ къ нему жизненнымъ запросамъ, то выработанные пока правительственные проекты его усовершенствованія не способны вывести его на широкую дорогу правильнаго и удобнаго удовлетворенія нуждъ землевладѣнія.

8.

Необходимо отмѣтить еще одно обстоятельство. При настоящемъ состояніи межевыхъ законовъ для нуждъ юридическаго межеванія министерство юстиціи по межевому вѣдомству располагаетъ составомъ примѣрно около 650 землемѣровъ. Если же исключить Закавказье, въ ко-

торомъ ведется сплошное межеваніе на основаніи особаго Положенія, и Сибирь, то на всю Россію останется около 450 землемѣровъ всѣхъ ранговъ, включая и начальниковъ учрежденій.

Нечего и говорить, что это число крайне ничтожное; улучшеніе и облегченіе правилъ юридическаго межеванія способны значительно поднять спросъ на землемѣровъ, а организація землеустроительныхъ работъ, которыя неизбѣжно потребуютъ не только пограничныхъ измѣреній, но и съемокъ, мѣстами самыхъ подробныхъ, повлечетъ необходимость въ еще болѣе замѣтномъ увеличеніи количества землемѣрныхъ силъ.

Подготовлены ли мы въ этомъ отношеніи къ повсемѣстному и широкому открытію межевыхъ работъ.

Россія уже не въ первый разъ переживаетъ эпоху лихорадочнаго развитія межевыхъ работъ; всякій разъ при этомъ приходилось считаться съ недостаткомъ образованныхъ землемѣровъ, и это обстоятельство всегда отражалось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на теченіи дѣла: работы затягивались на долгій срокъ, исполнялись неудовлетворительно и небрежно, и результаты такого положенія приходилось тяжело испытывать спустя долгое время по исполненіи работъ, когда слѣдующее поколѣніе хозяевъ должно было обращаться къ планамъ для разрѣшенія неизбѣжно возникающихъ со временемъ земельныхъ недоразумѣній.

Первою эпохою развитія межевыхъ работъ была послѣдняя треть 18 вѣка, эпоха генеральнаго межеванія. Къ нему приступили безъ всякой предварительной подготовки землемѣрныхъ силъ и воспользовались кѣмъ было возможно: преимущественно офицерами, кое-что знавшими по части межеванія и геодезіи. Эта эпоха принесла основаніе въ 1779 году первой русской землемѣрной школы, теперь Константиновскаго межевого института.

Вторая эпоха развитія межеванія: съ тридцатыхъ по пятидесятые годы 19 вѣка—время сплошного спеціальнаго межеванія; въ самомъ началѣ этого періода Константиновскій межевой институтъ былъ расширенъ, преобразованъ въ высшее учебное заведеніе, и, конечно, эта мѣра была одна изъ самыхъ разумныхъ среди принимавшихся для ускоренія и улучшенія дѣла. Спеціальное межеваніе растянулось на много лѣтъ; послѣ тридцати лѣтъ непрерывной и интенсивной работы все-таки не малое число генеральныхъ дачъ остались неразмежеванными и донесли это состояніе до настоящаго времени.

Реформа 1861 года застала русскія землемѣрныя силы совсѣмъ врасплохъ; этихъ силъ едва было достаточно для исполненія текущей работы межевого вѣдомства, а тутъ потребовалось огромное количество землемѣровъ для новой работы; незадолго предъ реформою при межевомъ

институтѣ были открыты землемѣрно-таксаторскіе классы, потомъ таковые же открывались и при многихъ губернскихъ гимназіяхъ, но межевое вѣдомство не располагало для этихъ классовъ даже достаточнымъ составомъ преподавателей.

Надѣленіе крестьянъ землею нужно было вести спѣшно, и за землемѣрное дѣло взялись самыя разнообразныя лица, въ томъ числѣ и не имѣющія никакой подготовки; въ результатѣ мы имѣемъ по крестьянскимъ надѣламъ вороха плановъ, которые не имѣютъ никакой почти цѣнности и могли бы безъ большого ущерба быть сполна уничтоженными.

Мы приближаемся вновь, повидимому, къ крупному увеличенію потребности въ землемѣрномъ трудѣ. Какія же средства имѣются для комплектованія кадровъ землемѣровъ. Въ настоящее время существуетъ одно высшее учебное заведеніе по землемѣрной спеціальности—межевой институтъ и шесть среднихъ землемѣрныхъ училищъ *).

Въ межевомъ институтѣ за десятилѣтіе 1890—1899 г. кончило курсъ 103 человѣка, или по 10 лицъ въ среднемъ въ годъ. Нужно ли говорить, что такое число есть капля въ морѣ; этого количества не хватало даже для покрытія убыли землемѣровъ съ высшимъ образованіемъ въ межевомъ вѣдомствѣ, такъ что общее число ихъ ежегодно не возрастало, но убывало. Были приняты мѣры къ увеличенію числа учащихся на спеціальныхъ курсахъ института, закрыты въ немъ гимназическіе классы, и за пятилѣтіе 1900—1904 г. уже окончило курсъ 116 человѣкъ, что даетъ въ среднемъ по 23 лица въ годъ. Въ 1905 году выпускъ долженъ былъ быть доведенъ до нормальнаго числа при современномъ количествѣ учащихся въ институтѣ—до 40 человѣкъ.

Но, конечно, и это число совершенно ничтожно сравнительно съ той широкой потребностью, которую придется удовлетворять.

Десять лѣтъ тому назадъ въ пяти землемѣрныхъ училищахъ межевого вѣдомства оканчивало курсъ 50—60 человѣкъ; съ тѣхъ поръ, постепенно возрастая, число оканчивающихъ курсъ дошло до 100—120 человѣкъ. Такимъ образомъ, всего въ годъ теперь прибываетъ землемѣровъ, прошедшихъ серьезную школу, около 150 человѣкъ.

Чтобы оттѣнить ничтожность этой цифры, мы укажемъ только, что въ Пруссіи ежегодно получаютъ званіе землемѣра также около 150 человѣкъ, прошедшихъ одно изъ двухъ имѣющихся тамъ землемѣрныхъ отдѣленій при высшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Такимъ образомъ, въ нашемъ необъятномъ отечествѣ покамѣстъ прибываетъ то же количество землемѣровъ, что и въ маленькой, вдоль и поперекъ измѣренной Пруссіи.

---

*) Въ Курскѣ, Пензѣ, Псковѣ, Уфѣ и Тифлисѣ—министерства юстиціи и въ кахъ—министерства земледѣлія.

Мы полагаемъ, что образованіе въ достаточномъ количествѣ кадровъ землемѣровъ составляетъ очень серьезный вопросъ для проведенія какихъ бы то ни было землеустроительныхъ реформъ. Безъ этого необходимаго при всякихъ межевыхъ работахъ техническаго состава нельзя обойтись, и недостатокъ землемѣровъ затормозитъ какія угодно благія начинанія въ этой области.

Поэтому *заботы о расширеніи высшей школы—межевого института, и увеличеніе числа землемѣрныхъ училищъ составляетъ неотложную нужду сегодняшняго дня.*

9.

Двѣ вѣтви межеванія: юридическая и землеустроительная, требуютъ существенно различныхъ пріемовъ для своего развитія. Юридическое межеваніе нуждается въ простыхъ, ясныхъ и доступныхъ правилахъ, близости землемѣра къ землевладѣльцу и его подвижности. Въ юридическомъ межеваніи обыкновенно затрогиваются интересы только даннаго владѣльца и его сосѣда, не затрогивая прочихъ, и при отсутствіи спора о приграничныхъ участкахъ здѣсь требуется только своевременно поданная помощь одного землемѣра.

Современныя межевыя учрежденія при своей канцелярской организаціи не предоставляютъ землевладѣльцу достаточныхъ удобствъ и не приспосабливаются къ его запросамъ и нуждамъ. Землевладѣлецъ является въ межевое учрежденіе въ качествѣ просителя; если его прошеніе принято, то землемѣръ пріѣзжаетъ къ нему не по предварительному съ нимъ соглашенію, считаясь съ его удобствами, но когда дойдетъ очередь до дѣла. Главное же, къ услугамъ казеннаго землемѣра можно обращаться лишь по опредѣленному, самому ограниченному кругу дѣлъ. Надобность въ содѣйствіи землемѣра обнаруживается между тѣмъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, въ частности при всякихъ предварительныхъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ, необходимыхъ для достиженія соглашенія, при спорныхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, при раздѣлахъ имѣній и выдѣлахъ проданныхъ частей и пр.; въ этихъ случаяхъ приходится или обращаться къ тому же состоящему на государственной службѣ землемѣру, вступая съ нимъ въ частное соглашеніе, или же искать помощи землемѣра, не состоящаго на службѣ въ межевыхъ учрежденіяхъ. Но такихъ частныхъ землемѣровъ или вовсе нѣтъ, или же они не представляютъ никакихъ гарантій въ томъ, что выполнятъ требующееся отъ нихъ дѣло; кромѣ того, эти частные землемѣры не имѣютъ доступа къ плановому архиву губерніи и не могутъ сдѣлать весьма важнаго предварительнаго соображенія даннаго дѣла по имѣющимся документамъ.

Мы думаемъ, что *наилучшимъ выходомъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ землевладѣніе въ области юридическаго межеванія,*

является, при условіи, конечно, упрощенія процесса межеванія, *организація сословія присяжныхъ землемѣровъ*.

Слѣдуетъ устроить дѣло такъ, чтобы присяжные землемѣры имѣли корпоративную организацію, были отвѣтственны предъ судомъ общимъ и спеціальнымъ корпоративнымъ, имѣли свободный доступъ въ губернскіе плановые архивы и имѣли право безспорнаго утвержденія границъ и составленія законныхъ межевыхъ документовъ.

Идея образованія присяжныхъ землемѣровъ не нова. Еще въ 1883 году въ управленіи межевою частью былъ составленъ проектъ учрежденія присяжныхъ землемѣровъ въ связи съ прочими предположеніями объ измѣненіяхъ въ постановкѣ межевой части. Весь этотъ проектъ 1883 г., однако, съ перемѣною лица, стоявшаго во главѣ вѣдомства, не получилъ движенія, и вмѣсто него былъ разработанъ другой проектъ 1888 г., однимъ изъ коренныхъ недостатковъ котораго является сохраненіе и даже усиленіе бюрократическаго строя межевого дѣла.

Присяжные землемѣры, имѣющіе надлежащій умственный, нравственный и техническій цензъ, могли бы принимать на себя производство и многоразличныхъ другихъ, помимо межевыхъ, землемѣрныхъ работъ, въ которыхъ хозяева встрѣчаютъ безпрестанно надобность. Учрежденіе присяжныхъ землемѣровъ дало бы также возможность приблизить межевую и вообще техническую помощь къ наиболѣе въ ней нуждающемуся крестьянскому населенію.

Эту задачу, навѣрное, взяли бы на себя тогда земства. Они могли бы приглашать на земскую службу присяжныхъ землемѣровъ и возлагать на нихъ обязанность исполненія межевыхъ крестьянскихъ дѣлъ по порученіямъ земскихъ управъ; отдѣльныя земства получили бы возможность развивать эту отрасль помощи населенію какъ угодно широко въ зависимости отъ потребностей и средствъ.

10.

Поземельно-устроительное межеваніе по условіямъ своего производства значительно отличается отъ юридическаго межеванія. Вопросъ о землеустройствѣ въ сущности начинается лишь послѣ того, какъ юридическое межеваніе закончено, и земельныя права отдѣльныхъ лицъ выяснены; тогда можетъ возникнуть рѣчь о приведеніи всей собственности въ предѣлахъ той или иной территоріи въ наивыгоднѣйшія хозяйственныя условія путемъ уничтоженія чрезполосицы, округленія границъ и проч.

На практикѣ, конечно, обѣ эти задачи могутъ обнаружиться и одновременно; тѣмъ не менѣе разрѣшеніе ихъ всегда пойдетъ въ такой послѣдовательности: сперва будутъ выяснены земельныя права каждаго владѣльца, а потомъ можетъ быть произведено разверстаніе съ обмѣ-

номъ участками и съ денежнымъ вознагражденіемъ лишающихся извѣстныхъ выгодъ.

Землеустройство касается интересовъ одновременно значительнаго круга лицъ въ предѣлахъ опредѣленной территоріи; помимо помощи техника-землемѣра или еще болѣе—культуръ-техника, здѣсь нужно участіе юристовъ при опредѣленіи или оцѣнкѣ земельныхъ правъ или вознагражденія за ихъ отчужденіе; агрономовъ, которые должны дать свои указанія при проектированіи новыхъ хозяйственныхъ единицъ; таксаторовъ для опредѣленія стоимости разныхъ земельныхъ участковъ; наконецъ, нужно широкое участіе въ дѣлѣ свѣдущихъ въ мѣстныхъ хозяйственныхъ условіяхъ людей.

Поземельно-устроительныя учрежденія должны обладать правами суда по земельнымъ дѣламъ и имѣть гибкій административный механизмъ, который позволялъ бы имъ по собственному почину предпринимать всѣ изслѣдованія и изысканія, оказавшіяся необходимыми для выработки наилучшаго изъ разныхъ возможныхъ рѣшеній по дѣлу размежеванія данной территоріи.

Весьма поучительный образецъ поземельно-устроительныхъ учрежденій являютъ собою такъ называемыя генеральныя комиссіи въ Пруссіи, дѣйствующія съ большою пользою уже почти столѣтіе. Но, конечно, присмотрѣться къ этимъ нѣмецкимъ учрежденіямъ полезно прежде всего для изученія круга задачъ и пріемовъ рѣшенія дѣлъ; самая же организація учрежденій должна быть соображена со столь отличающимися отъ прусскихъ условіями русской государственной, хозяйственной и культурной жизни.

Въ этихъ комиссіяхъ должно быть предоставлено участіе судебному, техническому и общественному элементамъ безъ того, чтобы одинъ изъ нихъ подавлялъ прочіе, такъ какъ каждый изъ этихъ элементовъ равно необходимъ для успѣха сложнаго и нужнаго для нашей земледѣльческой страны дѣла.

Вопросы о лучшемъ хозяйственномъ устройствѣ и расположеніи землевладѣнія въ настоящее время тѣсно связываются съ вопросомъ о прирѣзкѣ земель малоземельнымъ группамъ населенія и надѣленія землею тѣхъ безземельныхъ, которые себѣ средства къ жизни находятъ въ земледѣльческомъ трудѣ. Чтобы это дополнительное надѣленіе землею нуждающихся въ ней могло оказать дѣйствительное вліяніе на подъемъ народно-хозяйственной жизни, нельзя обойтись, какъ показываютъ разсчеты, путемъ использованія въ указанныхъ цѣляхъ казенныхъ земель, но необходимо затронуть и земли частныхъ землевладѣльцевъ, не прилагающихъ къ земледѣлію непосредственно своего личнаго труда.

Если считать, что главною задачею поземельнаго устройства является именно предоставленіе земли въ количествѣ, достаточномъ для веденія

личнымъ трудомъ земледѣльческаго хозяйства нуждающемуся въ ней населенію, при достиженіи удобствъ въ расположеніи земельныхъ участковъ, необходимо расширить соотвѣтственно права землеустроительныхъ учрежденій.

На обязанности этихъ учрежденій должно лежать выясненіе того, поскольку въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть признана наличность малоземелья у той или иной группы населенія; они должны также намѣтить тѣ земли частныхъ владѣльцевъ, которыя должны быть отчуждены государствомъ съ цѣлью использованія ихъ для надѣла малоземельныхъ или безземельныхъ земледѣльцевъ.

Эти обязанности, несомнѣнно, должны расширить и кругъ задачъ, и власть, и отвѣтственность поземельно-устроительныхъ учрежденій. Они при этомъ не могутъ имѣть характера только посредническихъ и судебныхъ, ихъ дѣятельность должна носить болѣе активный характеръ, и въ нихъ долженъ получить преобладаніе элементъ государственный предъ мѣстнымъ.

Но собственно съ технической стороны это расширеніе власти и роли поземельно-устроительныхъ учрежденій можетъ упростить дѣло.

Право комиссіи отчуждать изъ частнаго владѣнія земли, которыя теперь врѣзываются клиньями въ крестьянскіе надѣлы или окружены ими со всѣхъ сторонъ и служатъ иногда для самой безсовѣстной эксплоатаціи мѣстнаго крестьянскаго населенія, равнымъ образомъ право отчужденія необходимыхъ прогоновъ, полосъ подъ проѣзды и проч., весьма часто будутъ значительно облегчать землеустройство въ его начальной стадіи выясненія размѣровъ существующаго землепользованія и его рѣзкихъ неудобствъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что техника землеустройства требуетъ массы предварительной и вспомогательной технической кропотливой работы, и потому оно не можетъ быть выполнено на всей территоріи Россіи въ короткій срокъ, для этого нужны десятилѣтія. Будутъ ли задачи землеустройства заключены въ болѣе тѣсныя рамки регулированія границъ и расположенія владѣній, или оно будетъ вестись на болѣе широкихъ основаніяхъ съ дополнительнымъ надѣленіемъ землею нуждающихся въ ней — все равно, путь землеустройства — путь необходимый, но медленный.

Параллельно съ землеустройствомъ должны идти своимъ чередомъ всѣ другія мѣры подъема производительности земледѣльческаго труда. Только приложеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ ихъ общей связи и взаимодѣйствіи дастъ возможность вывести, наконецъ, массы крестьянскаго населенія изъ кризиса, симптомами коего являются и современные аграрные безпорядки.

И. А. Ивероновъ.